www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (11)
2020

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ИСТОРИЯ РОДОВ ВОЙСК. ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (11)
2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик РФ, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

ПОПОВ Сергей Владимирович – генеральный директор «ОДК — Пермские моторы»;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

И.С. Конев
Начало Московской битвы 4

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Авиация в летних операциях 1941 года 21

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Е.В. Тарле
Синопский бой и его последствия..... 45

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Общая характеристика людских потерь 74

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Александр Самсонов.
Измена 89

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

Владимир Стрюков
Рельсовая война 115

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

А.В. Ганин.
Советская военная разведка в Грузии в 1920-1921 гг. 144

★ ИСТОРИЯ РОДОВ ВОЙСК. ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА

В.А. Ачалов.
Для ВДВ война никогда не заканчивается 173

★ РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

И.Р. Григулевич.
Боливийский дневник Че Гевары. Продолжение 189

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

А.И. Спиридович.
Московское охранное отделение..... 214

★ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Александр Камчатов
Становление Русского государства. 235

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

А.И. Покрышкин.
Самолет на дорогах 258

И.С. КОНЕВ,
Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза,
командующий Западным и Калининским фронтами (1941-1942 гг.)

НАЧАЛО МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

Войска Западного фронта под командованием маршала С.К. Тимошенко в июле — августе 1941 года вели напряженные бои с главной ударной группировкой гитлеровцев, рвавшихся к Москве. В кровопролитном двухмесячном сражении противник понес большие потери, и к середине сентября 1941 года его наступление на Москву было остановлено восточнее Смоленска. Смоленское сражение яркой страницей вошло в летопись Великой Отечественной войны.

Особо чувствительный удар получили немецко-фашистские войска в районе Духовщины и Ельни. В начале сентября войска Резервного фронта под командованием Г.К. Жукова нанесли серьезное поражение ельнинской группировке врага. Это благоприятно сказалось на положении наших войск на московском направлении. В то время мне пришлось командовать войсками 19-й армии, которая приняла участие в сражении в районе Духовщины. В приказе командующего Западным фронтом за №02/ОП от 17 августа 1941 года были отмечены успешные действия наших войск. Заканчивался приказ обращением Военного [31] совета фронта: «Товарищи! Следуйте при-

меру 19-й армии! Смелее и решительнее развивайте наступление». В приказе №03/ОП войскам Западного фронта сообщалось о потерях врага; войска 19-й армии в этих боях уничтожили 130 танков, много орудий и минометов, враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. «Дни легких побед врага уже миновали. Немецко-фашистские войска знают это» — таков был вывод.

Я привожу эти выдержки из приказов как подтверждение того, что советские войска в июле — августе 1941 года не только выдержали натиск врага на московском направлении, но и нанесли ему серьезные ответные удары. Хотя немецко-фашистской группе армий «Центр» и удалось за эти два месяца продвинуться на восток от Днепра на 170 километров, но это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля и снизили темпы его наступления до 6-7 километров вместо планировавшихся 30 километров в сутки. Группа армий «Центр» была вынуждена перейти к обороне.

12 сентября 1941 года я был назначен командующим войсками Западного фронта. Прибыв в штаб фронта, который размещался в Касне, я не застал там командующего фронтом маршала С. К. Тимошенко. Он был назначен главнокомандующим Юго-Западного направления и уже отбыл к месту своего назначения. Так что фактически принять дела от своего предшественника мне не удалось.

Обстановку доложил начальник штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский. В составе Западного фронта в тот период находились 22, 29, 30, 19, 16 и 20-я армии. Войска фронта оборонялись на рубеже озеро Пено — Андреаполь — Ломоносове — Ярцево — Новые Яковлевичи. Основные силы фронта — 30, 19, 16 и 20-я армии прикрывали непосредственно московское направление. Группировка войск имела следующее положение: в первой линии обороны стояло 23 дивизии, в том числе 2 кавалерийские; в армейском и фронтовом резервах было 8 стрелковых, 1 кавалерийская и 2 танковые дивизии (около 190 танков старых конструкций); имелось еще 5 танковых бригад, в которых насчитывалось около 260 танков, преимущественно также устаревших конструкций — Т-26 и БТ-7 (они имели легкую броню и по своему вооружению и маневренности значительно уступали немецким). Правее — севернее Осташкова — вели оборонительные бои войска 27-й армии Северо-Западного фронта. Левее — на рубеже верхнего течения Десны от Ельни до железной дороги Рославль — Киров — занимали оборону войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта. Остальные четыре армии этого фронта занимали оборону в глубине за Западным фронтом по линии Осташков — Оленино — Ельня, составляя резерв Верховного главнокомандования на Западном направлении.

К исходу третьего дня моего пребывания на посту командующего Западным фронтом я был вызван в Ставку к Верховному главнокомандующему И. В. Сталину. Встреча происходила в присутствии членов Государственного Комитета Обороны. Сталин попросил меня кратко информировать об обстановке на фронте и о положении войск. В ходе беседы обсуждался также ряд вопросов, непосредственно не относящихся к делам фронта: они касались общих проблем строительства Красной Армии. Обсуждался также вопрос, не следует ли создать отдельные ордена для награждения командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также всего офицерского состава. Сталин спросил меня, как я смотрю на то, чтобы учредить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддер-

▲ И. С. Конев

▲ Сталин И.В.

▲ Хрулев А.В.

жал это предложение, поддержали его и члены Государственного Комитета Обороны. Не откладывая дела, Сталин тут же поручил начальнику тыла Красной Армии А. В. Хрулеву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Красной Армии.

Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки.

Вернувшись в штаб фронта, я занялся практическими делами: укреплением обороны. 19 сентября мы дали директиву командармам, в которой указывалось, что агентурой и авиационной разведкой установлен подход к фронту новых частей противника, в частности в районе Духовщины на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня — Кардымово и на левом фланге 20-й армии. Приказывалось на участках всех армий активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки, главным образом ночью, сильными отрядами (усиленная рота, батальон); действиями разведки и отдельных отрядов держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовать работу штабов. Приказывалось уточнить группировку противника, его стыки, резервы перед фронтом армий и его ближайшие намерения. В это же время был осуществлен ряд мероприятий, связанных с усилением обороны. К ним относится в первую очередь переход на траншейную оборону: это значит, что войска в обороне должны делать траншеи, а не только одиночные окопы — ячейки. Практика показала, что изолированные ячейки не оправдывают себя и наиболее разумная форма оборонительных сооружений — траншеи с ходами сообщения. Это дает возможность командирам проводить скрытый маневр как живой силой, так и огневыми средствами. Оборонительные полосы усиливались инженерными средствами и минами, которыми фронт, к сожалению, был обеспечен недостаточно. Создавалась система артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Было дано указание создавать противотанковые районы.

Таким образом, командармы получили указание создать прочную оборону с выводом части войск в резерв. Одновременно велась большая работа по ремонту вооружения и боевой техники, особенно танков и артиллерийских орудий.

Несмотря на принятые меры, плотность обороны была явно недостаточной. Ощущался острый недостаток артиллерии. Обеспеченность противотанковыми средствами (в то время ими являлись бутылки КС) тоже была слабой. Словом, с организацией противотанковой обороны дело обстояло очень плохо.

А тут еще по указанию Ставки пришлось передать две дивизии из созданных армейских и фронтовых резервов, дислоцированных в районе Вязьмы; эти дивизии перебрасывались на Юго-Западное направление.

По поводу резервов у меня состоялся разговор с начальником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым.

«Шапошников. В связи с переходом вас к временной обороне Верховный главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Конев. Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование еще не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

Шапошников. Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев. Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнов. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать ее мотострелковой дивизией».

Дальше Шапошников просил охарактеризовать состав дивизий фронта, выведенных в резерв. Я сообщил ему, что 1-я мотострелковая дивизия имеет два мотострелковых полка, танковый полк и артиллерийский полк; мотострелковые полки насчитывают по 600 человек; танковый полк имеет 45 танков старых образцов; 64-я стрелковая дивизия имеет в каждом полку по 900 человек; гаубичный артиллерийский полк имеет большой некомплект среднего и младшего комсостава. Младший комсостав производим из красноармейцев. Всего в резерв фронта выделено три стрелковые, две танковые и одна мотострелковая дивизии.

«Шапошников. Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую, кроме 64-й можете дать в резерв Ставки?

Конев. Из стрелковых дивизий выделить больше никого не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Прошу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Все, что могу сделать для их укомплектования, — сделаю из внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу.

▲ Тимошенко С. К.

▲ Шапошников Б.М.

Ваши указания — побольше выделить резервов — сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулеметного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130 — 200 человек. Ваши указания приму к исполнению и все, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но еще стабильность не достигнута. Идут напряженные бои почти на всем фронте армии. Поэтому резервы на правом фланге иметь крайне необходимо, но сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой в направлении Ивашков на участке 22-й армии, с тем чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Прошу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Все».

Я думаю, что этот разговор довольно ясно характеризует обстановку, состояние обороны и положение войск Западного фронта к двадцатым числам сентября 1941 года.

Продолжая укреплять оборону, мы внимательно следили за характером и поведением противника, вели разведку всех видов — и авиационную и войсковую. К 23 сентября в штабе фронта сложилось твердое мнение, что противник готовится к наступлению и создает группировку войск перед Западным и Резервным фронтами.

В связи с этим 25 сентября на имя Верховного главнокомандующего И. В. Сталина штаб фронта отправил донесение о перегруппировке авиации противника и просил усилить фронт авиацией. Мне думается, целесообразно привести это донесение полностью:

«1. За последние дни противник явно усилил сосредоточение частей перед войсками Западного фронта. В течение 22 — 24 сентября авиаразведкой установлено усиленное выдвижение мотомехколонн противника в направлениях Смоленск — Ярцево — Духовщина — Белый. За этот же период отмечается усиление авиации противника перед Западным фронтом. Базирование авиации вскрыто на аэродромах: Смоленск, Шаталово, Боровская, Орша, Витебск, Каменка, Зубово. Сосредоточение авиации противника перед Западным фронтом также подтверждено сегодня донесением начальника штаба ВВС, где указано, что, по данным англичан, на 25. 9. 41 года немцы перебросили на смоленское направление с Ленинградского и Южного фронтов до 300 одномоторных, двухмоторных истребителей и 90 пикирующих бомбардировщиков.

2. ВВС Западного фронта на 25. 9. 41 года в своем составе имеет исправных истребителей — 106, бомбардировщиков — 63, из них: ТБ-3-26 машин; СБ, которые мож-

но применять только ночью, — 28. Дневных бомбардировщиков ТУ-2 всего только 5, СУ-2 только 4, разведчиков — 11, штурмовиков — 8. Авиация Западного фронта интенсивно действовала по войскам противника и 24. 9. 41 уничтожила до 50 вражеских самолетов на северном и южном аэродромах Смоленска, в связи с чем после этого удара активность авиации противника резко понизилась.

3. В связи с явным усилением авиации противника и сосредоточением значительных войск перед фронтом и необходимостью своевременного уничтожения авиации противника на аэродромах, прошу выделить фронту хотя бы один полк ТУ-2 для дневных бомбардировок и один полк ИЛ-2 для штурмовых действий по мотомехчастям противника. Кроме того, прошу ускорить комплектование матчастью 61 ШАП, находящейся в Воронеже, и 29 АП, находящейся в Вологде.

Конев, Лестев. 25. 9. 41 года».

26 сентября фронт вновь направил донесение Верховному главнокомандующему И. В. Сталину и начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову:

«Главковерху товарищу Сталину. Нач. генштаба товарищу Шапошникову. 26.9.41 года, 15. 30. Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск — Смоленск — Кардымово и по шоссе Минск — Смоленск — Ярцево — Бобруйск — Рославль.

2. Создает группировки: против Западного фронта на фронте 19, 16 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленска — Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного летчика, до 100 дивизий всех родов войск. (Последнее показание летчика показалось нам малоправдоподобным, но впоследствии это подтвердилось. Действительно, противник сосредоточил на московском направлении до 80 дивизий, так что пленный ошибся не очень намного. — И. К.)

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будет Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления (показания пленного летчика).

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на ярцево-вязем-

*ское направление, район станции Дорогобуж и севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтовые резервы ограничены: всего четыре СД и три Т'БР. Прошу сообщить, б*удут ли даны фронту дополнительные резервы, в каком количестве и когда?

Конев, Лестев, Соколовский».

В соответствии с нашими выводами о подготовке противником наступления я отдал 26 сентября приказ командующим 16, 19, 20, 22, 29 и 30-й армиями. Этот приказ также считаю долгом воспроизвести здесь:

«*Имеющимися данными, противник создает сильную группировку танков, авиации, пехоты в районах Духовщина, Смоленск, Задня, Ярцево, имея в виду в ближайшие дни перейти в наступление в общем направлении — Вязьма. Приказываю:*

1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника.

2. Подготовить артиллерию для контрподготовки.

3. Тщательно продумать и подготовить вопросы противотанковой обороны, а также частных и общих контратак.

4. Подготовить противовоздушную оборону для отражения атак авиации противника.

5. Получение и мероприятия донести...

Конев, Лестев, Соколовский. 26. 9. 41 года».

27 сентября Военный совет фронта, проявляя заботу об усилении обороны войск, отдал боевое распоряжение командующим армиями. В этом распоряжении приказывалось мобилизовать все силы армий, дивизий, включая и тыловые части и учреждения, с целью закопать все прочно в землю с окопами полного профиля в несколько линий, с ходами сообщений, с проволочными заграждениями, противотанковыми препятствиями, дзотами. За счет развития оборонительных сооружений предписывалось постепенно умножать армейские резервы.

Лучшее развитие обороны в инженерном отношении, организация системы огня, безусловно, дает экономию в войсках. Только так можно было накопить армейские резервы. Необходимость в них была чрезвычайно велика.

Командование фронта ежедневно докладывало в Ставку о готовящемся наступлении противника, о принимаемых нами мерах и планах оборонительных действий и просило Ставку усилить фронт танками, авиацией, а также ориентировать нас, на какое усиление Западный фронт может рассчитывать.

Приведу выдержки из одного из этих донесений:

«В случае перехода противника в общее наступление с нанесением главного удара в смоленско-вяземском и вспомогательном ржевском направлениях план оборонительных действий фронта предусматривает:

1. Жесткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника.

2. В случае прорыва противника в глубину бить его на подготовленных в глубине оборонительных рубежах с одновременным контрударом фронтовых резервов.

3. Контрудары намечено провести:

а) в ржевском операционном направлении в районе Белый силами 107 и 251 СД при поддержке частей 30-й армии. В случае необходимости для контрудара будет привлечена 243 СД 29-й армии;

б) в вяземском операционном направлении к западу от Вадино и Издешково силами: 134, 152, 101 МСД, 126, 128, 143, 147 ТБР и 45 КД, которые к 1. 10. 41 будут сосредоточены в районе Вадино. Контрудар на этом направлении будет поддержан 16-й и 19-й армиями и всеми силами ВВС фронта.

4. При неуспешности контрударов борьба переносится на подготовленный армейский тыловой рубеж р. Вопь и Вопец и далее Анисимово, Красный холм, Неквасино, с созданием необходимых резервов для устойчивой обороны.

5. При наличии успеха и ликвидации наступления противника на одном из направлений освободившиеся силы будут использованы для контратак на другом направлении и на усиление другого направления. (Имелось в виду маневрирование силами: брать их с неатакованных участков и бросать против наступающего противника на тех направлениях, на которых он развивает удар. — И. К.)

6. Для усиления контрударных групп фронта прошу направить в мое распоряжение 30 танков КВ, 30 танков Т-34 и два авиационных полка: один полк штурмовиков и один полк дневных бомбардировщиков. Кроме того, прошу сообщить, на какое усиление Западный фронт может рассчитывать в процессе операции.

Конев, Лестев, Соколовский».

Все эти соображения по усилению фронта командование фронта доложило также маршалу Шапошникову в № 002397 от 28 сентября. Наши запросы к Ставке были очень скромны, несмотря на то что обстановка складывалась сложная и готовящаяся к наступлению группировка противника представлялась нам по всем данным весьма сильной. В ответ на все наши донесения Ставка направила командованию фронта одну директиву; в ней обращалось внимание на укрепление обороны и на подготовку войск к отражению наступления противника. Никакого усиления фронт не получил и каких-либо других указаний из Ставки не последовало.

Каков же был план немецко-фашистского командования и какова была группировка войск, которую враг готовил для наступления на Москву?

Как известно, противник сосредоточил на московском стратегическом направлении очень крупные силы. Это была миллионная группировка войск в составе 78 дивизий. Непосредственно на Москву наступало 48 отборных, хорошо укомплектованных дивизий. Численное превосходство было на стороне противника, особенно на направлении главных ударов, где противник превосходил нас по живой силе в пять раз, по орудиям — в три раза, по авиации — также почти в три раза. Выше мы уже говорили о том, что по танкам как в количественном, так и в качественном отношении мы значительно уступали противнику. Все это давало

▲ Фельдмаршал Бок

ему большие преимущества. Надо также учитывать и то обстоятельство, что противник имел превосходство в подвижности войск. Гитлеровцы располагали большим автотранспортным парком. Наши же части и соединения, артиллерия и тылы обслуживались преимущественно конной тягой.

В сентябре 1941 года, после того как на ленинградском и киевском направлениях гитлеровцам удалось достичь крупного успеха, немецко-фашистское верховное командование, считая свои стратегические фланги достаточно обеспеченными, приступило к подготовке удара на Москву. В своей директиве №35 от 6 сентября 1941 года оно поставило следующую задачу перед группой армий «Центр»:

«Подготовить решающую операцию против группы армий Тимошенко (т. е. Западного фронта. — И. К.) — чтобы по возможности быстрее в конце сентября перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». В директиве указывалось, что «после того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым к верхнему течению р. Волги».

Во исполнение этой директивы командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Бок 16 сентября издал директиву №1300/41 о подготовке наступления на Москву. Как известно, операция на московском направлении получила в директиве секретное наименование «Тайфун».

Главной целью операции «Тайфун» было сокрушительным ударом разгромить советские войска на московском направлении, танковыми ударными группировками окружить наши войска западнее Москвы, в районе Вязьмы и Брянска. В директиве от 7 октября 1941 года командование группы армий «Центр» отдало приказ о продолжении операции на московском направлении, и соответственно уточнялись задачи войскам. Враг планировал без всякой паузы стремительно наступать на Москву, окружить и взять ее. В приказе группы армий «Центр» от 14 октября 1941 года говорится о конечных оперативных целях противника на московском направлении. Из приказа видно, что фашисты рассчитывали не только захватить Москву, но и выйти на рубеж Рязань — Орехово-Зуево — Загорск — Волжское водохранилище, а своими передовыми частями достичь линии восточнее Рязань — Юрьев-Польский — Переяславль-Залесский и далее по реке Нерли до Волги севернее Кимр. Но и этим не ограничивались планы противника. Его моторизованные части нацеливались захватить Ярославль и Рыбинск.

Я подробно рассказываю о планах врага, чтобы яснее был виден подвиг нашего народа и армии, разгромивших гитлеровцев под Москвой.

Враг был в зените своей военной мощи. Используя ресурсы покоренных стран Европы, он готовился к решающему сражению. Группируя

▲ Ершаков Ф.А.

▲ Рокоссовский К.К.

большие силы на московском направлении, противник рассчитывал закончить войну до наступления зимних холодов. Гитлер, упоенный победами на Западе, надеялся на легкий успех. Он переоценил свои силы и недооценил силы Красной Армии, возможности Советского Союза, моральный дух нашего народа.

Но вернемся к делам фронта. Перед началом оборонительного сражения, в конце сентября, члены Военного совета фронта объехали войска. Я выехал на московское направление, которое, как уже говорилось, прикрывали 30, 19, 16 и 20-я армии. Мы вместе с командармами, членами военных советов армий и начальниками штабов еще раз проверили готовность частей отразить наступление противника. У всех нас было единое мнение, что войска будут драться стойко и мужественно, не допустят врага в Москву.

Мне особенно запомнился разговор с командующим 20-й армией Ф. А. Ершаковым и членом Военного совета Ф. А. Семеновским. Я обратил их внимание на левый фланг 20-й армии, имевшей разграничительную линию с 43-й армией Резервного фронта, и просил Ершакова смотреть на юг и на уступе своей армии иметь в резерве одну дивизию. Ершаков сказал, что понимает, какая ответственность лежит на нем за стык с Резервным фронтом. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить выхода противника во фланг и тыл Западного фронта», — сказал он. Я знал Ершакова хорошо, мы вместе учились в Военной академии имени Фрунзе. Это был волевой и подготовленный военачальник, и я был уверен, что он сдержит свое слово.

Наступление немецко-фашистских войск началось 30 сентября ударом танковой группы по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки.

На рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начал наступление против войск Западного и Резервного фронтов. Здесь действовали основные силы группы «Центр». Одновременно с атаками переднего края противник наносил сильные авиационные удары по нашим тылам.

Основной удар (силами 3-й танковой группы и пехотных дивизий 9-й армии) противник нанес в направлении Канютино — Холм-Жирковский, т. е. в стык 30-й и 19-й армий. Чтобы представить силу удара врага, достаточно одного примера: против четырех стрелковых дивизий 30-й армии противник ввел в сражение 12 дивизий, из них три танковые и одну моторизованную общей численностью 415 танков. Войска 30-й и 19-й армий проявили огромное упорство, стойко удерживали свои позиции. Но большое превосходство врага в силах вынуждало нас отходить.

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт

▲ Соколовский В.Д., Булганин Н.А., Жуков Г.К. Московская битва

и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10 — 15 километров. В результате авиационного удара по командному пункту фронта, находившемуся в Касне, у нас были потери, но так как все средства связи были укрыты под землей, а руководящие работники штаба были заранее рассредоточены, управление войсками не было нарушено. С утра по моему распоряжению силами 30-й, 19-й армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И. В. Болдина (в состав этой группы входили три танковые бригады, одна танковая и одна стрелковая дивизии, в общей сложности до 250 танков старых образцов), был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положения не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар. Правда, 19-я армия на большей части своего участка фронта отбила все атаки врага. Однако противник овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булешова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта.

Второй удар противник нанес на спас-деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецко-фашистской танковой группы и 4-й армии, тесня к северу и востоку соединения наших 43-й и 33-й армий, вышли на линию Мосальск — Спас-Деменск — Ельня. Для Западного фронта и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта сложилась очень тяжелая обстановка.

К утру 4 октября совершенно отчетливо определилось направление удара противника: от Спас-Деменска на Вязьму. Таким образом, обозначилась угроза выхода крупных танковых группировок противника в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта с юга, из района Спас-Деменска, и с севера, из района Холм-Жирковского. 19-я, 16-я и 20-я армии Западного фронта оказались под угрозой окружения. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта.

Я доложил по ВЧ И. В. Сталину об обстановке на Западном фронте, о прорыве обороны в направлении Холм-Жирковский и на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-й, 16-й и 20-й армий Западного фронта. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым и доложил ему обстановку. Я просил разреше-

ния отвести войска нашего фронта на Гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало (дословно привести этот разговор я, к сожалению, не могу, так как в архивах Министерства обороны он до сих пор не обнаружен).

Командование фронта приняло решение об отводе войск на Гжатский оборонительный рубеж, которое потом было утверждено Ставкой. В соответствии с этим были даны указания командующим 30-й, 19-й, 16-й, 20-й армиями об организации отхода.

Здесь мне хочется внести ясность в вопрос о положении 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, в связи с тем, что в книге В. Соколова «Вторжение» допущена явная неточность. В этой книге приводится такой разговор Г. К. Жукова с К. К. Рокоссовским,

« — А теперь скажи-ка, уважаемый командарм, как и почему твоя армия попала в окружение?..

Вопрос покоробил Рокоссовского. Он передернул плечами и помимо своей воли скомкал в руке кусок карты. «Что это, издевка?» И он вспомнил, как в октябре, после отхода по лесам, его, Рокоссовского, вместе с членом Военного совета Лобачевым вызвал прежний командующий фронтом, желая сорвать на ком-то злость, встретил гневными словами: «Сами вышли, а армию оставили!». Это был несправедливый упрек, который трудно забывается. Ведь к тому времени, когда 16-я армия была окружена в районе Дорогобужа, он, Рокоссовский, уже не командовал ею...»

Все описание того, как упрекал Рокоссовского прежний командующий — сиречь я, не соответствует действительности.

Управление и штаб 16-й армии К. К. Рокоссовского еще до вяземского окружения моим приказом выводились в район Вязьмы, имея задачу объединить под командованием Рокоссовского подходящие из глубины резервы и выходящие из окружения группы. 16-й армии ставилась задача организовать оборону на рубеже Сычевка — Гжатск.

Вот этот приказ:

«Командармам 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 СД, 147 ТБР, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК. Задача армии задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не пропустить его севернее рубежа Путьково — Крутые — Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение исполнение донести.

Конев, Булганин, Соколовский. 5.10.41».

Были приняты все меры, чтобы приказ до Рокоссовского дошел своевременно и чтобы его штаб вовремя вышел из-под угрозы окружения. Для проверки выполнения этого приказа я послал в штаб Рокоссовского подполковника Чернышева, который донес по радио, что приказ Рокоссовским получен. Сам же Чернышев, возвращаясь в штаб фронта, где-то по пути погиб. Память об этом боевом офицере, не раз выполнявшем ответственные поручения командования фронта, я всегда храню в своем сердце.

Одновременно с выходом управления 16-й армии в район Вязьмы прибыли части 50-й стрелковой дивизии. Моим распоряжением эта дивизия из состава 19-й армии перебрасывалась в район Вязьмы, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения. Но пока собирали незначительный армейский автотранспорт, время ушло, и, к сожалению, вовремя успели прибыть только два стрелковых полка и артиллерийский полк. Остальные части этой дивизии были отрезаны наступающим противником и тоже оказались в вяземском окружении. Дивизии, перечисленные в приказе Рокоссовскому, не сумели выйти полностью в назначенные районы. При выходе в район Вязьмы они ввязались в бои с мотомеханизированными частями противника и под ударами его превосходящих сил понесли значительные потери. Но и после этого они продолжали сражаться частично внутри кольца окружения, частично вне его — на рубеже Сычевка — Вязьма.

Полагаю, что эти документальные данные достаточны для того, чтобы опровергнуть выдуманные упреки с моей стороны в адрес Рокоссовского.

К этому времени Ставка подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта.

31-я армия к моменту передачи в состав Западного фронта имела четыре стрелковые дивизии и занимала оборону на рубеже Осташков — Сычевка. В ходе оборонительного сражения силы армии были переподчинены: 249-я стрелковая дивизия под командованием полковника Тарасова — 22-й армии, а остальные дивизии — 29-й армии. Управление 31-й армии было выведено в резерв фронта в район Торжка и впоследствии использовано на калининском направлении.

Выполняя приказ, войска нашего фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре. Здесь были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, Военный совет фронта представлял все трудности выполнения задачи. Дело в том, что отход — самый сложный вид боя. При отходе требуется большая выучка войск и крепкое управление. На, опыте мы постигали это искусство. К сожалению, до войны наши войска очень редко изучали этот вид боя, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей

доктриной. Мы собирались, если будет война, воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса, противника подошли к Вязьме: 56-й с направления Холм-Жирковский, а 46-й и 40-й с направления Спас-Деменск.

Хотя войска отступали в основном организованно, без паники, в этой сложной обстановке выполнить маневр отхода оказалось крайне затруднительно. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта, как я уже отмечал раньше, имели только конную тягу, отходить в высоком темпе мы были не в силах, не говоря уже о том, что это было бы просто неправильно — на плечах поспешно отходящих войск враг легко мог бы ворваться в Москву. Превосходство в подвижности было явно на стороне врага. И быстро продвигающиеся гитлеровские корпуса отрезали путь нашим частям. Вследствие этого к 7 октября оказались в окружении дивизии 19-й и 20-й армий Западного фронта, войска 24-й и 32-й армий Резервного фронта и понесшая тяжелые потери в боях в районе Холм-Жирковского группа Болдина.

8 октября мной было приказано окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска.

Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери (надо помнить, что они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника), отдельными группами отходили к Волоколамску.

Переданная нам из Резервного фронта 32-я армия оборонялась на рубеже Днепра. Установив связь с командармом С. В. Вишневским, я дал ему указание, чтобы он при выходе из окружения координировал свои действия с командующим 19-й армией М. Ф. Лукиным. На последнего была возложена и задача объединить действия всей нашей группировки к западу от Вязьмы с целью организованного отхода наших войск на восток в направлении Сычевки или Гжатска. Командующему 20-й армией Ф. А. Ершакову было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом в тылы вражеской группировки, которая к этому времени главными силами выходила в район Вязьмы.

Отдавая приказ 19-й, 20-й и 32-й армиям пробиваться из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма — Москва, не соединяя армий в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Мы стремились к тому, чтобы не дать противнику возможности сузить кольцо окружения. На обширной территории можно было маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы гитлеровцев. Конечно, борьба в окружении сложна, но если под давлением условий приходится

▲ Лукин М.Ф.

▲ Василевский А.М.

▲ Буденный С.М.

▲ Молотов В. М.

идти на такую форму борьбы, то важно не бояться сложности обстановки и бить врага и в этих трудных условиях. В маневренной войне такая форма борьбы возможна, ее не исключает и современное военное искусство.

В окружении наши войска продолжали ожесточенные бои, отбивая непрерывные атаки противника. Как явствует из немецких документов, а также из доклада командарма М.Ф. Лукина и донесений того периода, активные действия наших войск, попавших в окружение, сковали значительные силы противника, нацеленные на Москву.

К 9 октября войска правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я и 31-я армии) с ожесточенными боями отошли на рубеж Селижарово — Ельцы — Оленине — Сычевка. Здесь отход войск проходил более организованно.

Во время смены командного пункта фронта в ночь с 5 на 6 октября мы с членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным прибыли в район Гжатска и первым делом решили встретиться с маршалом С. М. Буденным, командующим Резервным фронтом. Командный пункт был подготовлен в блиндажах в лесу восточнее Гжатска. Однако Буденный находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике, который охранял танк КВ. Мы хотели узнать о мерах, которые принимает командование Резервного фронта в связи с тяжелым положением, создавшимся на участке 43-й армии. По данным, полученным нами из генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка — Гжатск должна была находиться 49-я армия Резервного фронта. Но, как выяснилось в разговоре с Буденным, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск — Сычевка не оказалось.

С одобрения Ставки штаб Западного фронта был переведен в район Красновидова, западнее Можайска.

На новый командный пункт прибыла комиссия ГКО: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. М. Василевский и другие. В. М. Молотов стал настойчиво требовать, чтобы я немедленно отводил войска, которые сражаются в окружении, на Гжатский рубеж и пять-шесть дивизий передал в резерв Ставки. Однако, в эти трудные дни, когда шло ожесточенное сражение в районе Вязьмы, фронт не мог выделить резервы для Ставки, не имел возможности вывести из боя ни одной части. И кроме того, еще до прибытия комиссии в штаб фронта я уже отдал распоряжение командующим 22-й и 29-й армиями выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Позже эти дивизии обороняли Москву с северо-запада, отражая наступление противника на калининском направлении.

Историки, работая над материалами о битве под Москвой, неизбежно задаются вопросом о причинах тяжелого положения, в которое попали наши войска на московском направлении в начале октября 1941 года. Мне хотелось бы кратко изложить свое мнение об этом.

▲ Ворошилов К.Е.

▲ Ватутин Н.Ф.

Первое. Напомню, что стратегическая инициатива на всем советско-германском фронте в то время находилась в руках противника. Превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, было на стороне врага, в том числе и на Западном фронте. Мы не имели достаточного количества вооружения, боеприпасов и боевой техники. Артиллерийская и танковая плотность на один километр была незначительной: танков — 1,6, орудий — 7, противотанковой артиллерии — 1,5; запасы боеприпасов к началу наступления противника в некоторых частях и соединениях составляли от половины до двух боекомплектов.

Второе. Западный фронт был очень растянут. Обороняющиеся части имели большой некомплект личного состава, а в глубине фронт не располагал достаточно сильными резервами. Я уже говорил, что из созданного нами в районе Вязьмы резерва в конце сентября две дивизии были направлены на Юго-Западный фронт.

Третье. Прорыв немецко-фашистских войск в районе Спас-Деменска дал возможность соединениям противника глубоко войти в тыл Западного фронта. Резервный же фронт на этом направлении резервами не располагал. Там вообще, как оказалось, не было никаких войск. К этому надо добавить, что в полосе Резервного фронта передний край обороны, занимаемый 43-й армией, оказался очень слабым, с недостаточно развитой глубиной обороны и недостаточным количеством артиллерии и танков. В оперативной глубине обороны на Гжатском рубеже также не было войск, так как 49-я армия Резервного фронта уже в ходе Московского сражения была переброшена на Юго-Западное направление.

Возникает вопрос: почему противник, добившись в начале октября 1941 года немалых успехов, все-таки не сумел развить наступление на Москву.

Прежде всего, потому, что войска Западного фронта оказали ожесточенное сопротивление врагу. Они дрались мужественно и стойко и, самое главное, не бежали. Ценой жизни они спасали столицу своей Родины Москву. Некоторые пытаются объяснить это и чудом, но чудес, как известно, не бывает. Несмотря на тяжелую обстановку для наших войск, действовавших на московском направлении, им предстояло любой ценой задержать противника, чтобы выиграть время для организации обороны на Можайском рубеже и дать возможность развернуть подходящие из глубокого тыла резервы. И они эту задачу выполнили.

Уже после войны я читал директиву группы армий «Центр» от 15 сентября 1941 года №1340/41. В ней обращалось особое внимание на то, «что при отступлении противника с занимаемых им позиций наши войска должны немедленно преследовать его». То есть, имелось в виду

полнее использовать неблагоприятную обстановку отхода советских войск. Но гитлеровцам это не удалось. На Можайском рубеже и в окружении под Вязьмой наши войска своим упорным сопротивлением задержали на 9 — 10 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по усилению обороны московского направления.

Около 30 дивизий группы армий «Центр» были втянуты в сражение против окруженных войск. Это документально доказано картами, захваченными у противника. Благодаря героическому сопротивлению окруженных 19, 20, 24, 32-й армий гитлеровцы несли большие потери, а резервов для развития ударов на Москву у них не оказалось. С 7 по 16 октября наши армии, по существу, сдерживали главные силы врага. После войны уже на основании документов можно было установить, что немецкое командование к этому времени располагало для развития наступательных действий на Москву всего несколькими дивизиями. Главные же силы группы армий «Центр» были скованы войсками Западного фронта. В этих сражениях враг нес тяжелые потери. Есть, например, прямые показания командира 7-й немецкой танковой дивизии, который в своем донесении командованию открытым текстом сообщает: «Натиск Красной Армии в направлении Сычевки настолько был сильным, что я ввел последние силы своих гренадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронта и я вынужден буду отойти». Есть много и других фактов и документов, свидетельствующих о героизме и доблести войск, попавших в окружение. Войска 19, 20, 24 и 32-й армий — это воины-герои, и перед ними все мы склоняем головы.

Я вспоминаю донесения находившегося в окружении командарма 19 генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина: ***«Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона»***. А сам он, будучи в бессознательном состоянии, раненный в ногу и руку, которые потом были ампутированы, попал в плен. Героизм М. Ф. Лукина в боях в период окружения, его мужественное поведение в плену достойны самой высокой оценки. Вот что рассказывает он: ***«19-я армия с начала наступления немцев, со 2 по 13 октября, не была расчленена на части и во все тяжелые дни сохранила свою целостность как армия, не теряя связи ни с частями, ни с фронтом. 13 октября она стала выходить из окружения отдельными группами, по приказу Военного совета Западного фронта»***.

Таким образом, героическое сопротивление наших войск в районе Вязьмы задержало наступление противника на Москву. Это дало возможность Ставке сосредоточить силы на Можайском рубеже и дать отпор врагу. Только к 16 — 17 октября на рубеж Можайск — Малоярославец начали подходить резервы Ставки, а до этого войска Западного фронта своими силами сдерживали натиск немецкой группировки,

▲ Конев И.С.

рвавшейся к Москве. Бои в районе Вязьмы продолжались. Часть личного состава окруженных дивизий вырвалась из вражеского кольца и соединилась со своими войсками.

К этому времени стало совершенно ясно, что необходимо объединить два фронта — Западный и Резервный — в один, под единым командованием. Все собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта: член Военного совета Н. А. Булганин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А, М. Василевский, я (начальник штаба фронта В. Д. Соколовский на этом совещании не присутствовал; он был в районе Ржева, выполняя оперативное задание), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. Командование фронтом все рекомендовали возложить на генерала армии Г. К. Жукова. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина. Хохлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский».

Эти предложения были одобрены Ставкой, и командование Западным фронтом было возложено на генерала армии Г. К. Жукова. Он руководил оборонительным сражением под Москвой. Он же организовывал контрнаступление на московском направлении. Военный совет Западного фронта решил, что мне следует отправиться на калининское направление, объединить руководство боевыми действиями 22, 29, 30 и 31-й армий и принять необходимые меры к задержанию врага в районе Калинина.

Рано утром 12 октября я проехал через Москву в Калинин.

Какова же была обстановка на калининском направлении?

10 октября главные силы 3-й танковой группы противника были повернуты из района Сычевки и наступали в общем направлении на Калинин. 9-я армия противника частью сил продолжала вести бои в районе Вязьмы, но также получила задачу наступать в общем направлении на Калинин. 10 октября из района Сычевки в направлении Зубцов — Старица — Калинин перешли в наступление 41-й немецкий моторизованный корпус, две танковые и одна моторизованная дивизии. Неблагоприятные для нас события и на калининском направлении развертывались быстрыми темпами. Днем 12 октября части 41-го моторизованного корпуса заняли Погорелое Городище и Зубцов, а к вечеру — Лотошино и Старицу и передовыми подразделениями выдвинулись к Калинину. Непосредственно за подвижными соединениями в направлении Калинина выдвигались пехотные дивизии 6-го и 27-го немецких армейских корпусов 9-й армии. Прорыв противником Западного фронта на калининском направлении значительно осложнил обстановку. Появление противника в районе Калинина, бесспорно, грозило охватом Москвы с севера и северо-востока и, кроме того, создавало угрозу тылам Северо-Западного фронта.

Планируемый гитлеровским командованием охват Москвы с севера и северо-востока, выход немецких войск в район Валдая для объединения с северной группой армий и полного окружения Ленинграда чудился врагу близким к осуществлению.

В этой обстановке Ставка приняла ряд срочных мер, чтобы ликвидировать прорыв противника на калининском направлении и устранить опасность охвата Москвы с севера.

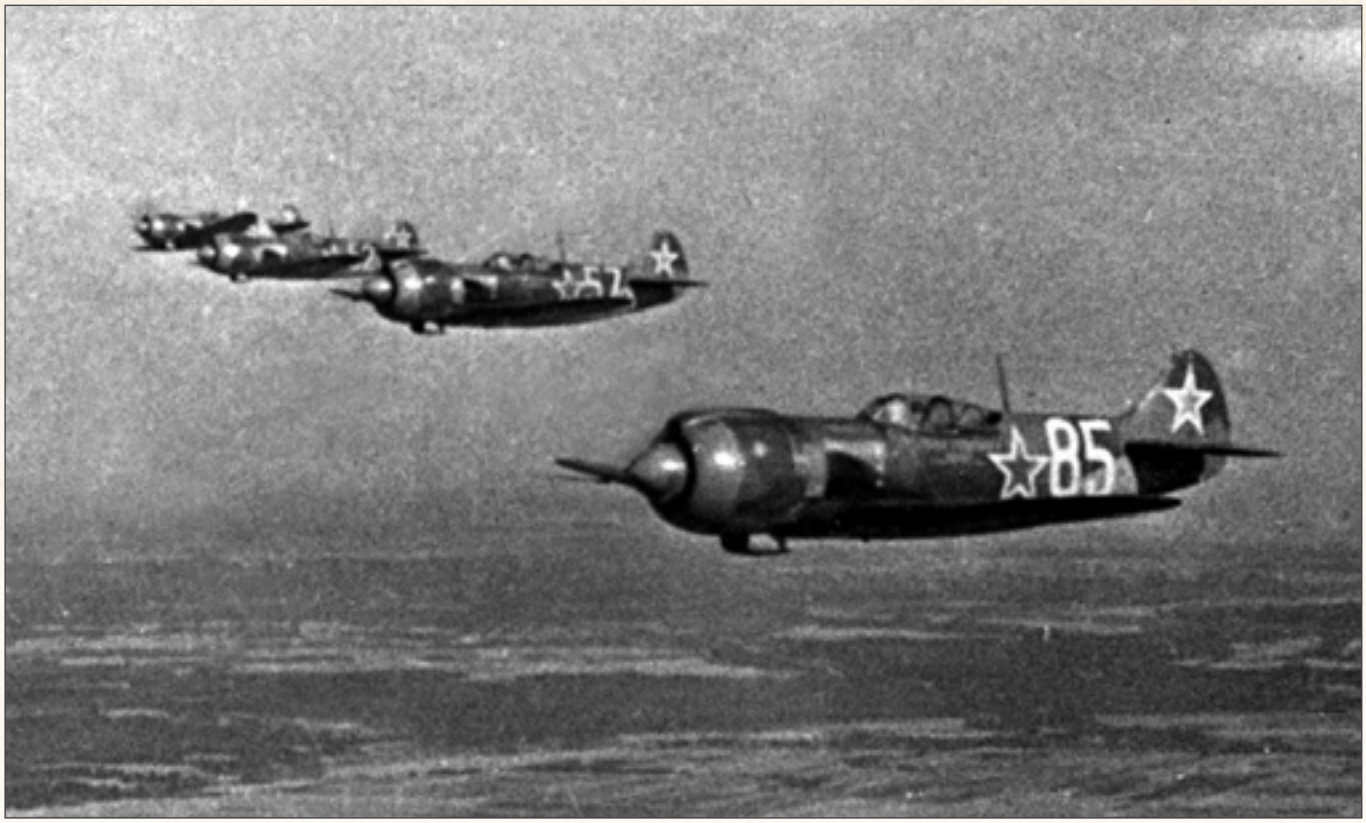
Во-первых, было решено, что дивизии, в свое время направленные моим распоряжением с правого крыла Западного фронта на Можайскую линию обороны, должны следовать через Калинин и там задержаться. Удалось задержать две дивизии: 5-я дивизия подходила к Калинину, а 133-я была остановлена в районе Лихославля. 256-я стрелковая дивизия оставалась в составе 22-й армии.

Во-вторых, командованию Северо-Западного фронта было приказано срочно перебросить в район Калинина две стрелковые и две кавалерийские дивизии, танковую бригаду под командованием П. А. Ротмистрова, мотоциклетный полк. Командование группой было возложено на начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. Части группы 15 — 16 октября должны были сосредоточиться в районе Вышний Волочек — Есеновичи.

Прибыв на калининское направление, я попал в чрезвычайно сложную обстановку. В очень трудных условиях пришлось перегруппировать войска и маневрировать ими. В связи с созданием Калининского фронта 17 октября 1941 года я был назначен командующим войсками этого фронта. Сформирование Калининского фронта к северу от Волжского водохранилища явилось правильным и своевременным мероприятием Ставки. Это дало возможность надежно укрепить центральный участок нашего стратегического фронта, прочно связав его с Северо-Западным направлением.

Нам удалось остановить врага за Калинином. Противник втянулся в тяжелые бои, что, безусловно, ослабляло его силы, предназначавшиеся для удара на Москву. ■

АВИАЦИЯ В ЛЕТНИХ ОПЕРАЦИЯХ 1941 ГОДА

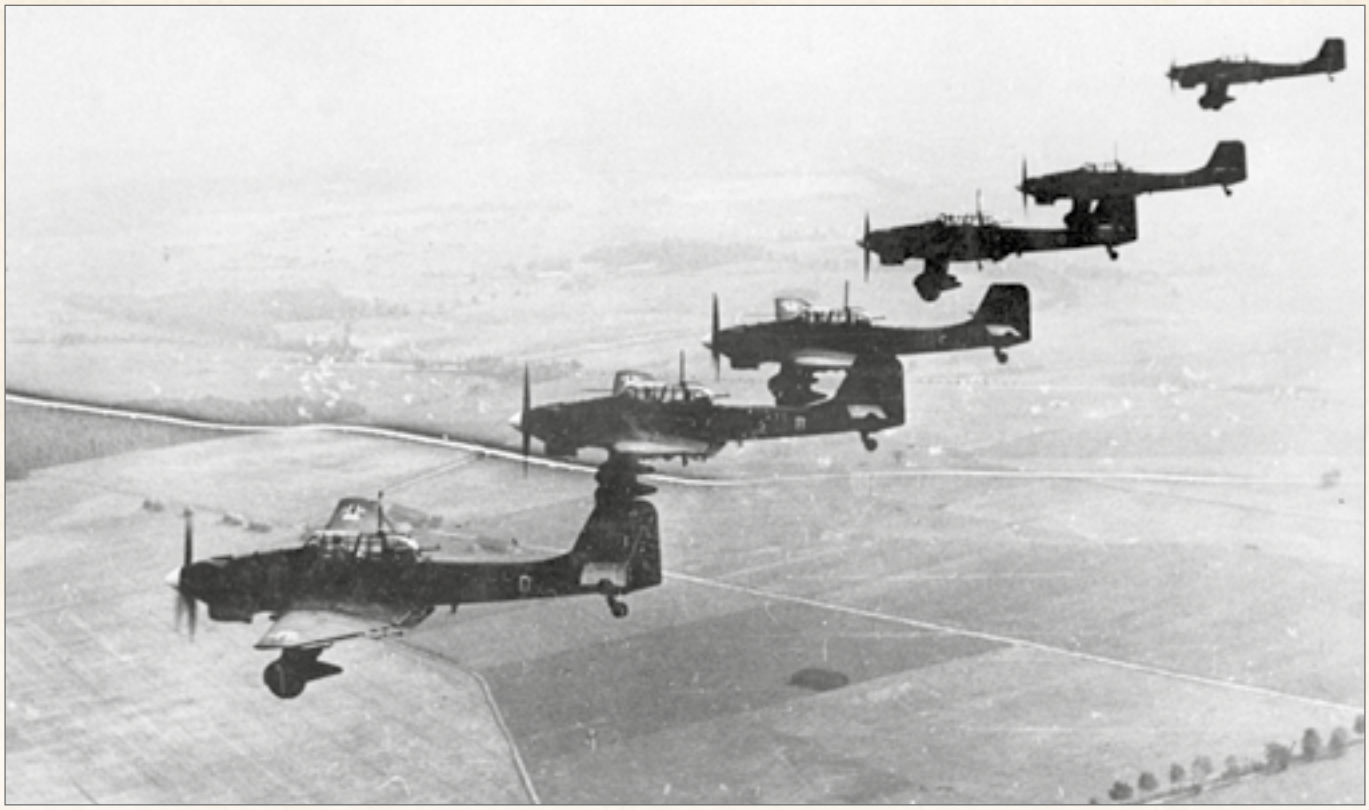

На рассвете 22 июня 1941 г. многомиллионная армия фашистской Германии вероломно напала на Советский Союз. Удар громадной силы внезапно обрушился на наши сухопутные войска, аэродромы, железнодорожные узлы, военно-морские базы и города, расположенные в приграничной зоне. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки немецкие войска вторглись на территорию СССР. На огромном пространстве от Балтийского до Черного моря развернулись невиданные по своему размаху ожесточенные кровопролитные сражения.

Для захвата господства в воздухе гитлеровское командование выделило более 50% всех сил своей авиации. 22 июня свыше 1 тыс. немецких бомбардировщиков подвергали неоднократным налетам 66 наших аэродромов, на которых базировались основные силы авиации западных приграничных округов. В первую очередь были подвергнуты атакам те аэродромы, на которых располагались авиационные полки, вооруженные самолетами новых типов. Одновременно немецкие истребители вели борьбу с нашими самолетами в воздухе, а также подавляли средства ПВО аэродромов.

В результате внезапных массированных ударов по нашим аэродромам и ожесточенных воздушных боев ВВС западных округов в первый день войны потеряли около 1200 самолетов, в том числе 800 было уничтожено на аэродромах

Однако попытки врага полностью разгромить советскую авиацию и подавить волю наших летчиков к сопротивлению не увенчались успехом. Опыт борьбы с авиацией, полученный немецкими летчиками в войне с Польшей, Францией, Бельгией и в воздушных боях над Англией, не оправдал всех надежд гитлеровского командования. Не-

▲ Фашистские стервятники

смотря на трудности и сложность обстановки, советские летчики мужественно вступили в борьбу с фашистской авиацией. В первый день войны наши ВВС совершили около 6 тыс. самолето-вылетов и уничтожили в воздушных боях более 200 вражеских самолетов.

«Несмотря на достигнутую немцами внезапность,— признают фашистские офицеры и генералы,— русские сумели найти время и силы для оказания решительного сопротивления».

Общие боевые задачи ВВС фронтов были определены в приказе Наркома обороны, который поступил в авиасоединения в 7 часов 15 минут 22 июня. Главной задачей наших ВВС ставилась борьба с авиацией противника. Однако быстрое и глубокое вклинение немецких войск в пределы нашей территории вынудило советское командование изменить первоначальное решение и направить основные усилия фронтовой и дальнебомбардировочной авиации на уничтожение танковых и мотомеханизированных колонн противника и поддержку своих обороняющихся войск. Кроме того, дальнебомбардировочная авиация стала наносить удары по железнодорожным объектам и военно-промышленным центрам врага в глубоком тылу.

Боевые действия наших ВВС (командующий генерал П. Ф. Жигарев) начались почти одновременно на всем советско-германском фронте, но протекали в различных условиях.

Части ВВС Северо-Западного фронта (командующий генерал А. П. Ионов, заместитель по политической части полковой комиссар И. В. Машнин, начальник штаба комбриг С. С. Крупин) в ночь на 22 июня проводили учебно-тренировочные полеты. Утром, когда полеты были закончены и технический состав приступил к осмотру и подготовке авиационной техники, в воздухе появились немецкие бомбардировщики. Несмотря на внезапность нападения, противнику не удалось нанести нашей авиации существенных потерь на аэродромах и в воздухе.

К активным боевым действиям авиация приступила в 10 — 11 часов. Бомбардировщики и штурмовики группами по 10 — 18 самолетов начали наносить удары по танковым колоннам противника в районах Тильзит, Таураге, Полукне и переправам на реке Неман. Истребительная авиация стала вести борьбу с фашистскими бомбардировщиками. В течение первого дня войны ВВС фронта совершили 2 тыс. самолето-вылетов. В воздушных боях советские летчики уничтожили более 20 вражеских самолетов.

Несмотря на упорное и героическое сопротивление советских войск и авиации, танковым и моторизованным дивизиям противника удалось в первый день войны вторгнуться на советскую территорию на 20 — 50 км. Под угрозой захвата оказались многие аэродромы. И наши авиачасти вынуждены были перебазироваться на восток в район Митава, Двинск.

Стремясь задержать наступление противника, войска Северо-Запад-

ного фронта по указанию Ставки ВГК 23 — 25 июня нанесли контрудар на шяуляйско-тильзитском направлении. Для поддержки контратакующих войск привлекалась почти вся авиация фронта и 1-й корпус дальнебомбардировочной авиации. В течение трех суток в этом районе шли ожесточенные бои на земле и в воздухе.

Советские летчики уничтожали немецкие танки и живую силу на поле боя, прикрывали войска 8-й и 11-й армий, а также части 12-го и 3-го механизированных корпусов от ударов вражеских самолетов, бомбардировали железнодорожные узлы, станции и подходившие резервы. Для выполнения этих задач наши летчики совершили более 2100 самолето-вылетов. Однако усилия советской авиации в те дни распылялись на широком фронте, не массировались на главных направлениях, с сухопутными войсками авиация устойчивой связи не имела. Все это привело к недостаточно высокой эффективности ее действий. Кроме того, нашим истребителям не удалось непрерывно и надежно прикрыть с воздуха ударные группировки сухопутных войск, которые от налетов вражеских бомбардировщиков понесли серьезные потери.

После упорных и кровопролитных боев с превосходящими силами врага войска фронта вынуждены были отходить на северо-восток. Захватив инициативу, противник к 10 июля вторгся на псковско-ленинградском направлении до 500 км.

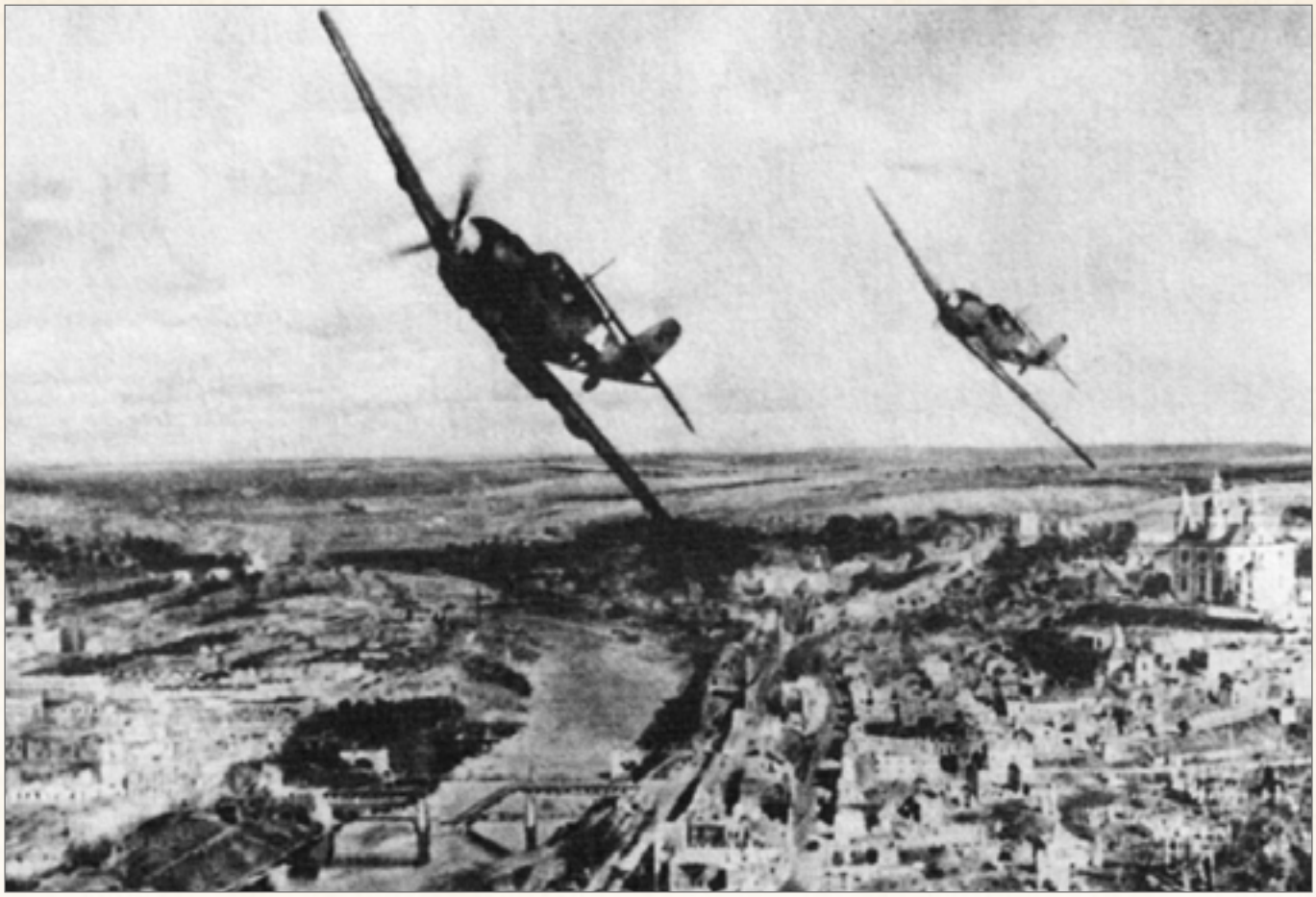
За первые 18 дней войны ВВС Северо-Западного фронта совершили более 8 тыс. самолето-вылетов и нанесли врагу значительные потери в живой силе и боевой технике. Но в ожесточенных сражениях наша авиация понесла также тяжелый урон.

Еще более сложная воздушная обстановка сложилась в полосе Западного фронта. На этом важнейшем стратегическом направлении немецкие бомбардировщики подвергли интенсивным ударам с воздуха 26 наших аэродромов, на которых базировались наиболее подготовленные и боеспособные истребительные авиационные полки, осваивавшие новые типы самолетов (МиГ-3 и Як-1). Отдельные аэродромы (Тарново, Долубово), расположенные в непосредственной близости от государственной границы, были обстреляны даже тяжелыми орудиями полевой артиллерии врага.

Несмотря на весьма сложную обстановку, ВВС фронта героически сражались с врагом и совершили 22 июня 1900 самолето-вылетов. Бомбардировочные соединения наносили удары по немецкой авиации на аэродромах Соколув, Седлец, Луков, Бяла Подляска, а также по скоплениям танковых колонн врага в районах Цехановец, Константинув, Августов, Сувалки. Истребительная авиация фронта отражала многочисленные налеты фашистских бомбардировщиков и уничтожила за день более 100 немецких самолетов.

Отражая внезапное нападение фашистов, советские летчики вели боевые действия с большим напряжением, проявляя мужество и отва-

гу. Командир эскадрильи 127-го истребительного авиационного полка старший лейтенант И. И. Дроздов совершил в первый день войны пять боевых вылетов и в воздушных боях уничтожил два немецких самолета, а старший политрук А. А. Артемьев произвел девять вылетов и уничтожил три самолета. Многие советские летчики, когда все средства борьбы были уже израсходованы, смело и решительно шли на таран, чтобы только не допустить врага к прикрываемым объектам и сухопутным войскам. 22 июня на Западном фронте тараны применили заместитель командира эскадрильи 123-го истребительного авиационного полка лейтенант П. С. Рябцев, заместитель командира эскадрильи по политчасти старший политрук А. С. Данилов, летчик младший лейтенант Д. В. Кокорев.

В последующие дни приграничных сражений основные усилия авиации фронта сосредоточивались на уничтожение мощной танковой группировки противника в сувалкинском выступе.

Отдельные удары бомбардировщиков по войскам противника, находившимся на дорогах и в местах их сосредоточения, были весьма успешными. Так, 24 июня экипажи 13-й бомбардировочной дивизии под командованием генерала Ф. П. Полынина удачно атаковали колонну немецких танков в районе Грудопль, Пиловиды, Иванцевичи. Удар был нанесен последовательно тремя девятками в тот момент, когда танковые части сосредоточились у переправы через реку Шара. Противник, не ожидавший налетов с воздуха, потерял много танков и солдат.

25 июня в период нанесения контрудара частями наших 11-го и 6-го механизированных корпусов в районе Гродно авиационные полки 12-й и 13-й бомбардировочных авиационных дивизий, 43-й истребительной авиационной дивизии и 3-го корпуса дальнебомбардировочной авиации совершили 780 самолето-вылетов и уничтожили около 30 танков, 16 орудий и до 60 автомашин с живой силой врага.

Борьба с авиацией противника в этот период отличалась непрерывными, и ожесточенными воздушными боями. Немецкие бомбардировщики продолжали наносить удары по аэродромам базирования нашей авиации. Однако в результате возросшего противодействия советских истребителей, рассредоточенного базирования авиационных частей, маскировки самолетов потери на аэродромах значительно снизились.

Несмотря на тяжелую обстановку, ВВС Западного фронта совершили за первые 18 дней войны около 7 тыс. самолето-вылетов, нанесли значительные потери противнику, а также получили боевой опыт, что позволяло усилить противодействие врагу на земле и в воздухе.

На Юго-Западном фронте (командующий ВВС генерал Е. С. Птухин, с июля 1941 г. генерал Ф. А. Астахов, заместитель по политической части

дивизионный комиссар И. С. Гальцев, начальник штаба генерал Н. А. Ласкин) вторжение вражеской авиации в воздушное пространство было встречено подразделениями истребительной авиации, поднятыми в воздух по боевой тревоге. В первых же воздушных боях наши летчики сбили несколько самолетов, рассеяли часть групп немецких бомбардировщиков. Однако полностью сорвать их действия не удалось. Подвергнув ударам 23 аэродрома ВВС фронта, противник вывел из строя около 200 наших самолетов.

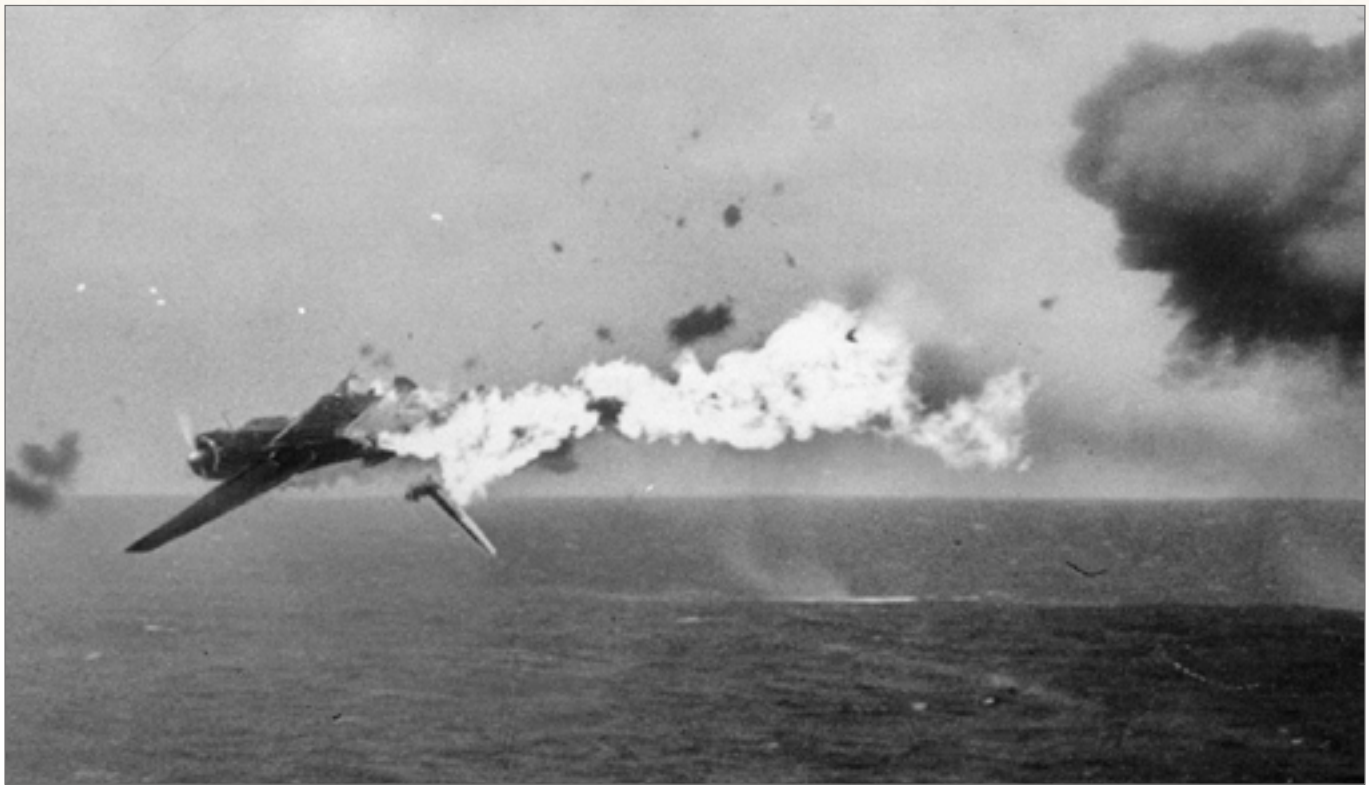
Авиационные соединения получили боевую задачу в 10 часов утра и приступили к боевым действиям во второй половине дня 22 июня. Фронтовые бомбардировщики полковыми группами нанесли несколько ударов по танковым колоннам врага в районе Грубешув, Устилуг, совершив 240 самолето-вылетов. Летчики же истребительной авиации вели напряженные воздушные бои с момента нападения противника. В 4 часа 25 минут в воздушном бою, израсходовав боеприпасы, командир звена 46-го истребительного авиационного полка старший лейтенант И. И. Иванов применил таран и сбил бомбардировщик врага. Этот подвиг был совершен в районе Жолква, недалеко от того места, где в августе 1914 г. знаменитый русский летчик П. Н. Нестеров применил в воздушном бою первый в истории авиации таранный удар. 2 августа 1941 г. старшему лейтенанту И. И. Иванову было присвоено звание Героя Советского Союза. В тот же день на Юго-Западном фронте фашистский самолет таранил и летчик-истребитель младший лейтенант Л. Т. Бутелин.

Всего за первые 18 дней войны ВВС Юго-Западного фронта произвели около 10 тыс. самолето-вылетов, оказали помощь сухопутным войскам в уничтожении противника и сдерживании его наступления.

ВВС Южного фронта начали боевые действия в менее сложной воздушной обстановке (командующий ВВС генерал Ф. Г. Мичугин, заместитель по политической части бригадный комиссар В. И. Алексеев, начальник штаба генерал А. З. Устинов). За несколько дней до начала войны командование Одесского военного округа проверяло боеготовность своих войск и авиации. В связи с этим авиационные части перебазировались на полевые оперативные аэродромы, на которых самолеты были рассредоточены и замаскированы, а летный состав находился в повышенной боевой готовности. В истребительных авиационных полках было организовано дежурство звеньев, отработаны мероприятия по оповещению личного состава. Штаб ВВС военного округа перебазировался из Одессы в Тирасполь, откуда успел организовать связь с подчиненными соединениями.

Благодаря этим мероприятиям летчики-истребители встретили нападение немецкой авиации своевременно и организованно, оказав ей упорное сопротивление и нанеся врагу значительные потери. Налеты немецких бомбардировщиков на аэродромы ВВС фронта оказались малоэффективными. Атаковав шесть, в основном пустых или ложных, аэродромов, противник вывел из строя 6 наших самолетов, а сам потерял 30 бомбардировщиков.

Однако временная потеря связи и управления авиачастями имела место и в штабе ВВС Южного фронта. Но командиры авиацион-

▲ Отлетался

ных полков, не дожидаясь получения приказа на боевые действия свыше, своевременно принимали решения на отражение налетов немецкой авиации. Такое решение, например, принял командир 67-го истребительного авиационного полка майор Б. А. Рудаков. Под его командованием летчики в первый же день войны совершили 117 боевых вылетов и успешно отразили 4 налета бомбардировщиков противника. В воздушных боях они уничтожили 13 самолетов, а сами потеряли всего 2 истребителя. В этих боях особенно отличился, проявив героизм, командир звена старший лейтенант А. И. Мокляк, который огнем пулеметов сбил два немецких самолета, а третий таранил.

Разумную инициативу и смелые действия проявил и командир 55-го истребительного авиационного полка подполковник В. П. Иванов. С получением сигнала с поста ВНОС о нарушении вражескими самолетами государственной границы и приближении к аэродрому 20 бомбардировщиков и 18 истребителей он немедленно поднял в воздух дежурную авиаэскадрилью в составе восьми самолетов МиГ-3. Стремительно атаковав противника, летчики рассеяли немецких бомбардировщиков, вынудив их, не достигнув цели, в беспорядке сбросить бомбы. Поднявшиеся по тревоге остальные летчики полка смело вступили в бой и обратили противника в бегство. Лишь отдельным прорвавшимся бомбардировщикам удалось незначительно повредить три наших самолета и поджечь склад с авиабензином. Командование Южного фронта основные усилия авиации сосредоточило для действий по войскам противника, вторгшимся на нашу территорию. Первые штурмовые удары были нанесены по переправам через реку Прут и колоннам вражеских войск. Эффективные действия нашей авиации причиняли противнику значительные потери в живой силе и боевой технике.

«Командование и бойцы, — указывалось в телеграмме Военного совета 9-й армии,— приносят товарищескую благодарность летчикам 21-й смешанной авиационной дивизии (командир полковник Д. П. Галунов) и ночному бомбардировочному полку, которым командует подполковник Ф. П. Котляр, за активную помощь в уничтожении противника. Благодаря отличным действиям авиации противник, который вторгся в пределы нашей земли, был настолько деморализован, что вынужден был поспешно отойти, беспощадно уничтожаемый метким огнем летчиков».

Всего за первые 18 дней войны ВВС Южного фронта совершили более 5 тыс. самолето-вылетов, в воздушных боях и на аэродромах они уничтожили 238 самолетов противника. За это время самолетный парк фронта сократился незначительно, с учетом пополнения он имел 734 самолета.

На северном крыле советско-германского фронта войска противника

перешли в наступление на седьмой день войны (29 июня). Однако наша авиация начала свои боевые действия на этом направлении на третий день войны.

25 июня по указанию Ставки ВГК ВВС Северного фронта (командующий генерал А. А. Новиков, заместитель по политической части бригадный комиссар Ф. И. Усатый, начальник штаба генерал А. П. Некрасов) совместно с ВВС Краснознаменного Балтийского флота (командующий генерал В. В. Ермаченков) и ВВС Северного флота (командующий генерал А. А. Кузнецов) нанесли массированный удар по 19 аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались авиачасти 5-го воздушного флота Германии и ВВС Финляндии. Цель удара заключалась в том, чтобы ослабить северную авиационную группировку противника и сорвать ее налеты на Ленинград.

Бомбардировочному удару нашей авиации предшествовала тщательная воздушная разведка, которая вскрыла состав базировавшейся авиации врага и расположение стоянок самолетов на аэродромах. Рано утром 236 бомбардировщиков и 224 истребителя вышли точно на заданные цели. Противник, застигнутый врасплох, не сумел оказать организованного противодействия. Наши летчики беспрепятственно произвели бомбометание по стоянкам самолетов, складам горючего и боеприпасов. В результате первого же налета был уничтожен и поврежден 41 вражеский самолет. Наша авиация боевых потерь не имела.

В последующие шесть дней по этим же аэродромам было нанесено еще несколько эффективных ударов. По данным воздушного фотоконтроля, наши летчики вывели из строя в общей сложности более 130 самолетов.

Бомбардировщики 2, 41, 55 и 5-й смешанных авиационных дивизий активно бомбили войска на поле боя и подходящие из глубины резервы. С целью нарушения перевозки и маневра вражеских войск авиация фронта с 1 по 5 июля подвергла бомбардировке финские порты Ботнического залива, наиболее важные мосты, дамбы, электростанции и участки железных дорог. Успешные налеты по этим объектам нарушили железнодорожное движение и вместе с тем задержали перегруппировку войск противника, готовившихся для наступления.

В начале июля два полка 2-й смешанной авиационной дивизии (командир полковник П. П. Архангельский) были передислоцированы со Старо-Русского аэроузла для действий в полосе Северо-Западного фронта, где создалась весьма напряженная обстановка. Выполняя задачи в сложных метеоусловиях и без прикрытия истребителей, бомбардировщики этих полков на самолетах СБ за четыре дня боев совершили свыше 530 боевых вылетов, сбросив на врага 250 тонн бомб и нанеся ему значительные потери. Несколько позже на этот участок фронта были перебазированы еще две дивизии (41-я смешанная и 39-я истребительная) ВВС Северного фронта, которые поддерживали войска, оборонявшиеся на рубеже реки Великая.

Одновременно на ленинградском направлении велись активные боевые действия наших истребителей по уничтожению вражеских самолетов в воздухе. Первая встреча с фашистскими самолетами произошла здесь 23 июня. В этот день лейтенант А. В. Чирков перехватил и уничтожил воздушного разведчика, а на следующий день открыл счет сбитых фашистских самолетов старший лейтенант П. А. Покрышев. Вскоре прогремела слава о ленинградских летчиках младших лейтенантах С. И. Здоровцеве и П. Т. Харитонове, таранивших немецкие бомбарди-

ровщики, и о младшем лейтенанте М. П. Жукове, сбившем несколько вражеских самолетов. 8 июля 1941 г. М. П. Жуков, С. И. Здоровцев и П. Т. Харитонов первыми в Великой Отечественной войне были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Всего за первые 18 дней войны ВВС Северного фронта совершили около 10 тыс. самолето-вылетов. К 10 июля в частях и соединениях фронта насчитывалось 837 боевых самолетов.

Наряду с фронтовой авиацией активно уничтожали врага экипажи авиационных корпусов дальнебомбардировочной авиации. В первые три дня войны дальние бомбардировщики подвергли ударам военно-промышленные объекты в городах Кенигсберг, Данциг, Бухарест, Констанца, Плоешти.

Налеты дальней авиации причинили противнику значительный ущерб. Кроме того, они вынуждали гитлеровское командование держать крупные силы зенитной артиллерии и истребительной авиации ПВО для прикрытия своих тыловых объектов. Эти налеты имели большое морально-политическое значение, так как разоблачали лживое утверждение гитлеровской пропаганды о полном уничтожении советских ВВС.

В дальнейшем, в связи с быстрым продвижением немецких войск в глубь нашей страны, авиационные корпуса дальнебомбардировочной авиации действовали преимущественно по мотомехчастям и танковым колоннам врага, войскам на поле боя, нанося противнику большие потери и тем самым замедляя темпы его наступления. Для выполнения этой задачи за первые 18 дней войны соединения дальнебомбардировочной авиации совершили 2112 самолето-вылетов (95% всех самолето-вылетов).

Яркий пример бесстрашия и беззаветного служения Родине показал экипаж дальнего бомбардировщика под командованием командира авиаэскадрильи капитана Н. Ф. Гастелло. При нанесении удара по немецкой мотомеханизированной колонне на участке дороги Молодечно — Родошкевичи 26 июня 1941 г. его самолет Ил-4 был подбит зенитной артиллерией. Спасти самолет не было возможности, оставить его и спуститься на парашюте — значит попасть в руки озверелого врага. Объятый пламенем самолет был направлен в скопление войск и боевой техники врага. За беспримерный героический подвиг капитан Н Ф. Гастелло посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза, а его имя навечно занесено в списки 207-го дальнебомбардировочного авиационного полка. Штурман самолета лейтенант Г. Н. Скоробогатый, воздушный стрелок-радист лейтенант А. А. Бурденюк

и воздушный стрелок старший сержант А. А. Калинин были посмертно награждены орденами СССР.

Авиация военно-морского флота с первого дня войны также была привлечена для борьбы с наступавшими войсками противника на приморских направлениях.

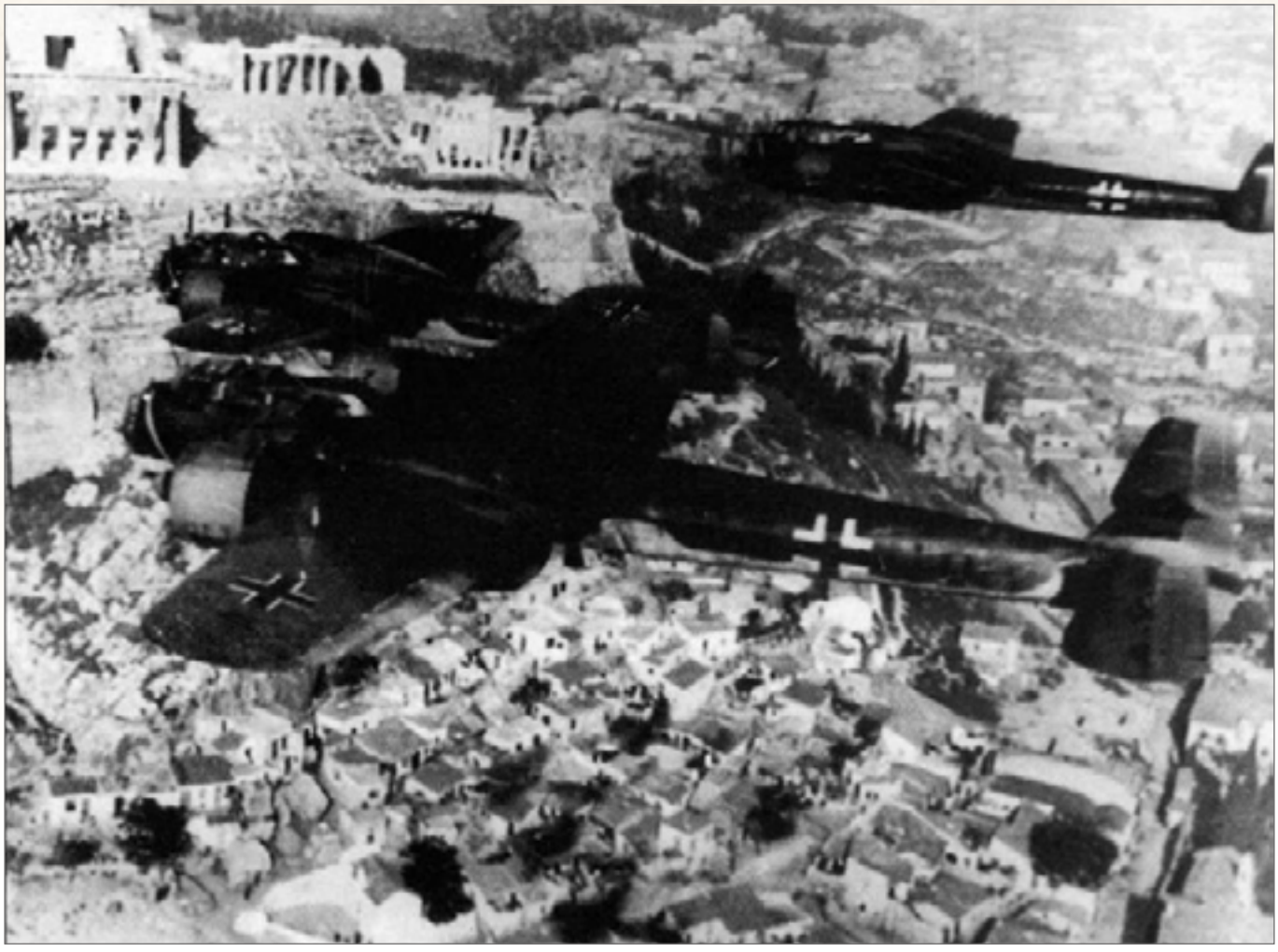
Таким образом, в первые 18 дней войны для отражения нападения врага и поддержки наших войск привлекалась вся советская авиация, которая совершила более 47 тыс. самолето-вылетов, в том числе 45 тыс. произвели ВВС.

Основные усилия авиации — 47% всех боевых вылетов — были направлены на поддержку сухопутных войск, что отвечало условиям сложившейся обстановки на земле. В качестве средств поражения применялись фугасные и осколочные бомбы малого и среднего калибра, а также пулеметный огонь и реактивные снаряды. Главными объектами действий нашей авиации были танки, артиллерия и минометы, находившиеся на огневых позициях, танковые и моторизованные колонны, скопления автотранспорта, переправы, резервы и живая сила врага на поле боя.

Начиная с июля наши ВВС стали более активно действовать по вражеским аэродромам. В начале этого месяца командующий ВВС приказал командующим ВВС Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов с привлечением корпусов дальнебомбардировочной авиации нанести удары по 31 аэродрому противника. И лишь неблагоприятные метеоусловия не позволили осуществить полностью этот широкий замысел. Ударам подверглись только несколько аэродромов, главным образом в полосе Западного фронта.

Через пять дней после этого по аэродромам противника были нанесены удары одновременно почти на всем советско-германском фронте. Накануне всеми видами разведки было установлено, что утром 8 июля немецкая авиация готовится совершить налет на наши аэродромы. В связи с этим Ставка ВГК потребовала от командующих войсками фронтов нанести упреждающий удар по немецким аэродромам. На рассвете 8 июля соединения дальнебомбардировочной авиации и ВВС пяти фронтов нанесли бомбо-штурмовые удары по 40 аэродромам. Только ВВС Западного фронта сожгли и повредили 54 немецких самолета.

Всего за первые 18 дней войны ВВС фронтов для действий по аэродромам противника совершили более 1 тыс. самолето-вылетов и вывели из строя 348 вражеских

самолетов, 752 самолета были уничтожены в воздушных боях.

В трудных условиях начального периода войны партия, правительство и Верховное Главнокомандование провели многие мероприятия по укреплению Военно-воздушных сил. На базе ВВС приграничных военных округов создаются ВВС фронтов. С целью координации их усилий 10 июля были образованы главные командования ВВС Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. Приказом Ставки ВГК от 29 июня вместо начальника управления ВВС Красной Армии была учреждена должность командующего ВВС Красной Армии с правами заместителя Народного комиссара обороны. На эту должность был назначен генерал П. Ф. Жигарев, при нем был создан Военный совет и штаб. С 23 июня 1941 г. авиация Гражданского воздушного флота была передана в оперативное подчинение Наркома обороны. Из ГВФ создавались авиационные части, подразделения и отряды, которые направлялись в состав ВВС фронтов.

Для переучивания летного состава на новую технику и всесторонней подготовки его к боевым действиям создавались запасные авиационные полки и бригады. Во внутренних военных округах спешно формировались и направлялись на фронт новые авиационные части и соединения.

Одновременно Ставкой ВГК, Генеральным штабом и командованием ВВС Красной Армии были предприняты меры по устранению выявленных недочетов в организации, ведении и обеспечении боевых действий авиации.

В целях снижения потерь в самолетах в начале июля 1941 г. авиацию стали применять преимущественно на больших высотах и ночью. В дневное время на средних высотах использовать дальних бомбардировщиков под надежным прикрытием истребителей и после подавления зенитной артиллерии противника.

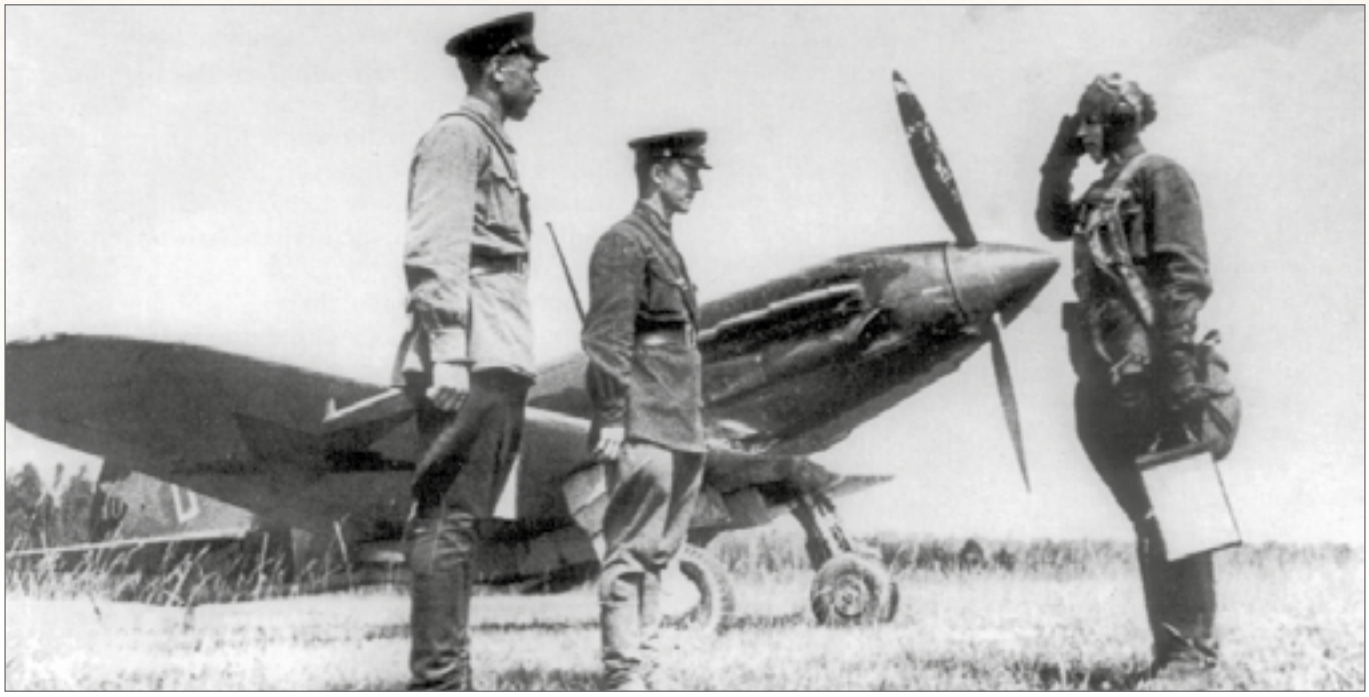
Стремясь усилить поддержку войск и повысить эффективность ударов по врагу, Ставка ВГК потребовала от командования ВВС «уничтожать танки, живую силу, бензоемкости, авиационные базы и самолеты на аэродромах огнеметанием с воздуха». В директиве указывалось:

«Немедленно организовать удар по главным и самым опасным группировкам противника с воздуха подразделениями самолетов, снаряженных гранулированным фосфором, термитными шарами, а также ампулами с горючей смесью...»

Обобщив опыт первых двух недель войны, командующий ВВС Красной Армии издал 9 июля директиву, в которой требовал от командования ВВС фронтов:

«При базировании авиации на аэродромах иметь на каждом из них не более 9 — 12 самолетов. После посадки самолеты немедленно рассредоточивать на полевых площадках, маскировать и отводить в укрытия. Для летно-технического состава вырыть щели. Установить строжайшую маскировочную дисциплину на аэродромах, не допуская открытого хождения по летному полю, езды на автомобилях».

Там же указывались мероприятия по улучшению службы воздушного наблюдения, оповещения и связи, повышению боевой готовности зенитных средств и истребителей к отражению нападения воздушного противника. Выполнение требований этой директивы дало положительные результаты. Потери наших самолетов от ударов вражеской авиации на аэродромах снизились.

▲ На боевое задание

* * *

В период с 10 июля по 30 сентября наша авиация прикрывала и поддерживала сухопутные войска во всех оборонительных операциях, проводившихся Красной Армией с целью остановить наступление противника, измотать и обескровить его ударные группировки и сорвать план «молниеносной» войны.

На северо-западном направлении немецкие войска группы армий «Север» после выхода на рубеж Псков, Остров, Опочка, Идрица стремились во взаимодействии с финскими войсками овладеть Ленинградом. Противник имел четырехкратное превосходство по орудиям и минометам, двойное по пехоте и полуторное по танкам и авиации. Его авиационная группировка насчитывала 1900 самолетов, из которых более 1200 действовали непосредственно под Ленинградом. Группировка нашей авиации состояла из ВВС Северного и Северо-Западного фронтов, ВВС Балтийского флота и 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО и имела 1300 в основном устаревших самолетов.

Чтобы лучше применять имевшиеся силы нашей авиации и оказать более эффективное воздействие на врага, Ставка ВГК оперативно подчинила ВВС фронтов и морского флота, а также 7-й истребительный авиационный корпус ПВО командующему ВВС Северо-Западного направления генералу А. А. Новикову, который координировал действия авиационных соединений и направлял их основные усилия на решение главных задач.

Оборонительные бои наших войск на дальних подступах к Ленинграду начались 11 июля. Танковые и моторизованные дивизии противника при поддержке авиации перешли в наступление одновременно на лужском, новгородском, олонецком и петрозаводском направлениях. Но наибольшую опасность представляли вражеские войска, которые, продвигаясь на Лугу и Новгород, пытались кратчайшим путем прорваться к Ленинграду. В связи с этим около 70% всех сил нашей авиационной

группировки было сосредоточено на борьбу с противником именно на этих направлениях.

Действуя эскадрильями и звеньями, бомбардировщики и истребители наносили удары по колоннам войск на дорогах, разрушали их переправы на реке Луга, уничтожали танки и живую силу врага на поле боя. Только 11 и 12 июля советские летчики вывели из строя на лужском направлении до 15 танков, сожгли более 90 автомашин и разрушили 2 переправы.

Не менее успешно действовала авиация на новгородском направлении. С 14 по 18 июля она активно поддерживала, войска 11-й армии Северо-Западного фронта, нанесшие контрудар в районе Сольцы. Для выполнения задач в интересах 11-й армии привлекались не только ВВС Северо-Западного фронта, но и 1-й корпус дальнебомбардировочной авиации, а также 2-я смешанная авиационная дивизия ВВС Северного фронта, всего около 235 самолетов. Днем и ночью вражеские войска подвергались ударам советской авиации, которая за пять дней боев совершила по объектам в районе Сольцы 1500 самолето-вылетов. В тесном взаимодействии с ВВС наши войска нанесли 8-й танковой дивизии противника большие потери, отбросив ее на запад на 40 км. Угроза прорыва немцев к Новгороду была временно устранена.

Бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер в своем дневнике в те дни записал:

«Авиация противника проявляет большую активность... совершает налеты на соединение корпуса Рейнгарда и наши пехотные дивизии, двигающиеся вдоль восточного берега Чудского озера... В общем в действиях авиации противника чувствуется твердое и целеустремленное руководство».

В ожесточенных боях вскрывались сильные и слабые стороны авиации противника, одновременно выявлялись недостатки в действиях наших летчиков и принимались энергичные меры по их устранению. Так, опыт первых дней войны показал, что немецкие истребители стремятся крупные группы советских самолетов расчленять и атаковывать по частям. В связи с этим наши бомбардировщики стали вести боевые действия в плотных боевых порядках, организуя огневой заслон против истребителей противника. Прикрывая сухопутные войска и важные объекты, советские истребители строили боевой порядок, состоявший из ударной и прикрывающей групп. На ударную группу возлагалось уничтожение вражеских бомбардировщиков, а на вторую группу — прикрытие ударной группы. При этом летчики-истребители получали задачи с учетом боевых свойств новых самолетов МиГ-3, Як-1 и устаревших И-16, И-153.

К концу июля наступление противника на ленинградском направлении было приостановлено. За 22 дня боев на дальних подступах к городу наша авиация совершила 16567 самолето-вылетов и нанесла противнику немалый урон.

Родина высоко оценила подвиги летчиков, защищавших Ленинград. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1941 г. старший лейтенант Л. И. Иванов, младший лейтенант П. А. Маркуца, капитан В. И. Матвеев, капитан Л. В. Михайлов, лейтенант С. А. Титовка и старшина Н. Я. Тотмин были удостоены звания Героя Советского Союза. Большая группа авиаторов была награждена орденами.

Закончив перегруппировку войск и подтянув резервы, немецкие войска при поддержке 1500 самолетов предприняли на Ленинград новое наступление. На этот раз они наносили удары с запада, юго-запада и северо-запада, стремясь окружить и уничтожить советские войска под Ленинградом и овладеть городом.

31 июля семь финских дивизий при поддержке авиации перешли в наступление на Карельском перешейке. Имея большое превосходство в силах, они подошли к старой государственной границе. Но все их попытки прорвать Карельский укрепленный район обороны успеха не имели.

Большую помощь войскам 23-й армии, оборонявшимся на этом направлении, оказали летчики 5-й смешанной (командир полковник Е. Е. Ерлыкин) и 41-й бомбардировочной авиационных дивизий (командир полковник И. Я. Новиков), которые за 16 дней совершили около 1100 самолето-вылетов. В этих боях особенно умело громили врага летчики штурмовой эскадрильи под командованием старшего лейтенанта Н. И. Свитенко. За семь дней они уничтожили до 20 вражеских автома-

шин с пехотой и сбили 7 самолетов в воздушных боях. В одном из вылетов самолет старшего лейтенанта Свитенко был поврежден зенитной артиллерией. Летчик произвел посадку на занятой врагом территории. Гибель его была неизбежна. Но на выручку командиру пришел летчик-комсомолец А. М. Слонов, который посадил свой самолет около поврежденной машины, на виду у подбегавших вражеских солдат забрал командира и прилетел в свою часть.

Для содействия нашим войскам в борьбе с танками врага, наступавшими на южных подступах к Ленинграду, советское командование привлекло основные силы авиации Северного фронта (350 самолетов), часть авиации Балтийского флота и 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО.

Тридцать суток продолжалось кровопролитное сражение. Атаки танков и пехоты противника следовали одна за другой. Немецкие бомбардировщики группами по 30 — 40 самолетов наносили удары по оборонительным позициям наших войск, пытаясь расчистить путь своим танковым дивизиям к Ленинграду.

Чтобы снизить интенсивность атак вражеской авиации, наши истребители стали прикрывать войска в светлое время суток непрерывным патрулированием. Возникали ожесточенные воздушные бои, которые на отдельных участках фронта перерастали в воздушное сражение с участием с обеих сторон по 100 — 150 самолетов. В этих боях высокое воинское мастерство и отвагу показали летчики 39-й истребительной авиационной дивизии под командованием полковника Е. Я. Холзакова. Только в августе они уничтожили около 100 немецких самолетов, при этом лейтенант А. В. Чирков сбил 7 машин, старший лейтенант А. Н. Сторожаков — 8, старший лейтенант П. А. Покрышев — 4.

Вместе с тем наши бомбардировщики 25 и 28 августа подвергли атакам 10 аэродромов противника, на которых воздушная разведка вскрыла большое сосредоточение самолетов. Действия по аэродромам были тщательно подготовлены. В каждой эскадрилье были выделены экипажи для подавления зенитных средств ПВО противника. Умело был выбран и момент удара — утром на рассвете, когда самолеты находились на аэродромах. Все это обеспечило внезапность и высокую результативность действий нашей авиации, которая, совершив 250 самолето-вылетов, уничтожила более 40 самолетов. А всего в августе потери немецкой авиации на этом участке фронта составили 213 самолетов. Активность вражеских бомбардировщиков заметно снизилась.

В эти же дни летчики 2-й бомбардировочной, 41-й истребительной авиационных дивизий и 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО непрерывно поддерживали оборонявшиеся войска на поле боя, совершая в день по 4 — 5 вылетов. За тридцать суток они совершили более 4 тыс. самолето-вылетов и вывели из строя много танков, сожгли до 200 автомашин и уничтожили много солдат и офицеров противника.

22 августа совместными усилиями сухопутных войск и авиации наступление немцев на южных подступах к Ленинграду было приостановлено. На рубеже Гатчина, Ораниенбаум линия фронта стабилизировалась до середины сентября.

На новгородско-чудском направлении противник перешел в наступление 10 августа. Стремясь разгромить наступавшие части 39-го немецкого механизированного корпуса, соединения 11-й и 34-й армий

Северо-Западного фронта нанесли контрудар в районе Старой Руссы. Для поддержки и прикрытия войск летчики фронтовой и дальнебомбардировочной авиации совершили 460 самолето-вылетов. Они действовали по войскам на поле боя, по подходящим резервам, непрерывным патрулированием прикрывали войска, наносили удары по железнодорожным объектам и эшелонам на станциях Гулбене, Валка, Псков.

В этих боях особенно умело действовали летчики 288-го штурмового авиационного полка под командованием майора И. В. Дельнова. Авиаторам ежедневно приходилось выполнять различные боевые задачи в сложных условиях воздушной и наземной обстановки, и каждый раз они проявляли высокое боевое мастерство, стойкость и отвагу.

14 августа воздушная разведка обнаружила вражескую колонну в составе до 150 автомашин с пехотой, которая двигалась в направлении на Сольцы. Для нанесения удара по ней были направлены летчики 288-го штурмового авиационного полка, Атаковав головные автомашины, они остановили колонну, а затем скучившиеся войска расстреливали пулеметно-пушечным огнем с бреющего полета. В результате налета было уничтожено и повреждено более 50 автомашин, движение колонны задержано на три часа.

В итоге контрудара наши войска при содействии авиации разгромили несколько немецких дивизий и отбросили их остатки на запад до 60 км. Гитлеровское командование вынуждено было перебрасывать в район Старой Руссы дополнительные силы с других участков фронта, в том числе из района Смоленска.

В это же время Ставка ВГК усилила советские войска и авиацию под Ленинградом. В первой половине августа на пополнение авиационной группировки прибыло четыре, а в сентябре девять авиационных полков. В целях облегчения руководства боевыми действиями войск и авиации 23 августа Северный фронт был разделен на два фронта: Ленинградский и Карельский. Соответственно были сформированы ВВС Ленинградского фронта (командующий генерал А. А. Новиков) и ВВС Карельского фронта (командующий генерал Т. Т. Хрюкин).

После перегруппировки войск гитлеровцы возобновили наступление. Начался самый тяжелый период борьбы за Ленинград.

Для поддержки наших войск было привлечено 600 самолетов Ленинградского фронта и 200 самолетов ВВС Балтийского флота. Вместе с ними над полем боя успешно действовали летчики 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО. В течение сентября наша авиация совершила в интересах сухопутных войск более 17 тыс. самолето-вылетов. Только ВВС Ленинградского фронта уничтожили и повредили

десятки танков противника, а также много орудий и автомашин. При содействии авиации и кораблей Балтийского флота сухопутные войска сорвали очередную попытку гитлеровцев захватить Ленинград. В конце сентября противник, понеся огромные потери и не добившись поставленных целей, прекратил наступательные действия.

В период оборонительных операций на дальних и ближних подступах к Ленинграду наша авиация наряду с уничтожением войск противника вела борьбу и с его авиацией. На выполнение этой задачи она совершила более 15 тыс. самолето-вылетов. Удары по аэродромам противника проводились по специальному плану, разработанному штабом ВВС Ленинградского фронта. Всего за период с 22 июля по 22 сентября для ударов по аэродромам врага авиация Северо-Западного направления совершила 1760 самолето-вылетов, уничтожила и повредила до 500 немецких самолетов.

Борьба в воздухе осуществлялась также по единому плану. Для отражения налетов немецких самолетов на Ленинград привлекались части 7-го истребительного авиакорпуса ПВО, ВВС фронта и ВВС Балтийского флота. За истребительными дивизиями были закреплены зоны уничтожения самолетов в воздухе. При отражении массированных налетов вражеских бомбардировщиков на Ленинград общее руководство всей авиацией осуществлял командир 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО полковник С. П. Данилов. Для управления истребителями в воздухе были организованы вспомогательные пункты управления и наведения, с которых истребители наводились на самолеты противника при помощи радиосредств. Над Ленинградом, Кронштадтом и другими наиболее важными объектами непрерывно патрулировали группы истребителей.

За период июль — сентябрь 1941 г. в налетах на Ленинград участвовало 4306 немецких самолетов. Но благодаря активному противодействию всех средств ПВО, особенно истребителей, к городу за этот период прорвалось лишь 508 бомбардировщиков. В воздушных боях было уничтожено 333 вражеских самолета.

Мужественно и самоотверженно трудились инженеры, техники и мотористы, возглавляемые бригадным инженером А. В. Агеевым. Хорошо работали специалисты тыла по подготовке аэродромной сети и всестороннему обеспечению боевой деятельности авиационных частей. Непрерывно участвовавшие в боях самолеты нередко возвращались на аэродром с многочисленными пробоинами и серьезными повреждениями, но уже через несколько часов умелыми руками технического состава, работавшего без сна и отдыха, они снова возвращались в строй.

Личный состав частей работал при артиллерийских обстрелах и бомбардировках. Взлет производился из капониров, вне зависимости от направления ветра. После посадки самолеты рулили к укрытию на большой скорости. По сигналу колокола технический состав выбегал из щелей, производил закатку самолета и опять укрывался по щелям.

Всего за период летних сражений под Ленинградом (до 30 сентября 1941 г.) наша авиация произвела около 60 тыс. самолето-вылетов. Среднее напряжение составляло:

▲ Самолет в укрытие

▲ Налет

у истребителей — 3 — 4, бомбардировщиков — 2 — 3 самолето-вылета в день.

После того как Ленинград был блокирован с суши, усилия нашей авиации направлялись на защиту осажденного города. Советские летчики наряду с действиями по войскам противника прикрывали трассу подвоза на Ладожском озере, доставляли в город боеприпасы, вооружение, продовольствие и эвакуировали раненых, больных воинов и население города.

* * *

Еще более напряженной была обстановка на западном направлении. После выхода на рубеж рек Западная Двина и Днепр противник развернул наступление на ельнинском, рославльском и великолукском направлениях, преследуя цель в короткий срок разгромить войска Западного фронта и овладеть Смоленском, а затем повернуть свою 3-ю танковую группу на север для содействия группе армий «Север» в захвате Ленинграда. В дальнейшем гитлеровское командование планировало использовать район Смоленска как исходный плацдарм для наступления на Москву.

Группа армий «Центр», наступавшая на этом направлении, располагала подавляющим превосходством в силах и средствах над советскими войсками. С воздуха немецкие войска поддерживались 2-м воздушным флотом, который насчитывал 1 тыс. самолетов. В то же время ВВС Западного фронта имели всего около 370 самолетов. Кроме того, для усиления авиации Западного фронта привлекались 120 бомбардировщиков 3-го корпуса ДВА и 150 самолетов ВВС Резервного фронта (командующий ВВС генерал Б. А. Погребов). Общую координацию действий привлекаемых сил авиации на данном направлении осуществлял командующий ВВС Западного фронта полковник Н. Ф. Науменко.

Первые пять дней Смоленской оборонительной операции характеризовались упорными боями за удержание днепровско-двинского речного рубежа. На поддержку и прикрытие войск, оборонявшихся на Днепре и Западной Двине, были привлечены все имеющиеся силы нашей авиации. Советские летчики наносили удары по переправам, танковым колоннам, войскам на поле боя и вражеским самолетам на аэродромах. Переправы разрушались небольшими группами бомбардировщиков и штурмовиков. Средствами поражения являлись фугасные и осколочные бомбы и зажигательные смеси, которые в лесистой местности повышали эффективность действий. Мотомеханизированные колонны подвергались атакам главным образом на лесных и проселочных дорогах, пролегающих через болотистую местность.

Командование Западного фронта в своих сообщениях Ставке ВГК высоко оценивало боевые действия нашей авиации:

«ВВС с утра 13 июля нанесли мощный удар по противнику в районе Витебска и продолжают систематическое воздействие на колонны противника в этом районе. Одновременно ударом с воздуха разрушены переправы противника у Шклова, и беспрерывным атакам подвергаются колонны танков противника в районе Горки. За 14 июля атаками с воздуха уничтожено много войск противника».

Несмотря на упорное сопротивление советских войск и активные действия авиации, врагу ценой больших потерь все же удалось форсировать Западную Двину и Днепр и преодолеть оборону наших войск в районах Витебска, Орши и Шклова. С захваченных плацдармов немцы предприняли наступление в общем направлении на Смоленск, стремясь окружить и уничтожить наши войска, оборонявшиеся на участке Витебск, Шклов.

С целью срыва замысла противника войска Западного фронта с 23 по 25 июля нанесли контрудары в районах Рославля, Белого и Ярцево. Для поддержки сухопутных войск привлекались почти все авиационные части и соединения Западного и Резервного фронтов и 3-го корпуса ДБА. Чтобы обеспечить тесное взаимодействие авиачастей с сухопутными войсками, штаб ВВС Западного

фронта направил на КП контрударной группы своих представителей, которые по радио информировали авиационное командование о наземной и воздушной обстановке, передавали заявки от войск на очередные удары авиации, согласовывали с ними сигналы взаимообозначения и целеуказания. Перед началом контрудара 47-я смешанная и 43-я истребительная авиационные дивизии перебазировались ближе к району боевых действий. Полки этих дивизий выделили по 1 — 2 звена и посадили их на полевых площадках в 11 — 20 км от линии фронта. Это позволило увеличить количество самолето-вылетов и своевременно перехватывать вражеские самолеты в воздухе.

В течение трех дней на земле и в воздухе шли упорные бои. Советские ВВС перед началом контрудара подвергли атакам подошедшие резервы, аэродромы (Улла, Бешенковичи, Крупка, Пуховичи, Вильно, Осиповичи и др.) и железнодорожные узлы Орша и Витебск, где воздушная разведка обнаружила воинские эшелоны противника. Утром 23 июля, когда стрелковые дивизии в сопровождении танков перешли в атаку, штурмовики и бомбардировщики небольшими группами стали уничтожать немецкие танки и огневые средства непосредственно впереди атакующих войск.

В результате контрудара войска Западного фронта при содействии авиации нанесли противнику серьезные потери и сковали его крупные силы в районах Ярцево, Белого и Рославля. Тем самым было улучшено положение войск 20-й и 16-й армий, ведущих тяжелые бои в районе Смоленска.

В это же время войска левого крыла Западного фронта при содействии трех авиационных дивизий в упорной борьбе приостановили наступление войск 2-й армии и 2-й танковой группы противника. 26 июля 1941 г. на этом направлении из частей войск Западного фронта был сформирован Центральный фронт, в его состав вошли 13-я и 21-я армии. Были созданы и ВВС фронта (командующий генерал Г. А. Ворожейкин), в их состав вошли 11-я и 28-я смешанные и 13-я бомбардировочная авиационные дивизии.

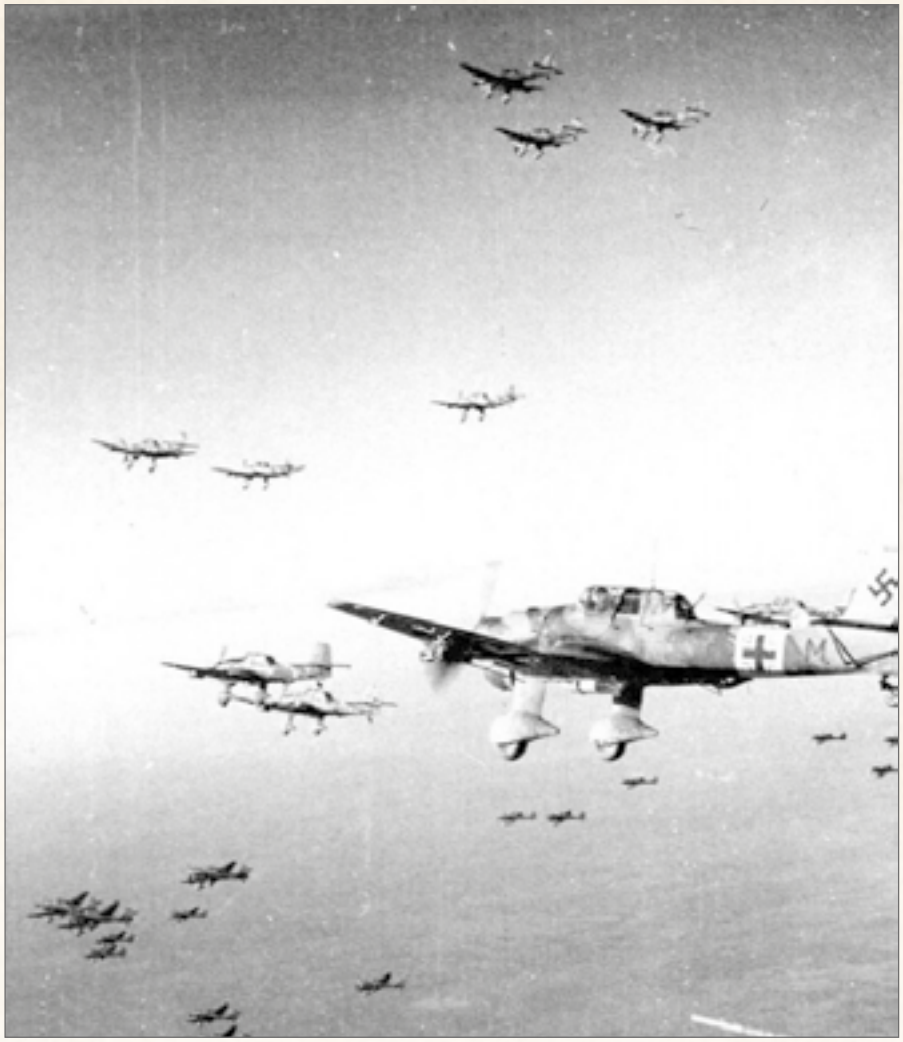
К концу июля наступление врага было остановлено. За период с 10 по 31 июля советская авиация на поддержку и прикрытие войск на смоленском направлении совершила около 5200 самолето-вылетов, в воздушных боях советские летчики уничтожили до 200 фашистских самолетов. Войскам была оказана существенная помощь.

8 августа гитлеровское командование направило часть войск группы армий «Центр» (2-ю армию и 2-ю танковую группу) на юг с целью разгрома войск Центрального фронта и дальнейшего развития наступления в направлении на Конотоп и Чернигов с выходом в тыл Юго-Западному фронту.

Войска Центрального фронта, уступавшие противнику в силах и средствах, не смогли отразить вражеского наступления и начали отход. Для прикрытия брянского направления 16 августа были созданы Брянский фронт и его ВВС (командующий ВВС генерал Ф. П. Полынин). Перед войсками фронта была поставлена

▲ Захваченный фашистский стервятник

задача нанести два контрудара — один во фланг 2-й танковой группе в районе Стародуба и второй во взаимодействии с Резервным фронтом в районе Рославля — и задержать противника.

Одновременно Ставка ВГК дала указание командованию ВВС Красной Армии о проведении 29 — 31 августа 1941 г. воздушной операции, с тем, чтобы сорвать наступление 2-й танковой группы противника. Для этой цели привлекалось 450 самолетов из состава ВВС фронтов Западного направления и дальнебомбардировочной авиации. Штаб ВВС Красной Армии разработал план воздушной операции, который был утвержден Верховным Главнокомандующим.

Воздушная операция длилась шесть суток. Бомбардировщики и штурмовики начиная с 29 августа непрерывно наносили удары по танковым колоннам противника в районах Унечи, Стародуба, Трубчевска, Новгород-Северского. Недостаток в самолетах, ощущаемый в ходе боевых действий, восполнялся за счет высокого напряжения экипажей. Так, 30 и 31 августа летчики на тяжелых четырехмоторных бомбардировщиках ТБ-3 совершали по два вылета за одну ночь, на самолетах СБ, Пе-2 и Ил-2 — по 3 — 4 вылета и на истребителях — по 6 — 7 вылетов в день. Всего за время операции было произведено более 4 тыс. самолето-вылетов.

Командующий войсками Брянского фронта генерал А. И. Еременко, вспоминая о действиях авиации во время воздушной операции, в своих послевоенных мемуарах писал:

«ВВС фронта, используя каждый летный день, наносили противнику большие потери. Только за 30 — 31 августа было совершено около 1500 самолето-вылетов, сброшено 4500 различных бомб, уничтожено более 100 танков, 20 бронемашин, взорван склад горючего, сбито и уничтожено 55 самолетов. Удары авиации тесно увязывались с действиями наземных войск западнее Трубчевска».

Высокую оценку получили летчики и от Верховного Главнокомандующего, который в телеграмме командующему войсками фронта писал:

«Авиация действует хорошо, но она действовала бы лучше, если бы разведчики вызывали бомбардировщиков быстро и по радио, а не по возвращении к месту посадки... Желаю успеха. Привет всем летчикам».

В ходе воздушной операции наши ВВС наносили эффективные удары также по аэродромам врага. 30 августа советские летчики атаковали 8 немецких аэродромов, на которых уничтожили 57 самолетов, а 1 и 2 сентября были подвергнуты налетам еще 9 аэродромов. Решительные действия нашей авиации оказали свое влияние на воздушную и наземную обстановку.

В результате сильных контрударов наших войск и активных действий авиации ударная группировка противника понесла серьезные потери. Гитлеровцы вынуждены были часть дивизий, предназначавшихся для наступления в южном направлении, повернуть против войск Брянского фронта, что снизило темпы продвижения 2-й танковой группы на конотопском направлении.

Не менее напряженно в это время проходили бои восточнее Смоленска, где войска Западного и Резервного фронтов при поддержке авиации продолжали изматывать главные силы врага. В ходе контрударов в районах Духовщины и Ельни ему были нанесены тяжелые потери. Только в районе Ельни было убито и ранено около 50 тыс. немецких солдат и офицеров. Ельня была освобождена, а враг отброшен на 25 — 30 км.

Успешные действия нашей ави-

ации неоднократно отмечались командующим войсками фронта. В приказе командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко указывалось, что

« 21 и 22 августа враг пытался приостановить движение наших войск, он ввел крупные силы танков, мотомехвойск, с большой самонадеянностью атаковал наши части. Но дни легких побед врага миновали... Славные 64-я и 50-я стрелковые дивизии и доблестная 47-я авиадивизия (61-й и 215-й штурмовые и 129-й истребительный авиаполки) разбили фашистские танки и заставили гитлеровцев в беспорядке отступить. Враг потерял до 130 танков, больше 100 автомашин, много орудий, боеприпасов и 1000 убитыми и ранеными».

Стремясь ослабить воздействие немецкой авиации по нашим войскам, ВВС Западного фронта и летчики дальнебомбардировочной авиации с 10 по 14 июля подвергли атакам 33 вражеских аэродрома, уничтожив и повредив на них до 100 самолетов. Но и фашистская авиация усилила налеты на наши аэродромы. Однако они не были уже такими эффективными, как в первые дни войны, так как наши самолеты на стоянках хорошо маскировались и рассредоточивались, повысилась бдительность и боевая готовность средств ПВО аэродромов. Одновременно возросла активность действий наших летчиков-истребителей, которые в первую очередь стали уничтожать бомбардировщики противника.

Успешно вел борьбу с вражеской авиацией 401-й истребительный авиационный полк на самолетах МиГ-3 под командованием Героя Советского Союза прославленного летчика-испытателя подполковника С. П. Супруна. Под его командованием летчики ежедневно совершали по 5 — 6 боевых вылетов. 4 июля в одном из воздушных боев с превосходящими силами врага С. П. Супрун геройски погиб. 22 июля 1941 г. он был посмертно удостоен второй медали «Золотая Звезда». Это был первый дважды Герой Советского Союза в Великой Отечественной войне.

По мере продвижения войск противника в глубь нашей страны его авиация начала совершать бомбардировочные налеты на Вязьму, Брянск, Москву, Ленинград и другие советские города. Известно, что 8 июля Гитлер отдал приказ немецким ВВС массированными налетами разрушить Москву. Первый налет на столицу был совершен в ночь на 22 июля 1941 г. В нем участвовало 250 бомбардировщиков. Для отражения этого налета привлекалось 170 истребителей, которые совместно с зенитной артиллерией уничтожили 22 фашистских самолета. К Москве прорвались лишь отдельные бомбардировщики. Приказом Народного комиссара обороны от 23 июля 1941 г. за успешные действия по отражению налета на Москву летчикам 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО (командир полковник И. Д. Климов) была объявлена благодарность.

За период с 22 июля по 15 августа 1941 г. на Москву было совершено 18 ночных налетов. В восьми из них участвовало по 120 бомбардировщиков в каждом, а в остальных по 50 — 80 самолетов. Летчики-истребители и зенитная артиллерия ПВО успешно справились с задачей отражения налетов немецкой авиации. Основная масса бомбардировщиков не смогла прорваться к городу. Из 1700 самолетов, участвовавших в налетах, к столице прорвалось всего лишь около 70.

В воздушных боях по отражению вражеских налетов героически сражался заместитель командира авиаэскадрильи 177-го истребительного авиационного полка младший лейтенант В. В. Талалихин. В ночь на 7 августа на подступах к Москве он вступил в бой с бомбардировщиком. Израсходовав весь боекомплект, отважный летчик пошел на таран и уничтожил вражеский самолет. Это был один из первых воздушных таранов, произведенных ночью. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В последующих боях Талалихин уничтожил еще четыре самолета. 27 октября 1941 г. он погиб в воздушном бою. Приказом Министра обороны В. В. Талалихин навечно зачислен в списки 177-го истребительного авиационного полка.

В защите столицы от ударов с воздуха значительную роль сыграли части и соединения ВВС Западного фронта и дальнебомбардировочной авиации. В период наиболее интенсивных налетов на Москву (22 июля — 15 августа 1941 г.) они подвергли ударам 118 аэродромов

▲ Юнкерсы-87

противника, в результате активность немецкой авиации заметно снизилась. Во второй половине августа и в сентябре налеты фашистских бомбардировщиков осуществлялись уже мелкими группами и одиночными самолетами и носили в основном беспокоящий характер.

В течение июля ВВС Западного фронта, ведя интенсивные боевые действия, получили на пополнение более 900 самолетов. Но в результате понесенных потерь и частичной передачи авиаполков в состав других фронтов общее количество самолетов по сравнению с 10 июля уменьшилось в 2 раза.

К началу августа они имели всего 180 самолетов. Но и численность немецкой авиации на этом направлении сократилась почти в 4 раза. 2-й воздушный флот насчитывал 250 самолетов. Все это привело к снижению активности действий авиации с обеих сторон. Тем не менее борьба в воздухе не прекращалась. Совершив за август 188 самолето-вылетов для ударов по аэродромам, ВВС Западного фронта вывели из строя около 70 немецких самолетов. Наши потери на аэродромах за это время составили всего лишь один самолет.

Смоленская оборонительная операция сыграла важную роль в срыве гитлеровского плана «молниеносной» войны. По признанию немецкого командования, их моторизованные и танковые дивизии потеряли половину боевой техники, а общие людские потери составляли до 450 тыс. человек. Наши ВВС произвели около 22 тыс. самолето-вылетов и оказали значительное содействие сухопутным войскам в решении поставленных задач.

На юго-западном направлении гитлеровское командование поставило перед группой армий «Юг» задачу в кратчайший срок овладеть Киевом, окружить и уничтожить советские войска на Правобережной Украине. На стороне врага было двукратное превосходство по танкам, орудиям и пехоте. Его авиационная группировка (4-й воздушный флот Германии и ВВС Румынии) насчитывала 1150 самолетов. Почти такое же количество самолетов имели наши ВВС, но на 75% они были устаревших типов. Координацию действий ВВС Южного фронта (командующий генерал П. С. Шелухин, с 24 сентября 1941 г. полковник К. А. Вершинин) и ВВС Юго-Западного фронта (командующий генерал Ф. А. Астахов) осуществлял командующий ВВС Юго-Западного направления генерал Ф. Я. Фалалеев.

10 июля четырнадцать немецких дивизий при поддержке авиации перешли в наступление. Прорвав оборону, они устремились к Киеву. Возникла угроза захвата врагом столицы Украины. С целью срыва планов противника советские войска при содействии авиации нанесли контрудар во фланг противнику — в направлении на Новгород-Волынский и Червоноармейск. Тяжелые бои на киевском направлении продолжались около месяца. Потеряв свои лучшие отборные войска, противник прекратил наступление.

В срыве вражеского наступления немаловажная роль принадлежала нашей авиации, которая применялась массированно и целеустремленно на решающих участках фронта. В интересах 5-й армии, наносившей контрудар, было привле-

чено шесть авиационных дивизий фронтовой авиации и два корпуса дальнебомбардировочной авиации. Наши летчики вели боевые действия с большим напряжением, ежедневно совершая по 4 — 5 боевых вылетов. Они подвергали ударам танковые и моторизованные колонны на шоссе Житомир — Киев, уничтожали войска на поле боя и авиацию на аэродромах, прикрывали с воздуха Киев, переправы и мосты через Днепр, железнодорожные узлы Нежин и Чернигов. На выполнение всех этих задач было совершено до 5 тыс. самолето-вылетов.

В боях под Киевом особенно успешно сражались летчики 62-й бомбардировочной авиационной дивизии под командованием Героя Советского Союза полковника В. В. Смирнова и 36-й истребительной авиационной дивизии, которой командовал Герой Советского Союза полковник В. В. Зеленцов. За активную помощь войскам в отражении наступления противника летчики этих дивизий получили благодарность от Военного совета Юго-Западного фронта.

На самом южном крыле советско-германского фронта наши войска поддерживались четырьмя авиационными дивизиями Южного фронта и ВВС Черноморского флота, которые за 45 дней совершили свыше 10 тыс. самолето-вылетов.

В боях высокое мастерство, отвагу и героизм проявили летчики 210-го бомбардировочного авиационного полка (командир подполковник А. В. Кожемякин). 31 июля в районе Голованевска танки и пехота противника атаковали части 17-го стрелкового корпуса. Большую активность проявила и немецкая артиллерия. На помощь советским войскам были привлечены экипажи бомбардировочного полка, которые подавили огонь артиллерии, взорвали склад боеприпасов и уничтожили несколько танков врага. Благодаря этому наши войска вышли из-под удара превосходящих сил противника. Военный совет 18-й армии объявил благодарность летному составу 210-го бомбардировочного авиационного полка. В период 14 — 16 августа в районе Баштанка, Бармашев, станция Явкино бомбардировщики 210-го полка уничтожили до 8 танков и 30 автомашин, чем содействовали выходу из окружения частей 18-й армии. За эти действия летчики полка были отмечены второй благодарностью командования. Позднее, ведя боевые действия на днепропетровском направлении, экипажи 210-го бомбардировочного полка только 25 и 26 августа вывели из строя несколько танков и 18 автомашин с пехотой, разрушили переправу через Днепр. За большие заслуги перед Родиной 13 летчиков полка были награждены орденами.

Не менее успешно сражались экипажи 5-го бомбардировочного авиационного полка (командир подполковник Г. С. Кучерков). 15 июля в районе Леово они помогли частям 2-го стрелкового корпуса отразить атаку танкового соединения противника. 21 июля летчики этого полка совместно с истребителями 67-го истребительного авиационного полка нанесли большой урон вражеской дивизии, а 23 июля разрушили две переправы в районе Ямполь, Сороки. Напряженно сражались и истребители 131-го истребительного авиационного полка (командир подполковник Л. А. Гончаров). За 4 месяца войны они совершили до 1500 самолето-вылетов только на штурмовые действия по войскам на поле боя. Хотя на вооружении полка находились устаревшие типы самолетов, летчики провели множество воздушных боев и уничтожили в них 63 фашистских самолета, потеряв своих 38.

В боях на этом направлении получил боевое крещение командир звена 55-го истребительного авиаполка старший лейтенант А. И. Покрышкин. 20 июля он вылетел на разведку в район Бельцы. Во время выполнения боевой задачи его самолет был подбит огнем зенитной артиллерии противника. Продолжать полет было невозможно. Приземлившись на территории, занятой врагом, Покрышкин уничтожил свою машину, сумел пробраться через линию фронта и на третьи сутки вернулся в часть. Прошло несколько дней, и он снова начал выполнять боевые задачи. В одном из вылетов в районе Акимовки старший лейтенант Покрышкин поджег железнодорожные сооружения и подавил огонь артиллерийской батареи немцев. Меткие и решительные атаки его летчиков помогли нашим войскам вытеснить фашистов из населенного пункта. Покрышкину и летчикам его звена была объявлена благодарность командующим ВВС 9-й армии.

Перегруппировав войска и усилив свою южную ударную группировку двумя армиями, переброшенными из района Смоленска, немецкое командование возобновило наступление. Соотношение сил сторон на этом направлении резко изменилось в пользу противника. Войска Юго-Западного и Южного фронтов оказались в очень тяжелом положении. Их с воздуха поддерживали соединения фронтовой авиации и две дивизии дальнебомбардировочной авиации. Кроме того, сюда были направлены 4-я и 5-я резервные авиационные группы, которые насчитывали четыре истребительных, три штурмовых и два бомбардировочных авиационных полка.

В течение сентября советская авиация совершила на этом направлении около 10 тыс. самолето-вылетов. При этом до 80% ее сил направлялось на борьбу с 1-й и 2-й танковыми группами немцев и уничтожение их переправ на реках Десна и Днепр. Однако превосходство врага было подавляющим, и решить эти задачи полностью не удалось. Продолжая развивать наступление, фашистские войска 9 сентября окружили в районе Киев, Прилуки, Пирятин часть войск Юго-Западного фронта.

В окружении оказались также командование и штаб военно-воздушных сил фронта, а также личный состав некоторых авиационных дивизий. Заместитель командира 62-й бомбардировочной авиационной дивизии генерал Г. И. Тхор, попав в окружение в районе города Пирятин, возглавил группу офицеров и сержантов тыла ВВС и с боями стал выводить их из окружения. В нерав-

ном бою с превосходящими силами врага он был тяжело ранен и в бессознательном состоянии взят в плен.

В берлинской гестаповской тюрьме гитлеровцы всяческими способами склоняли генерала Тхора к измене Родине. Но патриот Отчизны остался верен ей и развернул большую работу среди военнопленных. В лагере Хаммельбург генерал Тхор возглавил деятельность подпольной организации советских офицеров и генералов. Под его руководством подпольный комитет в условиях жестокого фашистского террора организовал празднование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и готовил военнопленных к массовому побегу из плена.

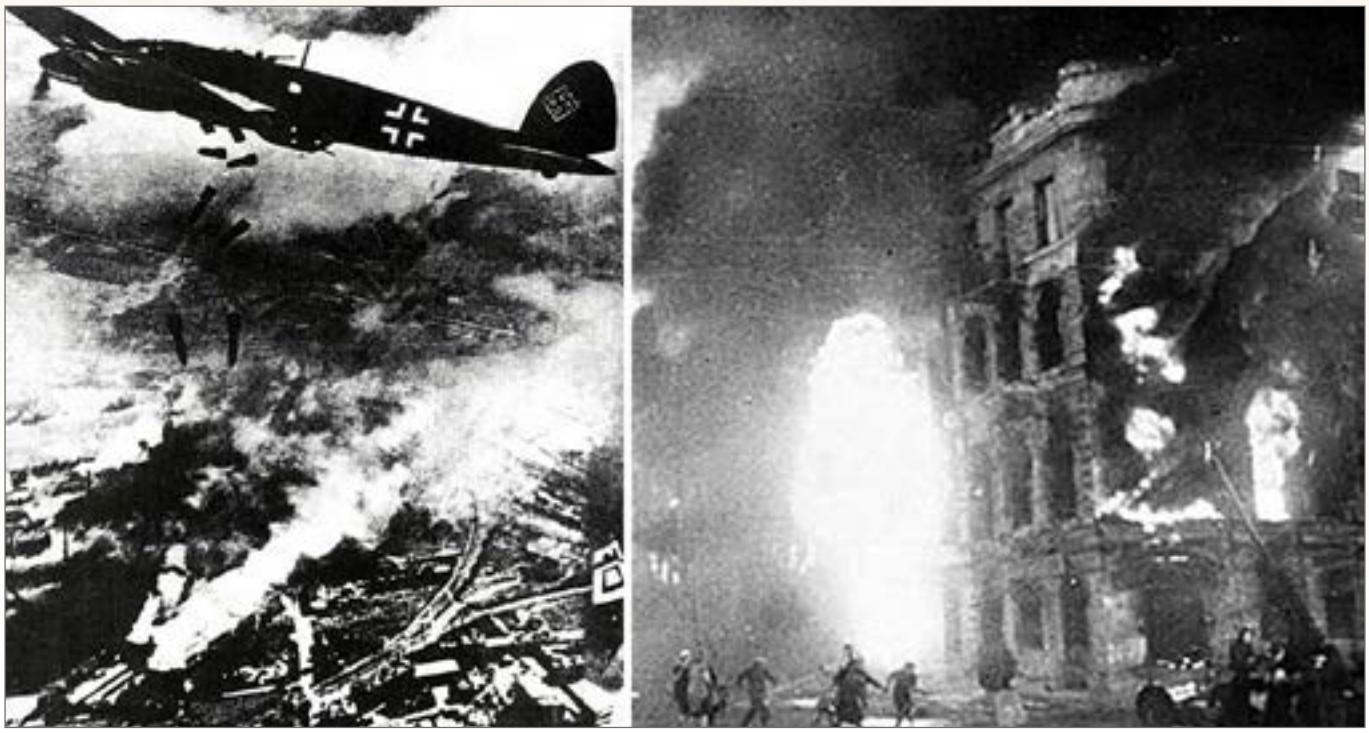
По материалам немецкого архива известно, что в декабре 1942 г. генерал Тхор, закованный в кандалы, был переведен в Нюрнбергскую тюрьму, где подвергался зверским пыткам и истязаниям, а затем был перевезен в концентрационный лагерь Флоссенбург под особый режим гестапо. Фашистам никакими пытками и истязаниями не удалось сломить волю советского воина-коммуниста. В январе 1943 г. генерал Тхор был расстрелян. Его безграничная преданность Родине, верность военной присяге и в наши дни служит ярким примером для всех воинов Советских Вооруженных Сил. Приказом Министра обороны СССР генерал Г. И. Тхор навечно зачислен в списки первой эскадрильи бомбардировочного авиационного полка, в котором он служил.

* * *

Боевые действия на подступах к Одессе начались 10 августа. Советская авиация на этом направлении была малочисленной и уступала противнику в 4 — 5 раз. Отдельная Приморская армия имела лишь один 69-й истребительный авиационный полк в составе 30 самолетов. Небольшими силами здесь действовали ВВС Черноморского флота и авиаотряд Гражданского воздушного флота.

В боях под Одессой особенно отличились командир 69-го истребительного авиационного полка майор Л. Л. Шестаков и комиссар полка батальонный комиссар Н. А. Верховец. Они лично совершали по 4 — 5 вылетов в день и своими смелыми действиями воодушевляли летчиков на подвиги. 9 августа группа истребителей, возглавляемая майором Шестаковым, после штурмовых действий по войскам в районе Катаржино завязала бой с 12 Ме-109 и 9 из них сбила, не имея своих потерь. Самоотверженность, отвагу и героизм проявили также военком эскадрильи старший политрук С. А. Куница, командиры звеньев старший лейтенант А. Т. Череватенко и лейтенант В. А. Серогодский, командиры эскадрилий старшие лейтенанты П. Б. Полоз и А. А. Елохин, летчики лейтенанты А. В. Алелюхин и И. Г. Королев, заместитель командира полка капитан Ю. Б. Рыкачев.

Майор Л. Л. Шестаков с первых дней войны находился на фронте, смело и решительно уничтожал врага на земле и в воздухе. Под его командованием летчики успешно выполняли боевые задачи, содействуя войскам в обороне города, за что полк был преобразован в гвардейский и награжден орденом Красного Знамени. 12 летчиков полка получили звание Героя Советского Союза. Шестаков за два с половиной года войны произвел свыше 200 боевых вылетов. Им было совершено 65 штурмовых атак наземных целей

▲ Воздушнй налет

и проведено 82 воздушных боя, в которых он лично сбил 15 и в группе 11 фашистских самолетов. 13 марта 1944 г. в воздушном бою в районе города Проскуров он погиб смертью храбрых. За выдающиеся заслуги по руководству боевыми авиачастями, за беззаветную храбрость и отвагу Герой Советского Союза полковник Л. Л. Шестаков навечно зачислен в списки истребительного авиационного полка, в котором он служил.

22 сентября, после прибытия пополнения, наши войска нанесли комбинированный контрудар по противнику с фронта и тыла. Накануне ночью в районе Григорьевки был высажен морской десантный полк. За три минуты до его высадки авиация Черноморского флота выбросила за линию фронта воздушный десант, который нарушил управление и вызвал панику в рядах вражеских войск. Поддержка морского десанта с воздуха осуществлялась силами ВВС Черноморского флота, 69-го истребительного авиационного полка и авиаотряда ГВФ. Днем 22 сентября наша авиация нанесла несколько ударов по аэродромам и вывела из строя до 20 самолетов противника, подавляла его войска на поле боя и подходившие резервы. Десантные подразделения и войска Одесского гарнизона при содействии авиации атаковали и разгромили две вражеские дивизии, отбросив их остатки на 5 — 8 км. Только убитыми и пленными противник потерял до 2 тыс. человек. Фашисты лишились возможности обстреливать порт из орудий. Положение Одесского гарнизона несколько улучшилось. В течение трех суток наша авиация совершила более 1500 самолето-вылетов, в воздушных боях она уничтожила 12 немецких самолетов.

Но в это время в Крыму, после прорыва противником перекопских оборонительных позиций, обстановка резко ухудшилась. Создалась угроза потери Севастополя и нарушения морских сообщений с Одессой, по которым осуществлялся подвоз резервов, боеприпасов и оказывалась поддержка войскам и кораблям флота. В связи с этим Ставка ВГК приказала вывести войска из Одессы для усиления обороны Крыма.

В период эвакуации войск из Одессы (1 — 16 октября 1941 г.) советские истребители непрерывным дневным патрулированием в воздухе прикрывали суда в море и погрузку войск; атаковывали войска противника на поле боя и самолеты на аэродромах.

В период обороны Одессы наша авиация совершила более 8 тыс. самолето-вылетов и оказала большую поддержку войскам и флоту. Среди летчиков Черноморского флота особенно отличились командир эскадрильи майор А. П. Цурцумия, удостоенный посмертно звания Героя Советского Союза, капитан А. А. Гнедой, майор П. Н. Аккуратов, капитан А. М. Бондаренко и многие другие. Оборона Одессы вошла в историю как образец стойкости, мужества советских воинов, умелого использования сил и средств, тесного взаимодействия войск, флота и авиации в борьбе с превосходящими силами противника.

Таким образом, во всех оборонительных операциях на юго-западном направлении наша авиация принимала самое активное участие. За период с 11 июля по 30 сентября 1941 г. она совершила более 59 тыс. самолето-вылетов, в том числе ВВС Юго-Западного фронта — до 21 тыс., ВВС Южного фронта — около 19 тыс., ВВС Черноморского флота — более 17 тыс., дальнебомбардировочная авиация — до 2300 самолето-вылетов.

Основные усилия авиации направлялись на уничтожение вражеских объектов и войск на поле боя и резервов в оперативной глубине. На удары по аэродромам за первые три месяца войны было затрачено только 245 самолето-вылетов, но эффективность их оказалась высокой. Так, за период 1 июля — 10 августа 1941 г. ВВС Юго-Западного фронта уничтожили на аэродромах 72 самолета, а потери нашей авиации на аэродромах за этот период составили 44 самолета. Воздушные бои советских летчиков носили более целеустремленный характер, чем в первые дни войны. В первую очередь уничтожались бомбардировщики. Командование ВВС Юго-Западного направления умело маневрировало силами авиации и добивалось численного превосходства на важнейших участках фронта, что позволяло в наиболее ответственные периоды удерживать инициативу в воздухе.

Боевые действия дальнебомбардировочной авиации в летних операциях проводились во взаимодействии с войсками и авиацией фронтов. Большая часть ее самолето-вылетов была совершена на уничтожение вражеских войск. Из общего количества 11 186 самолето-вылетов 70% было произведено днем и 30% ночью. Действия по аэродромам занимали около 9% от общего количества вылетов. Ударам подвергались главным образом более удаленные аэродромы, с которых бомбардировщики противника производили налеты на Москву, Ленинград и другие города. За первые три месяца войны экипажи дальнебомбардировочной авиации уничтожили и повредили на аэродромах 414 вражеских самолетов.

Дальнебомбардировочная авиация во взаимодействии с ВВС Черноморского и Балтийского флотов с первых дней войны периодически наносила удары по военно-промышленным объектам в глубоком тылу противника. Только с 10 по 30 июля авиаполки 4-го авиационного корпуса дальнебомбардировочной авиации совершили восемь налетов на объекты глубокого тыла противника.

В августе 1941 г. в связи с систематическими налетами немецкой авиации на Москву и Ленинград Верховное Главнокомандование приняло решение нанести ответные удары по столице фашистской Германии Берлину. Для этой цели была выделена группа 1-го бомбардировочного авиационного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота в составе 13 самолетов Ил-4 (командир полка полковник Е. Н. Преображенский). В ночь на 8 августа эта группа совершила первый налет на Берлин. В течение месяца для ударов по объектам Берлина было совершено 72 самолетовылета.

Кроме ВВС Балтийского флота по Берлину действовала также 81-я авиационная дивизия дальнебомбардировочной авиации (командир полковник Н. И. Новодранов). В течение августа — сентября она совершила ряд успешных налетов на военные объекты Берлина и других городов Германии.

За успешные действия по военным объектам Берлина многие авиаторы были награждены орденами, а наиболее отличившиеся удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе капитан В. Г. Тихонов и лейтенант В. И. Лахонин.

Боевые действия советских Военно-воздушных сил летом 1941 г. велись одновременно на 3000-километровом фронте от Баренцева до Черного моря. Бои носили ожесточенный характер, требовали высокого напряжения физических и моральных сил авиаторов и отличались упорством и массовым героизмом советских летчиков. В результате внезапного нападения сильного и опытного противника ВВС наших приграничных округов понесли крупные потери. Однако, несмотря на крайне трудные условия, советская авиация сумела оказать большую помощь и поддержку сухопутным войскам в срыве плана «молниеносной» войны.

Основные усилия советской авиации направлялись на борьбу с танковыми и моторизованными войсками противника. Вместе с тем авиация уничтожала вражеские самолеты в воздухе и на аэродромах, наносила удары по железнодорожным узлам и переправам, вела воздушную разведку. При выполнении этих задач наши летчики за первые три с половиной месяца войны совершили 250 тыс. самолето-вылетов. Своими ударами с воздуха советские бомбардировщики и штурмовики наносили противнику серьезные потери, снижали наступательные возможности немецкой армии, замедляя темп ее продвижения в глубь нашей страны. Значительно была ослаблена и авиационная группировка врага. Только за первые три месяца войны ВВС фронтов в воздушных боях и на аэродромах уничтожили до 3500 фашистских самолетов. Советская авиация сыграла исключительно важную роль в отражении налетов немецких бомбардировщиков на Москву, Ленинград и другие города.

Наряду с действиями в интересах сухопутных войск дальнебомбардировочная авиация и авиация флотов наносила удары по военно-промышленным центрам и морским портам врага, в том числе и по Берлину. Эти удары имели большое политическое и моральное значение прежде всего для советского народа и воинов Красной Армии.

В ходе летних операций 1941 г. непрерывно совершенствовался опыт организации и ведения боевых действий ВВС в условиях сложной для нас наземной и воздушной обстановки. К концу летней кампании авиация стала применяться более целеустремленно. Ее усилия сосредоточивались, как правило, на разгром главных группировок противника. Улучшилось управление и взаимодействие ВВС с сухопутными войсками. ■

Е.В. ТАРЛЕ

СИНОПСКИЙ БОЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Событие, к которому мы теперь должны обратиться, вписано золотыми буквами в книгу славы русского народа, и когда историк переходит из дипломатических канцелярий, из бухарестской главной квартиры, из Зимнего дворца, от людей, в руках которых были судьбы России, к людям, за нее умиравшим, то ему порой начинает казаться, что он попал в другую страну, ровно ничего общего не имеющую с той, которую только что изучал. Русская солдатская и матросская масса на всех театрах этой тяжелой войны была одинакова и полностью поддержала свою славную историческую репутацию.

Мертвящий режим николаевского царствования не успел, кажется, только в одном месте — в Черноморском флоте — довести до конца своего губительного дела — уничтожения талантливого и дееспособного командного состава, и там, на кораблях и в Севастополе, эта солдатская и матросская масса показала, на что она способна, если среди ее начальников есть хоть маленькая кучка людей, которых она от всего сердца любит и уважает.

«Попробуй усомнись в своих богатырях доисторического века, когда и в наши дни выносят на плечах все поколенье два-три человека!» — сказал, по другому поводу, обращаясь к России, один из ее великих поэтов, современник Нахимова, Корнилова, Истомина. Его слова очень применимы к Крымской войне. К одному из таких людей, обессмертивших свое имя и прославивших свое поколение, мы и должны теперь обратиться.

Павел Степанович Нахимов родился в 1802 г. в семье небогатых

Тарле Евгений Викторович [27.10 (8.11). 1875, Киев,— 5 1.1955, Москва], русский советский историк, академик АН СССР (1927). В славной плеяде деятелей русской исторической науки как дореволюционного, так и советского периода ее развития одной из наиболее крупных, интересных и сложных фигур, является выдающийся ученый — академик Евгений Викторович Тарле. Неутомимый исследователь, яркий публицист и оратор, замечательный университетский лектор и педагог, он уже в начале своего творческого пути снискал себе большую популярность среди передовой русской интеллигенции, преимущественно среди студенческой молодежи, выступавшей против царского самодержавия. После Великой Октябрьской Социалистической революции, в особенности в те годы, когда над нашей страной нависла угроза фашистской агрессии и далее — в период Великой Отечественной войны Советского Союза и в послевоенный период — его новые труды, проникнутые духом высокого патриотизма, читались и перечитывались в самых широких кругах всего советского народа. Автор множества работ, которые отличает не только огромная, не утратившая своего значения и в наши дни научная ценность, но и изысканный литературный стиль и увлекательность изложения. Е.В. Тарле окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1896). В 1903—1917 приват-доцент Петербургского университета, в 1913—1918 одновременно профессор университета в Юрьеве (Тарту). С 1917 профессор Петроградского, а затем Ленинградского и Московского университетов. Первые научные труды Тарле посвящены истории средних веков. Под влиянием революции 1905-1907 гг. Тарле в центр своих исследований поставил историю рабочего класса. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В 1913—1916 были опубликованы его работы «Континентальная блокада» (в 2-х томах) и «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I». После Октябрьской революции 1917 (смысл которой Тарле понял не сразу) и книге «Европа в эпоху империализма», сделал первую попытку исторически осмыслить предысторию и историю 1-й мировой войны. В 30-е гг. создал ряд трудов по военной истории. В книгах «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» глубоко раскрыл патриотизм русского народа. Накануне и в годы Великой Отечественной войны написал работы о выдающихся русских полководцах и флотоводцах: М.И. Кутузове, Ф.Ф. Ушакове, П.С. Нахимове и др. В 1941—-1943 опубликовал двухтомный труд «Крымская война», в котором раскрыл дипломатическую историю войны, её ход и итоги, состояние русской армии. В 1945 опубликовал труд «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769—1774», а в 1949— «Русский флот и внешняя политика Петра I». Был членом комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Российская академия наук присуждает премию имени Е.В. Тарле за выдающиеся научные работы в области всемирной истории и современного развития международных отношений (Лауреаты премии имени Е.В. Тарле). В 1957-1962 гг. вышло его академическое собрание сочинений в 12 томах. Лауреат Сталинских премий первой степени (1942, 1943, 1946). Награждён 3 орденами Ленина и 2 орденами Трудового Красного Знамени.

смоленских дворян. Отец его был офицером и еще при Екатерине вышел в отставку со скромным чином секунд-майора.

Еще не окончились детские годы Нахимова, как он был зачислен в морской кадетский корпус. Учился он блестяще и уже пятнадцати лет от роду получил чин мичмана и назначение на бриг «Феникс», отправлявшийся в плавание по Балтийскому морю.

И уже тут обнаружилась любопытная черта нахимовской натуры, сразу обратившая на себя внимание его товарищей и потом сослуживцев и подчиненных. Эта черта, замеченная окружающими уже в пятнадцатилетнем гардемарине, оставалась господствующей и в седеющем адмирале вплоть до того момента, когда французская пуля пробила ему голову. Охарактеризовать эту черту можно так: морская служба была для Нахимова не важнейшим делом жизни, каким она была, например, для его учителя Лазарева или для его

товарищей Корнилова и Истомина, а единственным делом, иначе говоря: никакой личной жизни, помимо морской службы, он не знал и знать не хотел и просто отказывался признавать для себя возможность существования не на военном корабле или не в военном порту.

За недосугом и за слишком большой поглощенностью морскими интересами он «забыл влюбиться», забыл жениться. Он был фанатиком морского дела, по единодушным отзывам очевидцев и наблюдателей.

Он был патриотом, беззаветно любившим Россию, жившим для нее и умершим за нее на боевом посту.

«Усердие, или, лучше сказать, рвение к исполнению своей службы во всем, что касалось морского ремесла, доходило в нем до фанатизма», и он «с восторгом» принял приглашение М.П. Лазарева служить у него на фрегате, названном новым тогда словом «Крейсер».

Три года плавал он на этом фрегате, сначала в качестве мичмана, а с 22 марта 1822 г. — в качестве лейтенанта, и здесь-то и сделался одним из любимых учеников и последователей Лазарева. После трехлетнего кругосветного плавания с фрегата «Крейсер» Нахимов перешел (все под начальством Лазарева) в 1826 г. на корабль «Азов», на котором в 1827 г. и принял выдающееся участие в Наваринском морском бою против турецкого флота. Из всей соединенной эскадры Англии, Франции и России ближе всех подошел к неприятелю «Азов», и во флоте говорили, что «Азов» громил турок с расстояния не пушечного выстрела, а пистолетного. Нахимов был ранен, убитых и раненых на «Азове» было в наваринский день больше, чем на каком-либо ином корабле трех эскадр, но и вреда неприятелю «Азов» причинил больше, чем наилучшие фрегаты командовавшего эскадрой английского адмирала Кодрингтона. Так начал Нахимов свое боевое поприще.

Вот что говорит об этих первых блистательных шагах Нахимова близко его наблюдавший моряк-современник: «В Наваринском сражении он получил за храбрость георгиевский крест и чин капитан-лейтенанта. Во время сражения мы все любовались «Азовом» и его отчетистыми маневрами, когда он подходил к неприятелю на пистолетный выстрел. Вскоре после сражения я видел Нахимова командиром призового корвета «Наварин», вооруженного им в Мальте со всевозможною морскою роскошью и щегольством, на удивление англичан, знатоков морского дела. В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться тем, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а потому исполняли тяжелую службу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто.

Двадцати девяти лет от роду он стал командиром только что выстроенного тогда (в 1832 г.) фрегата «Паллада», а в 1836 г. — команди-

ром «Силистрии» и спустя несколько месяцев произведен в капитаны 1-го ранга. «Силистрия» плавала в Черном море, и корабль выполнил за девять лет своего плавания под флагом Нахимова ряд трудных и ответственных поручений.

Лазарев безгранично доверял своему ученику. В 1845 г. Нахимов был произведен в контр-адмиралы, и Лазарев сделал его командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. Его моральное влияние на весь Черноморский флот было в эти годы так огромно, что могло сравниться с влиянием самого Лазарева. Дни и ночи он отдавал службе: то выходил в море, то стоял на Графской пристани в Севастополе, зорко осматривая все входящие в гавань и выходящие из гавани суда. По единодушным записям очевидцев и современников, от него решительно ничто не ускользало, и его замечаний и выговоров страшились все, начиная с матросов и кончая седыми адмиралами, которым Нахимов вовсе не имел ни малейшего права делать замечания по той простой причине, что они были чином выше его. Но Нахимова это обстоятельство решительно никогда не затрудняло. На пристани, на море была его служба, там же были и все его удовольствия. Денег у него водилось всегда очень мало, потому что каждый лишний рубль он отдавал матросам и их семьям, а лишними рублями у него оказывались те, которые оставались после оплаты квартиры в Севастополе и расходов на стол, тоже не очень отличавшийся от боцманского.

На службу в мирное время он смотрел только как на подготовку к войне, к бою, к тому моменту, когда человек должен полностью проявить все свои моральные силы. Еще во время кругосветного плавания лейтенант Нахимов однажды чуть не погиб, спасая упавшего в море матроса; в 1842 г. командир «Силистрии» Нахимов бросился без всякой нужды в самое опасное место, когда на «Силистрию» наскочил корабль «Адрианополь». А когда офицеры недоумевали, зачем он так дразнит судьбу, Нахимов отвечал: «В мирное время такие случаи — редки, и командир должен ими пользоваться. Команда должна видеть присутствие духа в своем командире, ведь, может быть, мне придется идти с ней в сражение».

▲ Истомин В.И.

Ведя себя так и высказывая такие мысли, Нахимов шел по стопам своего учителя и начальника Михаила Петровича Лазарева, главного командира Черноморского флота.

М. П. Лазарев создал в морском ведомстве того времени свою особую школу, свою традицию, свое направление, ровно ничего общего не имевшие с господствовавшим в остальном флоте, и его ученики — Корнилов, Нахимов, Истомин — продолжили и упрочили эту традицию. Лазарев требовал от своих офицеров моральной высоты, о которой николаевский командный состав в своей массе никогда и не помышлял. Он требовал такого обращения с матросами, которое готовило бы из них дееспособных воинов, а не игрушечных солдатиков для забавы «высочайших» лиц на смотрах и парадах: телесное наказание, царившее тогда во всех флотах (и удержавшееся в английском флоте до Первой мировой войны), не было отменено и лазаревской школой, но оно стало на черноморских судах редкостью. Внешнее чинопочитание было на судах, управляемых лазаревскими учениками, сведено к минимуму, и сухопутные офицеры в Севастополе жаловались, что адмирал Нахимов разрушает дисциплину. Лазарев, Нахимов, Корнилов успели внедрить в матросский состав настоящую любовь к России, сознательное желание защищать ее и бороться за нее.

Лазарев, не доживший до Крымской войны, Нахимов, Корнилов, Истомин и им подобные до такой степени не походили на командиров тогдашнего общепринятого, общеобязательного можно сказать, типа, что это бросалось в глаза даже очень далеко стоявшим от флота людям, например знаменитому профессору Московского университета Т. Н. Грановскому, слова которого я приведу в своем месте.

Но и в этой лазаревской школе моряков Нахимов занял особое место. Был он необыкновенный добряк по натуре, это во-первых, а во-вторых, как уже сказано, он был в полном смысле слова фанатиком морской службы, он не имел ни в молодости, ни в зрелом возрасте семьи, не имел «сухопутных» друзей, не имел никаких личных привязанностей, кроме как на кораблях и около кораблей, потому что для него Севастополь, Петербург, Лондон, Архангельск, Рио-де-Жанейро, Сан-Франциско, Сухум-Кале были не города, а лишь якорные стоянки. Все эти его свойства сделали то, что на матросов он стал смотреть как на свою единственную, правда, большую, семью. Все почти свои деньги, он раздавал матросам, их женам, их детям.

Когда он, начальник порта, адмирал, командир больших эскадр, выходил на Графскую пристань в Севастополе, там происходили любопытные сцены, одну из которых со слов очевидца, князя Путятина, передает лейтенант П.И. Белавенец. Утром Нахимов приходит на пристань. «Там, сняв шапки, уже ожидают адмирала старики, отставные матросы, женщины и дети — все обитатели Южной бухты из севастопольской матросской слободки. Увидев своего любимца, эта ватага мигом, безбоязненно, но с глубочайшим почтением окружает его, и, перебивая друг друга, все разом обращаются к нему с просьбами... «Постойте, постойте-с, — говорит адмирал, — всем разом можно только ура кричать, а не просьбы высказывать. Я ничего не пойму-с. Старик, надень шапку и говори, что тебе надо».

Старик-матрос, на деревянной ноге и с костылями в руке, привел с собой двух маленьких девочек, своих внучек, и прошамкал, что он с малютками одинок, хата его продырявилась, а починить некому... Нахимов обращается к адъютанту: «... прислать к Позднякову двух плотников, пусть они ему помогают». Старик, которого Нахимов вдруг назвал по фамилии, спрашивает: «А вы, наш милостивец, разве меня помните?» — «Как не помнить лучшего маляра и плясуна на корабле «Три святителя»... А тебе что надо?» — обращается Нахимов к старухе. Оказывается, она вдова мастера из рабочего экипажа, голодает. «Дать ей пять рублей!» — «Денег нет, Павел Степанович!» — отвечает адъютант, заведовавший деньгами, бельем и всем хозяйством Нахимова. «Как денег нет? Отчего нет-с?» — «Да все уже прожиты и розданы!» — «Ну, дайте пока из своих». Но у адъютанта тоже нет таких денег. Пять рублей, да еще в провинции, были тогда очень крупной суммой. Тогда Нахимов обращается к мичманам и офицерам, подошедшим к окружающей его толпе: «Господа, дайте мне кто-нибудь взаймы пять рублей!» И старуха получает ассигнованную ей сумму. Нахимов брал в долг в счет своего жалованья за будущий месяц и раздавал направо и налево. Этой его манерой иногда и злоупотребляли. Но, по воззрениям Нахимова, всякий матрос, уже в силу своего звания, имел право на его кошелек.

Нахимов настойчиво старался внушить подчиненным ему офицерам те идеи, которыми сам он был воодушевлен и которые прямо до крайности не походили на общепринятые тогда в этой среде воззрения. «Мало того, что служба представится нам в другом виде, — говорил Нахимов, — да сами-то мы совсем другое значение получим на службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно

▲ Лазарев М.П.

одинаковую манеру со всеми... Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что нет у него ничего общего со всеми подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень важно». Офицеры, «глубоко презирающие сближение со своими соотечественниками-простолюдинами», не найдут должного тона. «А вы думаете, что матрос не заметит этого? Заметит лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее — уже их дело; а каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверно знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина того, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые... начальники одним только страхом хотят действовать... Страх подчас хорошее дело, да согласитесь, что ненатуральная вещь несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи; своим пренебрегают, чужому завидуют, своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится!»

Для Нахимова не подлежало сомнению, что классовое чванство офицеров — гибельное дело для службы, и он это открыто высказывал. «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми». И снова и снова повторяет свою излюбленную мысль: «Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля; матрос бросится на абордаж, если понадобится, все сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистичны, ежели не будем смотреть на службу, как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных, как на ступени для собственного возвышения».

Матросы — основная военная сила флота. «Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбивы, а действительные слуги отечества». Нахимов вспоминает знаменитую победу Нельсона над французским и испанским флотом 21 октября 1805 г. «Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр, вздор-с, весь маневр Нельсона заключался в том, что он знал слабость неприятеля и свою силу и не терял времени, вступая в бой». Воспитание патриотического и боевого духа в моряках — вот что важнее всего. «Вот это-то воспитание и составляет основную задачу... вот чему я посвятил себя, для чего тружусь неусыпно и видимо достигаю своей цели; матросы любят и понимают меня. Я этою привязанностью дорожу больше, чем отзывами каких-нибудь чванных дворянчиков-с. У многих командиров служба не клеится на судах оттого, что они неверно понимают значение дворянина и презирают матросов, забывая, что у мужиков есть ум, душа и сердце, так же как и у всякого другого.

Нахимов требовал повышения уровня умственного развития офицеров. «Он ворчал на наших моряков, которые выходят из морского корпуса недоучками, забрасывают свои учебные книги и морской службой совсем не занимаются», — читаем в рукописи Ухтомского.

Нахимов просто отказывался понять, что у морского офицера может быть еще какой-нибудь интерес, кроме службы. «Он говорил, что необходимо, чтобы матросы и офицеры постоянно были заняты, что праздность на судне не допускается, что ежели на корабле работы идут хорошо, то нужно придумывать но-

вые... Офицеры тоже должны быть постоянно заняты. Есть свободное время — пусть занимаются с матросами обучением грамоте или пишут за них письма на родину». Ухтомский, начинавший службу под начальством Нахимова, передает еще: «Все ваше время и все ваши средства должны принадлежать службе, — ораторствовал Павел Степанович. — Например, зачем мичману жалованье? Разве только затем, чтобы лучше выкрасить и отделать вверенную ему шлюпку или при удачной шлюпочной гонке дать гребцам по чарке водки, — иначе офицер от праздности или будет пьянствовать, или станет картежником, или будет развратничать, а ежели вы и от натуры ленивы, сибариты, то лучше выходите в отставку». Тратя все свое адмиральское жалованье не на себя, а на корабль и на матросов, Нахимов искренне не понимал, почему бы и мичману не делать того же.

Замечательно, что близко наблюдавшие Нахимова не могли говорить впоследствии ни о Синопе, ни о Севастополе, не подчеркивая огромного значения личного влияния адмирала на свою команду, объясняя именно этим его успех.

«Синоп, поразивший Европу совершенством нашего флота, оправдал многолетний образовательный труд адмирала М.П. Лазарева и выставил блестящие военные дарования адмирала П.С. Нахимова, который, понимая черноморцев и силу своих кораблей, умел управлять ими. Нахимов был тип моряка-воина, личность вполне идеальная... Доброе, пылкое сердце; светлый, пытливый ум; необыкновенная скромность в заявлении своих заслуг. Он умел говорить с матросами по душе, называя каждого из них, при объяснении, друг, и был действительно для них другом. Преданность и любовь к нему матросов не знали границ. Всякий, кто был на севастопольских бастионах, помнит необыкновенный энтузиазм людей при ежедневных появлениях адмирала на батареях: истомленные донельзя матросы, а с ними и солдаты, воскресали при виде своего любимца и с новой силой готовы были творить и творили чудеса... Это секрет, которым владели немногие, только избранники, и который составляет душу войны... Лазарев... поставил его образцом для черноморцев».

Наступил 1853 год. Надвинулись сразу навеки памятные грозные события мировой истории. Нахимов со своими матросами оказался на посту.

Черные тучи сгустились катастрофически быстро и обложили со всех сторон политический горизонт. Начинается война с Турцией, позиция Наполеона III и Пальмерстона делается все более угрожающей. И в Петербурге понемногу крепнет сознание, что живые опасения наместника Кавказа князя М.С. Воронцова имеют реальнейшее основание и отнюдь не объясняются только старостью умного и лукавого Михаила Семеновича. Если турки, а за ними французы и англичане в самом деле подадут вовремя существенную помощь Шамилю, то Кавказ для России будет потерян и попадет в руки союзников. Нужного количества войск на Кавказе нет — это одно. А другое — турецкая эскадра снабжает восточное кавказское побережье оружием и боеприпасами. Отсюда вытекают два непосредственных задания русскому Черноморскому флоту: во-первых, в самом спешном порядке перевезти более или менее значительные военные подкрепления из Крыма на Кавказ и, во-вторых, обезвредить разгу-

▲ Воронцов М.С.

▲ Меншиков А.С.

ливающие в восточной части Черного моря турецкие военные суда. Оба эти дела и сделал Нахимов.

13 сентября 1853 г. в Севастополе было получено экстренное приказание немедленно перевезти из Севастополя в Анакрию пехотную дивизию с артиллерией. На Черном море было неспокойно не только вследствие равноденственных сентябрьских бурь, но и из-за близкой войны с Турцией и упорных слухов об угрожающей близости французских и английских судов к проливам.

Нахимов взял на себя эту труднейшую операцию. Уже через четыре дня после получения приказания не только все отобранные им суда были совершенно готовы к отплытию, но на них уже находились и разместились в полном порядке все назначенные войска: 16 батальонов пехоты с двумя батареями — 16 393 человека, 824 лошади и все необходимые грузы. 17 сентября Нахимов вышел в очень бурное море, а ровно через семь суток, 24 сентября, пришел утром в Анакрию, и в 5 часов вечера в тот же день он уже закончил высадку всех войск и выгрузку орудий на берег. Для этой блистательно выполненной операции у Нахимова было в распоряжении лишь 14 парусных кораблей (из них два фрегата), 7 пароходов и 11 транспортных судов. Войска были доставлены в наилучшем состоянии: больных солдат оказалось всего лишь 7 человек, а из матросов эскадры — 4 человека. Моряки-специалисты называют этот переход «баснословно счастливым», исключительным в военно-морской истории, и для сравнения указывают, что англичане в свое время перевезли подобное же количество войск более чем на двухстах военных и транспортных судах.

Покончив с одной задачей, Нахимов взялся за другую, гораздо более опасную и сложную: найти в Черном море турецкую эскадру и сразиться с ней. Но тут он оказался флотоводцем, база которого находится не в его руках, а зависит от человека, вовсе не желающего считаться с критическим положением адмирала, рыщущего по бурному морю в поисках неприятеля.

Князь Меншиков, главнокомандующий Крымской армией и Черноморским флотом, был фактически морским министром, но никогда не был моряком, никогда не управлял кораблем и понятия не имел, даже самого отдаленного, о морских боях. Вот почему, конечно, ему и в голову не могло прийти самому отправиться в море и среди октябрьских шквалов искать турок, чтобы с ними сразиться. И что бы он ни писал Корнилову, якобы желая «назначения пункта соединения», никуда он ни для каких «соединений» с Корниловым ехать из Севастополя не собирался. У него был Нахимов, уже крейсировавший около Анатолийского берега, и был Корнилов, которого князь и отправил в море 28 октября. По обыкновению (когда дело касалось войны и военных действий), Меншиков предсказал нечто диаметрально противоположное тому, что случилось в самом деле: он писал Горчакову за 16 дней до Синопа, что эскадры Корнилова и Нахимова «вероятно» никого в море не встретят, кроме нескольких транспортных или паровых судов, да и те укроются в портах.

А на самом деле уже 5 ноября Корнилов встретил и взял с бою турецкий (египетский) пароход «Первваз-Бахре», шедший из Синопа. Затем Корнилов на «Владимире» вернулся в Севастополь, а Новосильскому приказал найти Нахимова и усилить его эскадру двумя кораблями («Ростислав» и «Святослав») и бригом «Эней». Новосильский 7 ноября встретился с Нахимовым, исполнил, что было приказано, и вернулся в Севастополь.

Когда Нахимов дал знать о том, что силы турок в Синопе, по дополнительным его наблюдениям, больше, чем он раньше доносил, Меншиков довольно поздно сообразил всю опасность крейсировки Нахимова возле Синопа и послал ему подкрепление. Кое-что Нахимов получил, правда, помимо Меншикова, от Корнилова, отделившего от своей эскадры и пославшего к нему Новосильского, но все-таки ни одного парового судна у него под Синопом не оказалось, а спешно вышедший с эскадрой, где были три парохода, Корнилов, как увидим, опоздал и подоспел в Синопскую бухту, когда уже сражение окончилось.

Тут Меншиков действовал так, как и всегда он действовал, приходилось ли ему выступать на поприще дипломата или в качестве полководца. Полнейшее, доходившее до странности чувство безответственности было одной из самых характерных его черт. Не имея и тени дипломатических дарований, он берется за самые трудные и опасные поручения, едет в 1853 г. в Константинополь и навязывает там России бедственную войну.

Он прикидывается, будто его послали в Константинополь против его желания, и пишет это как раз перед тем, как тоже без колебаний, с еще более преступным легкомыслием и по исключительно личным честолюбивым мотивам, он принял пост главнокомандующего русской армией и флотом. Все несчастья, которые Меншиков навлек на Россию, ни в малейшей степени его не смущают. Небрежное высокомерие, презрительная насмешливость, всегдашнее стремление замечать в людях лишь самое худшее, совершенно неосновательное, преувеличенное представление о глубине и остроте собственной государственной мысли — все эти свойства были воспитаны в нем пожизненным пребыванием среди придворных ничтожеств, над которыми он очень зло и часто остроумно изощрялся. Но понять, например, что как военный сам-то он пигмей сравнительно с такими людьми, как Нахимов, Корнилов, Тотлебен, Хрулев, Васильчиков, или что он как дипломат — совершенный нуль сравнительно хотя бы с Алексеем Орловым или даже с такой посредственностью, как барон Будберг, — это Александру Сергеевичу Меншикову и в голову никогда не приходило. При этом была у него еще одна убийственно вредная черта: его бесспорный и тонкий ум был каким-то вялым, недейственным, ни малейшей энергии мысли, не говоря уже об энергии волевой, у него не было. Все будет хорошо, а если выйдет нехорошо — тоже беда небольшая, все на белом свете поправимо, особенно, если у кого есть майораты, аренды, пенсии и столько орденов, что уже не хватает места на груди, куда их вешать.

Пошел Нахимов искать турок по морю? Верно, не найдет. Если найдет, тем хуже для него. Корнилов просит послать скорее Нахимову подмогу? Ладно, можно и послать. Не поспеет — что же, как-нибудь Нахимов из беды вывернется. А не вывернется и потонет, проживем и без Нахимова. Вот какого рода мысли всегда, без единого исключения, были присущи Меншикову. Солдаты не просто были к нему равнодушны, как они, например, были равнодушны к его преемнику по высшему командованию во время Севастопольской обороны, Михаилу Горчакову, которого почти вовсе не знали. Они определенно не любили Меншикова, правильно чуя, что этот высокомерный барин нисколько ими и их судьбой не интересуется и не занимается.

Таков был человек, в руках которого была верховная власть над Черноморским флотом и над единственной базой нахимовской эскадры — Севастополем. И не заслуга князя Меншикова, если Нахимов оказался победителем. О Меншикове нам еще придется говорить дальше, а теперь обратимся к Нахимову.

С конца октября, все время при очень бурной погоде, Нахимов крейсировал между Сухумом и той частью турецкого (Анатолийского) побережья, где главной гаванью является

▲ Корнилов В.А.

▲ Осман-паша командующий турецкой эскадрой

Синоп. Были получены сведения, что на этот раз турки намерены доставить на кавказский берег уже не только боеприпасы для горцев, но и высадить целый десантный отряд. У Нахимова было сначала, после встречи 5 ноября с Новосильским, пять больших кораблей, на каждом из которых имелось по 84 орудия: «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав», «Святослав» и «Храбрый» и, кроме того, фрегат «Коварна» и бриг «Эней». Еще 2(14) ноября вечером приказом по эскадре Нахимов объявил, что имеет в виду сразиться с неприятелем. Этот приказ живо напоминает, что за двадцать шесть лет, прошедших со времени Наваринской битвы, тактические приемы Нахимова нисколько не изменились и что он по-прежнему считает так же, как и его учитель, командир «Азова» при Наварине М.П. Лазарев, наиболее целесообразным, не щадя себя, подходить к неприятелю не на орудийный, а на «пистолетный» выстрел. Вот как кончался приказ, прочитанный командам вечером 2 ноября: «Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Но турки не показывались. Нахимов уже 3 ноября знал, что из Севастополя вышел, также для поисков турецкого флота, Корнилов с шестью кораблями. 5-го числа Корнилов отделил от своей эскадры Новосильского, который вечером того же 5 ноября встретился с эскадрой Нахимова. Именно Новосильский, как сказано, и отделил от своей эскадры Нахимову «Ростислава» и «Святослава» взамен кораблей, потрепанных бурей и отправленных Нахимовым в Севастополь для починки. 8 ноября разразилась жестокая буря, и Нахимов отправил опять четыре корабля в Севастополь чиниться. Положение было довольно критическое, потому что судов у него оставалось мало, а по морю бродили не очень далеко турецкие суда. Сильный ветер продолжался и после бури 8-го числа. Нахимов подошел к Синопу 11 ноября и немедленно отрядил из своей эскадры бриг «Эней» с известием, что на Синопском рейде стоит большая турецкая эскадра. Положение Нахимова было в этот момент более чем затруднительным. Но он решил со своими малыми силами все-таки блокировать гавань и ждать скорейшей присылки подкреплений из Севастополя. Он просил у Меншикова немедленно присылки отправленных для починки кораблей «Храброго» и «Святослава», фрегата «Коварна» и парохода «Бессарабия», а также выражал недоумение, почему не присылают ему фрегат «Кулевчи», который «больше месяца» стоит в Севастополе. Нахимов, которого упреками, что он слишком привык к парусному флоту и будто бы недо-

оценивал значения флота парового, вот что писал того же 11(23) ноября Меншикову: «В настоящее время в крейсерстве пароходы необходимы, и без них, как без рук; если есть в Севастополе свободные, то я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство прислать ко мне в отряд по крайней мере два».

Нахимов вовремя получил подмогу, и 17(29) ноября у него было шесть больших кораблей («Мария», «Париж», «Три святителя», «Константин», «Ростислав» и «Чесма») и два фрегата («Кагул» и «Кулевчи»). Эскадра Нахимова в этот момент могла дать с одного борта залп весом в 378 пудов 13 фунтов. Орудий у Нахимова было 716, значит, при стрельбе с одного борта — 358. У турок было семь фрегатов, три корвета, два парохода, два транспорта и один шлюп — в общем 472 орудия, т. е. с одного борта 236 орудий.

Нахимов, как только подошли подкрепления, решил немедленно войти в Синопскую гавань и напасть на турецкий флот.

Генерал Зайончковский, в полном согласии с морскими специалистами, так оценивает распоряжения адмирала перед Синопом: «В действиях Нахимова обнаружилось то редкое соединение твердой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которое составляет исключительную принадлежность великих военноначальников». Нахимов, долго крейсируя перед Синопом, каждый день мог погибнуть, потому что неоднократно оказывалось так, что у него судов было гораздо меньше, чем у турок. И тут больше всего сказались его железная выдержка и уверенность в себе и в команде.

В Синопе стояла эскадра Осман-паши. У Османа было, как сказано, семь фрегатов, три корвета, два парохода, два транспорта и один шлюп.

Осман уже с 10(22) ноября знал, что русская эскадра явно сторожит его у самого выхода из Синопского рейда, он знал, что она усилилась, и он уже 12(24) ноября отправил очень тревожное донесение в Константинополь, прося немедленно подкреплений. Решид-паша сейчас же сообщил об этом главному руководителю турецкой политики, британскому послу лорду Стрэтфорду-Рэдклифу. Но это уже было поздно — 17(29) ноября, т. е. за сутки до того, как Нахимов вошел в Синопскую бухту. Даже если бы Константинополь решил оказать помощь, даже если бы Стрэтфорд немедленно приказал английскому адмиралу, стоявшему у Дарданелл, идти в Синоп (чего Стрэтфорд делать не имел права), даже если бы адмирал его послушался — все равно помощь запоздала бы. Участь турецкого флота решена была в несколько часов.

В сущности, решив напасть на турецкий флот, Нахимов рисковал очень серьезно. Береговые батареи у турок в Синопе были хорошие, орудия на судах также были в исправности. Но уже давно, еще с конца XVI в., турецкий флот, некогда один из самых грозных и дееспособных в мире, не имел в решающие моменты своего существования сколько-нибудь способных адмиралов. Так оказалось и в фатальный для Турции день Синопа. Осман-паша расположил, как бы веером, свой флот у самой набережной города; набережная шла вогнутой дугой, и линия флота оказалась вогнутой дугой, закрывавшей собой если не все, то многие береговые батареи. Да и расположение судов было, естественно, таково, что они могли встретить Нахимова только одним бортом: другой был обращен не к морю, а к городу Синопу. Гений русского флотоводца и первоклассный по своей боевой морали и выучке состав экипажей его эскадры справились бы со всеми препятствиями, даже если бы турецкое командование оказалось более дееспособным.

На рассвете 18(30) ноября 1853 г. русская эскадра оказалась километрах в пятнадцати от Синопского рейда.

В 9 часов утра 18(30) ноября Нахимов на корабле «Мария» и рядом Новосильский на другом 120-пушечном корабле «Париж», а за ними, в двух колоннах, остальные суда пошли к Синопу. В половине первого часа дня раздался первый залп турецких батарей против эскадры Нахимова, входившей на рейд. Корабль Нахимова шел впереди и ближе всех стал к турецкому флоту и береговым батареям. Нахимов стоял на капитанской рубке «Марии» и смотрел в подзорную трубу на развернувшийся сразу артиллерийский бой. Победа русских определилась уже спустя два часа с небольшим. Турецкая артиллерия осыпала снарядами

▲ Синопская бухта

русскую эскадру, успела причинить некоторым кораблям большие повреждения, но не потопила ни одного. А диспозиция Нахимова была исполнена в точности, и его приказы и наставления о том, как держаться в морском бою, принесли громадную пользу: корабль «Константин» оказался в опасном положении и был окружен неприятельскими судами. Тогда «Чесма» вдруг вовсе перестала отстреливаться от направленного на нее огня и направила полностью весь огонь своих орудий против особенно яростно громившего «Константина» турецкого фрегата «Навек-Бахра». Фрегат «Навек-Бахра», поражаемый огнем «Константина» и «Чесмы», взлетел на воздух — притом так, что груда его обломков и тела экипажа упали на береговую батарею, загромоздили ее и этим вывели временно из строя.

Подобное же положение, когда тоже помогло внушение Нахимова о взаимной поддержке, повторилось спустя полчаса с кораблем «Три святителя», у которого был перебит шпринг. Корабль беспомощно стал вращаться, и его отнесло ветром под сильную береговую батарею, которая произвела на нем сильные разрушения и могла его потопить. Но тут «Ростислав», сам находясь под сильнейшим огнем, тоже сразу прекратил свои ответы на обстрел, а весь огонь направил на ту самую турецкую батарею № 6, которая расстреливала «Трех святителей». Не только корабль «Три святителя» был спасен, но вся батарея № 6 была сама снесена русским огнем с лица земли. Правда, это случилось лишь в начале четвертого часа дня и обошлось недешево «Ростиславу»: он получил тяжелые повреждения и чуть сам не взлетел на воздух, так как на нем возник пожар и искры подбирались к крюйт-камере с ее запасами пороха, но удалось потушить огонь. С этой дуэлью между «Ростиславом» и турецкой береговой батареей № 6 связано бегство «Таифа» с места сражения.

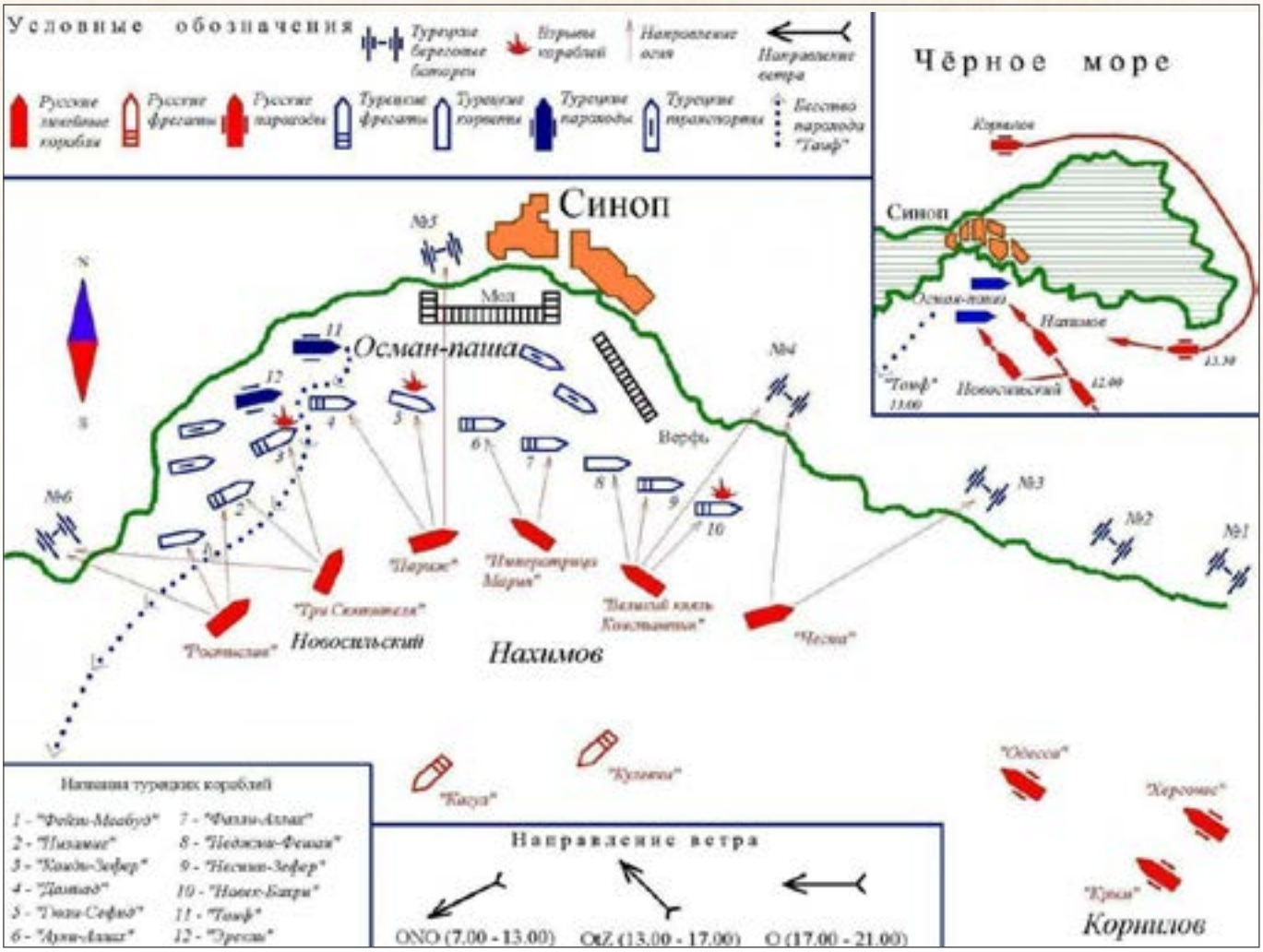
Нужно заметить, что присутствие в составе эскадры Осман-паши двух паровых судов очень озабочивало Нахимова, у которого в распоряжении ни одного парохода не было, а были только парусные суда. Нахимов имел все основания опасаться, что быстроходный 20-пушечный пароход «Таиф», удобоподвижный, находившийся притом под управлением не турка, а прекрасного моряка-англичанина, может очень и очень себя проявить в битве, где большим парусным судам поворачиваться и маневрировать не так-то удобно и легко. Нахимов настолько считался с этим, что посвятил пароходам Осман-паши особый (9-й) пункт своей диспозиции, отданной в его приказе накануне боя вечером 17 ноября: «фрегатам „Кагул« и „Кулевчи« во время действия оставаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему».

Но это совершенно логичное и, казалось бы, безусловно правильное предположение Нахимова не оправдалось нисколько. Случилось нечто совсем неожиданное. Адольфус Слэд, командир «Таифа», мог сколько угодно переименовываться в Мушавер-пашу, но он как был до своего превращения в поклонника пророка истым бравым англичанином, а вовсе не турком, так англичанином и остался, и служил он в турецком флоте не во славу аллаха и Магомета, а во славу лорда Стрэтфорда-Рэдклифа. Свое пребывание в составе эскадры Осман-паши он понимал по-своему, как всегда, без исключений, понимали ее англичане, переходившие на турецкую службу. Если бы, например, Новосильский или капитан Кутров, командир «Трех святителей», или капитан Кузнецов, командир «Ростислава», или Микрюков, командир «Чесмы», вздумали поступить среди боя так, как поступил

этот Мушавер-паша, то Нахимов без колебаний повесил бы его на рее. И если бы Мушавер-паша был только Мушавер-пашой, а не был бы еще урожденным Адольфусом Сладом, то, может быть, нашлась бы в свое время и для него подходящая рея в турецком флоте.

Сделал же он следующее. Будучи превосходным, опытным командиром (единственным в этом отношении во всей эскадре Осман-паши), Слэд уже с самого начала битвы увидел, что турецкому флоту грозит поражение, а так как от лорда Стрэтфорда ему было сказано наблюдать и доносить, а вовсе не класть свою голову в борьбе за полумесяц, то, убедившись уже вскоре после начала битвы в неминуемой и сокрушающей победе Нахимова, он, искусно маневрировав в самом опасном месте боя между «Ростиславом» и береговой батареей № 6, вышел из рейда и помчался на запад, в Константинополь, забыв, очевидно, за множеством дел уведомить об этом внезапном бегстве своего прямого начальника Осман-пашу, которого покинул, таким образом, в самый трудный момент. За ним вдогонку полетели на всех парусах фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», которые, как сказано, именно и были предназначены Нахимовым по диспозиции для наблюдения за «Таифом». Но им было не угнаться за превосходно управляемым быстрым пароходом.

Слэд несколько раз менял курс, круто изменял направление, зная, как трудно большим парусникам следовать за всеми его зигзагами. В конце концов «Таиф» их оставил далеко позади и пропал на горизонте. Но именно тут он чуть не погиб: его чуть-чуть не потопила эскадра Корнилова, как раз спешившая из Севастополя на помощь Нахимову. Корнилов открыл огонь по «Таифу». Командир Слэд стал отстреливаться и сильно повредил напавший на него пароход «Одессу». Выведя на момент «Одессу» из боя, Слэд помчался на всех парах дальше, держа румб на Константинополь. Корнилов отрядил за ним два других парохода своей эскадры, «Крым» и «Херсонес», но они после долгой погони должны были отказаться от своей задачи. «Таиф» прибыл в Константинополь. Эскадра Корнилова, еще подходя только к Синопскому рейду, могла убедиться, что опоздала. Сражение шло к концу. Можно сказать, что бой, начавшийся в половине первого, привел к полному разгрому турок

▲ Синопское морское сражение

уже около трех — трех с четвертью часов дня, а от трех с четвертью часов до четырех происходило лишь добивание остатков. Один за другим грохотали страшные взрывы на уже искалеченных турецких судах. То русские бомбы попадали в турецкие крюйт-камеры, то сами турки, покидая свои суда, окончательно прибитые к берегу, перед своим бегством поджигали пороховые камеры. Береговые батареи, уже погибая, все еще продолжали борьбу из редких уцелевших своих орудий. Но и они в начале 5-го часа пополудни умолкли. Русская эскадра за четыре часа (с двенадцати с половиной до четырех с четвертью часов) выпустила без малого 17 тысяч снарядов (16 800). Стрельба нахимовских комендоров при этом была всегда на редкость меткой.

Турецкий флот, застигнутый Нахимовым, погиб полностью — не уцелело ни одного судна, и погиб он почти со всей своей командой. Были взорваны и превратились в кучу окровавленных обломков четыре фрегата, один корвет и один пароход «Эрекли», который тоже мог бы уйти, пользуясь быстроходностью, подобно «Таифу», но на нем командовал турок, который не последовал примеру Слэда. Были зажжены самими турками пробитые и искалеченные другие три фрегата и один корвет. Остальные суда, помельче, погибли тут же. Турки считали потом, что из состава экипажа погибло около трех тысяч с лишком. В английских газетах упорно приводилась цифра четыре тысячи.

Перед началом сражения турки были так уверены в победе, что они уже наперед посадили на суда войска, которые должны были взойти на борт русских кораблей по окончании битвы.

Турецкая артиллерия в Синопском бою была слабее нашей, если считать только орудия на судах (472 пушки против русских 716), но действовала она энергично. Нелепейшая расстановка судов турецкого флота обезвредила, к счастью для Нахимова, некоторые из очень сильных береговых турецких батарей, но все-таки две батареи нанесли русским судам большой вред. Некоторые корабли вышли из боя в тяжком состоянии, но ни один не потонул.

Когда опоздавшая эскадра Корнилова входила на Синопский рейд, ликующие крики команд обеих эскадр слились воедино. Некоторые из погибающих турецких судов выбросились на берег, где начались пожары и взрывы на батареях. Часть города пылала, все власти и сухопутный гарнизон Синопа в панике бежали в горы, подымающиеся в окрестностях. Население бросилось в бегство еще в начале боя. Наступил вечер.

Вот картина, представшая перед глазами экипажа корниловской эскадры, когда она вошла в Синопскую бухту: «Большая часть города горела, древние зубчатые стены с башнями эпохи средних веков выделялись резко на фоне моря пламени. Большинство турецких фрегатов еще горело, и когда пламя доходило до заряженных орудий, происходили сами собой выстрелы, и ядра перелетали над нами, что было очень неприятно. Мы видели, как фрегаты один за другим взлетели на воздух. Ужасно было видеть, как находившиеся на них люди бегали, метались на горящих палубах, не решаясь, вероятно, кинуться в воду. Некоторые, было видно, сидели неподвижно и ожидали смерти с покорностью фатализма. Мы заме-

чали стаи морских птиц и голубей, выделяющихся на багровом фоне озаренных пожаром облаков. Весь рейд и наши корабли до того ярко были освещены пожаром, что наши матросы работали над починкой судов, не нуждаясь в фонарях. В то же время весь небосклон на восток от Синопа казался совсем черным».

Корнилов увидел, что нахимовские суда, многие с перебитыми и поваленными мачтами, продолжали перестрелку, добивая те немногие суда, которые еще не затонули и не взорвались. В. И. Барятинской был при встрече Корнилова с Нахимовым. «Мы проходим совсем близко вдоль всей линии наших кораблей, и Корнилов поздравляет командиров и команды, которые отвечают восторженными криками ура, офицеры же машут фуражками. Подойдя к кораблю «Мария» (флагманскому Нахимова. — Е. Т.), мы садимся на катер нашего парохода и отправляемся на корабль, чтобы его (Нахимова. — Е. Т.) поздравить. Корабль весь пробит ядрами, ванты почти все перебиты, и при довольно сильной зыби мачты так раскачивались, что угрожали падением. Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются в объятия друг другу, мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен, фуражка на затылке, лицо обагрено кровью, новые эполеты, нос — все красно от крови, матросы и офицеры, большинство которых мои знакомые, все черны от порохового дыма...» Оказалось, что на „Марии« было больше всего убитых и раненых, так как Нахимов шел головным в эскадре и стал с самого начала боя ближе всех к турецким стреляющим бортам». Пальто Нахимова, которое он перед боем снял и повесил тут же на гвоздик, было изорвано турецким ядром.

Среди пленных находился и сам флагман турецкой эскадры Осман-паша, у которого была перебита нога. Рана была очень тяжелая. В личной храбрости у старого турецкого адмирала недостатка не было так же, как и у его подчиненных. Но одного этого качества оказалось мало, чтобы устоять против нахимовского нападения.

23 ноября, после бурного перехода через Черное море, эскадра Нахимова причалила в Севастополе.

Все население города, уже узнавшее о блестящей победе, встретило победоносного адмирала. Нескончаемое «ура, Нахимов!» неслось также со всех судов, стоявших на якоре в Севастопольской бухте. В Москву, в Петербург, на Кавказ к Воронцову, на Дунай к Горчакову полетели ликующие известия о сокрушительной русской морской победе. «Вы не можете себе представить счастье, которое все испытывали в Петербурге по получении известия о блестящем синопском деле. Это поистине замечательный подвиг», — так поздравлял Василий Долгоруков, военный министр, князя Меншикова, главнокомандующего флотом в Севастополе. Николай дал Нахимову Георгия 2-й степени — редчайшую военную награду — и щедро наградил всю эскадру. Славянофилы в Москве (в том числе даже скептический Сергей Аксаков) не скрывали своего восторга. Слава победителя гремела повсюду.

Озабочен по поводу Синопа и сосредоточен был с самого начала лишь один человек по всей России: Павел Степанович Нахимов.

Конечно, чисто военными результатами Синопского боя Нахимов, боевой командир, победоносный флотоводец, был доволен. Колоссальный, решающий успех был достигнут с очень малыми жертвами: русские потеряли в бою 38 человек убитыми и 240 человек ранеными, и при всех повреждениях, испытанных русской эскадрой в бою, ни один корабль не вышел из строя, и все они благополучно, после тяжело-

го перехода через бурное Черное море, вернулись в Севастополь. Мог он быть доволен и своими матросами: они держались в бою превосходно; без тени боязни, быстро, ловко, дружно выполняя все боевые приказы, прекрасно действовали и его артиллеристы-комендоры. Наконец, мог Нахимов быть доволен и собой, а он ведь учил, что начальник обязан строже всего и в мирное время, но особенно в бою, относиться именно к себе, потому что на него все смотрят и по нему все равняются. На него и смотрели матросы и любовались им в синопский день. «А Нахимов! Вот смелый!.. Ходит себе по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: туда тебе и дорога...», — рассказывал, лежа в госпитале в Севастополе, изувеченный взрывом участник боя матрос Антон Майстренко.

Итак, собой и своим экипажем Нахимов мог быть вполне удовлетворен. «Битва славная, выше Чесмы и Наварина! Ура, Нахимов! Михаил Петрович радуется своему ученику!» — так писал о Синопе другой ученик Лазарева, адмирал Корнилов. Сам Нахимов тоже помянул покойного своего учителя и в свойственном себе духе: «Михаил Петрович Лазарев, вот кто сделал все-с!» Это полное отрицание собственной руководящей центральной роли было совершенно в духе Нахимова, лишенного от природы и тени какого-либо тщеславия или даже вполне законного честолюбия. Но в данном случае было и еще кое-что. У нас есть ряд свидетельских показаний, исходящих от современников (Богдановича, Ухтомского, адмирала Шестакова и др.) и совершенно одинаково говорящих об одном и том же факте: о настроении Нахимова вскоре после Синопа. «О возбужденном им восторге он говорил неохотно и даже сердился, когда при нем заговаривали об этом предмете, получаемые же письма от современников он уклонялся показывать... Сам доблестный адмирал не разделял общего восторга». Он не любил вспоминать о Синопе — говорят одни. Он был неспокоен, думая о Синопе, — утверждают другие. Он говорил, что считает себя причиной, давшей англичанам и французам предлог войти в Черное море, — говорят третьи. «Павел Степанович не любил рассказывать о синопском сражении. Во-первых, по врожденной скромности и, во-вторых, потому, что он полагал, что эта морская победа заставит англичан употребить все усилия, чтобы уничтожить боевой Черноморский флот, что он невольно сделался причиной, которая ускорила нападение союзников на Севастополь».

Случилось именно то, чего он опасался. От синопского разгрома спасся бегством, как уже сказано, турецкий пароход «Таиф», которым командовал английский моряк сэр Адольфус Слэд, называвшийся по турецкой службе адмиралом Мушавер-пашой. Уйдя от русской погони, Мушавер-паша примчался в Константинополь 2 декабря и тотчас сообщил о катастрофе.

Турецкое правительство растерялось до такой степени, что чуть ли не в один и тот же день главному начальнику всех турецких морских сил (капудан-паше) было объявлено, чтобы он не смел показываться на глаза разгневанному на него падишаху, а затем ему же был дан великим визирем и Решид-Мустафой-пашой любопытный по своей полной нелепости приказ: немедленно выйти в Черное море с четырьмя оставшимися в Босфоре фрегатами. Зачем выйти? Кого и зачем искать? Неиз-

вестно. Но турецкие дела уже давно не зависели ни от Решида, ни даже от самого падишаха, повелителя правоверных, а только и исключительно от лукавого гяура лорда Стрэтфорда-Рэдклифа, который уже давно забрал в свои руки всю константинопольскую политику. Английский посол сейчас же, конечно, отменил затевавшуюся бессмысленную авантюру с четырьмя турецкими фрегатами. Раньше всех он понял, какие новые перспективы для разжигания всеевропейской войны представляет Синопский бой, если умеючи взяться за дело.

Уже 4 декабря, т.е. через четыре дня после Синопа, вот что он писал в Лондон: «К прискорбию, очевидно, что мир в Европе подвергается самой непосредственной опасности, и я не вижу, как мы можем с честью и благоразумием, понимаемым в более широком и истинном смысле, воздерживаться далее от входа в Черное море (значительными. — Е. Т.) силами, каков бы при этом ни был риск (at every risk)». Стрэтфорд, делавший в Константинополе все от него зависевшее, чтобы довести дело до войны, тут же, в официальной бумаге, уповает на лжесвидетельство со стороны самого создателя: «Бог знает, что мы довели наше воздержание (forbearance) и любовь к миру до таких размеров, которые породили много затруднений и чреваты опасными случайностями». Стрэтфорд знал, куда пишет, и неспроста вставил эту фразу о воздержании и любви к миру.

Только во вторую неделю декабря по Лондону стала распространяться весть о том, что Нахимов уничтожил 30 ноября турецкий флот. Британский кабинет, конечно, в первые же дни после Синопа получил, как мы видели, от своего посла в Константинополе Стрэтфорда-Рэдклифа самые точные и полные сведения о непоправимой катастрофе турецкого флота, но публике и даже тем, кто очень близко стоял к правительственным кругам, решено было до поры до времени ничего не говорить. Например, в дневнике Чарльза Гревилля мы читаем под 14 декабря 1853 г.: «Новостям о турецком разгроме на Черном море верят, но правительство ничего не намерено по этому поводу предпринимать, пока не получит подлинных сведений и детальных отчетов об этом событии». И, однако, лорд Эбердин, глава кабинета, отлично знал, что все газетные известия о Синопе совершенно правильны, и никаких «детальных отчетов» ему не требовалось.

Английское правительство получило точные сведения о Синопе уже 11 декабря по телеграфу, из Вены, а затем вскоре и подтверждающую телеграмму из Парижа.

Русский посол в Лондоне Бруннов спешил донести в Петербург о потрясающем впечатлении, произведенном в Лондоне этой русской блестящей победой. Он сразу же правильно уловил основной мотив возмущения в прессе и в широких слоях общества: «Где была Великобритания, которая недавно утверждала, что ее знамя развевается на морях Леванта затем, чтобы ограждать и оказывать покровительство независимости Турции, ее старинной союзницы? Она осталась неподвижной. До сих пор она не посмела даже пройти через пролив. Это значит дойти до предела позора. Жребий брошен. Больше отступать уже нельзя, не омрачая чести Англии неизгладимым пятном».

Бруннов не скрывает опасения, что под влиянием нападок английское правительство может решиться на активное выступление.

Граф Алексей Федорович Орлов, очень проницательный наблюдатель европейских настроений в это время, подметил совершенно правильно такого рода смену мотивов: сначала в Англии и Франции пытались вся-

▲ Орлов А.Ф.

чески снизить и умалить значение нахимовского подвига, а затем, когда это явно оказывалось нелепым (по мере выяснения подробностей Синопского боя), «появилась ужасающая зависть, и нам не прощают ни искусных распоряжений, ни смелости выполнения».

Тут следует пояснить, что дело было не только в зависти (jalousie épouvantable), но и в определенном беспокойстве: в Европе не ожидали такой блистательной оперативности от русских морских сил. Замечу кстати, что Орлов, отлично владевший французским языком, все-таки не заметил, что и его самого французская пресса, писавшая о Синопе, несколько ввела в заблуждение: Орлов пишет всюду, как тогда умышленно писали о Синопе французы, намеренно преуменьшавшие значение русской победы: «un combat». Это слово имеет на французском языке оттенок, который на русском скрадывается. И этот оттенок ускользнул от Орлова. «Un combat» и «une bataille» по-русски переводятся одинаково: сражение, битва, бой. А по-французски крупное сражение, имеющее первостепенное значение, большая битва или, например, решающий бой и т. д. всегда обозначаются словом «une bataille» и ни в каком случае, решительно никогда не называются «un combat», который имеет также оттенок «столкновения», крупной стычки. Это очень резко различается французами. Когда миновали годы войны и о Синопе можно было уже писать поспокойнее, то даже под французскими перьями он стал называться, как и подобало: «une bataille navale». Граф Орлов ничуть не сомневался в том, что Синопский бой сделал войну двух западных держав с Россией абсолютно неизбежной.

▲ Бруннов Ф.И. русский посол в Лондоне

Только 13 декабря (н. ст.), т.е. через две недели после события, Бруннов узнал от первого лорда адмиралтейства сэра Джемса Грэхема подробности о Синопском бое. Грэхем не скрыл своего мнения, что положение английского министерства станет очень затруднительным, так как министров будут обвинять в бездействии, а адмиралов будут порицать за то, что «они допустили уничтожить на их глазах часть оттоманской эскадры».

Союзный флот, стоявший в Босфоре, уже 3 декабря отрядил два парохода в Синоп, а два в Варну на разведки, чтобы разузнать о дальнейших намерениях и предприятиях русской эскадры, победившей при Синопе, и о движениях русских судов вообще. Сведения об этом дошли до Бруннова лишь через двенадцать дней. И все-таки еще 13 декабря днем Бруннов не оценивает по достоинству всей силы той бури, которую подняло в Англии синопское дело, и говорит об этом «шуме» в будущем времени. А пока приписывает себе честь заслуги: «Факт тот, что это — знатная пощечина (un fameux soufflet) для адмиралов английского и французского, которые стояли на якоре в Босфоре. Если нашей русской дипломатии удалось до сих пор воспрепятствовать им войти в Черное море и если, благодаря этому бездействию соединенных морских сил Англии и Франции, наш адмирал одержал такую прекрасную победу, то я думаю, господин граф, что ваш старый Бруннов, хотя он и не моряк, заслуживал бы в ваших бюллетенях почетного отзыва».

Но уже к вечеру того же 13 декабря стали умножаться тревожные признаки. Последовало приглашение на другой день явиться к Эбердину. Бруннов узнал, что созвано «серьезное» заседание кабинета. Он узнал также, что Валевский, посол Франции, прибыл к Эбердину. Бруннов

пишет канцлеру Нессельроде о «жестоком испытании», которое предвидит для себя.

И, однако, вот как готовит Бруннов канцлера и царя к встрече этой чреватой грозными опасностями дипломатической бури: он учит их не обращать никакого внимания на все то, что им говорит в Петербурге Гамильтон Сеймур, передавая официальные поручения министра иностранных дел Кларендона! Все это пустяки, важно лишь то, что частным образом, доверительно говорит Бруннову добрый старик Эбердин. Передав какие-то совсем вздорные мелочи, якобы указывающие на несогласие между Эбердином и Кларендоном, Бруннов пишет свое умозаключение, да еще по пунктам: «Что следует из всего этого заключить? 1. Что демарши, имевшие место через посредство сэра Г. Сеймура, дают вам, г. канцлер, часто очень неправильное понятие о мысли, которая руководит политикой кабинета, главой коего является лорд Эбердин. 2. Что наилучшее решение — это то, которое приняли ваше превосходительство, когда вы нисколько не считались с этими пустыми и праздными запросами. 3. Что лорд Кларендон делает дурной расчет, когда он сулит себе какую-либо выгоду от этой корреспонденции; ибо если он ее когда-либо предъявит, то для него будет унизительно констатировать в глазах парламента, до какой степени его дипломатические усилия остались без результата и, что еще хуже, без расписки в получении. Ибо самая суровая критика неосновательного аргумента заключается в полном молчании». Это все писалось того же 13 декабря 1853 г.

▲ Нессельроде К.В.

2(14) декабря последовал переданный через Киселева протест Нессельроде против статьи во французском официальном органе «Moniteur», которая сильно критиковала содержание [368] царского октябрьского манифеста о войне с Турцией. Но вся эта полемика теперь, в середине декабря, утратила всякий смысл: до такой степени она устарела. Синоп поставил вопрос о войне России уже не с Турцией, а с Францией и Англией, и кого могло интересовать в середине или конце декабря 1853 г. несогласие русского и французского правительств о значении гарантий православной церкви в Турции? Только необычайно сдержанный, примирительный тон русского ответа указывал, что с русской стороны чуют грозу, которую непременно вызовет Синоп, и хотели бы не раздражать противника прошлыми счетами.

Позиция Бруннова среди поднявшейся в Англии бури по поводу Синопа была такова: Россия и Турция находятся в состоянии войны, присутствие в Босфоре или даже в Черном море судов какой-либо третьей державы не может заставить русский флот отказаться от преследования турецких кораблей и нападения на эти корабли. Николай написал сверху карандашом: «c'est juste» (это справедливо).

Тотчас после Синопа Нессельроде написал в частном, непринужденном письме к барону Бруннову, как он смотрит на возможные последствия: «...мы бьем турок на земле и на море. Вот за восемь дней третья победа, более важная, чем остальные... Подобные факты скорее подвинут дело мира, чем все пустые ноты, которые четыре державы отправляют Турции». Нессельроде рассчитывает на то, что «Джон Буль всегда покидает побежденных»: турок в 1828–1829 гг., поляков в 1831 г., венгров в 1849 г. Канцлер забыл только, что в 1828–1829 гг. Англия была по ряду причин не против России, а на ее стороне и что ни в Польше, ни в Венгрии Англия не была вовсе заинтересована.

В крайне преувеличенном виде Бруннов спешит 15 декабря передать в Петербург утешительный слух о намерении шаха персидского двинуть армейский корпус против Турции, «пользуясь осложнениями в делах на Леванте». Но в той же экспедиции, отправленной Брунновым 15 декабря и полученной в Петербурге 22 декабря 1853 г., лондонский посол сообщает и менее отрадные новости. «Эбердин вышел из боя. Он ничего

не предложит совету (министров. — Е. Т.). Разногласие в совете покончено синопским делом». И все-таки Эбердину еще показалось слишком рано окончательно открыть карты: он стал уверять, что Стрэтфорд утверждает, будто ему еще удастся склонить Турцию к переговорам. То есть Эбердин делал вид, будто Стрэтфорд, даже и невзирая на Синоп, очень мирно настроен, тогда как в это же самое время, как нам документально известно, Стрэтфорд ликовал, считая отныне войну вполне обеспеченной. Бруннов, по-прежнему принимая слова своего собеседника за чистую монету, важно ответил, что в таком случае Стрэтфорду «нужно воздержаться от смешного раздражения, которое уже не спасет потопленных турецких судов», и прибавил: «Англия не есть страховое общество от морских аварий». Эти слова Николай подчеркнул карандашом и на полях написал: «parfait» (превосходно). Свою беседу с Эбердином Бруннов закончил словами, что «никакая иностранная демонстрация не помешает (России. — Е. Т.) пользоваться против Турции правом войны, пока Турция не запросит мира». И эти слова тоже подчеркнуты царем и на полях красуется второе «parfait».

Одним из ближайших результатов Синопского боя было последовавшее наконец заключение турецкого займа в Париже и Лондоне. Намик-паша уже давно курсировал между этими двумя столицами и ни на парижской, ни на лондонской бирже не встречал особой готовности дать Турции ускоренным порядком деньги на войну. Теперь, после Синопа, сразу же, под явным влиянием Наполеона III, парижский крупнейший банк («Credit mobilier») взялся за организацию дела. Турции был дан заем в 2 миллиона фунтов стерлингов золотом, причем половина подписки на эту сумму должна была быть покрыта в Париже, а другая половина в Лондоне. Бруннов и тут, сообщая об этой серьезной и зловещей неприятности для русской политики на Востоке, успокаивает Нессельроде и царя глубокомысленными соображениями, что будто бы лондонские банки скептически относятся к этой операции, что турецкое правительство не внушает доверия, и т. п.

Как раз когда он это писал, в недрах британского правительства произошло событие громадной важности: министр внутренних дел Пальмерстон заявил, что он выходит из кабинета лорда Эбердина.

Для Пальмерстона Синопский бой явился совершенно непререкаемым доказательством, что какие бы то ни было дипломатические попытки спасти Турцию от покушений со стороны Николая осуждены наперед на полный провал. Пальмерстон, как и все британские государственные деятели его поколения и поколения предшествующего, считали «потенциальными врагами», т. е. державами, с которыми Англия может оказаться в состоянии войны, только при страны: Францию, Россию и Соединенные Штаты. Теперь с Францией был союз, с Соединенными Штатами — глубокий мир, враждебный фронт был занят Россией. Войну с Россией Пальмерстон еще в большей степени стал считать неизбежной уже тотчас после отъезда Меншикова из Константинополя, чем считал ее в момент появления князя в столице Турции.

Получив полные сведения о Синопском бое, Пальмерстон предложил лорду Эбердину не только ввести немедленно большую эскадру в Черное море, но и официально заявить как русскому правительству в Петербурге, так и адмиралу, командующему в Севастополе, что до тех пор, пока русские войска не уйдут из Дунайских княжеств, ни одному русскому военному кораблю не будет разрешено показаться в Черном море вне порта.

Лорд Эбердин ответил уже через три дня — 13 декабря — на эту ноту своего министра внутренних дел, потому что это заявление Пальмерстона было фактически ультиматумом первому министру. Эбердин объявил, что он не желает прибегнуть к такому способу давления на Россию, который предложен был Пальмерстоном. И 15 декабря, немедленно после получения этого ответа, лорд Пальмерстон подал в отставку.

Эта отставка прогремела, как удар грома, и в Англии и в Европе. Внешним поводом был вовсе не Синоп. Официально было объявлено, будто Пальмерстон ушел вследствие нежелания поддерживать билль об избирательной реформе, выработанной Джоном Росселем, и который поддерживать обязался глава каби-

нета Эбердин. И сам Пальмерстон не опровергал этой версии. Но и Англия и Европа поняли этот уход Пальмерстона как протест против слишком слабого реагирования кабинета Эбердина на истребление Нахимовым турецкого флота. В самых читаемых газетах Англии поднялась буря; требования ввода английской эскадры в Черное море раздавались все решительнее. Кларендон, на мгновение было успокоившийся, стал понимать, что отставка Пальмерстона — шахматный ход, который непременно поведет к выигрышу не для Эбердина, а для Пальмерстона.

Нужно сказать, что в английской историографии до сих пор почему-то об этой декабрьской отставке Пальмерстона по большей части пишут не очень вразумительно, прикидываясь, будто в самом деле Пальмерстон ушел, собственно, из-за билля о реформе, а уж так будто бы совпали события, что все это поняли как ответ на Синоп.

Но современники были вполне правы, что именно так поняли поступок Пальмерстона 14 декабря. Только в наиболее заинтересованной стране, в России, не все правильно оценили самый смысл происшедшего изменения в составе английского кабинета и сначала очень оптимистически истолковали его.

Характерный отклик этого бродившего по обеим русским столицам и шедшего от императорского двора толкования отставки Пальмерстона мы находим в письме московского митрополита Филарета к наместнику Троице-Сергиевой лавры Антонию. Мимоходом скажу, что любопытный вообще документ это письмо. Филарет был очень умен, очень хитер, крайне осторожен, упорный крепостник, черствый, бессердечный православный иезуит, притеснитель низшего духовенства, гонитель раскольников, гонитель всякой маломальски живой мысли. Но в одном он был не грешен: не очень он полагался на военную мощь николаевской России и никогда не верил в закидыванье шапками всех супостатов. И изливал он свою душу единственному человеку, о котором

▲ Филарет, митрополит московский

он мог думать, что тот на него святейшему синоду не донесет: вот этому троице-сергиевому Антонию. Сообщая Антонию об отставке Пальмерстона, Филарет все же делает умную и проницательную оговорку к казенной оптимистической интерпретации: «После истребления турецкой эскадры все английские газеты возопияли против России. Говорят, что королева потребовала от министров дознания, отчего это... По дознании оказалось, что это по возбуждению от лорда Пальмерстона. Королева, говорят, поблагодарила его за службу и сказала, что не имеет в нем больше нужды. Теперь пишут, что он выходит из министерства... Если это правда — да спасет бог королеву. Но можно опасаться, что Пальмерстон составит сильную оппозицию и низвергнет нынешнее министерство; и тогда может быть последняя горше первых ».

То, чего опасался Филарет, уже произошло в Лондоне как раз в те самые дни, когда митрополит московский писал свое письмо, такое фантазерское в начале и такое здравомыслящее в конце: 24 декабря 1853 г. Пальмерстон, согласно просьбе кабинета, снова занял в нем место. Это было совершенно неизбежно.

Здесь достаточно сказать, что уже на третий день после отставки Пальмерстона, т. е. 17 декабря, английский посол при французском дворе лорд Каули имел разговор с Наполеоном III, после чего немедленно сообщил министру иностранных дел Кларендону: «Французское правительство полагает, что Синопское дело, а не переход (русских войск. — Е. Т.) через Дунай должно бы быть сигналом к действию флотов». Не успел Кларендон опомниться, как лорд Каули известил его, что французский император снова его призвал и прямо заявил, что нужно «вымести с моря прочь русский флаг» и что он, император, будет разочарован, если этот план не будет принят Англией.

Мало того, Наполеон III приказал своему министру иностранных дел графу Валевскому дать знать в Лондон, что если Англия даже откажется ввести свой флот в Черное море, то все равно французский флот войдет туда один и будет там действовать так, как найдет нужным. Держаться против такого натиска ни Эбердин, ни Кларендон не были бы в состоянии долго, даже если бы в девяти десятых влиятельнейших органов крупной буржуазии в самой Англии против них не велась в эти самые дни решительная кампания по поводу отставки Пальмерстона, [372] которого, кстати сказать, Наполеон считал и называл публично и демонстративно своим другом. Эбердин решился. Стрэтфорду были посланы в Константинополь инструкции действовать вместе с французским послом. Торжествовала по всей линии пальмерстоновская политика — и нелепо было делать ее без Пальмерстона. 24 декабря 1853 г. Пальмерстон вернулся в кабинет, а в ночь с 3-го на 4-е и 4 января 1854 г. англо-французский флот вошел в Черное море.

Бруннов, впрочем, это предвидел с самого начала «пальмерстоновского кризиса»: 16 декабря только Бруннов узнал об отставке Пальмерстона. При других обстоятельствах, пишет Бруннов, это событие могло бы иметь благие (для России) последствия, но Синоп совершенно переменил положение, и «добрые намерения лорда Эбердина парализованы». Учитывая этот внезапный паралич «добрых намерений» Эбердина, существовавших и до тех пор исключительно в воображении барона Бруннова, русский посол предвидит, что благожелательный лорд ничего не может сделать, «пока гроза не успокоится немного», потому что иначе «он падет под тяжестью укоров в трусости и измене, которыми его уже подавляют». Бруннов на этот раз наконец начинает отказываться от своего несокрушимого оптимизма. Он считает, что вообще дни кабинета Эбердина сочтены и что Пальмерстон только для того и ушел, чтобы не пасть вместе с министерством.

По мере того как во второй половине декабря 1853 г. прибывали новые и новые подробности о Синопе, атмосфера в Лондоне сгущалась все более и более. Никто не верил официальной версии об отставке Пальмерстона. Общее мнение склонялось к тому, что он ушел, потому что считал позорным поведение правительства, у которого не хватило ума и силы воли приказать британской эскадре вовремя, до нападения Нахимова, войти в Черное море и этим спасти турецкий флот. Шовинистические настроения охватили уже почти всю буржуазию — и крупную, и среднюю, и мелкую. Рабочий класс, в своей массе, не принимал участия в начавшихся демонстрациях, но и среди рабочих было немало людей, которые, ненавидя Николая, считая его главным оплотом мировой реакции, полагали, что настала наконец пора с ним рассчитаться.

Дошло до того, до чего так редко в те времена в Англии доходило: до антимонархических заявлений. Все знали, какие неприязненные отношения существуют между Викторией и Пальмерстоном. Эту вражду стали приписывать «немцу», «маленькому вредному Алю», т. е., другими словами, принцу Альберту, мужу королевы Виктории. Создалась легенда о том, что Альберт изменник, что он куплен императором Николаем. В Лондоне распространялись

печатные листки со стихотворениями о «маленьком Але, королевском товарище, который, говорят, обратился в русского».

Наконец стали уже прямо передавать слухи, что и Альберт и Виктория арестованы и будут заключены в Тауэр, тюрьму для государственных преступников. Густые толпы собирались по утрам около Тауэра, поджидая привоза королевы и ее мужа в тюрьму.

Киселев уже 19 декабря известил из Парижа канцлера Нессельроде, что император Наполеон III открыто выражает сожаление об уходе Пальмерстона и надежду, что Пальмерстон соединится с лордом Дерби и вместе с ним станет во главе нового правительства и еще более скрепит узы, соединяющие Англию и Францию. Другими словами: ясно, что Пальмерстон не сегодня-завтра вернется в кабинет или станет во главе своего собственного кабинета. Другое известие из Парижа столь же мало утешительно: послу Барагэ д'Илье посланы инструкции — ввести французский флот, конечно, по соглашению с англичанами, в Черное море.

У нас есть документальное доказательство, что в разгар кризиса, вызванного Синопом, Николай не терял надежды вбить клин между Францией и Англией, не зная, что именно Наполеон в это время поспешил занять совсем непримиримую позицию. Киселев, как всегда, не видевший этого, доносил 15 декабря, что, по его сведениям, Кларендон, увлекаемый раздраженным общественным мнением Англии, написал своему парижскому представителю лорду Каули о необходимости вывести английский и французский флоты из Босфора, где они стоят, и ввести их в Черное море. Киселев немедленно обратился к австрийскому послу Гюбнеру, чтобы тот обратил внимание Друэн де Люиса на опасность подобного мероприятия. Гюбнер переговорил с Друэн де Люисом и успокоил Киселева, передав, будто французский министр очень рассудительно смотрит на дело и считает, что битва при Синопе была законным актом войны. Выслушав это, Киселев спрашивает у Нессельроде, не следует ли ему с Францией держать себя пообходительнее, даже если Россия порвет с Англией дипломатические сношения? Николай подчеркнул фразу Киселева о том, не следует ли с Францией держать себя пообходительнее (s'il lui convient de ménager la France), и приписал карандашом: «да, поскольку это возможно».

Еще какие-то слабые дипломатические отголоски венского протокола 5 декабря продолжают привлекать внимание Бруннова, еще царь продолжает похваливать Бруннова карандашными отметками на полях («Бруннов прекрасно говорил!») за аргументы Бруннова в пользу необходимости переговоров России с Турцией один на один, но все это теперь, когда уже решено ввести западные эскадры в Черное море, никакого реального значения не имеет, и сам Бруннов это сознает. С каждым днем в Лондоне все усиливается стремление объявить войну России. «Можно сказать, что желание мира делает последнее усилие, чтобы задержать в себе последние признаки жизни, перед тем как они исчезнут среди этой борьбы, приходящей теперь к своему концу после агонии, продолжавшейся десять месяцев», — такой неуклюже-фигуральной, но вполне понятной грустной фразой кончает Бруннов свое донесение от 2 января 1854 г.

После Синопа, накануне введения англо-французского флота в Черное море, самое существование венского протокола от 5 декабря 1853 г. давным-давно утратило всякий смысл мирного посредничества и сохранило уже определенно враждебный характер, прямо против России направленный. Прусский король это чувствовал, но не хотел в этом признаться и силился это отрицать. Австрийский император и его министр Буоль в самые первые дни после Синопа тоже старались не компрометировать себя в Петербурге. Но после введения английского и французского флотов в Черное море они поуспокоились.

К концу декабря картина послесинопских настроений в Константинополе и в западных столицах стала выясняться отчетливее, чем вначале. Обнаружилось, что, конечно, именно британский посол лорд Стрэтфорд-Рэдклиф, в полном согласии с начальником английской эскадры адмиралом Дондасом, стоит за немедленное введение флотов в Черное море, а посол французский Барагэ д'Илье этому противится. Но как только весть дошла до Парижа и Лондона, то, наоборот, французский император пожелал действовать немедленно и решительно, а в Англии проявлялась медлительность.

Наполеон III приказал своему послу в Лондоне настаивать на немедленном введении обеих эскадр в Черное море, и 22 декабря британский кабинет принял решение действовать согласно желанию Наполеона III. Это было прямым шагом к формальному заключению союза между обеими державами, прямо направленного против России.

Война приближалась гигантскими шагами. Граф Буоль в Вене торжествовал, предвидя, что русским войскам отныне ни в Константинополь не войти, ни в Дунайских княжествах долго не продержаться и что Австрия попала в очень выгодное положение: к ней должны были с этих пор обращаться за поддержкой обе стороны. А русская дипломатия в этот момент настолько еще была далека от правильного понимания австрийской позиции, что полагала, будто «Австрия не замедлит, к своему сожалению, признать, что ее расчет (на противодействие англичанам и французам. — Е. Т.) оказался совершенно ошибочным». Тот же Бруннов, правая рука канцлера Нессельроде, еще в конце декабря 1853 г. жалел графа Буоля, которому не удалось осуществить свое благородное посредничество: «Эта неудача слишком поздно заставила главу австрийского кабинета почувствовать, что он слишком понадеялся на свои силы, когда вознамерился направить работы Венской конференции по пути примирения, что единственно руководит мыслью Австрии». Австрийское правительство в самом деле имело в это время «единственную» мысль:

оно желало полного отступления русских войск из Молдавии и Валахии. Конечно, безопаснее и спокойнее было бы вынудить Николая к отступлению чисто дипломатическими средствами, чем войной. Но и война — предпочтительнее завоевания Турции царем или хотя бы внедрения русских войск надолго в Дунайских княжествах. Только в этом и состояло «миролюбие» Австрии и до и, особенно, после Синопа.

Появление союзного флота в Черном море имело, между прочим, прямым последствием большое оживление работорговли на Черном море. Это очень благоприятно отразилось на понижении цен на рабов на рынке. Перед войной, говорят нам турецкие источники, черкесские рабы и особенно рабыни для гаремов и публичных домов так вздорожали, что просто ни на что не похоже было: хоть не выходи на базар, человеку со скромными средствами — прямо не подступиться. Русские суда перехватывали на море корабли с этим грузом, шедшие от Кавказа к Константинополю, и положительно мешали сколько-нибудь нормальному расчету невольничьей коммерции.

Но вот миновала эта невзгода. С момента появления адмиралов Дондаса и Гамлэна с англо-французским флотом в Черном море сразу рабы и рабыни подешевели на треть прежней рыночной стоимости. Судоходство между Кавказом и Константинополем стало вполне безопасно. А кроме того, европейские судовладельцы и в эту отрасль торговой деятельности внесли свойственный им дух бодрой инициативы. Они поспешили прежде всего вдохнуть новую энергию в приунывших было работорговцев, у которых прямо руки опустились после нахимовской победы: «Англичане, по-видимому, поощряют (encouragent) эту торговлю (рабами. — Е. Т.). Один корабль этой нации из числа тех, которые эскортировали последнюю экспедицию в Батум, подойдя к русскому побережью, успокоил (a rassuri) турецких купцов, что впредь уже им ничего не нужно бояться со стороны русских крейсирующих судов».

Жена министра иностранных дел Решид-паши, давно ведшая обширное и процветающее предприятие по скупке молодых черкешенок и их переправке в гаремы, более чем кто-либо поэтому могла понять всю серьезность жалоб, которые с такой горечью и так настойчиво приносил ее муж лорду Стрэтфорду-Рэдклифу на то, что присутствие русского флота в Черном море делает прямо невозможным спокойный товарооборот, снабжающий столицу Турецкой империи необходимым импортом.

Правительственная печать во Франции, пальмерстоновская печать в Англии, впрочем, обходила эту деликатную подробность молчанием, но больше всего настаивала на защите от русских «варваров» «богатой, хотя и несколько своеобразной, турецкой культуры», как выражался публицист распространенной тогда лондонской газеты «Морнинг адвертайзер» Дэвид Уркуорт.

Оставалось теперь, когда единение между обоими правительствами было достигнуто, подготовить окончательно общественное мнение Англии и Франции к неизбежной войне.

В Англии Пальмерстону и его прессе нужно было считаться с кое-

какими слоями средней и мелкой торговой и промышленной буржуазии, шедшими за Кобденом и не признававшими целесообразной для своих интересов вооруженную борьбу против России. Во Франции Наполеону III в тот момент можно было, собственно, ни с кем особенно в этом вопросе не считаться: крупная буржуазия и собственническое крестьянство надежно и без колебаний его поддерживали, рабочий класс был не организован, не активен, не залечил еще страшных ран. Да и в революционной общественности, как в подполье, так и в эмиграции, немало людей вполне разделяли воззрение, что от поражения николаевской России мировой прогресс может только выиграть. Таким образом, пущенная в ход с конца декабря 1853 г. в обеих странах агитация шла очень успешно, и даже иной раз могло казаться, что она ломится в открытую дверь.

Вопрос в прессе ставился так: могут ли Франция и Англия, ограждая свои экономические и политические интересы, дозволить, чтобы Россия завоевала Турцию? Нет. Можно ли смотреть. на нападение Нахимова в Синопе как на начало крушения Турции? Да, можно и должно. Чем более яростно шла вдохновляемая Пальмерстоном агитация в прессе, тем чаще писали о «предательском» (treacherous) нападении Нахимова на турок» о «бойне», учиненной им, и о нарушении международного права русским адмиралом. Эта версия всецело была поддержана и французской прессой, которая в данном случае отразила лишь взгляды владыки Франции, да ничего другого при полнейшей своей скованности и не могла отразить. Французская историография до сих пор часто довольствуется лишь скромным пересказом дипломатических документов или перепечаткой без комментариев знаменитого письма Наполеона III Николаю I, о котором у нас будет речь дальше.

Интересно, что клевреты Наполеона III старались сообщить подготовляющейся войне характер религиозного и культурного крестового

▲ Наполеон III

похода против русских «еретиков» и «варваров».

«Для Европы предпочтительнее слабая и безобидная Турция, чем всемогущая и деспотическая Россия. Россия в Константинополе — это смерть для католицизма, смерть для западной цивилизации. И однако именно такая катастрофа висит над нашей головой. Право против насилия, католицизм против православной ереси, султан против царя, Франция, Англия, Европа — против России».

Все это и тому подобное писалось журналистами французского императора, чтобы загнанные после переворота 2 декабря в подполье революционеры не подумали, будто они могут что-нибудь выиграть для своего дела от начинающейся борьбы двух деспотов, Наполеона III с Николаем I.

В разгар кризиса, но уже когда в Париже были получены точные сведения о возвращении Пальмерстона, Киселев произвел одну смелую попытку круто изменить к лучшему дипломатическое положение России. Эта попытка, разумеется, была обречена на полную неудачу, и едва ли сам Николай Дмитриевич верил в возможность выигрыша на такую карту.

26 декабря 1853 г. он неожиданно явился к Друэн де Люису, свидания с которым в последнее время избегал вследствие систематически враждебного и подозрительного тона французского министра. Киселев развил перед Друэн де Люисом целую программу совсем новой и крайне, по его мнению, выгодной для Наполеона III политики. Зачем Наполеону союз с Англией? Ведь Англия его эксплуатирует в своих целях. Англия имеет свои главные интересы в Азии, интересуется тем, что делается в Хиве, что делается около Индии, и вот зачем ей нужна

▲ Бухта Синопа сейчас

война с Россией. А Франции нечего в Азии делать, у Франции интересы европейские. Положение вашего императора очень хорошее, продолжал Киселев. Но оно может стать еще лучше. Есть нечто получше, чем союз с Англией, — это союз с двумя, «а может быть и тремя» великими континентальными державами. Киселев предупредил Друэн де Люиса, что это он предлагает пока от своего собственного имени, не спросясь ни у кого, но просил довести до сведения Наполеона III, и Друэн обещал. А Киселев, конечно, написал Нессельроде, что хоть и не очень надеется на успех, но, может быть, хоть немного это поослабит узы, связывающие Францию с Англией. Об этом разговоре Киселев написал длинное донесение канцлеру 28 декабря. А уже 30-го принужден был послать шифрованную телеграмму, извещавшую царя о полном провале этой попытки: «Ответ, который только что Друэн дал мне от имени Луи-Наполеона, которому он сообщил о моем конфиденциальном выступлении, доказал мне, что здесь решили идти в полном соглашении с Англией и решили в настоящее время предпочесть этот союз всякому другому». Телеграмма кончалась сообщением, что уже два дня как политические и финансовые круги Парижа очень взволнованы положением вещей и слухами о предстоящем отъезде русского посла.

За краткой шифрованной телеграммой Киселев послал 3 января 1854 г. и более обстоятельное изложение своей беседы с Друэн де Люисом, которого уже считает окончательно насквозь фальшивым человеком, а политику Наполеона III признает вполне определившейся: курс взят на войну, в сторону «самых крайних решений», в сторону полного единения с Англией.

Уже 26 декабря, т. е. до того, как это событие было оглашено, Бруннов узнал о предстоящем триумфальном возвращении Пальмерстона в кабинет. Он объясняет это «слабостью» Эбердина и невозможностью найти человека, который рискнул бы своей популярностью и решился бы заменить Пальмерстона. Поведение королевы, ненавидящей Пальмерстона и не имеющей возможности от него избавиться, внушает Бруннову «сострадание». Николай подчеркнул карандашом это место донесения. Эбердин, возвративший Пальмерстона в свой кабинет, ничуть и ни в чем не противоречащий Стрэтфорду, продолжает жаловаться на горькую свою долю и, что самое любопытное, продолжает вызывать в бароне Бруннове искреннее сочувствие. «Я так непопулярен, — сказал Эбердин Бруннову, — я так подавлен укором в трусости и измене (в пользу. — Е. Т.) России, что я не осмеливаюсь более показываться на улицах. Так это не может долго длиться. Мне нужно будет рано или поздно уйти». Бруннов, с тем сердечным участием, в котором он никогда не отказывал лорду Эбердину в его деликатных страданиях, пишет канцлеру Нессельроде: «По правде сказать, я жалею во имя его же (Эбердина. — Е. Т.) собственных ин-

тересов, что он до сих пор не принял этого решения (уйти. — Е.Т.). К нему было бы больше уважения. Ибо сопротивление, которое он оказывает злу, не настолько твердо, чтобы оно было достойно его». И Бруннов кончает опять сожалением, что Эбердин «вышел из строя». А Эбердин в это самое время уже отдал все нужные распоряжения по вводу британской эскадры в Черное море...

Сообщая 27 декабря 1853 г. о победоносном возвращении лорда Пальмерстона в кабинет и жалея, как всегда, угнетенную невинность премьера Эбердина, которому, по его собственным словам, просто нельзя показаться на улице, до такой степени он опозорен обвинениями в измене, трусости и подкупе со стороны России, барон Бруннов сострадательно жалеет злополучного милорда, терпящего гонения за свое неискоренимое миролюбие. Зачем он в самом деле не уходит! Самое бы время уйти!

27 декабря Кларендон официально заявил, что после Синопа, где турецкий флот был истреблен Нахимовым в турецком порту, Англия, не желая допустить грозящего Турции повторения подобного несчастья, вводит свою эскадру в Черное море. Протест Брунnова остался тщетным.

Следует отметить, что при формальном объявлении Бруннову о проходе английской эскадры в Черное море министр иностранных дел лорд Кларендон признал правильность и обоснованность русской точки зрения, согласно которой русский флот имеет полное право нападать на неприятельские суда всюду, где они ему попадутся. Кларендон лишь заявил, что и Англия оставляет за собой право принимать меры, какие требуются для предотвращения нового разгрома турок, вроде происшедшего в Синопской бухте.

К концу декабря перед русской дипломатией начинают понемногу и пока еще не очень ясно вырисовываться основные линии назревающих событий. Оказывается, что сейчас после Синопа как в Лондоне и Париже, так и в Константинополе сразу же обозначилось могущественное течение в пользу ввода союзных эскадр в Черное море. Но в то время как на Западе ведущую роль сыграла Франция, именно Наполеон III, который ускорил окончательную победу Пальмерстона, — в Константинополе, напротив, инициативу взял на себя британский посол лорд Стрэтфорд-Рэдклиф, за которым уже последовал, медля и несколько как бы упираясь, французский представитель генерал Барагэ д'Илье. Выяснилось и другое. Тот протокол, который был подписан в Вене накануне известия о Синопе, 5 декабря 1853 г., четырьмя державами: Англией, Францией, Австрией и Пруссией, и который как бы намечал посредничество этих четырех держав между Россией и Турцией и объявлял их нейтралитет, фактически связывал Австрию и Пруссию, но нисколько не связывал ни Францию, ни Англию; т. е. связывал две германские державы, числившиеся еще союзными с Россией, и нисколько не стеснял открыто помогавших туркам Англию и Францию. На это обстоятельство очень четко и вразумительно указал барон Бруннов, и с этим толкованием, судя по помете на полях, вполне согласился и сам царь.

Русским министерством иностранных дел в предвидении появления английской и французской эскадр в Черном море был выработан следующий дипломатический modus vivendi, другими словами, проект договоренности, дозволяющий России не ответить на этот поступок Англии и Франции немедленным объявлением войны. Во-первых, державы обязуются воспрепятствовать туркам производить нападения на наши берега и на наши порты и мешать русским сообщениям с берегами и портами. Во-вторых, Англия и Франция обязуются ограничить действие своих флотов защитой турецких портов. В-третьих, с нашей стороны, мы обязуемся не нападать на турецкие порты.

Представляя этот проект Николаю, канцлер Нессельроде, основываясь на донесениях Бруннова из Лондона и Мейендорфа из Вены, рассчитывает, что есть шансы на принятие такого рода условий обеими западными державами. Выгоды же подобного соглашения — безусловны: «если бы можно было добиться полного соглашения от морских держав, это имело бы для нас то бесспорное преимущество, что дало бы нам возможность свободно сообщаться через Севастополь и Одессу с берегами Черкесии и обезопасило бы Черкесию, которая является самым уязвимым пунктом нашей позиции от нашествия со стороны наших врагов».

Собственно, Бруннов уже не скрывает от Петербурга, что вся его надежда на сохранение мира заключается в том, что наступила зима, когда воевать как-то обыкновенно не принято. А до весны далеко и многое еще может как-нибудь измениться. Других надежд у барона уже в наличии как будто нет.

Множились самые недвусмысленные признаки возрастающей со дня на день опасности. Принц Наполеон, сын вестфальского короля Жерома Бонапарта и кузен Наполеона III, еще так недавно ласково беседовавший с Киселевым в Фонтенебло и с Александром Михайловичем Горчаковым в Штутгарте, вдруг усугубил свое внимание к вождям польской эмиграции в Париже и, кроме того, демонстративно посетил агитационную антирусскую пьесу «Казаки». Самую пьесу разрешил к представлению лично Наполеон III, хотя он это и отрицал.

Симптомы были очень показательны, и объяснение воспоследовало очень скоро.

3 января (в ночь на 4-е) и 4 января 1854 г. английские и французские суда, стоявшие в Босфоре, стали приближаться к выходу из пролива и проходить в Черное море. Английское правительство — пока еще полуофициально — не скрыло от Николая (которому сообщил об этом Гамильтон Сеймур, британский посол в Петербурге), что оно намерено силой воспрепятствовать нападениям русского флота на турецкие берега. Наместник Кавказа князь М.С. Воронцов первый забил тревогу.

Под прямой угрозой оказалось беззащитное кавказское побережье.

«На суше мы не боимся никого; но на море и на побережье — дело совсем иное, и я не могу без содрогания (sans frйmir) воображать себе во всех подробностях неизбежную и жестокую потерю всех наших фортов на восточном берегу, спасти которые мы в этом случае не имеем никаких средств». Воронцов считает это таким несчастьем, «в котором не может утешить нас никакой успех на суше». Он настойчиво рекомендует Нессельроде сделать все зависящее для скорейшего восстановления мира.

Царь был в величайшем раздражении. Отступления он не видел. Он решил расширить военные действия против Турции на суше, перейти через Дунай, поднять против турок общее восстание христианских народов, подчиненных султану. Он собственноручно набросал план политических действий, который и был сообщен как Нессельроде, так и Паскевичу.

«Возмутительные заявления лорда Эбердина, признанное намерение мешать нашим действиям на море и однако позволить туркам действовать на море против нас требуют с нашей стороны такой комбинации, которая бы повела нас прямо к нашей цели, увеличивая наши средства действия и обеспечивая их от английских покушений». Так начинает царь свою записку. Он высказывает подозрение, что англичане сами видят, что Турция дальше существовать не может, и намерены уже от себя и в совсем враждебном России духе освободить балканские народы и организовать их. «Не есть ли повелительный наш долг предупредить этот гнусный расчет (cet infвme calcul), объявив уже теперь всем державам, что, признавая бесполезность общих усилий пробудить в турецком правительстве чувства справедливости и вынужденные вести войну, исход которой не может быть определен, мы остаемся верны уже провозглашенному нами принципу отказа, если это возможно, от всякого завоевания; но что мы признаем, что пришел момент восстановить независимость христианских государств в Европе, подпавших несколько веков назад под оттоманское иго, беря на себя инициативу этого священного решения, мы обращаемся ко всем христианским нациям, чтобы они присоединились к нам в священных этих целях... Итак, мы заявляем, что наше желание восстановить действительную независимость молдо-валахов, сербов, болгар, босняков и греков; что каждая из этих наций получает страну, где она живет в течение веков, что каждая из них должна управляться человеком по ее собственному выбору, избранному ими самими из их соотечественников». Царь ожидает больших последствий от подобного воззвания: «Я думаю, что воззвание или декларация такого рода должна сразу же переменить мнения во всем христианстве и, может быть, привести к более справедливым воззрениям на это важное событие; и по крайней мере устранить исключительное и злонамеренное руководство со стороны английского правительства... Я вижу в этом единственное средство против зложелательства Англии, потому что невероятно, чтобы после подобной декларации они еще могли бы присоединиться к туркам, чтобы сражаться против христиан».

Итак, русской внешней политике давалось новое определенное направление и задание. Война с западными державами — более чем вероятна, предупредить ее можно, усиливая дипломатическое, а затем и военное наступление. Нужно перейти через Дунай, идти на Балканы, поднять народы, подчиненные Турции; «если возможно», воздержаться от завоеваний. А если «невозможно»?

▲ Николай I

Николай в своем окружении в это время (в начале 1854 г.) вовсе не скрывал, что не прочь был бы водвориться в Константинополе и заменить для Турции ее падишаха. Когда в Турции было издано воззвание, извещавшее, что все перебежчики из русской армии будут приниматься в Турции с тем же чином, какой у них был в России, то Николай сказал, прочитав литографированный экземпляр этого воззвания: «жаль, что я не знал этого, а то и я перешел бы на службу в Турцию со своим „чином«»: он в Турции должен был бы сделаться султаном.

Николай тут шутил, но в своей собственной записке он нисколько не шутил. Установка в Зимнем дворце была взята в январе 1854 г. более решительно, чем когда-либо, на окончательное разрушение Оттоманской державы. Сначала Петербург, потом провинция довольно скоро учуяли, что близятся решительные события и что вопрос о гибели или сохранении Турции вступил в очень критический фазис. Сгорая от любопытства, вспоминая и неудачу под Ольтеницей, и победу на Кавказе, и Синоп, читая лаконичные известия об англо-французском флоте, не зная, как все эти разнохарактерные факты совместить со слухами о желании царя «освободить» балканские народы, славянофил Хомяков писал Антонине Дмитриевне Блудовой, взявшей на себя в это время роль как бы докладчицы при высочайшем дворе по славянофильским делам: «...сколько на свете понаделалось дел! да каких важных! да сколько из этих важных дел выйдет еще важнейших! Заметьте, пожалуйста, что я все-таки еще ничего не понимаю, из чего это делается... Только вижу, что мы турецкий флот или часть его сожгли, и что кн. Бебутов... побил турка наголову: все это меня радует. Неудачи немца Данненберга я совсем и знать не хочу. Все так, все хорошо. Да из чего же так Европа расхлопоталась? из чего она так к нам не благоволит? из чего флоты посылает? Никак в ум не возьму. Или мы уж очень много требуем? Да, кажется, мы ничего не требуем... Вам в Петербурге, вероятно, все это ясно, а нам в глуши совершенно недоступно. Заметьте, что я все недоумения представил в виде вопросов, не потому чтобы я ждал объяснения (время все объяснит гораздо лучше, чем письма, возимые почтою), но это было невольное выражение внутреннего смущения. Ничего не знаешь, не понимаешь, а чего-то крупного ждешь и должен ждать. Ведь не даром же у Босфора такой съезд всех возможных флагов, которые, конечно, никогда не развевались вместе на одних водах. И факт сам по себе, и сцена его — все величественно. В моих глазах это возвышает самый Царьград. Вот неразумное чувство художника, а разумная мысль человека: что-то бог даст? Но все это не может пройти совсем даром. Не на похороны ли Турции такой съезд? Ведь ее, вероятно, похоронят с почетом, как следует хоронить царство Баязетов и Солиманов, царство, от которого дрожала вся Европа. Не издыхать же старому богатырю за изгородью; ему следует умереть с честного боя! Жить ему, кажется, нельзя. Сильный враг, неисцельные раны внутри, и лукавые друзья, которые опаснее врагов, тут, кажется, мало надежд на жизнь. Я уверен, что все кончится в пользу нашей задунайской братии и в урок многим. Узнают, между прочим, что славянофильство не было ни революционерством, ни безумием, а верным предчувствием и ясным пониманием наших отечественных потребностей и наших естественных союзов. Полагаю, что и теперь уж начинают это смекать, хоть, разумеется, и не признаются. Но в сторону эти политические дела, которые очень удобно без меня обойдутся...»

Но эта новая установка в русской политике ставила перед царем новый вопрос: до крайности обострялись сразу же отношения с Австрией. «Освобождение» турецких славян очень легко могло повести к «освобождению» и славян австрийских. Путь на Балканы, путь на Адрианополь и Константинополь, по которому в 1829 г. Дибич уже провел русскую армию, теперь мог тревожить Австрию несравненно больше, чем даже в 1829 г., хотя и тогда Меттерних и фон Радецкий были в большой тревоге. Николай решил объясниться начистоту с австрийским императором. ■

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ

Самыми тяжелыми для Советского Союза последствиями Великой Отечественной войны являются его людские потери — военнослужащих и гражданского населения, составившие 26,6 млн. человек. Эта цифра была получена в результате обширных статистических исследований ученых-демографов и последующей работы (в конце 80-х годов XX в.) государственной комиссии по уточнению людских потерь. Обнародовали ее в округленном виде («почти 27 млн. человек») на торжественном заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 г., посвященном 45-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В указанное число общих людских потерь (26,6 млн. человек) входят убитые в бою и умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях военнослужащие, подпольщики, а также рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы.

Никогда ранее наша страна не сталкивалась с подобными военными жертвами. Даже за вместе взятый восьмилетний период первой мировой (1914-1918 гг.) и Гражданской (1918-1922 гг.) войн, с их смертоносными эпидемиями (тифозными, холерными, малярийными и прочими) было убито, умерло от ран и болезней почти в три раза меньше — 10,3 млн. человек. При этом убыль

населения России в первую мировую войну (демографические потери военнослужащих и гражданского населения) составила 4,5 млн. человек. Аналогичная убыль и в Гражданской войне — 8 млн. человек.

Число потерь нашей страны в второй мировой войне значительно превзошло вместе взятое количество людских потерь, понесенных в первой мировой и Гражданской войнах.

Дело в том, что Великая Отечественная война, как и вторая мировая война в целом, отличалась от всех предшествующих войн своими решительными целями с обеих сторон, небывало огромным количеством участвовавших войск и многократно возросшей убойной силой оружия и военной техники.

К тому же война не сводилась лишь к противоборству воюющих армий, как это было в прошлом. Немецко-фашистские захватчики наносили свои смертоносные удары и по войскам, и по гражданскому населению, не делая разницы между фронтом и тылом, между военнослужащими и мирными гражданами. Все это резко увеличивало число жертв.

Масштабы людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны определялись двумя методами — учетно-статистическим и балансовым.

Первый из них заключается в оценке потерь на основе имеющихся учетных документов. Таким методом были определены, в частности, потери личного состава Вооруженных Сил СССР.

Однако учетно-статистический метод невозможно применить к оценке многих категорий потерь гражданского населения в связи с отсутствием необходимых учетных и статистических материалов. Полная оценка безвозвратных людских потерь здесь может быть получена только методом демографического баланса, путем сопоставления численности и возрастной структуры населения СССР на начало и конец войны. Указанный метод и был положен в основу работы комиссии по уточнению людских потерь, состоявшей из научных работников, специалистов министерств и ведомств, представителей общественных организаций.

Общие людские потери, исчисленные комиссией с помощью балансового метода, включают всех погибших в результате военных и иных действий противника, умерших вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу, а также лиц, эмигрировавших из СССР в годы войны и не вернувшихся после ее окончания. В число прямых людских потерь не вошли косвенные потери: от снижения рождаемости в период войны и повышенной смертности в послевоенные годы.

Подсчет потерь балансовым методом производился за период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. Верхняя граница периода была отодвинута от момента окончания войны на конец года, чтобы учесть умерших от ран в госпиталях, репатриацию в СССР военноплен-

ных и перемещенных лиц из числа гражданского населения и репатриацию из СССР граждан других стран. Демографический баланс предполагает сопоставление числа населения в одних и тех же территориальных границах. Для расчетов в данном случае были приняты границы СССР на 22 июня 1941 г.

Оценка численности населения СССР на 22 июня 1941 г. получена путем передвижки на указанную дату итогов предвоенной переписи населения страны (17 января 1939 г.) с корректировкой чисел рождений и смертей за 2,5 года, прошедших от переписи до нападения фашистской Германии. Таким образом, численность населения СССР на середину 1941 г. определяется в 196,7 млн. человек. На конец 1945 г. эта численность рассчитана путем передвижки назад возрастных данных Всесоюзной переписи 1959 г. При этом использована уточненная статистика о смертности населения и данные о внешней миграции за 1946-1958 гг. Расчет произведен с учетом изменения границ СССР после 1941 г. В итоге население на 31 декабря 1945 г. определено в 170,5 млн. человек, из которых 159,5 млн. — родившиеся до 22 июня 1941 г., то есть до начала войны.

Общая убыль (погибшие, умершие, пропавшие без вести и оказавшиеся за пределами страны) за годы войны составила 37,2 млн. человек (разница между 196,7 и 159,5 млн. человек). Однако вся эта величина не может быть отнесена к людским потерям, вызванным войной, поскольку и в мирное время (за 4,5 года) население подвергалось бы естественной убыли за счет обычной смертности. Если уровень смертности населения СССР в 1941-1945 гг. брать таким же, как в 1940 г. то число умерших составило бы 11,9 млн. человек. За вычетом указанной величины людские потери среди граждан, родившихся до начала войны, составляют 25,3 млн. человек. К этой цифре необходимо добавить потери детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших из-за повышенной детской смертности (1,3 млн. человек). В итоге общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные методом демографического баланса, равны 26,6 млн. человек. Этот расчет выполнен Управлением демографической статистики Госкомстата СССР в ходе работы в составе комплексной комиссии по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Как видим, число потерь огромно. Тысячи граждан нашей страны ежедневно гибли в боях на фронте, погибали от бомб и снарядов в городах и населенных пунктах прифронтовой полосы. Гитлеровские палачи безжалостно уничтожали наших людей как представителей «низшей расы» в газовых камерах лагерей смерти, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей.

Война, развязанная гитлеровцами против СССР, была войной на истребление целых народов, в первую очередь славянского, русского населения. «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе», — говорилось в одном из толкований так называемого генерального плана «Ост», чудовищного программного документа гитлеровского геноцида на оккупированной территории СССР.

ПОТЕРИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Уничтожение гражданского населения проводилось нацистами самыми изощренными способами и средствами. Для этого заранее были отработаны методики массовых расстрелов, использования «душегубок», применения газа «циклон» и печей крематориев в концентрационных лагерях смерти, налажена промышленная утилизация останков миллионов умерщвленных людей. Для исполнения преступных планов были подготовлены кадры профессиональных убийц. Злодейские правила поведения на оккупированной земле прививались и каждому солдату вермахта. Например в одном из пунктов «Памятки немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек».

По плану гитлеровской колонизации и германизации «восточного пространства» подлежали уничтожению не только славянские народы, но и другие народы, жившие на территории СССР. Наиболее жестоким было отношение к евреям, которых немцы истребляли в первую очередь, наравне с коммунистами. Преступные намерения гитлеровцев распространялись также на молдаван, литовцев, латышей, эстонцев и др.

Таким образом, варварское уничтожение мирных жителей в соответствии с гитлеровским планом «Ост» проводилось во всех республиках СССР, подвергшихся вражескому нашествию. Всего было преднамеренно истреблено мирного населения на оккупированной территории более 7 420 379 человек. В это число не включены партизаны и подпольщики, которых гитлеровцы, в случае захвата, относили к военнопленным.

Большой урон советскому населению, находившемуся под оккупацией, причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на каторжные работы в Германию и сопредельные с нею промышленно-развитые страны, пребывавшие также под немецкой оккупацией. Советских невольников именовали там «остарбайтерами» (восточными рабочими).

Из общего числа советских граждан, насильственно вывезенных на работы в Германию (5 269 513 человек), после окончания войны было репатриировано на Родину 2 654 100 человек. Не возвратились по разным причинам и стали эмигрантами — 451 100 человек (в 1945 г. при активном участии военных властей Англии, США и Франции они были завербованы в качестве дешевой рабочей силы в страны Западной Европы, Латинской Америки, в США и Австралию). Остальные 2 164 313 человек погибли и умерли в фашистской неволе. Причинами высокой смертности среди остарбайтеров являлись каторжный труд, плохое питание и жестокие наказания за малейшие отклонения от лагерного режима.

Кроме погибших на принудитель-

ных работах в Германии к числу общих потерь гражданского населения следует отнести умерших и погибших мирных граждан на оккупированной врагом территории. К началу 1943 г. под оккупацией фашистской Германии оказалось около 2 млн. кв. км советской территории, на которой проживало до начала войны, по данным Госплана СССР, 88 млн. человек. В ходе организованной и стихийной эвакуации убыло на восток, а также было призвано в Вооруженные Силы около 15 млн. человек. Оставалось под властью немецких, румынских, венгерских и финских фашистов не менее 73 млн. человек, или 37% от всего населения СССР, составившего на 22 июня 1941 г. 196,7 млн. человек.

Для большинства мест, подвергшихся оккупации, этот кошмарный период продолжался 2-3 года. Захватчики ввели здесь для советских граждан в возрасте от 18 до 45 лет (для граждан еврейской национальности — от 18 до 60 лет) жесткую трудовую повинность. При этом рабочий день даже на вредных производствах длился 14-16 часов в сутки. Лиц, уклоняющихся от работы, отправляли в каторжные тюрьмы или на виселицу. Непосильный труд, хронический голод, а также болезни и отсутствие элементарной медицинской помощи приводили к повсеместной гибели десятков и сотен тысяч людей.

По имеющимся данным, на оккупированной территории по этим причинам умерло 8,5 млн. человек. Если вычесть из этого числа 6-процентную убыль населения оккупированных районов рассчитанную для условий мирного времени и составившую 4,4 млн. человек, то число преждевременно умерших от жестокого воздействия оккупационного режима составит не менее 4,1 млн. человек.

Общее число жертв среди гражданского населения СССР в период оккупации, преднамеренно истреблено — 7 420 379 человек, погибло на принудительных работах в Германии — 2164 313 человек, погибло от преднамеренно жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) — 4 100 000 человек составляет 13 684 692 человека. Это позволяет сделать вывод, что количество погибших за годы войны мирных граждан в результате немецко-фашистской оккупации составляет больше половины всех людских жертв Советского Союза. Следовательно, вся захваченная гитлеровцами советская земля была превращена ими в огромный лагерь смерти. При освобождении Красной Армией оккупированных территорий большинство из них оказывалось буквально обезлюдевшими в результате неслыханных злодеяний нацистов.

Кроме жертв, связанных с фашистским террором, жестокими условиями оккупационного режима и угоном советских людей в фашистское рабство, гражданское население СССР несло большие потери от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. Так, в Ленинграде, во время блокады (с сентября 1941 по январь 1943 г.) умерло от голода 641 тыс. человек — по другим данным 800 тыс. человек, погибло от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города. В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов немецко-фашистской авиации

погибло свыше 40 тыс. человек гражданского населения. Десятками тысяч исчисляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя и Одессы, Керчи и Новороссийска, Смоленска и Тулы, Харькова, Минска и Мурманска.

Почти четырехлетнее ожесточенное противоборство с фашистской Германией и ее союзниками дорого обошлось народам СССР. Понесенные страной людские потери и материальный ущерб от немецко-фашистской агрессии ни с чем не сравнимы. История еще не знала таких разрушений, варварства и бесчеловечности, каким отмечен путь гитлеровцев по советской земле.

ПОТЕРИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Число потерь личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота определено путем анализа и обобщения отчетно-статистических материалов Генерального штаба, донесений фронтов, флотов, армий, военных округов и Центрального военно-медицинского управления. Исследовались и другие документы, имеющиеся в архивах Министерства обороны, центральных государственных архивах.. Сведения о потерях пограничных и внутренних войск НКВД получены от Комитета государственной безопасности и Министерства внутренних дел СССР.

Потери войск действующих фронтов и армий, от которых в связи с тяжелой оперативной обстановкой донесения в Генштаб не поступили, определены расчетным способом.

Вероломное вторжение многомиллионного гитлеровского вермахта на территорию СССР, его внезапные рассекающие удары по советским войскам, не приведенным в боевую готовность, нарушили связь и управление, привели к тому, что войсковым штабам порой было не до учета потерь. Плохо организованный в этих условиях сбор донесений, а нередко отсутствие какой-либо возможности доносить о наличии и расходе личного состава не позволяли вышестоящим штабам точно определить истинное состояние дел в войсках фронта. Части и соединения, попавшие в окружение, представлять информацию о своем положении не имели возможности. Только в течение июля-октября 1941 г. не получены донесения о численности личного состава и потерях от 35 стрелковых дивизий Юго-Западного фронта, 16 дивизий Западного, 28 дивизий и 3 бригад Южного, 5 дивизий Брянского и 1 дивизии Резервного фронтов. Общая списочная численность только этих войск, судя по их последним донесениям, составила 434 тыс. человек. Кроме того не представили донесения о потерях на этот период большое количество танковых, кавалерийских и других соединений и отдельных частей фронтового и армейского подчинения. Поэтому при определении числа потерь соединений и объединений, разгромленных противником или оказавшихся в окружении, ис-

пользованы их последние донесения о списочной численности личного состава, а также архивные материалы немецкого военного командования.

Неучтенные вследствие этого потери отнесены к числу пропавших без вести и включены в сведения соответствующих фронтов и отдельных армий, не представивших донесения в третьем и четвертом кварталах 1941 г. Хотя полученные расчетным способом данные о потерях этих войск не являются абсолютно точными, они в целом дают вполне реальную картину о числе людских утрат, особенно в первых стратегических оборонительных операциях.

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ

В результате анализа общего числа людских утрат, учтенных в оперативном порядке штабами всех инстанций и военно-медицинскими учреждениями в годы Великой Отечественной войны в том числе и за кампанию на Дальнем Востоке в 1945 г. демографические потери Вооруженных Сил СССР (убито, умерло от ран и болезни, погибло в результате несчастных случаев, расстреляно по приговорам военных трибуналов, не вернулось из плена) составили 8 668 400 человек военнослужащих списочного состава.

В это число не вошли военнообязанные, призванные по мобилизации в первые дни войны и пропавшие без вести (захвачены противником) до прибытия их в воинские части (500 тыс. человек). Они учтены в общих потерях населения страны.

Демографические потери военнослужащих из числа граждан России составили 6 537,1 тыс. человек или 71,3% от общих демографических потерь Вооруженных Сил СССР.

По возрасту жертвами войны среди павших оказались в основном, самые молодые и дееспособные люди. Их в числе 8,7 млн. погибших, умерших от ран и болезни и не вернувшихся из плена военнослужащих было более 6,4 млн. человек.

Каждая нация несла большие невосполнимые утраты, при этом 2/3 среди павших были русские.

САНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ

В ожесточенной войне с немецко-фашистскими захватчиками наряду с безвозвратными потерями огромными были и санитарные потери военнослужащих.

По донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, санитарные потери наших войск (сил) составили 18 344 148 человек, в том числе 15 205 592 раненых, контуженных и обожженных, 3 047 675 заболевших и 90 881 обмороженных.

Однако как свидетельствует военно-медицинская статистика, масштабы этих потерь были значительно большими. Всего за период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. в лечебных учреждениях всех наименований учтено госпитализировавшихся 22 326 905 человек, из них по годам войны

- 1941 (за 6 месяцев) – 2 118 666
- 1942 – 5 573 484
- 1943 – 6 299 955

- 1944 – 5 901 524
- 1945 – 2 433 376
- итого – 22 326 905

Превышение числа санитарных потерь, учтенных военно-медицинскими учреждениями произошло за счет заболевших (на 4 593,6 тыс. человек больше, чем в донесениях войск). Это можно объяснить тем, что в число санитарных потерь включен весь заболевший личный состав, в том числе поступивший в лечебные учреждения из войск (сил), не принимавших участия в боевых действиях, из вторых эшелонов и маршевых подразделений, находившихся в пути следования на фронт, а также из военных формирований гражданских ведомств, соединений и частей народного ополчения, партизанских отрядов и других частей и учреждений, которые отчетность о численности и потерях своих формирований в Генеральный штаб не представляли.

Расхождение по количеству раненых, контуженных и обмороженных(а их по данным войск на 610,9 тыс. больше, чем учтено в госпиталях) могло быть в связи с тем, что значительная часть раненых после лечения в полковых и дивизионных медицинских пунктах оставалась в строю и из списков частей не исключалась.

При подсчете и анализе санитарных потерь необходимо учитывать также и то, что большое количество военнослужащих за время пребывания на фронте были ранены (контужены) от двух до семи раз и в связи с этим в донесениях о потерях показывались неоднократно. Поэтому повторный счет возможен не только среди раненых, но и вообще при подсчете всех боевых потерь. Если, например, военнослужащий после ранения возвратился в строй, то затем погиб, то он будет учтен в боевых потерях дважды: вначале как раненый, а затем как убитый.

После окончания войны (по состоянию на 1 октября 1945 г.) в Красной Армии только среди оставшихся в строю учтено более миллиона военнослужащих, имевших несколько боевых ранений. Поскольку из общего числа получивших на фронте два и более ранения в строю к 1 октября 1945 г. осталась вероятнее всего только незначительная их часть, есть основание предполагать, что фактически в течение войны было ранено не 15 205 592 военнослужащих, а значительно меньше. Это в равной степени относится и к заболевшим.

Военно-медицинская статистика показывает, что из числа раненых, контуженных и обмороженных, поступивших за всю войну на излечение в медицинские учреждения, 71,7% возвращено в строй, 20,8% признано негодными к службе и уволено из армии с исключением с воинского учета или в долгосрочные отпуска по болезни, и около 7,5% умерло. При этом число умерших в госпиталях учтено как в санитарных, так и в общих безвозвратных потерях.

Огромное число санитарных потерь показывает, каким нелегким был труд медицинских работников фронта и тыла. Через их заботливые руки прошли более 22 млн. военнослужащих и вольнонаемных. Их большая заслуга, прежде всего в том, что свыше 17 млн. пораженных в боях и заболевших возвращено в строй. А из числа раненых после излечения продолжали сражаться с врагом более 10,5 млн. человек.

Генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов, в годы войны начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, в своей книге «Фронтовое милосердие» справедливо пишет, что «военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опыт-

ными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения».

Здесь уместно подчеркнуть громадный объем работ, проведенный по созданию обширной сети армейских, фронтовых и тыловых госпиталей для оказания медицинской помощи раненым и их эффективного лечения. Только в тылу страны было сформировано органами здравоохранения союзных и автономных республик, краевыми, областными и городскими Советами депутатов трудящихся тыловых госпиталей почти на 1 млн. коек. 700-тысячная армия врачей и среднего медицинского персонала, а также санитаров, санитаров-носильщиков, санинструкторов на фронте и в тылу была занята спасением раненых и восстановлением их здоровья.

Труд людей этой благородной профессии высоко оценен Родиной. Орденами награждены 8 медико-санитарных батальонов, 39 военных госпиталей, ордена и медали получили свыше 116 тыс. врачей и более 30 тыс. других работников здравоохранения, а 47 медиков удостоены звания Героя Советского Союза.

Много истинных героев среди медицинских работников остались безвестными. Одни погибли, спасая раненых, другие вместе с госпиталями оказались в окружении и захвачены гитлеровцами, третьи безвестно пропали в глубине оккупированных территорий при отступлении наших войск.

Личный состав армейских и фронтовых госпиталей и находившиеся в них на излечении раненые и больные нередко, особенно в начальный период войны, оказывались жертвами захвата и уничтожения противником.

Так, из более 6 тысяч госпиталей, сформированных в годы войны:

Захвачены противником и значатся погибшими 117

Понесли большие потери при выходе из окружения и расформированы 17

Пропали без вести в ходе боевых действий 14

Судьба не установлена (в учетных документах нет сведений об их деятельности с определенного времени) 79

ЧИСЛЕННОСТЬ И УБЫЛЬ

Исследуя масштабы потерь личного состава войск и сил флота, мы видим, что в ходе войны на всех ее этапах выбывало из строя большое количество военнослужащих, которых надо было своевременно и равноценно заменять.

На восполнение потерь, создание новых формирований и сохранение общей численности Вооруженных Сил (начиная с 1943 г. и до конца войны) в пределах 11,5 млн. человек (в том числе и действующих армии и флота 6,5 млн. человек) призывались миллионы людей. Это необходимо было прежде всего для обеспечения активных боевых действий на фронтах, создания оперативной группировки войск на Дальнем Востоке, прикрытия государственной границы в Средней Азии и Закавказье, а также для укомплектования запасных и учебных частей во внутренних военных округах, где проводилась интенсивная подготовка маршевых пополнений для фронтов.

Война тяжело отразилась на различных сторонах деятельности нашего государства, особенно на экономике. Из сферы производства была изъята значительная часть трудоспособного населения, что потребовало изыскания трудовых ресурсов, особенно квалифицированных кадров для военной промышленности и других отраслей народного хозяйства. Решалась сложнейшая проблема перераспределения людских ресурсов между армией и народным хозяйством.

К началу войны (на 22 июня 1941 г.) в Красной Армии и Военно-Морском Флоте состояло по списку 4 826 907 военнослужащих. Кроме того, на довольствии в Наркомате обороны находилось 74 945 военнослужащих и военных строителей, проходивших службу в формированиях гражданских ведомств.

За четыре года войны было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) еще 29 млн. 574,9 тыс. человек. А всего за этот период надели шинели (с учетом уже служивших к началу войны) 34 476,7 тыс. человек. Иными словами, из населения страны изъята многомиллионная масса самых жизнедеятельных и трудоспособных людей, равная по численности всему населению Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Финляндии вместе взятых.

Чтобы яснее представить, насколько эта цифра огромна, достаточно сказать, что в течение войны в Вооруженные Силы СССР привлечено более половины всех рабочих, служащих и колхозников, занятых в сфере материального производства и обслуживания. Всего, таким образом, за годы войны из населения было изъято: в России — 19,2% трудоспособных граждан, а с учетом тех, кто был призван перед войной, — 22,2%; в каждой из республик Закавказья, Средней Азии и в Казахстане — более 18%; в Украине — 12,2%.

Как видим, на долю России пришлось наибольшее число мобилизованных. В ее областях, краях и республиках за этот период было призвано 21 187,6 тыс. военнообязанных и призывников.

Как же была использована эта весьма значительная часть населения СССР? Военная статистика свидетельствует, что из 34 млн. 476,7 тыс. человек, надевших в течение войны шинели, свыше одной трети (33%) ежегодно находились в строю (состояло по списку 10,5-11,5 млн. человек). Половина этого личного состава (5,0-6,5 млн. человек) — проходила службу в войсках действующей армии, то есть воевала на советско-германском фронте.

За годы войны из Вооруженных Сил убыло по различным причинам в общей сложности 21,6 млн. человек, или 62,9% общего числа всех призывавшихся и состоявших на военной службе. Более половины этой убыли учтено как безвозвратные потери (11 944,1 тыс. человек).

Остальная часть убывших из армии и флота — 9 млн. 692,8 тыс. человек к демографическим потерям не относится. Это уволенные из армии и флота по ранению, болезни и возрасту, переданные для работы в промышленности, МПВО, ВОХР, направленные на укомплектование войск и органов НКВД, соединений и частей дружественных нам армий, формирований гражданских ведомств, осужденные и другие лица.

К числу выбывших из Вооруженных Сил, отнесены также военнослужащие, отчисленные из армии и флота по политической неблагонадежности (это в основном лица, подозреваемые тогда в предательской и шпионско-диверсионной деятельности, а также военнослужащие ряда национальностей, семьи которых насильственно выселялись

из мест постоянного проживания в восточные районы страны), и, кроме того, значительное количество не разысканных дезертиров. Не входили в списочную численность войск (сил) раненые и больные, лечившиеся в госпиталях и личный состав, находившийся на время составления отчетности в пути следования к месту службы в составе маршевых частей и подразделений, в том числе из госпиталей.

После окончания войны с Германией по состоянию на 1 июля 1945 г. в Вооруженных Силах по списку осталось 11 390,6 тыс. человек, в военных формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны — 403,2 тыс. человек, лечилось в госпиталях — 1 046,0 тыс. человек. Более детально это видно из таблицы:

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ПОТЕРЬ

Возвращаясь к анализу общего числа людских потерь армии и флота следует отметить, что имеющиеся о них статистические сведения позволяют вполне достоверно оценить убыль личного состава, учтенную в оперативном порядке по годам и периодам войны, кампаниям, стратегическим операциям, битвам и отдельным сражениям.

Бесстрастная статистика напоминает о первых героических, а чаще трагических днях, о тяжелейшей обстановке, в которой пришлось сражаться защитникам Родины в памятный 1941 г. Это кровопролитные бои с превосходящим по численности и вооружению противником у границы, защита Брестской крепости, первые успешные контратаки, отчаянные попытки вырваться из окружения и плена. Безвозвратные и санитарные потери за шесть месяцев и девять дней 1941 г. составили 4 млн. 473 тыс. 820 человек. Из них убито и умерло на этапах санитарной эвакуации — 465,4 тыс. человек; умерло от ран в госпиталях — 101,5 тыс. человек; умерло от болезни, погибло в результате происшествий и т. п. — 235,3 тыс.

БАЛАНС ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ, ПРИЗВАННЫХ (МОБИЛИЗОВАННЫХ) В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ. (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК)

К началу войны состояло по списку:

- *в армии и на флоте 4 826,9*
- *в формированиях других ведомств, стоявших на довольствии в Наркомате обороны 74,9*

В ходе войны призвано, мобилизовано, с учетом военнообязанных (805 264 чел), находившихся к 22.6.1941 г. в войсках на Больших учебных сборах (за вычетом повторно призванных) 29 574,9

Всего за годы войны привлечено в армию, на флот, формирование других ведомств и для работы в промышленности (с учетом уже служивших к началу войны) 34 476,7

По состоянию на 1 июля 1945 г. в армии и на флоте оставалось (всего) 12 839,8

В том числе:

- *в строю 11 390,6*
- *в госпиталях на излечении 1 046,0*
- *в формированиях гражданских ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны 403,2*

Убыло из армии и флота в ходе войны (всего) 21 636,9

из них:

а) безвозвратные потери военнослужащих списочного состава 11,444,1

в том числе:

- *убито и умерло от ран, болезни, погибло в катастрофах, покончило жизнь самоубийством, расстреляно по приговорам судов 6,885,1*
- *пропало без вести, попало в плен 4 559,0*

Пропало без вести незачисленных в списки войск 500,0

б) другая убыль военнослужащих (всего) 9 692,8

в том числе:

- *уволено по ранению и болезни 3 798,2*

из них стало инвалидами (2 576,0)

- *передано для работы в промышленности, МПВО и ВОХР 3 614,6*
- *направлено на укомплектование войск и органов НКВД, специальных формирований других ведомств 1 174,6*

0 передано на укомплектование соединений и частей Войска Польского, чехословацкой и румынской армий 250,4

- *отчислено по разным причинам 206,0*
- *не разыскано дезертиров, а также отставших от эшелонов 212,4*
- *осуждено (994,3)*

из них направлено:

- *на фронт в составе штрафных подразделений (422,7)*
- *в места заключения 436,6*

человек; пропало без вести и попало в плен — 2 335,5 тыс. человек; ранено, контужено — 1 256,4 тыс. человек; заболело 66,1 тыс. человек; обморожено — 13,6 тыс. человек. Особенно высок процент (52,2% общих потерь) пропавших без вести и попавших в плен.

Не меньшими безвозвратные потери были и в 1942 г. Фашистские войска продолжали наступление. Возрастало и организованное сопротивление наших воинов. Враг потерпел первое крупное поражение под Москвой. Высокая напряженность боевых действий отражается в числе безвозвратных потерь этого года — 3 258,2 тысячи и санитарных — 4 111,1 тыс. человек.

Всего за Великую Отечественную войну (включая кампанию на Дальнем Востоке) безвозвратные потери армии и флота составили 11 млн. 285 тысяч и санитарные (по донесениям из войск) — 18 млн. 344 тыс. человек.

Если все потери взять за 100%, то офицеры в их числе составляют 7,68%. Сержанты — 17,62%, солдаты — 74,70%. Наибольшие потери выпали на долю рядового состава.

Потери растут или уменьшаются в строгой зависимости от напряженности боевых действий на фронте. Внезапное нападение фашистской Германии на СССР поставило Советские Вооруженные Силы в тяжелейшие условия. Пограничные военные округа сразу потеряли основную массу людей. Плохо организованный учет потерь, а нередко отсутствие какой-либо возможности доносить о них не позволяли вышестоящим штабам точно определить истинное состояние дел в войсках фронта. Части и соединения, попавшие в окружение, информацию о своем положении зачастую не представляли. Многие убитые на поле боя считались пропавшими без вести или совсем не были учтены. Такова была общая картина в первые месяцы войны. В дальнейшем при некоторой стабилизации фронта число пропавших без вести и пленных заметно сократилось и достигло к первому кварталу 1942 г. 10% общих потерь. Затем следует ряд неудачных оборонительных операций и вновь количество пленных и пропавших без вести достигает почти 35%. К концу года этот показатель падает, а затем становится минимальным до завершения войны.

Наглядным отражением событий на фронте является также число раненых, контуженных, обмороженных. В процентном отношении названный показатель всегда был высоким. Но особенно возрос он летом 1943 г., достигнув 65% всех потерь. Известно, что в это время шли жестокие бои в районе Курска. Немецко-фашистское командование пыталось здесь взять реванш за Сталинград. Но в Сталинградской битве войска противника были разгромлены. Обе стороны несли большие потери. Число убитых и умерших от ран в наших войсках в третьем квартале 1943 г. поднялось почти до 20%.

Просматривается и то, что при снижении активности боевых действий уменьшается число раненых и убитых, но увеличивается число

заболевших и обмороженных. Данный показатель достигает своего пика во втором квартале 1943 г. (около 35%), когда на фронте наступило некоторое затишье. Подобная взаимосвязь сохранилась также в 1944 и 1945 гг.

В 1941 г. наши войска вели ожесточенные оборонительные бои, отступали, нередко попадая в окружение. Этим и объясняется высокий процент (27,8%) безвозвратных потерь и сравнительно низкий (7,3%) — санитарных. Разумеется, санитарные потери тоже были большими, но учесть их полностью невозможно. Многие раненые оставались на поле боя, занятом противником, и попали в число пропавших без вести.

Это соотношение значительно изменилось в 1942 г. По-прежнему безвозвратные потери были велики (28,9%). Однако возросли санитарные, хотя в начале года значительная часть раненых также попадала в число пропавших без вести.

Несколько сократились безвозвратные потери в 1943 г. — во многом за счет уменьшения числа пропавших без вести и оказавшихся в плену. Организованнее велась эвакуация раненых. Лучше и полнее стал учет, в том числе и в лечебных учреждениях. Санитарные потери возросли до 30,2%.

1944 г. — время наступательных боев, крупных сражений Красной Армии. За этот год безвозвратные потери снизились, а санитарные остались почти вдвое большими. Примерно такое же соотношение сохранилось и в 1945 г.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, ЕЕ ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ

Действующая армия и флот — это часть Вооруженных сил государства, используемая во время войны непосредственно для ведения военных действий. В период Великой Отечественной войны согласно постановлению Совета Народных Комиссаров СССР к составу действующей армии были отнесены: полевые управления фронтов и органы управления флотов, руководившие подготовкой и ведением операций; объединения, соединения, части (корабли) тыловые и другие части и учреждения, входившие в состав этих фронтов и флотов во время

выполнения ими задач в пределах тыловой границы действующего фронта или оперативной зоны флота, в том числе на берегу на удалении до 100 км от уреза воды.

Войска ПВО, соединения и части дальней авиации и другие войска, не входившие в состав действующих фронтов, к действующей армии и флоту относились только в период их непосредственного участия в боевых действиях и выполнения задач боевого обеспечения в пределах тыловых границ действующих фронтов.

Боевой состав и численность действующей армии не были постоянными. Они менялись в зависимости от масштабов оперативно-стратегических задач и протяженности линии фронта. Так, в начале войны численность личного состава действующих фронтов составляла немногим более 3 млн. человек, а к концу 1944 г. она выросла до 6.7 млн. человек.

Учитывая, что потери фронтов постоянно восполнялись, списочная численность по возможности поддерживалась примерно на определенном уровне, а процент среднемесячных потерь менялся в зависимости от интенсивности боевых действий. Если сложить все потери за определенный период войны, то их общий итог зачастую будет значительно превышать среднюю списочную численность действующей армии (флота, рода войск) за этот период. Иногда — в несколько раз. Например, если в роте со среднемесячной численностью в сто человек среднемесячные потери составили 25%, то за год при той же численности роты по списку (100%) суммарные потери составят 300%. Если, к примеру, взять Западный фронт, его среднемесячная численность в 1941 г. была 501 120 человек, а безвозвратные потери за этот год составили 956 293 человек. Следовательно, в 1941 г. фронт потерял 190,8% своей списочной численности, при этом каждый месяц из строя безвозвратно выбывало 30,3% его личного состава. Вместе с санитарными потерями за этот же период убыло 259% среднемесячной численности. Таким образом, с учетом восполнения каждый месяц в 1941 г. в войсках этого фронта терялось 41,1% личного состава.

Только за 1941 г. безвозвратные потери фронтов и отдельных армий составили 98,9% к среднемесячной численности, а санитарные — 43,5%. В целом же в течение 1941 г вышло из строя 142,4% личного состава. В 1942 г. безвозвратные потери фронтов снизились до 56,3%, а санитарные возросли дл 76,9% к среднемесячной численности. Всего за 1942 г. вышло из строя 133,2% личного состава.

В последующие годы общие потери были несколько меньшими, чем в начале войны. В целом же за всю войну на советско-германском фронте в действующей армии вышло из строя 488% личного состава от ее среднемесячной численности, при этом безвозвратные потери составили 173,2%, а санитарные — 314,8%.

ПОТЕРИ ПО ПЕРИОДАМ И КАМПАНИЯМ ВОЙНЫ

В военно-стратегическом плане Великая Отечественная война делится на три периода, в каждом из которых было проведено несколько кампаний.

Первый период, продолжавшийся с 22 июня 1941 г по 18 ноября 1942 г, включал три кампании: летне-осеннюю 1941 г., зимнюю 1941/42 г. и летне-осеннюю 1942 г.

Второй период (19 ноября 1942 г. — 31 декабря 1943 г.) охватывал две кампании: зимнюю 1942/43 г. и летне-осеннюю 1943 г.

Третий период (1 января 1944 г. — 9 мая 1945 г.) состоял из трех кампаний: зимне-весенней 1944 г., летне-осенней 1944 г. и кампании 1945 г. в Европе.

В войне с Японией была осуществлена самостоятельная Дальневосточная кампания (9 августа – 2 сентября 1945 г.).

Таким образом, в годы войны Советские Вооруженные Силы провели 9 кампаний, из которых 7 были наступательными. Последние по времени составили 70% всей продолжительности военных действий на советско-германском и советско-японском фронтах.

Итоговые данные о людских потерях по периодам и кампаниям Великой Отечественной войны показывают, что наибольшими для Советских Вооруженных Сил они были в первом периоде войны (37,7% общих потерь и 54,6% безвозвратных за всю войну). Больше всего безвозвратных потерь было в летне-осенних оборонительных кампаниях 1941 и 1942 гг. (25,2% и 18,3% соответственно), когда войска действующих фронтов и армий отходили с боями в глубь территории страны.

В этих кампаниях отмечается превышение безвозвратных потерь (более 1 млн. человек) над санитарными. В последующие периоды войны безвозвратные потери снизились и были в 2-2,5 раза меньше санитарных.

Что касается общих людских потерь (безвозвратных и санитарных) в военных кампаниях, то наибольшими они были в летне-осенней 1943 г. (17%), а наименьшими – в зимних кампаниях 1941/42 г. и 1942/43 г. (9,6% и 9,5% соответственно от всех потерь за войну).

Сравнительно небольшими были утраты советских войск и сил флота в Дальневосточной кампании, в ходе которой за 25 суток боевых действий вышло из строя 36,4 тыс. человек, в том числе убито, умерло, пропало без вести 12 тыс. человек.

Особого внимания заслуживают данные о числе среднесуточных потерь. Каждые сутки на советско-германском фронте выбывало из строя в среднем 20 869 человек, из них безвозвратно – около 8 тысяч человек. Самые большие среднесуточные потери отмечаются в летне-осенних кампаниях 1941 г. – 24 тыс. человек и 1943 г – 27,3 тыс. человек в сутки. ■

АЛЕКСАНДР САМСОНОВ

ИЗМЕНА

О СУЩНОСТИ БРЕЖНЕВСКОГО «ЗАСТОЯ»

Сегодня многие восторгаются Брежневым и его эпохой. Мол, всем был хорош Брежнев, только до уровня Сталина не дотянул. На самом деле Брежнев был продуктом системы, а послесталинская система исключала фигуру лидера — вождя и мыслителя (священника-царя).

Сталин поставил и реализовал поистине титанический, концептуальный проект будущего — сверхцивилизации, общества знания, созидания и служения. Советский Союз совершал рывок в будущее. В СССР созидали справедливое общество, живущее на основе этики совести, создав альтернативу западному проекту, который осуществляется на основе безнравственной, порочной (сатанинской) концепции жизни вопреки Законам Вселенной и Божьему Промыслу, где немногие «избранные» господствуют над народными массами.

В результате Иосиф Виссарионович создавал довольно своеобразную модель управления. В ней была сильная вертикаль власти, характерная для русской цивилизации, в неё Сталин и планировал перенести центр управления, отняв его у партии власти. Сама партия должна была стать своего рода «орденом меченосцев» — идейно-политической властью, которая давала концептуально-идеологическое содержание всем правительственным и представительским (Советы) структурам. А над этими властями возвышалась фигура «священника-царя», которая воплощала русский автократический (самодержавно-монархический) архетип. Само общество выстраивалось по древней схеме (Гиперборея — держава ариев — Великая Скифия-Сарматия — Древнерусская империя Рюриковичей): 1) мыслители — брахманы — священники (один из них становился вождем); 2) воины — управленцы — кшатрии; 3) трудящиеся — вайшьи. При этом существовала мощная система социальных лифтов, когда любой выходец из крестьянской или рабочей семьи, при наличии соответствующего духовно-волевого, интеллектуального и физического потенциала мог его реализовать и стать генералом, маршалом, министром, профессором, конструктором, летчиком или космонавтом. Вспоминаем былину о Илье Муромце: крестьянский сын стал

▲ Никита Хрущев

богатырем-воином, а к старости — священником-брахманом. Это идеал: система открыта, подвижна, постоянно обновляется, лучшие становятся реальной элитой народа, державы.

Однако этому русскому проекту противостоял западнический, который опирался на вестернизированную интеллигенцию (космополитов), партийный аппарат и скрытых троцкистов, ориентировавшихся на Запад. Значительная часть партийной элиты считала, что, получив власть, она имеет право на обогащение, собственность, «красивую жизнь». То есть психологически значительная часть советской верхушки была не готова к новому обществу. Сталин с этим боролся, зачищал «пятую колонну», обновлял партию и госаппарат.

После того как Сталина смогли устранить, партократы взяли вверх. Вождизм, «культ личности» решительно отринули, установили характерное для Запада коллективное руководство. На Западе за демократией парламентского типа скрывается иерархическая система тайной власти орденских, масонских и парамасонских структур. В СССР партия подменила собой народную власть Советов. Формальный лидер партии существовал, как символ власти и арбитр-«адвокат» среди различных группировок, кланов и ведомств. Первый таким лидером стал Хрущев, но он оказался плохо управляемым, волюнтаристом, который «раскачивал лодку». Он устроил десталинизацию, но попутно чуть не разрушил СССР, к чему партийная верхушка не была готова и устроил свой культ личности (но без личности, так как Хрущев не был «священником-царем»). Это вызвало опасения номенклатуры, что действия «кукурузника» приведут к полной дестабилизации. Поэтому верхушка СССР дружно сместила Хрущева.

После отстранения Никиты Сергеевича от власти бывшие его соратники сделали первым секретарем ЦК своего ставленника Брежнева. И в дальнейшем все попытки выдвижения сильного лидера жестко пресекались. Брежнев же не пытался стать настоящим вождем. Даже хотел сбежать с поста генсека. Но, его, уже больного и пожилого человека, заставили имитировать вождя страны до самой смерти. Даже создали карикатурный культ вождя, который только поспособствовал будущему развалу советской цивилизации. Сделали это потому, что сам Брежнев не представлял угрозы для партийной верхушки, а народ желал видеть на троне настоящего царя-вождя. Сейчас принято восторгаться Брежневым, особенно на фоне последующего развала и деградации, разворовывания и вымирания Великой России (СССР). Но, по сути, позитивные процессы при Брежневе (развитие хозяйства, рост благосостояния народа, мощи вооруженных сил, успехи в космосе, передовых технологиях и пр.), шли уже по инерции, а не благодаря его управленческим качествам. Советский проект уже был болен и советская верхушка разла-

галась и отравляла своими ядами великую державу, убивая СССР. При Брежневе и бледных последователях шла подготовка к «перестройке» и «реформам». А когда страна и народ были подготовлены социализм свернули, народную собственность, богатства «приватизировали» — разворовали и разграбили. Россию сделали «трубой», культурной и экономической периферией, сырьевым придатком и полуколонией Запада и Востока.

Таким образом, после гибели Сталина коммунистическая партия отказалась от своей роли «духовного ордена» в деле развития советского общества и всего человечества. Она не стала духовным и интеллектуальным лидером советской цивилизации и человечества. Она отказалась от своей судьбы и довела державу до крушения, попутно развратив и предав собственный народ, а затем и ограбив его, попытавшись стать частью глобальной «элиты» — мафии.

В 1950-х годах наступил момент, когда народ поверил в правильность избранного пути. Страх, как инструмент убеждения уходил на второй-третий план. Социалистическая система набирала ход (все свершения эпохи Брежнева — инерция этого хода), советское общество, цивилизация состоялись. Прошли испытания страшной войной, закалились. Люди искренне поверили, что живут, в самой справедливой, могущественной, доброй стране мира. Подросла молодежь, новые поколения, которые уже были воспитаны и получили образование в СССР. Она была готова к небывалым свершениям. «Молодая гвардия» в годы Великой войны показала великолепные образцы стойкости и героизма, веры в светлое будущее. Никогда в истории ни в одной стране мира не наблюдалось такого массового, народного творчества, как в СССР образца 1930—1960-х годов. Творчество, изобретательство и новаторство охватили сотни тысяч людей, детей и молодежь. Именно тогда СССР совершил прорывы, которые до сих пор потрясают воображение. Общество было переполнено надеждами и ожиданиями. Люди впервые поверили в близость полной победы вселенского Добра, Созидания и Справедливости. Победа в страшной Великой Отечественной войне была мощным аргументом того, что тысячелетняя мечта лучших людей о «Царстве Правды», «Богодержавии» на Земле вот-вот осуществится.

Неудивительно, что в Союзе разворачивались комсомольские ударные стройки в Сибири и на Дальнем Востоке. Поднимались голубые города — города молодых и энергичных (а не нынешних извращенцев). В те годы голубой цвет означал счастье и надежду, его извратили позже. Сотни тысяч молодых людей ехали на другой конец света «за туманом и запахом тайги». Ныне это и представить невозможно. В современной России всем правит «золотой телец», а не хватает русских строителей, приходится пригонять корейцев, китайцев, таджиков и т. д. Тогда людей вела вера, что пройдут считанные годы, и «на дальних тропинках да-

▲ На могиле Сталина

▲ Сибирь

леких планет появятся наши следы». Советский человек осваивал Сибирь, Среднюю Азию, Дальний Восток и Север, на очереди были Мировой океан и космос.

Всенародный энтузиазм, энергетику нельзя было сыграть, организовать «сверху». Он был проявлением духовности, господства нравственной концепции развития в СССР, общества знания, служения и созидания, общества будущего. В России-СССР восстановилась связь народа с Небом, Вседержителем. Развитие Великой России (СССР) было в русле Божьего Промысла. Отсюда удивительный рывок России вперёд, её Великая священная победа, превращение в сверхдержаву, цивилизацию будущего. Казалось, что ещё немного и Россия-СССР выиграет тысячелетнее противостояние с Западом, мировоззренческий спор о превосходстве светлой стороны человека (силы) над его темной стороной. Добра над злом. Духа над материей. Это было соревнование не между социализмом и капитализмом, а между Добром и злом, между справедливой нравственной концепцией и злонравием-сатанизмом, между соборностью и индивидуализмом, взаимопомощью и хищной конкуренцией, между коллективизмом и безудержным, звериным эгоизмом. И советской цивилизации были все основания и возможности для ещё одной великой победы. Не случайно лучшие умы Запада спорили тогда не о том, превзойдёт ли СССР США по военной, политической и экономической мощи, а о том, когда это произойдёт. Историческую победу безоговорочно отдавали советскому проекту.

Сегодня, во времена господства мира «золотого тельца», материализма, общества вырождения и истребления, в такое трудно поверить. Но это правда. Русские не просто подошли к порогу нового прекрасного, справедливого мира, сверхцивилизации будущего, они уже приоткрыли дверцу в этот сверкающий солнечный мир. Но войти в «прекрасное далёко» русским не дали. Партия, советская верхушка испугалась этого будущего, своего народа, его потенциала творчества, созидания, устремленности в будущее и страсти к переменам! Вместо развития послесталинская партия выбрала стабильность, «застой». Пусть завтра будет таким же, как сегодня. Сразу же началось вырождение, перерождение верхушки СССР в новых собственников, капиталистов и феодалов. Что закономерно завершилось катастрофой 1985 — 1993 годов. Образно этот процесс вырождения можно увидеть в самом Брежневе: от молодца-фронтовика в больного старика. Наследие и могилу Сталина залили бетоном, завалили информационным мусором, убив благородный порыв народа к звездам.

Эпоха «большого застоя» в СССР началась, когда партийная элита ис-

пугалась будущего, своего народа, его пассионарности, энтузиазма и творчества. Вместо развития послесталинское руководство выбрало стабильность, существование. Вместо перемен — неизменность. Советской верхушке больше не нужна была новая реальность, «светлое будущее» для всех.

Теперь в Москве решали задачу, как примириться со старым миром, капиталистической (западной) системой, договориться с хозяевами Запада о сосуществовании. Фактически это была сдача — примирение и сосуществование означало отказ от борьбы с несправедливой концепцией жизни, с постепенной сдачей позиций и вовлечением в западную систему. Причём при отказе от своего проекта развития великая Россия (СССР) неизбежно должна была стать культурной, технологической полуколониальной, сырьевой периферией Запада. Что мы и видели в 1990—2000-е годы и видим и в настоящее время. Другого не дано. Либо самобытный, свой, русский проект развития, опирающийся на русский цивилизационный, национальный код, либо рабство, возможно, сначала в иллюзиях «свободы» и потребительского рая. Но платить за этот «рай» придётся будущим целых поколений и преданным прошлым великой державы.

После устранения Сталина советская верхушка стала вырождаться, и каждое её поколение было слабее и больнее предыдущего. Что и привело к катастрофе 1991 года. При этом катастрофа ещё не завершилась и продолжается. Её развитие только заморозили в 2000-е годы. Но сам процесс гниения продолжается. Ядро великой России (СССР) — РФ, ещё существует. Запад по-прежнему ведёт войну на уничтожение, которая решится ликвидацией «русского вопроса» — русской цивилизации и народа. Страшная и кровавая трагедия разворачивается прямо на наших глазах. Даже морок информационных технологий и цифрового мира уже не может прикрыть очевидное. Русские вымирают, и если не произойдёт коренного перелома, они не переживут XXI столетия. От них останутся жалкие обломки некогда великого народа, «этнографический материал», который будет поглощен глобальным Югом, Севером и Китаем. Ситуация уже дошла до того, что в 1990-е и даже 2000-е годы показалось бы бредом сумасшедшего — до братоубийственной войне на Донбассе, русские против русских, два русских государства, РФ и Малую Русь (Украину), стравили друг с другом. Хозяева Запада вырастили в малой России агрессивный, олигархический, бандитско-нацистский режим, ненавидящий всё русское и обирающий вымирающий обломок русского мира, его историческую колыбель. Ситуация катастрофическая, а большинство людей даже не видит, что происходит.

Таким образом, советская верхушка отказалась от собственного проекта развития и стала искать возможности сближения с Западом. Ставку сделали на материальные потребности, личные, клановые и групповые интересы. Материя победила дух. Наследники Сталина в один момент обесценили все подвиги, героизм, тяготы и многомиллионные потери народа. Нанесли смертельный удар по советской цивилизации, про-

▲ Политбюро

екту и новому обществу будущего. Предали проект русской (советской) глобализации на принципах сопроцветания.

Понятно, что страна по инерции ещё шла вперёд, при Хрущёве и Брежневе были ещё великие победы и достижения, открытия и прорывы. Строились школы и институты, дороги и мосты, космос и военные технологии показывали удивительные возможности будущей реальности. Но это была уже инерция, а не сознательное движение. Почему так получилось? Очевидно, из-за психологии, нравственных качеств тогдашней партийной верхушки. Партийная знать исходила из материальных, шкурных интересов. Желала власти ради личных, клановых, групповых интересов. Эти люди легко становились в ряды «пятой колонны», «врагов народа». Они желали «жить красиво», как за границей жили представители западной элиты. Как только прекратился процесс «зачистки» и обновления элиты, так и началось её гниение.

Эти люди изо всех сил цеплялись за власть, так как власть давала широкие материальные возможности. Отсюда стремительное коррумпирование власти, быстрое обрастание «элиты» связями, капиталами, собственностью, предметами роскоши, нарочитое сверхпотребление. «Элита» отпадает от цивилизационных, национальных задач развития и превращается в мародеров, воров, мафию. Теряет опору в народе и ищет контакты с такой же мафией за рубежом. Всё это мы прекрасно наблюдали и наблюдаем ныне на просторах бывшего СССР. Ясно, что процент активных «крыс» сначала был небольшим. Основная часть партии и чиновничества СССР были обычными людьми, пассивными и ведомыми. Но дело делала небольшая часть — пассионарная (со знаком минус), энергичная, хитрая и циничная. Всевозможные хрущевы, горбачевы, сусловы, яковлевы, чубайсы и гайдары. Так народу закрыли дверь в будущее.

При этом 1960—1970-е годы считаются «золотым веком» СССР. Жила ещё надежда на светлое будущее. Родились и выросли новые поколения, которые или затронули частично, или не видели ужасов Гражданской войны, последующей разрухи, трудов, крови и пота индустриализации и коллективизации, страшной Великой Отечественной войны. Впервые в истории Руси-России страна жила в безопасности, имея самые мощные вооруженные силы на планете. Постоянная угроза войны ушла в прошлое. Люди видели, как жизнь улучшается буквально на глазах. Реформы Косыгина, сталинского выдвиженца, блестящего хозяйственника и умнейшего человека, продолжили дело Сталина. Косыгин старался подстегнуть производство, улучшить жизнь лучших работников, тех, кто работает лучше бездельников. Одновременно развивались общественные фонды, из которых оплачивалось медицинское обслуживание, пенсии, санаторное лечение, путевки и пр. В результате произошли положительные структурные сдвиги в советской экономике.

Страна совершила новый рывок. Так, Советский Союз совершил прорыв в радиоэлектронике и самолетостроении. В Союзе создают первые спутники связи и развертывают наземные комплексы космических коммуникаций. На новый уровень выходит автомобилестроение. Советские машины тогда продавались за рубежом и ценились. СССР тогда не отставал от Америки в деле создания больших компьютеров. Причём шёл своим курсом. Нарастающими темпами шло жилищное строительство. Семьи получали квартиры бесплатно! Большими массами выпускалась собственная бытовая техника, радиоэлектроника, практически не уступающая западным образцам. Развивалась культура, искусство. Страна была самой читающей в мире. Нигде в мире молодежь не имела таких возможностей по развитию своего интеллекта, творческих способностей. Миллионы пенсионеров получили пусть и небогатое, но обеспечение, спокойную старость.

Развивается химическая отрасль, нефтедобыча и нефтепереработка. Правительство Косыгина вкладывает средства в геологоразведку, открывая огромные залежи нефти и газа. Осваиваются новые методы добычи. Стоит отметить, что большинство нефтеперерабатывающих заводов было построено ещё в 1930—1960-е годы. В 1970-е годы нефтяные заводы не строились, так как Брежнев стал продавать (при высоких ценах на нефть) нефть за рубеж.

Таким образом, потенциал развития у хозяйства СССР был огромным! Проблема была в том, что партийная верхушка уже отказалась от собственного проекта-концепции развития и утратила «ключи к небу» (приток созидательной энергии, необходимой для прорыва в будущее). Всё внимание номенклатуры были приковано к борьбе за власть. Начался торг с хозяевами Запада за выгодные условия «сближения» и сосуществования (по сути, поглощения Западом соцлагеря и СССР). Партийная верхушка мечтала стать частью глобальной «элиты». Поэтому любая новизна, нарушение стабильности пугала власть. И реформы Косыгина свернули.

▲ Нефтегазовый комплекс

При Брежневе номенклатура стала искать более спокойный способ сохранения существующего положения. И нашла его. Нефть. Огромные запасы «чёрного золота», необходимые мировой экономике. В 1967 году Москва получила обильную нефть Западной Сибири. К тому же началась очередная арабо-израильская война, и цены на нефть резко подскочили. В конце 1960-х годов Союз начинает массовый экспорт нефти. Во время арабо-израильской войны 1973 года цены на «чёрное золото» ещё раз резко выросли. Казалось, что в Москве нашли «Эльдорадо» — золотую страну. Валюта хлынула в СССР. В результате экономику подсадили на продажу сырья за рубеж. Началось перерождение советского хозяйства в экономику «трубы». Дело дошло до того, что прекратили даже развитие нефтепереработки. При этом стоит помнить, что СССР до последнего сохранял своё производство, несмотря на развитие негативных тенденций. Своё производство уничтожили уже в 1990-е годы Ельцин, Гайдар и Чубайс и затем в 2000-е годы их наследники — тандем Путина и Медведева. Тогда же был создан слой олигархов-капиталистов и компрадорской буржуазии, процветающей на продаже сырья и пожирании собственной страны.

Экономические, социальные, политические и психологические последствия «нефтяного чуда» в СССР были чудовищными. По сути, народ и власть при Брежневе заключили «большую сделку». Трудящиеся жили всё лучше, не по средствам, повышая свой жизненный уровень вне связи с ростом эффективности производства, производительности труда и ростом производства. На валюту закупались дополнительные товары народного потребления. Начался «золотой век» советского обывателя. В обмен советская верхушка получила «индульгенцию», молчаливое одобрение большинства, возможность забалтывать проблему отказа от развития, загнивать болоте стабильности. Начинается постепенная приватизация народных богатств номенклатурой, взращивание национальных кланов мародеров, будущих ханов-баев-президентов в Закавказье, Средней Азии и т. д.

Ничего удивительного в этом процессе нет. Обычно человек старается жить в условиях сохранения ресурсов, энергии. Нефтяная «халява» развратила власть и народ. Критерии труда были извращены. Зачем работать как «стахановец», если страна богата ресурсами, нефтью. Уровень жизни оторвался от реальной производительности. Не важно, как работать, если ресурсов много. В такой системе отпадала необходимость в развитии, в качестве человека, продукции. Зачем поддерживать высокий уровень инженерного корпуса и его высокий статус, если и так сойдёт? Большинство купили «халявой». Начали строить «нефтяной коммунизм», который буквально за полтора десятилетия убил великую советскую империю.

Первая фаза разрушения советской цивилизации началась при Хрущеве, когда советская верхушка отказалась от сталинского курса развития общества, создания общества будущего.Коммунистическая партия отказалась от своей роли морального, интеллектуального лидера цивилизации и народа. То есть отказалась от своей судьбы.

К началу 1950-х годов социалистическое общество состоялось, система набрала ход. Народ искренне поверил, что строит самую справедливую, добрую и сильную страну. Отсюда массовое народное творчество, изобретательство и неподдельный энтузиазм. Великая победа, стремительное восстановление страны и новые ударные стройки меняли Союз буквально на глазах. Казалось, что ещё немого, и Россия-СССР выиграет исторический спор о превосходстве светлой стороны человека над его темной стороной, добра над злом, духа над материей. Это было соревнование не между социализмом и капитализмом (это была видимая сторона), а между справедливостью и несправедливостью, добром и злом. У нас были все предпосылки для новой великой победы. СССР имел все шансы стать на планете «царем горы», совершить советскую (русскую) глобализацию.

Однако партийная верхушка испугалась этого будущего, своего народа, его творческого, созидательного порыва. Вместо прорыва в будущее, обгона звериного хищного Запада на тысячу лет номенклатура выбрала стабильность («застой»). Хозяева страны испугались новой реальности. Вместо динамики выбрали стабильность, вместо перемен — незыблемость. Поэтому могилу Сталина завалили мусором, его образ очернили. Всевозможных солженицыных использовали для создания мифа «о кровавом диктаторе» и лжи о «десятках миллионов невинно репрессированных». Благородный порыв народа стали гасить. Сначала с помощью радикализма и волюнтаризма Хрущева — освоение целины, кукурузная и мясная «эпопеи», жесткая демилитаризация с развалом наиболее боеспособных частей и изгнанием боевых кадров, «оттепелью» и пр. Затем начался брежневский «застой» с его «большой сделкой» между партийной элитой и народом.

▲ Сталин в рабочем кабинете

Так началась вторая фаза по разрушению советской цивилизации. Партийная верхушка сделала ставку на материальные потребности и личный интерес. Энтузиазм подменяют «длинным рублем». Материя побеждает дух. При этом на словах народу ещё обещали быстрое наступление коммунизма, но теперь это были только слова, пустая форма без дела. Теперь номенклатура думала не как победить старый мир, капитализм, а как с ним примириться, как договориться с западной элитой о сосуществовании. Таким образом, новой сверхцивилизации и обществу будущего был нанесён смертельный удар. Советскую цивилизацию и народ предали. Дверь в завтра закрыли. Началось стремительное вырождение советской верхушки, её обуржуазивание. Вскоре сгнившая часть советской верхушки и её национальные кадры пожелают развалить СССР, чтобы присвоить народную собственность и стать «новыми господами» в старом капиталистическом мире, частью глобальной «элиты»-мафии. Это будет третья фаза развала советского проекта, которая завершится катастрофой 1991 года — второй за столетие страшной катастрофой русской цивилизации и народа.

Мощный темп и энергетику развития, заданные при Сталине, нельзя было сразу остановить. Поэтому страна ещё развивалась. Неудивительно, что первая половина правления Брежнева стала «золотым веком» СССР. Жизнь улучшалась. Тяготы мобилизации, войны и её по-

следствий остались в прошлом. Россия-СССР впервые в своей истории жила в полной безопасности, никто не посмел бы атаковать нашу страну. Ещё жила надежда на победу коммунизма. Реформа Косыгина укрепила экономику, придала ей новый импульс развития.

Однако проблема была в том, что теперь успехи в хозяйстве, развитии территории, космосе и военном деле уже не опирались на энергетику созидания. Партийная элита перестала думать о «светлом будущем» для всех. Партию теперь заботила только борьба за власть и торг с Западом за наилучшие условия сосуществования. При этом при Брежневе в СССР нашли «эльдорадо» — огромные залежи «черного золота». СССР освоил нефтяные залежи Западной Сибири. В конце 1960-х годов Союз начинает массовый экспорт нефти. Арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг. привели к резкому росту цены на нефть. Запад испытал сильнейший нефтяной кризис. Москва же получила мощный источник притока валюты. И советская верхушка делает ставку на массированный экспорт энергоносителей. В Российской Федерации повторят эту стратегическую ошибку.

Модель была простая: продаем «черное золото» на Запад, получаем валюту, и на эти средства закупаем всё, что захотим, в той же Европе. Косыгинские реформы сворачивают. Зачем развивать и совершенствовать хозяйство, если и так всё хорошо. Советская экономика становится ущербной: вместо того чтобы создавать и делать самостоятельно, Союз стал закупать всё подряд. Появляется экономика нефтегазовой «трубы». С этого момента начинается отставание СССР по ряду отраслей, многие прорывные программы сворачивают. Так, наука ещё финансировалась, русские ученые продолжали изобретать, создавать новые великолепные технологии, оборудование, машины, но это большей частью ложилось под сукно, шло в архив. Зачем изобретать и эффективно работать, если можно просто продавать сырье? Партийная верхушка уже предпочитала не утруждать себя, а покупать за Западе. Возрождается старая болезнь российской «элиты» — считать, что западное заведомо лучше своего, русского. Даже при наличии своего, при этом более качественного, выбиралось западное.

▲ Оборонный комплекс

Производство и наука в СССР начинают жить отдельно друг от друга. В военно-промышленном комплексе СССР продолжается цениться высокая квалификация, прогресс и высокие, прорывные технологии. По сути, в советском ВПК в это время было накоплено огромное количество прорывных технологий, которые могли превратить Союз в космическую, военную и экономическую сверхдержаву, на десятилетия ушедшую вперед от остального мира. Однако, в отличие от США, где всё лучшее от оборонки немедленно осваивалось в гражданском производстве (двойные технологии), то в брежневском СССР ВПК жил отдельно от страны. Наука и оборонка ещё шли вперёд, в будущее, создавали суперцивилизацию, а власть, народ приучались жить в застойном болоте.

Психологические, социальные и экономические последствия «нефтяного коммунизма» были страшными. Фактически власть и народ тогда заключили «большую сделку». Люди получили возможность жить не по средствам, повышать свой жизненный уровень без связи с ростом эффективности производства и производительности труда. Мол, народ долго страдал и затягивал пояса, пусть теперь поживет в сытости. В обмен советская элита получила право по-тихому свернуть курс на строительство коммунизма, загнивать, начать мягкую приватизацию народных богатств и начать переговоры с Западом о сосуществовании и слиянии.

При Брежневе унаследованная от Хрущева уравниловка усиливается и доходит до маразма. При Сталине летчики-асы, профессура могли получать больше союзных министров. А во время «застоя» инженер в СССР превращается в обычного рабочего, зарплата водителя троллейбуса сравнивается с доходом кандидата наук. Сталинская здоровая иерархия: чем выше квалификация — тем больше зарплата, уходит в прошлое. Умирает здоровая трудовая этика. Неудивительно, что при Сталине научно-технический прогресс шёл се-

▲ Оборонный комплекс

мимильными шагами, а при Брежневе угас или был огорожен «железным занавесом» в ВПК.

Вызревает новый паразитарный, деградационный класс. Импортные товары были дефицитом. Их нужно было покупать нелегально с переплатой у работников советской торговли, людей, имеющих возможность посещать заграницу. Так появилась основа для возникновения класса торговцев-спекулянтов. В СССР возникает «серый рынок», подпольные криминальные капиталы. При этом в национальных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии эти тенденции были сильнее, ярче выражены. Быть таким спекулянтом, человеком, допущенным к распределению, становится прибыльнее, чем летчиком, пограничником или ученым, преподавателем. Созревает класс, заинтересованный в развале советской империи.

Поэтому подъем и «золотой век» Брежнева быстро угасли. Идеи и идеалы потускнели. Наступает разочарование в таком «нефтяном коммунизме» и партии (при этом в народе сохраняется уважение к Сталину). На место духовных идеалов приходит материализм, «колбаса» и «джинсы». На место освоения Луны и Марса, глубин Мирового океана приходит убогая и серая реальность. А место национальной культуры занимает «попса» — американский (западный) суррогат культуры. Начинается разложение общества. Партийная знать и простые люди желают «красивой жизни», картинки которой они видят в западных фильмах или по время командировок за границу.

«Большая сделка» стала превращать народ в развращенное «стадо», не желающее хорошо и усердно работать, но желающее «красивой жизни». У них формируют образ «сказочного Запада» — обильного и красивого мира, где всё хорошо и полная свобода. Происходит разделение советского народа, единый монолит разрушают. Возрождается национализм, который после развала СССР переродится уже в открытый нацизм. Грузинской, прибалтийской или украинской интеллигенции внушают, что их нации лучше других, что, отделавшись от «совка» (русских, «москалей»), они будут жить намного лучше. При этом все подсознательно были уверены, что достижения СССР будут сохранены: отсутствие угрозы войны, высокий уровень развития образования и здравоохранения, низкий уровень преступности, бесплатные детские садики, школы и институты, бесплатные квартиры, низкие цены за жилищно-коммунальные услуги (газ, электричество, вода и пр.) и прочие достижения социализма.

Таким образом, вырождение советской знати погубило советскую цивилизацию. Если при Сталине элита была дисциплинированной, ответственной, ставила на отечественную культуру, образование, науку, технику и производство, то после великого вождя стала формировать антиэлита, которая смотрела на Запад и мечтала приватизировать народную собственность, «красиво жить». Гниение было стремительным, и во второй период правления Брежнева партийная верхушка и её национальные кадры уже делали ставку не на победу СССР в историческом противостоянии с Западом, а на развал и поражение советской цивилизации. Советской антиэлите казалось, что народной собственности и ресурсов так много, что великую Россию (СССР) можно расчленить и пировать на её обломках. Хватит и им и их семьям. Великое предательство и мародерство позволит им стать частью уже глобальной мафии.

В итоге мы потеряли великую советскую цивилизацию, проект создания общества будущего. СССР рухнул не из-за неэффективности экономики и непомерных военных трат, не из-за силы Запада, победившего нас в космическом, военном и научно-технологическом соревновании. Мы рухнули из-за предательства «элиты», променявшей великое и удивительное будущее на западные «бусы».

«ПЛАН АНДРОПОВА» КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

При Сталине элита была дисциплинированной, «железной», служила и работала не покладая рук во благо всей державы и народа. Теперь же появляется «антиэлита», которая видит своё личное и будущее своих семей только на Западе. Она делает ставку не на развитие страны, а на её ограбление и развал — «элита» мародеров и паразитов. Эту загнивающую верхушку пополняют зашевелившиеся в брежневском застойном болоте представители различного родоплеменного национализма. А к чему ведёт власть местечковых националистов, мы увидим на примере постсоветских республик Средней Азии, Кавказа, Прибалтики и Украины — разгул антисоветизма, дикой русофобии; стремительное одичание и погружение в архаику; деградация социально-экономической инфраструктуры, науки, образования и культуры; власть баев и ханов, олигархов и «самостийных» воров-президентов; вымирание и бегство молодежи, всех работоспособных людей в страны Запада; развал и гражданская война (Грузия и Украина). И никакой перспективы при таком сценарии развития; далее будет ещё хуже. В частности, в Туркестане (Средняя Азия), очевидно, вскоре поднимется волна «чёрного ислама», и джихадисты сметут напрочь сгнившие местечковые режимы феодалов и ханов. Россия получит «южный фронт».

С другой стороны, «большая сделка» развращает население России-СССР. Начинается буйный рост человеческого стада, готового продать страну за «колбасу» и «джинсы». Быстро восстанавливается паразитарная модель: надо удачно пристроиться через родственников, знакомых, прильнуть к кормушке, к системе, связанной с распределением. В СССР расцветают социальные болезни, извечные спутники вырождения общества — массовый алкоголизм, в крупных городах появляется невиданная ранее наркомания, быстро растёт число носителей уголовной этики.

Таким образом, формируется социальная база либерально-демократического «электората», который затем будет «голосовать сердцем» за разрушителя Ельцина или за украинских «самостийников», которые быстро превратят цветущую Малороссию-Украину в «Руину».

Мощные социальные блага, которые дала советская власть, безопасная жизнь (без угрозы внешней войны и угрозы власти криминальных группировок) создали иллюзию, что всё это само разумеющееся, естественное. Новые поколения уже не знали, что за всё это пришлось заплатить огромной кровью и страданиями в годы революции и Гражданской войны, индустриализации и коллективизации, борьбы с «пятой колонной» («великая чистка») и в ходе страшной Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Всё это осталось в прошлом. В итоге советский народ в 1991 году «развели»: людям казалось, что всё хорошее, что было в СССР, останется, но появятся новые возможности и блага, свободы и развлечения. Люди поверили в красивые картинки комфортной западной жизни. Поверили в ложные образы сказочного, никогда не существовавшего «свободного» и «цивилизованного» Запада. При этом в нацреспу-

▲ Андропов

бликах добавили ещё одну иллюзию. Мол, наша нация лучше других, и если мы освободимся от «проклятого совка», «советской оккупации», то заживём как в сказке. К чему привел этот морок Прибалтику или Украину? Вымирание народа и уже видимая перспектива полной гибели.

В результате в 1982 году, когда умер Брежнев, советская цивилизация подошла к новой точке выбора будущего. Эпоха стабильности, «застоя» подошла к концу. Дальше так жить было уже нельзя. Запас прочности СССР подходил к концу. Свой план по «модернизации» СССР подготовил новый лидер страны, шеф КГБ СССР — Юрий Андропов. В его основе было две части. Первая, во внешней политике — слияние западной и советской систем, советская верхушка становится полноправной частью глобальной элиты. Вторая, во внутренней политике — опора на активное, недовольное своим положением меньшинство. Подразумевалось пассионарное, квалифицированное и конкурентоспособное меньшинство, способное обеспечить прорыв страны и равноправное вхождение в «мировое сообщество».

Андропов понимал, что страна идёт к кризису. Советский Союз начинает отставать от Запада, и скоро это отставание станет критическим, что вызовет тотальный кризис, возможно, распад системы. От строительства коммунизма, по сути, отказались. При текущей ситуации советский проект обрекался на гибель и поглощение западным, капиталистическим миром. То есть баланс сил — военно-стратегический, политический, экономический и культурно-образовательный, менялся в пользу Запада.

В результате родился «проект Андропова» — модернизация СССР в направлении западного цивилизационного проекта. Создание такого симбиоза, который сохранит Россию, её уникальность, даст её возможность выживания в жестоком мире, где правила игры задают хозяева Запада. А советской элите даст возможность стать полноправной частью глобальной элиты. Это была андроповская конвергенция — план схождения, объединения советской и западной моделей развития. В СССР (до краха советской цивилизации и победы западной модели глобализации) тогда была модная идея, что на Западе появляется всё больше черт советского социализма, а в СССР — всё больше черт капитализма. То есть две системы идут навстречу друг другу. Эта теория очень нравилась советской верхушке.

В реальности же советская система со времени Хрущева и Брежнева деградировала. То есть новый советский мир сдавал позиции старому — капиталистическому, по сути, древнему рабовладельческому, миру господ-рабовладельцев и рабов, хищному, паразитическому миру. А западная элита под давлением советской системы вынуждена была давать поблажки своим плебеям, дать возможность создания мощного среднего класса. На Западе, чтобы народ не желал перехода к социализму, вынуждены были создать «витрину капитализма», иллюзию мирного существования классов, свободы и равенства возможностей. И как только СССР и социалистический лагерь сложили оружие и рухнули, так хозяева Запада стали быстро отказываться от прежних поблажек, и средний класс стал стремительно исчезать. Остаются только богатые и множество категорий бедноты и нищих. Отсюда и последние социальные волнения в Греции или во Франции, рост ненависти к мигрантам и популярности националистических настроений. Средняя и мелкая буржуазия западной цивилизации попала под удар, западная глобализация и тотальная либерализация её убивает.

Во внешней политике Андропов, прежде чем идти на слияние с Западом, хотел хорошенько напугать западную элиту. Чтобы создать мощную переговорную базу. СССР должен был казаться могучим исполином — военным и экономическим. Отсюда новый виток «холодной войны». Москва жестко ответила на размещение американских баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет в Европе. Андропов пообещал разместить тактическое ядерное оружие в ГДР и Чехословакии и выдвинуть атомные подводные крейсеры к берегам США. Вполне успешно СССР вёл войну в Афганистане, противодействуя Америке в Центральной Азии. Москва сделала шаги для улучшения отношений с Китаем, чтобы противопоставить советско-китайский союз блоку НАТО. Жестко Андропов отреагировал на сбитый корейский «Боинг» в 1983 году. Казалось, что начинается новый кризис СССР в отношениях с Западом. Американский президент Рональд Рейган объявил СССР «империей зла», активизировал гонку вооружений. Западная пропаганда начала очередную информационную кампанию против СССР.

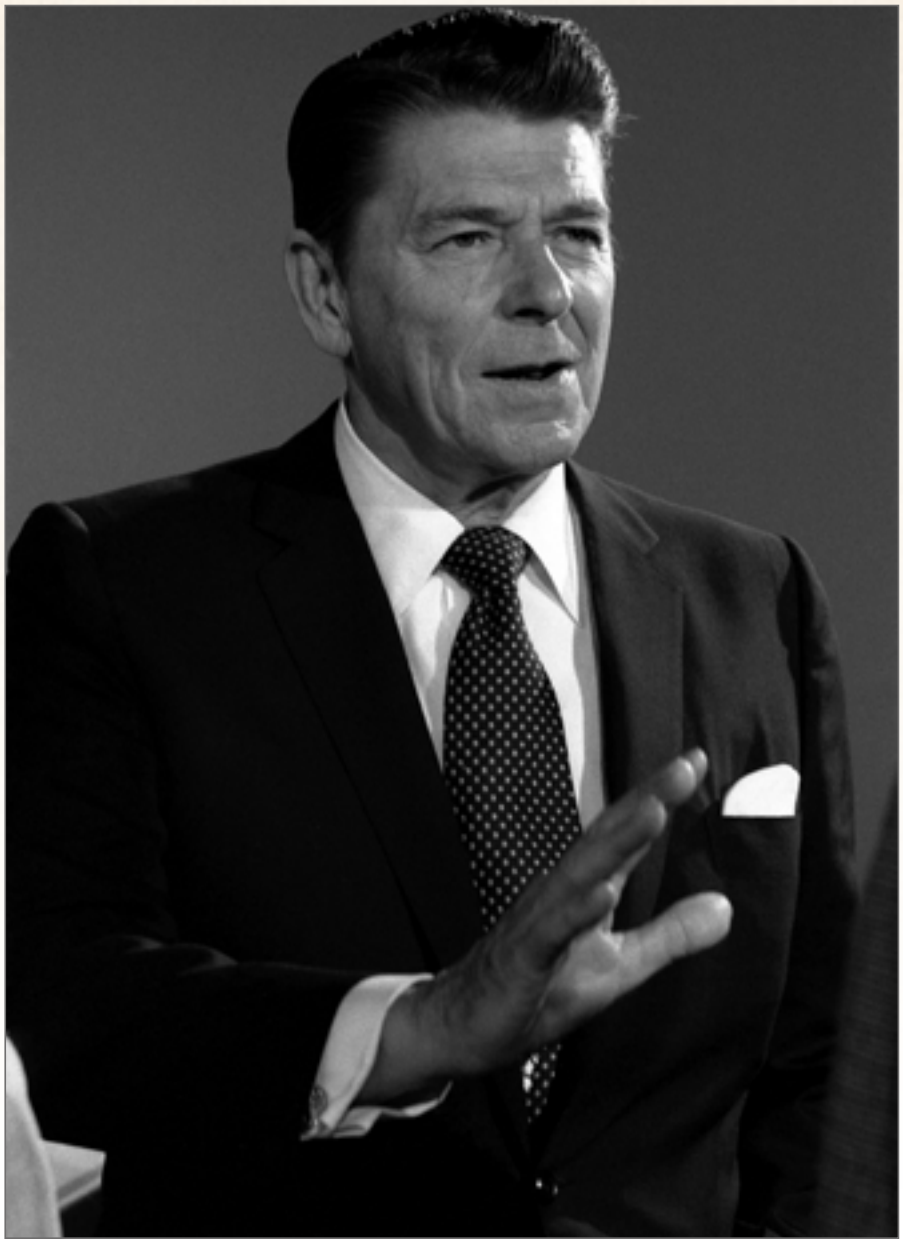
В реальности всё это хорошо вписывалось в план конвергенции с Западом. Андропов создавал сильную переговорную позицию. СССР перед слиянием с Западом показывал свою мощь, чтобы советская элита добилась соответствующих позиций в новом мировой порядке. Таким образом, Андропов готовил максимально сильную позицию Москвы в будущих переговорах с руководством Запада. Чтобы было что уступать, при этом сохраняя основы. Попугать Запад, а затем пользуясь его страхом перед СССР, провести конвергенцию на самых выгодных условиях для советской элиты. Интегрировать Россию в Запад так, чтобы сохранить позиции советской верхушки, чтобы она стала полноправной частью мировой элиты, а не колониальной периферийной администрацией, как это обычно принято в западном мире.

Таким образом, в некотором отношении Андропов повторял путь Петра I и проекта Романовых. Он считал, что русская (советская) цивилизация не может быть самодержавной, самостоятельной, жить по своим правилам. Поэтому, пока не поздно, нужно войти в западный проект, западный мир. Провести модернизацию и договориться в Западом, Европой. Принять приоритет западной матрицы развития, на разумных

началах вписаться в западную цивилизацию.

На первом этапе была внутренняя модернизация, кардинальная перестройка народного хозяйства, стратегия ускорения. Во внешней политике — жесткая позиция, которая должна была испугать хозяев Запада, заставить их идти по пути соглашения, «большой сделки» с советской верхушкой. А за «жестким» Андроповым должны были прийти новые, либеральные лидеры, которых своевременно вели в руководство и двигали вверх. Такие как Горбачёв, Шеварднадзе, Лигачёв и др. Они должна были договориться с хозяевами Западной Европы о вхождении советской верхушки в «мировое правительство», глобальную элиту.

Чем всё закончилось, мы прекрасно знаем. Хозяевам Запада не нужна никакая Россия — ни монархическая-царская, ни советская, ни демократическая-прозападная. Западу нужна только колония, богатства России, накопленные за тысячелетие, источники дешевого сырья, рабсила, рынок сбыта для своей продукции. А также колониальная администрация, без вопросов исполняющая все указания «мирового сообщества». При этом колониальная администрация должна не только дать доступ к ресурсам и богатствам России, которые поддерживают создание «нового мирового порядка» (глобальной невольничьей цивилизации). Но и проводить курс, который в своё время откровенно озвучил Гитлер и его приспешники — социально-экономический, культурно-языковой, цивилизационный геноцид русского народа. Русский суперэтнос не нужен Западу даже в виде рабов, слишком опасны русские, «русская душа». Отсюда курс на депопуляцию, культурно-языковой геноцид русских, чтобы русские быстро вымирали и их остатки ассимилировались, забыли свой язык, культуру и историю, стали обычными «двуногими орудиями».

▲ Рональд Рейган

Хозяева Запада не видят в российской «элите» себе ровню. Для них российская «элита» — это «русская мафия», воры-олигархи, чиновники-коррупционеры, «силовики-чекисты». Её можно использовать, но ей нет места в глобальной элите. Правила игры диктуют хозяева Запада. Западу нужны богатства и ресурсы русской земли, чтобы произвести «перезагрузку» западной матрицы, установить стабильный неорабовладельческий порядок в виде «цифрового концлагеря».

План Андропова заключался в конвергенции, интеграции России-СССР в западную цивилизацию на выгодных Москве условиях. Он считал, что русская цивилизация не может существовать самостоятельно, поэтому пока не поздно, нужно «перебросить» экономику и договориться с хозяевами Запада. Вступить с Западом в брак по расчёту, стать важной частью западного проекта.

По сути, Андропов шёл по пути Петра Великого (Романовы пытались вестернизировать, европеизировать русскую элиту, сделать Россию частью европейской цивилизации; правда, проект Романовых завершился катастрофой 1917 года, которая едва вообще не убила русскую цивилизацию, русскую государственность и народ). Но перед тем, как

▲ Политбюро

начать сближение с Западом, Андропов хотел провести экономическую модернизацию, навести порядок в стране.

Экономическая «перестройка» была ключевым элементом программы Андропова. В основе экономической модернизации было вычленение, отделение всего того, что в СССР-России было конкурентоспособным, работало хорошо, в особую «новую экономику». В принципе, в СССР уже со времён Сталина формировалась «параллельная Россия» — сказочный мир будущего. Так, под руководством «лучшего управленца» XX века Л. Берии была создана атомная, ракетная и электронная «корпорация», работники которой получали высокую зарплату и хорошо снабжались. В дальнейшем это дело продолжили. При Брежневе и Андропове это была «оборонка» — военно-промышленный комплекс, «закрытые города», академгородки, НИИ и КБ, биотехнологические центры, Министерство среднего машиностроения СССР (Минсредмаш СССР) — атомная отрасль промышленности, космическая отрасль и т. д. В период существования советской цивилизации именно в этих отраслях и центрах сформировался настоящий «зародыш» будущей сверхцивилизации, новейшие технологии, способные сделать Россию передовой державой, обогнавшей остальной мир на десятилетия.

На основе этих передовых центров, конструкторских бюро, институтов, отраслей планировалось сформировать высокотехнологические корпорации, которые с помощью спецслужб СССР, должны были занять мощные позиции на мировом рынке. Таким образом, советские (российские) корпорации становились видной частью мировой системы, которая создавалась на основе западного проекта развития. Наши корпорации должны были создать отделения в третьих странах. В итоге появлялась страна-корпорация. Люди же работающие в «новой экономике» СССР-России должны были получать высокие зарплаты и доступ к материальным благам, формируя слой «новой элиты» (по сути, буржуазии, среднего класса).

Разленившихся же при Брежневе, в эпоху «большой сделки» советских граждан Андропов хотел дисциплинировать, восстановить порядок, увязать уровень зарплаты с производительностью труда. В некотором смысле это была и новая попытка ввести «опричнину» Ивана Грозного на новом витке истории. С разделением страны на земщину и опричнину. В земщине оставались старые порядки, а опричнина становилась ядром «нового государства», которое вобрало в себя все наиболее экономически развитые города и земли. Опричнина подчинялась лично царю и была свободна от старых удельно-вотчинных, княжеско-боярских традиций. Опричнина как образец «государства будущего должна была развиваться, расти и в итоге охватить всю русскую землю. Ивану Грозному в силу различных причин (кадровый вопрос, война, сопротивление элиты и т. д.) эта попытка не удалась. Истощение Руси и противостояние элитарных кланов в итоге вызвало Смуту.

Пётр и другие Романовы смогли европеизировать элиту, создали «европейское государство», которое, по сути, паразитировало на остальной России, питалось её соками и смотрело на Европу. Но остальная Россия осталась в патриархальном прошлом. В результате несоответствие цивилизационной матрицы русской цивилизации и западного проекта элиты привели к катастрофе 1917-1920 гг., к новой русской смуте. Россия едва не погибла. Её спас только советский проект, который впитал в себя лучшие начала русского цивилизационного проекта.

Андропов же решил сработать на неизмеримо более высоком технологическом, научном и экономическом уровне. Советская цивилизация создала мощнейший научно-технологический, образовательный и хозяйственный базис, который, как казалось, позволит России стать полноправной частью западного проекта, ядра капиталистической системы, а не его полуколониальной периферией, как большая часть остального мира.

Отсюда и действия, начинания Андропова: укрепление трудовой дисциплины, облавы на прогульщиков; борьба с коррупцией, нетрудовыми доходами, спекуляцией, злоу-

потреблениями в торговле; попытка навести порядок в Средней Азии, которая деградировала быстрее всей страны; борьба с криминальным миром (рост числа осужденных за уголовные преступления); чистка партийного и государственного аппарата, включая органы госбезопасности. Андропов стал удалять с важных партийных, государственных, военных постов людей, которые бы могли выступить против «перестройки». Одновременно формировалась команда сподвижников, которые могли бы реализовать программу Андропова и после его ухода. В частности, шло продвижение Горбачёва, Шеварднадзе, Алиева, Лигачёва, Рыжкова, Романова и др. Готовилась команда «прорабов перестройки», западников вроде Арбатова, Заславской, Яковлева.

В 1983 году Андропов поручил Горбачёву и Рыжкову начать подготовку экономической реформы. Фактически план кардинальной «перестройки» промышленности и всего народного хозяйства начали готовить ещё при Андропове. Вырабатывается т. н. стратегия ускорения. Планировалось провести массированную модернизацию производства, перевод предприятий и организаций на хозрасчёт, автоматизацию производства. Много внимания уделялось интенсификации производства, ускорению научно-технического прогресса, усилению ответственности кадров, организованности и дисциплине и т. д. Таким образом, при Андропове готовилась кардинальная перестройка всего хозяйства СССР.

Очевидно, что в этот же период складываются тайные связи между верхушкой СССР и хозяевами Запада. В 1967 году Андропов возглавил КГБ, в 1968 году возникает Римский клуб — международная организация, объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. По сути, это один из главных «мозговых центров» мировой мафии, правящей на Западе контролирующей большую часть планеты.

Римский клуб был тесно связан и с другими ведущими центрами складывающегося «мирового правительства» — Бильдербергским клубом, Трёхсторонней комиссией, Королевским институтом международных отношений Великобритании, Советом по международным отношениям в США. Также клуб тесно взаимодействовал с ведущими исследовательскими центрами Запада, «мозговыми центрами», создаваемого нового мирового порядка — Стэндфордским и Йельским университетами, Гуверовским институтом в США. Таким образом, за Римским клубом стояли настоящие хозяева Запада, люди реально управляющие развитием мира.

По сути, Римский клуб стал одним из инструментов управления новейшей историей, переключения общества на новую стадию развития. Хозяева Запада в этот период пытаются остановить научно-технический прогресс (в частности, сворачиваются грандиозные космические программы), консервировать социальные преобразования, так как всё это ставило под угрозу многотысячелетний план «архитекторов-каменщиков» по формированию кастовой рабовладельческой цивилизации в планетарном масштабе. Научно-техническая революция и развитие социалистического общества вели к развитию человека, его творческого, созидательного потенциала. А хозяевам Запада нужен идеальны раб-потребитель, послушный и легко управляемый. Новейшие же технологии, включая долгожительство, должны быть доступны только глобальной элите.

Хозяева Запада, глобальная мафия испугалась появления советского проекта. Советская (русская) цивилизация с её обществом знания, служения и созидания стала реальной альтернативой рабовладельческого общества потребления, общества рабовладельцев и рабов, общества истребления и самоуничтожения.

Силой («крестовым походом» Гитлера) подавить Советский Союз не удалось. Тогда Запад развязал третью мировую войну — «холодную», информационную. Запад вёл информационную, идеологическую, экономическую, тайную войну против СССР. Одновременно глобальная мафия стала готовить «перезагрузку» самой западной цивилизации. Хозяева Запада понимали, что их проект привёл мир к тупику, за которым глобальная катастрофа. Что необходимо «перезагрузить» проект «нового мирового порядка» (рабовладельческой цивилизации), чтобы создать устойчивый порядок и самим не по-

▲ Римский клуб

гибнуть. Поэтому на Западе начинается кампания запугивания. Мол, человечество открыло ящик Пандоры с развитием новых технологий, что привело к неконтролируемому приросту населения, энергетическим кризисам, нехватке ресурсов, экологической катастрофе, угрозе атомной войны, применения оружия массового поражения и множеству других бедствий.

Дан чёткий прогноз, что при имеющихся темпах роста населения планеты и роста потребления человечество подойдет к жесткому кризису на рубеже 2030-2050 гг. Глобальная мафия всерьёз задумывается о собственном выживании в условиях неминуемого системного кризиса. В итоге хозяева Запада и большей части мира, не желая менять общую концепцию жизнеустройства — порочную, несправедливую (в понятиях христианства — сатанинскую), приходят к выводу, что для собственного выживания и сохранения элитарного статуса и сверхпотребления, необходимо уничтожить большую часть народонаселения планеты. Уничтожить физически, истребить. Эти планы откровенно озвучил ещё Гитлер и его приспешники, желающие уничтожить «расово неполноценных», «недочеловеков», чтобы создать «жизненное пространство» для «избранных».

▲ Вилли Брандт

Таким образом, глобальная мафия осознала, что человечество подошло к порогу глобального биосферно-экологического кризиса. Кризис вызван ошибками в управлении людьми и общества в целом, как следствие ошибочно избранного пути развития всего человечества в рамках несправедливой безнравственной концепции жизнеустройства, где главенствуют деградационно-паразитические потребности «элиты», что развращает всё общество и человечество. Однако глобальная элита не желает менять свою психику, нравственно преобразиться, идти по пути создания справедливого мирового порядка, где люди живут в ладу с Богом, Законами Мироздания и Природой.

Поэтому хозяева Запада начинают «перезагрузку матрицы», чтобы снизить ошибки управления, но при этом ничего не меняя в самой несправедливой концепции развития и порождённой ею порочной культуры. В основе плана: сокращение потребления ресурсов за счёт сокращения населения планеты (с 7 млрд. до 2-3 млрд., или даже нескольких сотен миллионов человек) путём перманентных войн, революций, восстаний, конфликтов, голода, болезней, наркотиков, алкоголя, разрушения репродуктивных способностей человека и т. д. При этом паразитические сверхпотребности «элиты» сохраняются, а демографически обусловленные потребности оставшейся части народонаселения планеты сокращаются. В частности, отсюда и резкое сокращение среднего класса на Запада, он больше не нужен, как «витрина капитализма». Что в свою очередь ведёт к бунтам и революциям населения, которые привыкло потреблять по более высоким стандартам. А конфликты используются для разрушения и переформатирования прежней картины мира, «перезагрузки матрицы». То есть все нынешние волнения, бунты и восстания в той же Европе по причине либерально-людоедской политики властей или миграционного кризиса, или предыдущие «цветные революции» и «арабская весна» — всё это запрограммировано и часть общего плана.

Частью общего плана также является: перераспределение ресурсов в пользу глобальной элиты (богатые богатеют, а бедные беднеют); консервация части ресурсов, восстановление экологии; исключения возможности глобальной катастрофы

путём сокращения ядерного, химического и биологического арсеналов, контроля технологий, особенно атомной отрасли и т. д.

То есть «новый мировой порядок» — это несправедливая, порочная концепция управления, отказ от творческого развития, преобразования человека и окружающего мира, закрепление и стабилизация существующего положения выгодного глобальной элите. Это была не та радужная конвергенция, которой соблазнились советские интеллектуалы, которая должна была объединить экономические возможности капиталистической системы и преимущества социализма в деле развития творческих способностей человека. Западные же «каменщики» считали, что существует врожденное и непреодолимое неравенство людей, неравенство доходящее до расизма и разделения людей на касты «господ-избранных» и «двуногих орудий-потребителей». Социалистический мир западные хищники, после «соблазнения», планировали расчленить и ограбить, сделать колониальной периферией западного мира.

Интеллектуалы Римского клуба подвели научную основу под необходимость отказа от научного прогресса, развития творческих способностей человека. Они обосновали необходимость жертвы значительной части населения планеты для того, чтобы остальные могли выжить. Они были идеологами разделения людей на две неравные части: касту «избранных», сверхбогатых господ, которые определяют судьбу остальных людей (рентабельное население) и рабы-потребители (нерентабельное население, те, кто не вписался в рынок). Здесь вычленили из человечества сначала «золотой миллиард» (ядро капиталистической системы), а затем и «платиновые» 100 миллионов. Так были заложены основы нынешней глобализации, создания «цифрового-электронного концлагеря». Запланировано физическое уничтожение большей части человечества, тотальный геноцид людей во имя сохранения паразитического сверхпотребления «избранных».

В Москве сразу оценили Римский клуб как возможного партнера по переговорам и сотрудничеству в будущем мире. Поэтому труды клуба тут же публиковали в СССР, в том числе и в популярной прессе. По работам клуба проводились специальные совещания и обсуждения. Интересно, что в условиях «холодной войны», информационно-идеологического противостояния советским учёным позволили поддерживать тесный контакт с Римским клубом участвовать в его работе. Вместе с Римским клубом было создано первое совместное гуманитарное исследовательское учреждение — Международный институт прикладного системного анализа (в Австрии). Со стороны СССР учредителем выступил Всесоюзный институт системного анализа во главе с академиком Д. Гвишиани, членом Римского клуба и одним из ближайших консультантов Юрия Андропова. Этот австрийский Институт международного прикладного анализа сыграет в последующем видную роль в подготовке «реформаторов» (разрушителей) начала 90-х годов. В 1989 году в СССР была создана Ассоциация содействия Римскому клубу.

Каналы сближения советского руководства и КГБ СССР с глобальной элитой не были ограничены Римским клубом. Так, по личному указанию Андропова был создан тайный канал для переговоров с западногерманской элитой, прежде всего с В. Брандтом. Другой канал связывал Кремль с госсекретарем США Г. Киссинджером.

Таким образом, налаживая тайные и видимые связи с реальными

▲ Киссинджер

хозяевами Запада, стоящими над властью национальных государств, над международными политическими и финансовыми институтами, Андропов пытался воплотить свой план конвергенции, сближения с западным миром. Он надеялся заключить сделку с хозяевами Запада и тем самым создать основу для будущего мирового порядка. Участники этой сделки должны были признать несколько сфер национальных интересов (модель многополярного мира) и раздел мира между этими сферами. В итоге получалась новая политическая система, которая должна была сменить Ялтинско-Потсдамскую систему.

При этом Москва (советская верхушка) в обмен на вхождение в ядро западной цивилизации, клуб великих держав, правящих миром, соглашалась на сближение двух систем, создание мира, где будут сочетаться элементы социализма и капитализма.

КАК ГОРБАЧЕВ СДАЛ СССР

Андропов смог определить момент, когда русская (советская) цивилизация подошла к очередному надлому, к точке бифуркации. Он заметил болезнь, однако не сумел найти ответ, как спасти СССР-Россию. Смерть Андропова в начале 1984 года прервала эксперимент по осуществлению скрытого плана конвергенции и интеграции советской и западной систем.

Суть кризиса советского проекта в том, что общество и цивилизация на рубеже 1940-1950-х годов подошло к точке перехода. Период тотальной мобилизации и жесткой централизации, позволивший создать научно-культурную, образовательную и производственную базу советской цивилизации, выжить и победить в страшной Второй мировой войне и восстановиться после нее, и продолжить развитие, подходил к концу. Он позволил создать фундамент и стены советской цивилизации, нового общества знания, служения и созидания.

Теперь было необходимо перейти на новый уровень развития: переносить управление из жесткой централизованной системы, сконцентрированной в партии в Советы — в исполнительную власть. «Жесткая вертикаль власти» выполнила свою задачу — установила советскую власть, удержала её в жесточайшей битве с внешними и внутренними врагами. Была создана огромная советская империя, которая вместе со «вторым человечеством» (Китаем) и социалистическим блоком включала в себя три мировых цивилизации — русскую, китайскую, часть европейской, а также десятки культур и стран по всей планете. Развивать и обустраивать её должна была более гибкая система управления, советы, которая сохраняла координацию, управляемость и общий план, проектирование, но выводила их на новый уровень.

Эту перестройку планировал провести Сталин (XIX съезд КПСС в 1952 году и его работа «Экономические проблемы социализма в СССР»). Сталин жестко поставил вопрос о переходе центра принятия решений из партийных структур в советские (народные). Партия сохраняла воспитательную роль в обществе, должна была быть примером для всего общества. Советский народ же поднимался на новый качественный уровень — должен был принять ответственность за собственное развитие и будущее.

Сталин выбрал наилучший момент для такого перехода: только что СССР одержал великую победу, показал высочайшую эффективность и мощь своего потенциала в войне и послевоенном восстановлении; была сформирована команда управленцев высочайшего класса («кадры решают всё!»); народ-победитель был на пике своего духовного, творческого, интеллектуального подъёма. Однако Сталина убили. Советско-партийная верхушка испугалась рывка в будущее, своего народа. Партия предпочла «стабильность».

Отказ от системной реформы внешне практически не сказался на советской цивилизации. Огромный потенциал, созданный в сталинской империи, колоссальная энергия развития позволила СССР совершить ряд прорывов и великих побед. Развитие продолжалось быстрыми темпами. Однако ряд событий показал, что начались разрушительные процессы, которые в итоге убьют советскую цивилизацию. В частности, это разрыв с «младшим братом» — Китаем, потеря союзников в юго-восточной Европе — Албания, частично Румыния. Негативные процессы стали происходить в Польше и Чехословакии. СССР стал тратить огромные ресурсы, кадровый потенциал на поддержку союзников по всему миру, Кремль наплодил паразитов, которые присосались к советской цивилизации. «Перегибы» Хрущева в СССР («перестройка-1») нейтрализовали, но в конце 70-х — начала 80-х годов системный кризис поразил уже сам Советский Союз.

Андропов увидел эту болезнь, наметил программу спасения, однако его смерть прервала эксперимент по схождению советской и западной систем. Но запущенные Андроповым замыслы и механизмы продолжали действовать. Только произошёл сбой программы — «катастройка» Горбачёва. Михаила Горбачёва (генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985-1991 гг.) на Западе представили как рыцаря без страха и упрёка, который разрушил «кровавую империю зла» СССР и попытался сделать что-то хорошее в стране «рабов». Позднее этот миф поддержала либерально-демократическая общественность в России. Мол, он осуществлял программу перемен, которая должна была привести советское (российское) общество к демократии, свободе и рынку. СССР-Россия должна была стать частью «просвещенного, развитого мира».

Горбачёв вместе с другими «перестройщиками»-разрушителями, был частью команды Андропова. Он сразу же бросился в объятия Запада, стал «лучшим немцем» и западником. При этом внутри наломал дров, когда пытался осуществить первую часть андроповского замысла. Но бессистемно, без должной воли, энергии и концентрации. Горбачёв пытался всё сделать сразу: начать сотрудничество и интеграцию с Западом; провести модернизацию страны и хозяйства, ускориться, поднять жизненный уровень народа; начать комплексную демократизацию, ввести гласность; перенести центр принятия решений из партийных в советские органы, провести децентрализацию (федерализацию) и т. д. Он, видимо, в силу своей ограниченности, всё пытался сделать сразу, а не поэтапно, как планировал Андропов.

С другой стороны, время было уже упущено. Наиболее благоприятный момент для реорганизации системы управления был в начале 1950-х годов. К горбачёвской перестройке СССР подошёл в состоянии кризиса: почти все ресурсы шли на поддержание стабильности системы, а на её развитие, качественную перестройку их не было. Также стоит учесть такой важный фактор, как состояние кадров: в сталинской империи оно было идеальным; хрущевский волюнтаризм и брежневское застойное болото привели к духовно-волевой, интеллектуальной деградации, разложению. К горба-

чёвской перестройке качество советской управленческой машины были сравнительно низким. А падение качества управления компенсировали ростом бюрократической машины. В результате управленческая машина просто не потянула «перестройку», началось топтание на месте, затягивание, трата времени, что вело к новым кризисным явлениям и кризис перерос в катастрофу. Кроме того, изменилось и морально-интеллектуальное состояние общества, народа. «Перестройку» поддержала только часть советского общества, другая часть была молчаливой оппозицией в ожидании.

При этом в самом начале имелась возможность остановить «перестройку» и вернуться на исходные позиции, чтобы затем вернуться качественной реформе. В частности, когда Хрущев затеял «перестройку-1», начал «перегибать палку» как за границей, так и внутри страны, то его быстро нейтрализовали, остановили. А ведь Горбачёв был намного слабее, чем Хрущев. Суть очевидно в том, что качественно советская верхушка периода Горбачёва была намного слабее, чем во времена Хрущева. Одна часть советской элиты деградировала настолько, что просто не осознала последствий идущей «перестройки», что она ведёт к катастрофе советской цивилизации и государства. У другой части был низкий морально-волевой потенциал, не было «буйных». Никто не взял на себя ответственность среди партийно-советского и военного аппарата СССР, чтобы сместить Горбачёва. Также стоит помнить, что Андропов хорошо «зачистил» советскую верхушку, включая органы госбезопасности, вооруженные силы, чтобы никто не мешал реализации его плана. Теперь это сыграло против СССР.

Кроме того, часть советской «элиты» уже деградировала настолько, что теперь откровенно ставила на развал и приватизацию, разграбление обломков СССР. Особенно это касается элиты национальных республик, включая Шеварднадзе и Алиева. В недрах советской верхушки рождается мародерская, компрадорская «элита», готовая строить «светлое будущее» для себя лично, своих семей, кланов и друзей. Эти люди были готовы сдать советскую цивилизацию, СССР, чтобы стать частью грабительско-паразитарной глобальной элиты.

Стоит помнить, что при Андропове и Горбачёве тех, кто потенциально мог оказать сопротивление, вычистили из силовых структур. В частности, для этого в 1987 году использовали провокационный полёт немецкого пилота Матиаса Руста, который совершил полёт из Северной Европы и Скандинавии до Москвы. И не встретил препятствий. Горбачёв использовал это инцидент для зачистки генералитета от своих противников и сокращения вооруженных сил. В частности, были освобождены от должности министр обороны С. Соколов и командующий ПВО А. Колдунов.

При этом есть мнение, что сохранившаяся часть тайной сети Андропова, в первую очередь в органах спецслужб, КГБ, видя, что план провалился и дело идёт к катастрофе, стала предпринимать усилия не для спасения и сохранения СССР, а для перекачки ресурсов и средств в свои «опорные пункты». Разграбление собственной страны стало допустимым. В частности, на этой базе родился миф о «золоте партии». Контр-

олируемый сверху распад советской цивилизации, СССР, демонтаж основных институтов (включая КПСС) стали основой для закачки огромных средств в тайную сеть. Неудивительно, что многие крупные чины КГБ СССР и партии ушли в олигархические структуры ельцинской России. Кризис и последующая катастрофа позволили провести операцию «концы в воду», скрыть от общества и народа масштабное и эффективное разграбление наследства советской цивилизации.

Горбачёвская «перестройка» не привела к созданию «новой экономики», конкурентоспособной на мировом рынке, как изначально планировалось. С 1986 года ситуация в советской экономике непрерывно ухудшалась. Происходило обвальное падение эффективности производства, производительности труда. Падала фондоотдача. Не удалось, как планировали, уменьшить материалоёмкость. Началось медленное, но набирающее темпы падение объёма добычи углеводородов — нефти и газа. Эпоха «нефтяного коммунизма», которая позволила советской элите заключить «большую сделку» с народом, отказаться от коренной модернизации и бездействовать 1970-е и большую часть 1980-х годов, подошла к концу.

Из-за проблем в экономике, падения качества управления и, видимо, из-за саботажа части советской верхушки, которая уже ставила на развал СССР, появились перебои в снабжении населения продуктами питания и товарами народного потребления. Особенно этот процесс был заметен в крупных городах, советских столицах — Москве и Ленинграде. Это было болезненно воспринято населением городов.

В 1987 году Горбачёву и его окружению стало ясно, что впереди страну ждёт жесткий системный кризис. Система переходила в нестабильное состояние, что могло привести к полному краху СССР. Сокращение темпов производства могло привести уже к абсолютному падению производства и резкому падению потребления. А этого грозило резким ростом социальной напряженности, на окраинах — национальной. Кризис мог разрешиться гражданской войной.

Горбачёв был окружен «архитекторами и прорабами перестройки» — разрушителями, которые уже сознательно делали ставку на развал, разрушение советской цивилизации, вхождение в «цивилизованное сообщество государств» и приватизацию (расхищение, разграбление) народной собственности, богатств страны. Прежде всего стоит выделить Александра Яковлева — идеолога, «архитектора» перестройки. Очевидно, что это был сознательный агент влияния Запада, который считал, что нужно уничтожить СССР, что «с советским строем пора кончать». Говорили об «обновлении и совершенствовании социализма», а на деле крушили СССР (Великую Россию). Советская разведка, госбезопасность имела информацию о разрушительной деятельности группы Яковлева, имевшей контакты на Западе. Горбачёва об этом информировали, но он проявил нерешительность, пытался уладить всё внутри партии, кулуарно (как было тогда принято).

Среди разрушителей СССР также были представители национальных элит. Они хотели расчленить Советский Союз, чтобы стать полновластными правителями новых государств (соответственно и их богатств). Среди них был ближайший соратник Горбачёва, бывший министр внутренних дел Грузинской ССР, первый секретарь ЦК КП Грузии и министр иностранных дел СССР в 1985-1990 гг. Эдуард Шеварднадзе. Позднее он

признается, что с самого начала поставил себе целью освобождение Грузии от русского владычества. Понятно, что такой человек во главе внешнеполитического ведомства советской империи натворил много бед, которые иначе как государственной изменой назвать нельзя.

По сути, этот «современный», «демократичный» министр иностранных дел СССР, который сразу же понравился на Западе, сдал национальные интересы СССР. Произвёл капитуляцию СССР в «холодной войне» — третьей мировой войне. Вехами его предательства стало практически одностороннее разоружение советских вооруженных сил; сдача позиций в Восточной Европе и по всему миру; разрешение на объединение Германии — по сути, сдача ГДР, и без соответствующих уступок Запада; вывод войск из Афганистана; в 1990 году Шеварднадзе совместно с госсекретарем США Д. Бейкером подписал соглашение о передаче США акватории Берингова моря. Это была сдача США морских владений (шельфа) России-СССР. Потеря русской территории, богатой биоресурсами и перспективными нефтегазовыми месторождениями.

Горбачёв хотел предложить Западу «большую сделку». Она заключалась между советской верхушкой и реальными хозяевами Запада. Мол, советское хозяйство уже не может конкурировать с капитализмом, жизнь народа ухудшается. Поэтому необходимо разменять коммунизм на право вхождения в «цивилизованное сообщество государств», в «золотой миллиард» планеты. Москва отказывалась от идеологии коммунизма; помогала безболезненно демонтировать социалистический блок, сначала — в Восточной Европе, в зоне влияния Союза по всей планете, затем — внутри своей страны; проводила разоружение, снижая риск начала ядерной войны до минимума; вводила «рыночную экономику».

Возможность внутренней катастрофы, неконтролируемого распада СССР стала основным мотивом политики Горбачёва. Он боялся, что если ресурсы для брежневской «большой сделки» кончатся, то в СССР произойдёт социальная катастрофа. Производительность советской экономики, чтобы укрепить ресурсную базу, поднять не удалось. Значит, необходимо взять ресурсы извне, заграницей. Отличие от плана Андропова было в том, что тот сначала планировал провести экономическую модернизацию, создать особую «новую экономику», конкурентоспособную на миром рынке, корпорации (ВПК, космос, атомная отрасль, энергетика, научные центры, «чёрное золото» и т. д.), навести порядок в стране — в элите и народе, восстановить дисциплину; а во внешней политике — сильно напугать Запад угрозой нового витка «холодной войны», гонки вооружений. Запад сам был в кризисе, развивался очередной этап кризиса капитализма. Грабительская, паразитарная система Запада деградировала, саморазрушалась. Она может существовать только при постоянном расширении «жизненного пространства». Грабить на планете уже было некого. США как флагман западного мира были обречены на развал и гибель до конца века. Стоял вопрос, кто рухнет раньше — СССР или США, социалистическая или капиталистическая система. При успешной модернизации у СССР были все шансы пережить США, победить в «холодной войне». То есть условия «большой сделки» с Западом были хорошие.

▲ Горбачев и Шеварнадзе

Горбачев предпочёл трусливую капитуляцию, пытаясь выиграть время для спасения. Поэтому он, в отличие от Андропова, решил, что пугать Запад не надо, надо ему просто выгодно продаться. Сдать коммунистическую идею, советский строй, от которого всё равно надо избавляться, так как он якобы нежизнеспособен, неконкурентоспособен и неэффективен в новом глобальном мире.

Фактически это была конвергенция и интеграция русской (советской) и западной цивилизаций, но на условиях уже хозяев западного мира. В окружении Горбачёва взяли вверх агенты влияния Запада, которые были сознательными противниками коммунизма и особого пути русской цивилизации, миссии русского народа, в чём они затем неоднократно признавались. Они

запудривали мозги людям такими понятиями, как «общечеловеческие ценности», «общий европейский дом», «мировое сотрудничество», «цивилизованное сообщество государств» и т. д. По сути, эти понятия скрывали капитуляцию, сдачу советского проекта, поражение СССР в третьей мировой («холодной») войне и тотальное разграбление наследия многих поколений русских и советских людей.

Горбачёв и его окружение завершили процесс отказа страны от своего цивилизационного, глобального проекта. Это неизбежно вело к национальной, геополитической, экономической и социальной катастрофе СССР (Великой России).

Таким образом, демонтаж социалистического блока, советской цивилизации начался сверху. Можно выделить сразу несколько ведущих разрушительных процессов:

1) усиленное, взрывное становление, организация и финансирование разнородной «пятой колонны»;

2) разыгрывание «национальной карты» — ставка представителей национальных элит на развал СССР, «прихватизацию» его наследства, активизация национальной радикальной интеллигенции, натравливание на русских нацменьшинств, особенно этот процесс активно развивался в Прибалтике, на Кавказе и Средней Азии; разжигание межнациональной розни;

3) разложение советской верхушки, её деморализация; зачистка органов госбезопасности, вооруженных сил от противников перестройки;

4) с молчаливого согласия ЦК КПСС собственная пресса в те годы фактически вела пропагандистскую, информационную войну против собственной страны и своего народа. ТВ и СМИ начали массированную, мощную атаку на госорганы, все институты государства и власти, компартию, советскую армию, милицию, на советскую историю. Непрекращающаяся клевета, обман, дискредитация, чернуха, доведения народа до истерики, паранойи. Тотальное программирование, внушение шизофренической идеи, что «в этой стране жить нельзя», «надо всё перестроить», «нужны перемены» и т. д.

5) с помощью советских спецслужб начинается демонтаж соцблока, организуются «бархатные революции» в странах Восточной Европы. В частности, в 1989 году происходит антикоммунистический переворот в Румынии;

6) на территории СССР была организована серия техногенных катастроф, аварий вроде Чернобыльской трагедии 1986 года. Цель — деморализация, лишение воли у советской элиты и населения;

7) ускоренное одностороннее разоружение, сворачивание и уничтожение перспективных военных и космических программ, которые превращали СССР в глобальную сверхдержаву, опередившую всю планету на десятки лет вперёд; вывод войск из сферы влияния СССР, Восточной Европы. Капитуляция в Афганистане, хотя советская армия одержала победу. Сдача Восточной Германии.

Американцы, западники, видя сигналы Горбачева и его команды, были довольны. Рейган с 1981 года последовательно пытался сокрушить советскую «империю зла», а тут такой подарок. США и Запад спасены! Они могут преодолеть свой системный кризис за счёт развала и грабежа социалистического мира, богатейших ресурсов СССР! Победа в третьей мировой войне! Уничтожение тысячелетнего стратегического врага, который сам отказывается от своей глобальной миссии, цивилизационного и национального проекта. Поэтому Рейган в 1987 году прекратил резкие действия против России. Мол, не мешайте Горбачёву и его банде перестройщиков самим ломать СССР, не развеивайте заблуждений советской верхушки и народа на слияние западной и советской систем, на то, что Россия станет полноправным членом «мирового сообщества». На Западе стали активно создавать миф о «прогрессивной» политике Горбачева, поддерживать его начинания по разоружению, в том числе ядерному, демонтажу соцблока, коммунизма.

Сама капитуляция была оформлена на Мальтийском саммите в декабре 1989 года. Там 2-3 декабря прошла встреча между президентом США Джорджем Бушем (ст.) и генсекретарём ЦК КПСС Михаилом Горбачёвым. Было провозглашено окончание «холодной войны» — третьей мировой. Это была капитуляция: Москва обещала невмешательство в дела стран Восточной Европы, согласие на объединение Германии, уступки в отношении при-

▲ С чувством признательности за содеянное

балтийских республик. Буш же только устно поддержал перестройку в СССР. После встречи на Мальте — предательства Горбачёва, Яковлева и Шеварднадзе, начинается лавинообразный процесс развала и капитуляции на всех уровнях.

На Западе, в США с самого начала не собирались пускать русских в «золотой миллиард». Русская цивилизация и государство, русский народ подлежат уничтожению (т. н. русский вопрос) при любых властях и идеологиях — при царях, генсеках и президентах, при монархии, советской власти или либерал-демократах. Зачем Россия в западной метрополии, если ей уготована роль сырьевой колонии и места возможного расселения «золотой элиты» в условиях уже тогда прогнозируемой глобальной биосферной катастрофы? Россия своими богатствами, ресурсами, рынком сбыта должна была спасти Запад от кризиса, помочь ему совершить технологический рывок в «новый мировой порядок». Совершить «перезагрузку матрицы» — создание устойчивой глобальной рабовладельческой цивилизации. Также Россия нужна была США как «пушечное мясо» против Китая и исламского мира.

Неудивительно, что проект Вашингтона легко смял иллюзорные замыслы Горбачёва. Хозяева Запада поддержали иллюзии Москвы в обмен на слом социализма, советской цивилизации давали большие кредиты, подсаживая Россию на финансовый крюк. Это подкрепило надежды Горбачёва — раз дают деньги, значит, всё идёт хорошо. Верным путём идём, товарищи. Идём в цивилизованное мировое сообщество. Эта иллюзия и добила СССР.

Врагами России и русского народа был создан чёрный миф о том, что огромный Советский союз был колоссом на глиняных ногах. Так же считали Гитлер и его окружение, но сильно просчитались, планируя с помощью «молниеносной войны» сокрушить СССР.

Мол, при всей кажущейся военно-экономической мощи, железной партии власти, непобедимой Советской Армии СССР сам рухнул из-за слабых ударов. Он якобы рассыпался от информационной войны, которую вёл Запад, действий российских диссидентов, националистов и демократов. То есть СССР был нежизнеспособен, поэтому и погиб.

В реальности известно, что даже самые могучие державы могут рухнуть из-за массы слабых воздействий. Так же можно разрушить и нынешнюю единственную сверхдержаву — Соединенные Штаты Америки. Любую систему, даже саму прочную, в нужный момент можно столкнуть на ту или иную траекторию даже слабым толчком. Создать такой режим, когда встречается внешний и внутренний процессы, которые вступают в резонанс, и система разрушается. Сначала разрушаются пропорции, затем рвутся связи, в итоге элементы системы рассыпаются, начинается хаос.

В 1986 году стало очевидно, что позднесоветская «элита» в массе своей не желает нового прорыва, не хочет его. В свою очередь, советский народ, который уже был разложен брежневской «большой сделкой» (народ имел возможность потреблять вне зависимости от производительности труда, а элита получила право на «стабильность», отказ от рывка в будущее — коммунизм), стал обществом потребителей, обывателей-мещан. Сталинское общество созидателей и производителей было уничтожено. Советский народ развратили.

Таким образом, получилась гибельная комбинация из материальных устремлений советских «верхов» и «низов». В её основе был банальный материализм, древний «золотой телец», который погубил уже множество народов и стран. Элита» искала возможность перевести народную, государственную собственность, богатство в личную, узкокорпоративную и быстро нашла её. Народ же в массе своей стремился к «халяве», джинсам, колбасе и жвачке, к «красивой жизни» как на Западе (этими

картинками советских граждан постоянно пичкали) без трудовых усилий, ограничения и самодисциплины. Желал быстрого и немедленного роста уровня жизни, свободы для получения удовольствий. Всё это породило внутреннюю разрушительную волну. И она наложилась на «холодную», информационную войну Запада против СССР-России (третья мировая война).

Для реализации этих материальных устремлений использовали кооперативы. Произошла легализация частного сектора. 19 ноября 1986 года вышел закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», разрешивший гражданам и членам их семей параллельные заработки в свободное от основной работы время; 5 февраля 1987 года Совет Министров СССР издал постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления». 26 мая 1988 года был принят закон СССР «О кооперации в СССР», который разрешил кооперативам заниматься любыми не запрещёнными законом видами деятельности, в том числе и торговлей.

Только если при Сталине кооперативы были производственными, производили товары народного потребления, которые были в дефиците, имели даже свои конструкторские бюро, научные лаборатории, то при Горбачёве кооперативы стали в основном паразитическими торгово-спекулянтскими конторами. Они занимались откровенной спекуляцией или сомнительными финансовыми операциями. Если производили товары, то плохого качества. Большой ошибкой (или вредительством) стало разрешение создавать кооперативы на уже имеющихся предприятиях, что в итоге убило советскую экономику. Кооперативы стали перекачивать ресурсы из реального сектора в сферу потребления, «серого» и «чёрного» рынка. Так, продукция предприятий реализовывалась через кооперативы по рыночным ценам, кооператив получал прибыль, а само предприятие при этом оставалось без оборотных средств, а государство без налогов.

Таким образом, вся деятельность таких контор сводилась к тому, что ресурсы, товары с госпредприятий брались по низким государственным ценам, а продавались на рынке уже за высокую цену или гнались заграницу за валюту. Так был создан довольно широкий слой социальных паразитов-«кооператоров».

Для присвоенного ресурса создали механизм перераспределения. Появились биржи. В идеале они должны были дополнить плановую экономику. В реальности они служили для того, чтобы отдельные ручейки воровства и паразитизма были объединены в полноводную реку. То, что урывалось от государства и народа, концентрировалось на биржах. В 1990 году были открыты Московская товарная биржа, «Алиса» и т. д.

Возникла проблема денег, их было мало. А те, у кого средства были, не собирались покупать ресурсы и товары по биржевым ценам. Они вообще не хотели ничего создавать и производить. Выход был один: продавать за рубеж. Поэтому монополию государства на внешнюю торговлю сломали. Кооперативы стали торговать с другими государствами.

Всё это не было следствием операции ЦРУ США, а стало логическим продолжением процесса разрушения СССР, запущенным ещё в годы Хрущева и Брежнева, когда отказались от сталинского курса и заключили с народом СССР «большую сделку». При Андропове и Горбачёве этот разрушительный процесс вышел на финишную прямую, когда советская «элита» решила сдать СССР Западу. Заключить «большую сделку» уже с хозяевами Запада.

Паразитарные, спекулятивные кооперативы, биржи и слом монополии государства на внешнюю монополию нарушили внешние пропорции советского хозяйства. Экономика СССР базировалась на межотраслевых балансах и пропорциях. Госплан СССР считал какая доля должна быть у тяжелой промышленности, легкой и пищевой, сколько нужно добыть сырья, чтобы обеспечить отрасли, сколько закупить за рубежом. Но когда ресурсы стали тратить вне чётких пропорций, их стали вывозить за границу, то начался беспорядок, хаос. Баланс был разрушен, образовалась брешь в которую уходили ресурсы, товары страны и деньги, за них полученные.

То есть сама советская верхушка сломала хозяйство СССР. Попутно были запущены процессы гласности, демократизации и пр. Понятно, что на Западе это всё прекрасно видели. Умным и хищным западникам, которые десятилетия безуспешно пытались сокрушить Союз, оставалось лишь наложить на эту мощную внутреннюю разрушительную волну

▲ С американским покровителем

волны внешних воздействий. При этом западники на этом ещё и отлично заработали. В обмен на ценнейшие русские ресурсы, богатства СССР (а затем и Российской Федерации) стали сбагривать всякий залежалый товар, который считался в СССР-России огромным дефицитом. Так началось новое тотальное разграбление великой России (первое было организовано в ходе Первой мировой и Гражданской войн). Из СССР задешево уходили бесценные ресурсы, которые отдавали за грошовые, часто некачественных товары. Вроде продовольственных товаров, которые на Западе выбрасывают или отправляют в «банановые республики» как гуманитарную помощь. За всякий мусор, устаревшую технику, ширпотреб, некачественную пищу из страны вывозили цветные и редкоземельные металлы, стратегическое сырье, золото, продукты химической промышленности и нефтяной отрасли и т. д.

Всё это вызвало рост цен в стране и развал финансовой системы. Магазины опустели. Две волны наложились друг на друга. Внутри страны — капитуляция советской «элиты», разворовывание страны будущими капиталистами и буржуазией (новой торгово-спекулятивной, мародерской «элиты», в основе существования которой только «торговля» ресурсами страны, будущим народа) и внешняя — сдача долларовой системе, быстро нарастающая финансовая зависимость.

Пропорции сравнительной доходности торговли и производства были разрушены, начался катастрофический дисбаланс — торговать стало намного выгоднее, чем производить. Увод ресурсов из страны за рубеж вызвал рост цен в стране, резко увеличил издержки производства. А для новых «предпринимателей-кооператоров» бартерная торговля стала сверхприбыльным делом. За границу отправляли сырье, материалы, которые дома стоили копейки, а из-за границы завозили и очень дорого продавали дефицитные товары, получая огромную сверхприбыль. Производить стало невыгодно, легче стало торговать, быть паразитом-мародером.

Понятно, что советское хозяйство в такой ситуации стало умирать. Производить что-то для советских граждан было невыгодно. В первую очередь стало умирать производство дешёвых товаров народного потребления. Начался товарный голод. Магазины опустели. При этом обычно холодильники были полными, а квартиры забиты предметами быта, техникой. Частично это было вызвано и прямым саботажем. Мясо, рыбу и другие товары не довозили до Москвы, просто сваливали в овраги, чтобы подготовить «низы» к контрреволюции. Вызвать социальную напряженность. Были подготовлены вспышки недовольства, ненависти к собственной стране. На окраинах всё это было подогрето национализмом, сепаратизмом.

Пытаясь сохранить уровень жизни, люди всё больше денег тратили на потребление (такая же ситуация сложилась в последние годы и в РФ). Накопление прекратилось. Доля потребления в национальном доходе резко выросла. Началось саморазрушение. Из-за общего обвала системы, чтобы поддерживать текущее функционирование, стали использовать ресурсы для развития. В итоге самый сильный удар был нанесен по тем отраслям СССР, которые представляли конкурентную угрозу Западу, по авиационной, атомной, космической отраслям, по военно-промышленному комплексу. В последние годы СССР ускоренно проедал будущее. Полученную валюту тратили на «ножки Буша», баночное пиво и колбасу, вместо того чтобы тратить средства на развитие, новые, высокие технологии и производства. Но даже это уже не могло компенсировать падение хозяйства страны и уровня жизни народа.

Итоги были печальными, страшными. Общество разлагалось. Началась криминальная революция, спутник любой смуты в России. Развал СССР, разгул безмозглой митинговщины и дикого родоплеменного национализма. Так уничтожили советскую цивилизацию.

Ещё до падения СССР внутри советской верхушки была создана «новая элита» — «молодые реформаторы-демократы». Гайдар, Чубайс и прочие реформаторы-разрушители. Они пришли к выводу, что советская система выжить не может, она нежизнеспособна. Страна на грани социальной катастрофы, гражданской войны. Чтобы избежать её, нужно включить Россию в западную систему, капитализм. Внутри страны сделать то же самое, что и на Западе. Это единственное спасение — революционно, одним рывком построить «рынок» в России. Так Россию сделали колонией Запада.

Развал производства продолжался, падал уровень жизни населения, государство резко сократило затраты на науку, образование, просвещение, культуру в целом, и капитальные вложения. Также резко упали расходы на оборону, была прекращена помощь развивающим странам (только это дало России десятки миллиардов долларов). И всё это было просто проедено и разворовано. Новая «элита» съедала будущее русской цивилизации. Страны Запада, международные финансовые структуры кидали России кредиты, но они шли не на новые технологии и производства, а просто проедались. При этом страна и народ закабалялись, залезали в неподъемные долги. МВФ с самого начала давал кредиты только на потребление. А затем кредиты стали давать, чтобы погасить проценты по ранее выданным займам.

Таким образом, в 1991 году произошла контрреволюция. Россию захватили социальные паразиты, воры-мародеры. Россия была разгромлена в третьей мировой войне, что привело: к переделу карты мира и границ; переделу сфер влияния; переделу рынков сбыта; репарациям и контрибуциям. Хозяева Запада сказочно обогатились при развале и разграблении советской цивилизации и социалистического лагеря. Это помогло США и Западу выскочить из ямы третьего этапа кризиса капитализма, продлить своё существование. В России же начался геноцид коренных народов русской цивилизации (прежде всего русского суперэтноса) под видом «реформ». ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА

Под термином «Рельсовая война» в историю Великой Отечественной войны вошли одновременные, скоординированные операции советских партизан и подпольщиков по массовым разрушениям рельсов, шпал, мостов, станций и эшелонов на железнодорожных коммуникациях в тылу врага.

Советские партизаны и население с первых месяцев Великой Отечественной войны наряду с другими средствами борьбы с оккупантами нарушали железнодорожное движение врага и путем разрушения рельсового пути. Уже в первые дни войны население ряда деревень в районе Барановичи под руководством председателей сельсоветов развинчивало и растаскивало рельсы, чтобы задержать продвижение противника. Такие действия имели место в Ленинградской, Смоленской, Житомирской, Минской и некоторых других оккупированных врагом областях. По мере роста партизанского движения они становились все более частыми. Пути повреждались в основном подрывами рельсов, хотя при крупных нападениях нередко взрывы сочетались с развинчиванием, уничтожением и растаскиванием рельсов при помощи привлекавшегося к таким операциям населения. Ленинградские партизаны в 1942 году наряду с другими диверсиями практиковали систематические нападения на железнодорожные пути. Возрастало количество групповых взрывов железнодорожных путей. Если в январе таких взрывов было 7, то в октябре их было уже 90, то есть увеличилось в 13 раз.

Западный исследователь II мировой войны Э. Хауэлл на основании документов вермахта писал: «Только в тылу 16-й армии с 1 мая по 31 июля 1942 года партизаны взорвали 30 мостов, подорвали рельсы в 684 местах и повредили или уничтожили 20 паровозов и 113 вагонов».

Начиная с мая 1942 года, удары по рельсам партизаны стали наносить в ряде случаев довольно крупными силами. Одним из них являлась операция брянских партизан, осуществленная в мае 1942 года на участке Красный Рог — село Красное. Эта железнодорожная линия охранялась двумя охранными полками противника. По линии курсировал бронепоезд. Железная дорога со стороны леса была защищена проволочными заграждениями в два кола. Объединенный штаб брянских партизан привлек для операции пять отрядов выгоничских партизан и два — трубчевских, в том числе отряды им. Чапаева, им. Щорса, им. «26 бакинских комиссаров», «Смерть немецким оккупантам», и координировал их действия.

Сроки операции и ее характер были согласованы со штабом Брянского фронта, который проявил большую заинтересованность в ней, обеспечил снабжение боеприпасами и взрывчаткой. Учитывая крупные силы противника на охране дороги и возможность быстрого подхода подкреплений со станции Брянск, командование фронта решило поддержать партизан бомбардировкой станции Брянск, Выгоничи, Красный Рог и Почеп, согласованной по времени с их операцией. В этих условиях наличных сил партизан было достаточно, чтобы захватить станцию и участок железной дороги и удержать их на определенное время. Но их явно не хватало для быстрых и серьезных разрушений. Тогда было решено прибегнуть к помощи населения деревень Колодное, Уручье, Уты, Павловское, Сосновое болото, Янковское и др.

21 мая 1942 года в 24.00 партизаны атаковали и захватили станцию Хмелево и участок железной дороги Красный Рог — село Красное. В результате операции было выведено из строя 7,5 км железнодорожного пути и вся телефонно-телеграфная связь, движение поездов приостановлено на 15 суток.

Это была первая в истории войны значительная координированная местная операция по уничтожению рельсового пути, причинившая затруднения фашистскому командованию. Однако она была все же локальной и не повторилась после восстановления противником железнодорожного пути.

Летом 1942 года удары партизан по рельсовым путям значительно расширились, особенно в тыловых районах групп армий «Центр» и «Север», вызывая серьезное беспокойство немецко-фашистского командования. Оккупанты стали вести учет подрывов железнодорожных путей, изучать опыт партизан в подобных операциях и усиливать охрану.

Многочисленные донесения партизанских отрядов и соединений и военные документы противника показывают не только увеличение рельсовых ударов в августе и сентябре 1942 года, но и их нарастающую силу. В ряде случаев захватывались целые участки, в том числе на глав-

▲ Подрыв моста

ных линиях снабжения. Так, например, партизаны 3-й белорусской бригады (командир А. Я. Марченко, комиссар Е. А. Козлов) и бригады им. Дзержинского (командир С. М. Короткин, комиссар В. М. Фролов) в августе 1942 года повредили железнодорожное полотно на магистрали Витебск — Полоцк на протяжении 10 км. На этом участке в нескольких местах были выкопаны рвы, часть рельсов утоплена в болотах, взорвана водопроводная труба диаметром в 2 метра, произведено более 30 взрывов рельсов и малых труб. На протяжении 5 км была разрушена телефонная и телеграфная линии — срезаны столбы, а провода унесены в лес. В результате на этом участке движение приостановилось на четверо суток.

Крупные разрушения произвели витебские партизаны в ночь на 31 августа 1942 года на железнодорожных участках Горянск — Оболь, Оболь — Ловжа, Ловжа — Сиротино и др. Начальник транспортной службы группы армий «Центр» Исмер писал командующему группой армий по поводу этих разрушений: «В данном случае речь идет о диверсионных актах партизан такого масштаба, который превосходит по времени и результатам все прежние партизанские действия. Размеры произведенных разрушений свидетельствуют о том, что в диверсии принимали участие крупные партизанские силы и что они могли работать без помех в течение нескольких часов».

Железнодорожные линии подвергались такому воздействию витебских партизан, что линия Полоцк — Невель бездействовала в течение 1,5 месяцев, а линия Витебск — Невель систематически прерывалась. Командование 59-го армейского корпуса, части которого несли охрану этой линии, 30 августа 1942 года сообщало в штаб группы армий «Центр»: «Участок железной дороги Витебск — Невель, жизненно необходимый для снабжения 83-й дивизии, вследствие постоянных подрывов бездействует с 26 августа».

Широко практиковали нападения на рельсовые пути калининские партизаны. 1-я калининская партизанская бригада (командир Ф. Т. Бойдин) в ночь на 7 октября 1942 года на линии Себеж — Пустошка разрушила 5 км полотна и 2 железнодорожных моста. Движение поездов было полностью прервано на 7 суток. Этой же бригадой 11 февраля 1943 года на линии Идрица — Пустошка взорвано полотно в 72 местах и уничтожено 144 рельса.

8-я калининская партизанская бригада (командир Г. П. Жиденко) с 1 по 5 декабря 1942 года на линии Дно — Новосокольники (участок Насва — Локня) подорвала 12 км полотна, один мост и разгромила разъезд. В результате железная дорога не работала 8 суток.

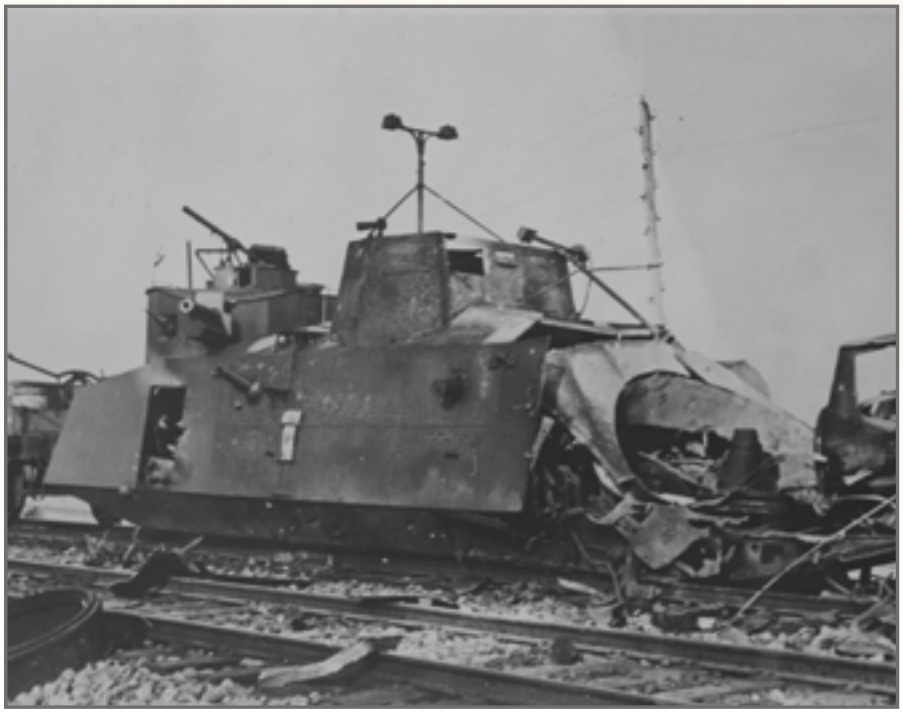
31 января 1943 года командир 286-й охранной дивизии генерал Рихерт докладывал командующему группы армий «Центр», что с весны 1942 года район, расположенный в треугольнике железных дорог Витебск — Невель — Полоцк, все больше и больше подвергается нападениям.

Активность партизан увеличивалась с каждым днем. Команды подрывников почти ежедневно взрывали важные железнодорожные линии в этом треугольнике желез-

ных дорог, движение по шоссейным дорогам вдоль этих железных дорог было возможно только при усиленном конвое. Хозяйственное и административное управление в районе стало совершенно невозможным. Хозяйственная инспекция при группе армий «Центр» «отказалась» от этого района».

Последним перед общей операцией «Рельсовая война» было массовое разрушение железной дороги Орша — Лепель в июле 1943 года Чашкинской партизанской бригадой (командир Ф.Ф. Дубровский, комиссар Н.В. Старжинский). Бригада вместе с резервами из местного населения (3 000 человек) разрушила участок железной дороги от станции Бурбин до 116 разъезда, протяженностью 40,2 км. Рельсы снимались, взрывались, топились в болотах, скручивались и растаскивались, шпалы сжигались. На этом участке было уничтожено 38 мостов, в том числе 60-метровый мост через реку Лукомль.

После того как в результате рельсовых ударов партизан создались затруднения в работе железнодорожного транспорта, угрожавшие при развитии партизанами этих ударов всей группе армий «Центр», противник стал сосредоточивать на линиях железных дорог охранные дивизии и полицейские силы, находившиеся на оккупированных территориях, оголяя территорию и отдавая ее под контроль партизан. Уже после сильных ударов партизан по рельсовым путям в августе 1942 года обеспокоенное создавшейся обстановкой главное командование сухопутных сил и германский генштаб в директиве от 29 августа 1942 года указывали командованию группы армий «Центр»: «Диверсионные акты на железнодорожных линиях в районах центральной группы армий повлекли за собой недопустимое более снижение перевозок. Поэтому, кроме проведения в порядке возмездия у станции Славное, следует перед проведением всех остальных операций по борьбе с партизанами осуществлять активную оборону железнодорожных линий: Минск — Бобруйск — Гомель, Минск — Борисов — Орша — Смоленск, Двинск — Полоцк — Витебск. Смоленск, Орша — Могилев — Жлобин. Для выполнения этих задач необходимо сосредоточить все находящиеся в распоряжении силы, причем следует примириться с оставлением отдельных районов. Эти задачи должны быть выполнены с наивозможной быстротой и крайней решительностью».

Начальник тыла группы армий «Центр» генерал Шенкендорф в связи с сосредоточением войск на оккупированных территориях для обороны железных дорог от партизан в октябре 1942 года доносил командованию: «Важные в хозяйственном отношении районы мы уже были вынуждены оставить врагу... Предусмотренное обеспечение войск за счет страны более неосуществимо».

Гражданская оккупационная администрация была обеспокоена сосредоточением сил у железных дорог и ослаблением их на подведомственной ей территории. Гаулейтер Белоруссии В. Кубе в октябре 1942 года в письме в Берлин просил доложить Гитлеру, что «он снимает с себя ответственность за потерю урожая, заготовленного для фронта и германского населения, если войска и полиция не обеспечат безопасность территории округа».

Такие же довольно многочисленные повреждения железнодорожных путей наряду со взрывами поездов, мостов, нападениями на станции и другие объекты железных дорог в больших или меньших масштабах происходили на оккупированных территориях других областей РСФСР, Украины, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии и Карелии.

Центральный штаб партизанского движения, обобщавший опыт партизанской и подпольной борьбы, оценил значение уничтожения рельсовых путей, особенно если их производить в крупных масштабах, организованно и согласованно по времени, сосредоточивая на наиболее важных железнодорожных магистралях.

На основе опыта рельсовых ударов партизан в 1942 году и первой половины 1943 года ЦШПД приступил в июне 1943 года к разработке первой общей операции «Рельсовой войны». Этот план основывался на следующих предпосылках.

Партизанское движение к этому времени было уже настолько мощным, что партизанские отряды и бри-

гады имелись повсеместно вблизи важнейших железнодорожных коммуникаций противника. Лишь в нескольких случаях для выхода на коммуникации требовалось совершить марши в 70-80 км и лишь в отдельных случаях — более 100 км.

Партизанское движение являлось вполне управляемым. Существовавшая сеть радиосвязи обеспечивала оперативное руководство и давала возможность организовать нанесение координированных ударов крупными силами партизан по определенным объектам противника в установленное время.

Несмотря на значительные силы, выделяемые противником для охраны коммуникаций, вытянутая цепочкой линейная охрана была не в состоянии предотвратить операцию. Партизанские отряды и бригады могли уверенно захватывать перегоны, истребив, захватив в плен или разогнав охрану, в течение часа взорвать пути, мосты и прочие сооружения и уйти. Чтобы защититься от такого удара партизан, противник должен был бы выставить для охраны такие силы, которые далеко превосходили его возможности.

В техническом отношении операция также не представляла затруднений. Огромное количество партизан владели техникой минно-подрывного дела. Подрыв рельсов не представлял сложности и можно было в кратчайшие сроки научить людей производить такие взрывы. Авиационно-транспортные возможности ЦШПД позволяли снабдить партизанские бригады и отряды необходимым для рельсовых ударов количеством взрывчатых веществ и детонаторов.

Центральный штаб партизанского движения, разрабатывая план, тщательно взвешивал возможные результаты операции «Рельсовой войны». Из опыта партизан и по донесениям противника было видно, что даже один или несколько перебитых рельсов вызывали перерыв в движении от 5 до 18 часов. Время восстановления пути исчислялось не только временем, необходимым для работы по замене шпал и рельсов, требовалось также время для извещения и приезда или подхода рабочей группы, для подвоза рельсов и шпал и т. д. Кроме того, ночью замена рельсов, как правило, не производилась из-за боязни партизан. Поэтому вывод из строя рельсов вызывал крупные задержки движения, особенно в случаях, когда они подрывались в нескольких местах перегона.

▲ Подрыв рельса

Повсеместные взрывы большого количества рельсов должны были остановить движение уже не на отдельных участках, а на целых магистралях. Эти удары, сочетавшиеся с другими видами диверсий — взрывами эшелонов, мостов, разрушением станций и водокачек, должны были вызвать последствия, могущие серьезно повлиять на ход фронтовых операций.

Учитывалось и то, что противник не пожалеет сил и средств для восстановления разрушенных дорог. Но партизаны смогут повторить эти удары, усилить дезорганизацию транспорта и поставить противника перед катастрофическим недостатком рельсов.

Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко из оккупированных врагом территорий вызвал в Москву большую группу командиров и комиссаров партизанских бригад и отрядов для всестороннего обсуждения всех вопросов, связанных с планом операции. Партизанские командиры единодушно поддержали идею координированных рельсовых ударов и внесли много ценных соображений, уточнявших план.

Идея «Рельсовой войны» нашла одобрение у всех крупных военных специалистов, с которыми консультировался Центральный штаб партизанского движения.

Следует отметить, что в числе первых, кто помогал разрабатывать и осуществлять операцию, были М. И. Журавлев, бывший руководитель истребительных отрядов на оккупированной территории Московской области, А. И. Никулочкин, начальник штаба истребительных

▲ Начальник ЦШПД П.К. Пономаренко с командирами партизанских формирований 1943 г.

отрядов Московской области. Они были энтузиастами «Рельсовой войны», приняли активное участие в ее подготовке и оказали большую помощь в ее осуществлении, передав Центральному штабу партизанского движения большую группу опытнейших инструкторов диверсионной работы — участников партизанского движения в период сражения за Москву.

24 июня 1943 года план «Рельсовой войны» обсудил Центральный Комитет Компартии Белоруссии и принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом «Рельсовой войны». Одобрив план партизанской рельсовой войны в тылу немецких оккупантов как наиболее эффективный способ массового разрушения железнодорожных коммуникаций врага ЦК КП(б) Белоруссии призвал всех партизан и партизанок, командиров и комиссаров партизанских бригад и соединений, руководителей диверсионных групп «усилить борьбу по разрушению железных дорог в наиболее уязвимых для противника местах». ЦК КП(б) Белоруссии подчеркнул в решении, что «коренная дезорганизация ж.-д. коммуникаций врага составит историческую заслугу белорусских партизан в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских поработителей».

Это постановление, подкрепленное огромной организаторской работой ЦК КП(б) Белоруссии, подпольных организаций и комитетов, а также республиканского партийного и советского актива, мобилизовало парторганизации, командный и политический состав партизанского движения на проведение рельсовой войны, что явилось одним из главных условий того, что рельсовая война в Белоруссии приняла невиданные по размаху и остроте масштабы.

К 9 июля 1943 года ЦШПД закончил разработку детального плана первого удара рельсовой войны и теперь требовалось доложить его Центральному Комитету ВКП(б) и Верховному Главнокомандующему и получить одобрение и необходимые меры помощи. 9 июля 1943 года И.В. Сталину была направлена докладная записка начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «О подготовке операции «Рельсовая война». В ней излагались кратко обстановка на железнодорожных коммуникациях в тылу врага, деятельность партизан на коммуникациях, результаты разрозненных ударов партизан по рельсовому пути, план координированной операции, ее возможные результаты, экономичность операции с точки зрения расхода сил и средств.

В заключение излагалась просьба о некоторых мерах помощи в проведении операции, главной из которых было усиление авиации, действующей по заданию ЦШПД и республиканских штабов, для переброски в тыл взрывчатых веществ и других, наиболее необходимых средств вооружения и боевого питания.

Через три дня начальнику ЦШПД П.К. Пономаренко было предложено лично доложить соображения о главном, что необходимо для проведения операции. Они сводились к следующему: выделить транспортные самолеты Ли-2 и Си-47 дополнительно к тем авиатранспортным ресурсам, которыми располагает ЦШПД. Перевозка в тыл взрывчатых веществ и материальных ресурсов к первому рельсовому удару потребует 180 самолето-вылетов в течение 5-6 дней, начиная с 12 июля и 220 самолето-вылетов в течение июля — августа. Всего, таким образом, с 12 июля по 1 сентября необходимо произвести 400 самолето-вылетов.

При этом не учитывались самолеты, которые уже были выделены Ставкой и систематически работали на партизан. Они выполняли в основном такие задачи, от которых их нельзя было отвлекать. Это боевое и отчасти продовольственное снабжение брянских и крымских партизан, без которого они не могли действовать и даже продержаться; снабжение рейдирующих соединений; снабжение самым необходимым и особенно боеприпасами отрядов и соединений, действующих в особых условиях, ведущих тяжелые бои с экспедициями противника, находящихся в окружении и т.д.

По предварительным подсчетам ЦШПД, партизанам необходимо было доставить 200-250 тонн взрывчатых веществ. Кроме того, учитывалось, что многие участки железных дорог будут браться с боя, поэтому партизан следовало обеспечить боеприпасами и медикаментами.

Первый одновременный удар операции «Рельсовая война» ЦШПД намечал провести в первых числах августа. В это время предполагался отход 2-й немецкой танковой армии из района сражения на Курской дуге и занятие нового рубежа обороны, вероятнее всего, на линии рек Сож и Днепр. Это означало не только отход войск, но и эвакуацию огромного количества военной техники, вооружения, боеприпасов и т. д.

Противник будет стремиться перебросить к новой линии обороны резервы и военно-материальные ресурсы взамен израсходованных и потерянных. Рельсовые удары помешают планомерному отходу и эвакуации на такой рубеж обороны и переброске резервов противника.

Поскольку операцию планировалось провести во всем тыловом районе групп армий «Центр» и «Север», а также в тыловом районе левого фланга группы армий «Юг», то общая дезорганизация железных дорог могла иметь оперативное значение в масштабе всего советско-германского фронта.

И. В. Сталин рекомендовал начать операцию немного раньше. Это оказало бы влияние на складывающуюся обстановку во фронтовом тылу 2-й танковой армии немцев и не противоречило бы общей задаче операции.

В тылу 2-й танковой армии противника действовали орловские партизаны, занимавшие Брянские леса. Их участие в этой операции можно было бы организовать раньше, с 20 июля, с тем, чтобы оно, нарастая, в начале августа слилось с общим ударом.

Верховный Главнокомандующий оценил это взаимодействие партизан с Красной Армией как первую крупную, совместно разработанную стратегическую операцию по разгрому противника.

Получив одобрение Ставки ВГК, Центральный штаб партизанского движения приступил к завершению всех подготовительных мероприятий в центре и развертыванию подготовки к операции в партизанских отрядах и соединениях. 14 июля 1943 года был издан приказ начальника ЦШПД «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». В нем подчеркивалось, что советские партизаны своими действиями по разрушению коммуникаций противника оказывают большую помощь Красной Армии в деле разгрома фашистских захватчиков, что «уничтожение вражеских эшелонов, паровозов, вагонов, взрывы мостов, водокачек, железнодорожной связи и оборудования является важнейшей задачей партизанских групп и отрядов».

Вместе с тем «огромный размах партизанского движения позволяет в настоящее время наносить массированные повсеместные удары по железным дорогам с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах». Далее указывалось, что «такой удар партизанами должен быть нанесен врагу «рельсовой войной». То есть массовым повсеместным уничтожением рельсов».

Партизанским соединениям и отрядам, дислоцирующимся в районах железных дорог, приказывалось: «Одновременно с другими дивер-

сиями проводить систематическое и повсеместное разрушение рельсов на железных дорогах врага... Уничтожение рельсов производить на основных магистралях, запасных, подъездных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами».

В целях внезапности удара первую операцию предусматривалось провести одновременно по сигналу Центрального штаба партизанского движения, а после этого действовать непрерывно, всеми средствами уничтожая рельсы.

Командирам партизанских отрядов вменялось в обязанность следить и сообщать в штабы партизанского движения о скоплении эшелонов врага для бомбардировки их советской авиацией.

В приказе говорилось: «Центральный штаб партизанского движения предупреждает партизан и партизанок, командный и политический состав отрядов и бригад, что операция эта имеет исключительное значение, может сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение, и призывает действовать беспрерывно и беспощадно уничтожать рельсы врага, и пока враг восстанавливает один участок, взрывать другой. Эти действия и их результат составят историческую заслугу партизанского движения перед Родиной».

16 июля 1943 года было издано приказание начальника ЦШПД П. К. Пономаренко, в котором ставилась задача для каждого отряда и бригады, привлекавшихся к участию в операции, указывался железнодорожный участок и число рельсов, подлежащих уничтожению во время первого удара. Командирам и комиссарам предлагалось приступить к немедленной подготовке операции и вновь подчеркивалось, что «в целях одновременности удара операцию по уничтожению рельсов начать по особому указанию». Сообщался ориентировочный срок начала операции — с 1 по 5 августа, отрядам и бригадам указывалась также площадка. Куда должен быть доставлен или сброшен груз для обеспечения операции.

Возник вопрос, как сделать, чтобы эти приказы быстрейшим образом попали в бригады и отряды при полной секретности. Для полного обеспечения тайны и внезапности операции было решено направить приказы и инструкции специальными офицерами связи.

Подпольные партийные органы, командиры и комиссары партизанских отрядов и соединений и все партизаны приняли приказ о проведении операции «Рельсовая война» с воодушевлением. Секретарь Гомельского комитета КП(б) Белоруссии Е. И. Барыкин 21 июля 1943 года записал в свой дневник: «Получили первый самолет и приказ о «рельсовой войне». Что и говорить — дело хорошее. Так хочется побыстрее взяться за его выполнение».

Накопившие огромный опыт борьбы партизаны, командиры и комиссары оценили широту и реализм замысла и его неотвратимые последствия для захватчиков. Если до этого диверсии на железных дорогах осуществляли специальные группы подрывников, то теперь к ним готовились почти все партизаны.

Во всех партизанских бригадах шло массовое обучение партизан подрывному делу. Чтобы увеличить ресурсы взрывчатки, тол выплавлялся из снарядов и авиабомб. Повсеместно в мастерских делались крепления головых шашек к рельсам. Непрерывно велась разведка железнодорожных участков, намеченных к уничтожению. Выяснялось состояние охраны, расположение гарнизонов, укрепленных точек, подходы к участкам и т. д. Штабы партизанских отрядов и бригад разрабатывали планы операции, готовили к ней все подразделения, включая санитарную часть, обоз, блок питания и т. д.

Выделенные авиационные части гражданского воздушного флота, дальней бомбардировочной авиации Ленинградского, Западного, Калининского, Центрального, Северо-Западного и других фронтов, а также армейской авиации блестяще справились с задачей и достави-

ли к началу операции необходимые грузы боевого снабжения, несмотря на то что это было время коротких ночей. Труднее всего было обеспечить дальние партизанские формирования.

ЦШПД уточнял с командованием фронтов направления и участки, наиболее важные для ударов партизан, засылал в тыл дополнительно инструкторов-подрывников для улучшения и ускорения подготовки партизан к операции, увеличивал число средств связи и расширял охват радиосвязью партизанских бригад и отрядов. По просьбе командиров бригад и отрядов корректировал участки ударов, исходя из их предложений о наиболее целесообразных в смысле значения, подходов или дальности. ЦШПД внимательно следил за обстановкой на фронте, подготовкой к операции у партизан и их снабжением, чтобы, исходя из этих фактов, выбрать день начала операции.

Первый удар рельсовой войны в ночь на 22 июля 1943 года нанесли орловские партизаны, вступившие, как было обусловлено Ставкой, ранее намеченной общей операции. По сигналу начальника Орловского штаба партизанского движения А. П. Матвеева, четыре партизанские бригады — «За Родину!» (командир Макеев, комиссар Моначенков), «Смерть немецким оккупантам!» (командир Хорошавин, комиссар Игнатков), имени М. В. Фрунзе (командир Федоров, комиссар Бляхман), имени В. М. Молотова (командир Ткаченко, комиссар Пастырин) и отряд имени К. Е. Ворошилова (командир Катков, комиссар Князев) общей численностью 4 550 человек вышли на железнодорожную линию Брянск — Навля — Хутор Михайловский и на восьми участках в одну ночь взорвали 5 133 рельса, полностью остановив движение на этой важнейшей для захватчиков магистрали.

Начальник транспортной службы группы армий «Центр» полковник Г. Теске в связи с этим писал: «Обнаружено два новых метода борьбы партизан. 22 июля 1943 г. Партизаны совершили главным образом на линиях подвоза группы армий «Юг», южнее Брянска, массовые взрывы численностью до 500. Это было оперативное мероприятие ибо участок хутор Михайловский — Брянск, крайне необходимый для снабжения дивизий на фронте, в результате 430 взрывов был именно в критические моменты парализован».

Оперативное значение первых рельсовых ударов заметил не только начальник военных сообщений группы армий «Центр». Об этих рельсовых ударах шла речь на совещании 26 июля в Ставке Гитлера с участием командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Г. Х. фон Клюге, начальника генштаба сухопутных сил генерала Цейтцлера.

В последующие дни орловские и брянские партизаны продолжали наносить удары на других участках и к началу общей операции взорвали 9 526 рельсов. Затем их удары слились с общей операцией.

После того как по донесениям из вражеского тыла закончилась

подготовка партизанских формирований к операции — 30 июля 1943 года, по радио последовал приказ Центрального штаба партизанского движения о начале операции всем командирам и комиссарам партизанских отрядов и бригад, участвующих в операции «Рельсовая война»: «Начинайте операцию по приказу № 0042. Первый удар нанесите 3 августа».

Насколько исключительно удачным был выбор времени, свидетельствует начальник транспортной группы армий «Центр» Г. Теске: «В ночь на 3 августа началась многодневная крупная операция партизан, вызванная, видимо, тем, что в Москве стало известно о предполагаемом немецком отступлении».

В ночь на 3 августа 1943 года партизанские отряды и соединения устремились к линиям железных дорог и нанесли по ним первый массированный удар. Весь день в Центральном штабе партизанского движения царила атмосфера напряженного ожидания сообщений из тыла врага, хотя и ясно было, что отряды и бригады в это время возвращаются с операции на базы и смогут передавать свои сообщения к ночи 4 августа.

Операция «Рельсовая война» началась одновременно на фронте около 1 000 км и в глубину более чем на 750 км, крупнейшим ударом русских, украинских и белорусских партизан. Партизаны захватывали заранее намеченные участки дорог, разрушали железнодорожное полотно, путевое хозяйство, нарушали связь, уничтожали подвижный состав и систему водоснабжения. По плану ЦШПД первым ударом предусматривалось взорвать 26 000 рельсов.

С ночи 4 августа узел связи Центрального штаба партизанского движения работал с огромным напряжением, принимая поток радиограмм от партизанских отрядов, бригад, подпольных центров о результатах первого удара. С таким же напряжением радиоузел работал весь август и сентябрь.

Из донесений подпольных партийных органов, штабов партизанского движения, командиров и комиссаров отрядов и соединений, представителей и офицеров связи Центрального штаба партизанского движения, руководителей групп и отрядов НКГБ и ГРУ и разведывательных групп фронтов становилось ясным, что операция «Рельсовая война» осуществляется успешно. Первый удар был нанесен с полной внезапностью, движение на железных дорогах остановилось, узловые станции были забиты поездами, и фашистское командование, железнодорожная администрация и охранные органы первые дни находились в полной растерянности. Наличные силы и средства оказались явно недостаточными для устранения всех произведенных партизанами разрушений железнодорожного пути, мостов, станций, водокачек и других сооружений.

После 3 августа в операцию включились дополнительные отряды и соединения партизан некоторых областей РСФСР, Украины и Белоруссии. В августе 1943 года в рельсовой войне участвовал всего 541 партизанский отряд с общей численностью 96 000 партизан.

Массовые разрушения рельсов вызывали огромную дезорганизацию работы железных дорог, замешательство в воинских штабах и, наконец, в главном командовании вермахта. Особенно тяжелое для противника положение сложилось в тыловом районе группы армий «Центр», где действовали калининские, смоленские, орловские, бе-

лорусские и украинские партизаны северных и северо-западных областей Украины.

В журнале военных действий ставки гитлеровского верховного командования 4 августа 1943 года после первого рельсового удара советских партизан отмечается: «4 августа. Восток. Движение по железным дорогам на Востоке часто прерывается из-за подрыва рельсов (в районе группы армий «Центр» 3 августа произошло 75 больших аварий и 1 800 взрывов). Движение поездов в районе группы армий «Центр» прекращено с 4 августа на 48 часов».

За 6 августа 1943 года там же появляется запись: «6.8. Восток… За последние ночи существенно изменилось положение на железных дорогах из-за молниеносно проведенной серии взрывов, которые парализовали все движение в тылу группы армий «Центр».

Масштабы рельсовых ударов партизан а тылу группы армий «Центр» за август отражены в донесении № 1921 от 31 августа командира корпуса охранных войск тылового района группы армий «Центр» командованию группы армий:

«Все очевидней становится объединение партизанских сил, слияние мелких групп с крупными, централизация и активизация руководства, вследствие чего усилилась деятельность партизан, а именно: стало возможным для определенных мероприятий сосредоточить крупные силы и организовать направление главного удара, причем в случае необходимости по единому приказу могут выступить все партизанские отряды сразу…

Впервые проведена операция небывалых размеров по срыву немецкого подвоза путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения. 6 684 взрыва за первые две ночи! После этой первой, сравнительно успешно проведенной операции, следует, несомненно, ожидать повторения операции с использованием почерпнутых при этом партизанами уроков.

Систематическое сосредоточение сил на главных путях подвоза к фронту и важнейших путях связи по фронту (Борисов — Орша, Минск — Гомель, Витебск — Жлобин, Могилев — Кричев — Унеча) является ярким признаком централизованного управления. Выступление сразу всех партизан еще раз свидетельствует о наличии твердого военного командования, которое ставит все более крупные задачи. При таких обстоятельствах число удавшихся и предотвращенных взрывов рельсов уже к середине августа возросло до 15 000, а к концу месяца достигло 20 101 (по сравнению с 470 взрывами в июне и 771 взрывом в июле). Таким образом, число взрывов за один месяц равно в несколько раз возросшему числу взрывов за год. Только за один месяц число взрывов увеличилось в тридцать раз… В случае, если не удастся разбить направление главного удара партизан до наступления зимы, в следующие месяцы следует ожидать внезапные крупные налеты сосредоточенных партизанских сил по примеру 2-3 августа на важнейшие пути и опорные пункты снабжения».

В этом сообщении также указывалось, что, кроме проведенной партизанами «операции небывалых размеров по срыву немецкого подвоза», в августе произошло на всей территории тыла группы армий «Центр» значительное увеличение нападений партизан на войска и другие тыловые объекты. Так, в августе имело место 1 102 боестолкновения, боя и налета партизан на войска противника, что на 32 % больше, чем в июле; 149 диверсий на государственных предприятиях, что на 36 % превышает число таких диверсий в июле; 105 повреждений телефонных линий — на 50 % больше, чем в июле; 769 минирований дорог и мостов — на 66 % больше, чем в июле.

Анализ отчетных данных свидетельствует о том, что главный поток снабжения империя — фронт в ходе рельсовой войны сократился на 35,1 %. Немецкое командование в условиях резкого сокращения приема, а также отправления поездов уменьшило или даже прекратило все другие перевозки, стремясь к тому, чтобы сохранить на возможно более высоком уровне подвоз к фронту грузов и оперативные переброски войск.

Прием грузов от других дирекций в августе сократился по весу на 11 % (с 123 641 т в июле до 110

042 т в августе). Отправка местной рабочей силы в Германию — на 30,7 %, отпускников с фронта — на 17,4 %, прием багажа в весе — на 37,6 %, отправка багажа — на 36,4 %; прием грузов пассажирской скоростью в весе на 29 %; отправка скота — на 77 %.

Следует отметить, что некоторые западногерманские авторы фальсифицируют данные о перевозках в августе 1943 года в районе группы армий «Центр». Упоминавшийся выше Г. Теске поместил в своей книге таблицу перевозок по железным дорогам для группы армий «Центр», согласно которой в июле реализован 2 591 поезд, августе — 2 461, сентябре — 1 736. Выходит, что в августе, когда был нанесен наиболее сильный рельсовый удар, число реализованных поездов по сравнению с июлем уменьшилось всего на 5 %, а в сентябре на 29,5 %. Эти данные использовали некоторые исследователи на Западе с тем, чтобы принизить результаты борьбы советских партизан.

Г. Теске, а вслед за ним Поттгиссер и все те, кто пользуется их данными, исчисляют перевозки по числу поездов, тогда как это делается в тоннах грузов или в тонно-километрах. Ясно, что 1 млн. т грузов можно перевезти на 1 000 поездов по 1 000 т каждый или в 2 000 поездов по 500 т каждый.

Прибывавшие из Германии поезда с боеприпасами, продовольствием и запасными частями разгружались на тыловых базах. А затем перегружались в другие смешанные поезда и отправлялись в разные места фронта. Эти поезда фиксировались в графе «прочие». Таким образом, до сентября 1943 года получалось двойное исчисление прибывших поездов. Об этом писал после войны сам Теске в пояснении к своей таблице, указывая, что «только с сентября 1943 года двойное исчисление выпадает» Поэтому приводимые в таблице Теске данные о перевозках за июль и август несопоставимы с данными сентября.

В действительности, согласно данным дирекции путей сообщения «Минск», прибытие грузов из империи в августе сократилось, как указывалось выше, на 35,1 %.

Взрывы рельсов вынуждали противника высаживать войска с техникой далеко от фронта и далее они двигались своим ходом. Так, следовавшие в начале августа по железной дороге Молодечно — Минск из глубокого тыла части 68-й и 125-й пехотных дивизий противника вынуждены были высадиться на станции Олехновичи и продолжать свой путь на автомашинах, так как железнодорожное полотно разрушили партизаны. По той же причине на станции Борисов выгрузилась танковая часть.

В первой половине сентября 1943 года многие партизанские отряды продолжали по своей инициативе наносить рельсовые удары, и в это же время все готовились ко второму массированному, одновременному рельсовому удару под кодовым наименованием «Концерт».

Когда Красная Армия, развивая наступление, подходила к Днепру. По приказу Центрального штаба партизанского движения на коммуникациях врага началась вторая операция по разрушению путей, получившая кодовое наименование «Концерт».

Немецкая дирекция железных дорог в Минске 19 сентября 1943 года с тревогой сообщала: «Положение очень напряженное. Действия партизан невыносимо увеличиваются... Все узловые стан-

ции переполнены из-за невозможности использования линий...».

За время операции «Концерт» (она продолжалась до конца года) партизаны разрушили 148 557 рельсов, а в результате двух операций — 363 262, что составило в пересчете 2 270 км одноколейного железнодорожного пути.

«Последовательный подрыв железных дорог партизанами впервые привел к непосредственному оперативному ущербу», — сообщалось в дневнике военных действий верховного главнокомандования вермахта за 3 октября 1943 г.

Стараясь восполнить дефицит в рельсах, гитлеровцы перешивали двухпутные участки на однопутные, сваривали перебитые рельсы и даже ввозили их из Польши, Чехословакии и Германии, увеличивая тем самым напряженность железнодорожных перевозок.

В ходе операции подорвано около 150 000 рельсов. Только белорусские партизаны подорвали около 90 000 рельсов, 1 041 эшелон, взорвали 72 железнодорожных моста, разгромили 58 гарнизонов. В результате действий партизан пропускная способность железных дорог снизилась на 35-40 процентов, что значительно затруднило перегруппировки фашистских войск и оказало большую помощь наступающим войскам Красной Армии.

Данная операция была тесно связана с предстоящим наступлением советских войск на смоленском и гомельском направлениях и Битвой за Днепр.

В сентябре — ноябре 1943 года на территории Белорусской ССР, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей советскими партизанами проведена операция под кодовым названием «Пустыня». Она проводилась одновременно с операцией «Концерт». Планирование операции осуществлял ЦШПД.

Целью операции был вывод из строя системы водоснабжения железнодорожных станций, что повлекло бы к срыву воинских перевозок противника.

План операции «Пустыня» предусматривал разрушение 232 водокачек.

В Белоруссии к подрыву было запланировано 140 водокачек, в Ленинградской области — 26, в Калининской области — 9, в Смоленской области — 40, в Орловской области — 17 водокачек.

По данным на 15 января 1944 года партизанами были подорваны 43 водокачки, однако значительное снижение боевых возможностей по совершению диверсий из-за недостатка минно-взрывных средств не позволило партизанским формированиям парализовать работу железнодорожных коммуникаций противника.

***

Исключительно эффективным средством дезорганизации работы железных дорог противника являлся вывод из строя мостов на железнодорожных линиях. Длительные перерывы в движении поездов, вызывавшиеся взрывами мостов, серьезно нарушали снабжение фронтовых войск и срывали оперативные перевозки противника не только в пределах армий и фронтов, но и между фронтами. При взрыве мелких мостов перерывы в движении достигали 3-7 дней, средних — 10-15 дней, а крупных мостов — до полутора месяцев.

Фашистские оккупанты, как правило, капитально не восстанавливали средние и крупные мосты. Они устраивали проезд по подорванным мостам, по восстановленным шпальным клеткам, что значительно снижало пропускную способность железнодорожных линий.

Взрыв железнодорожных мостов считался чрезвычайным происшествием. Поэтому фашисты стремились предотвратить нападения партизан на мосты, выделяя для их охраны значительные силы, создавая оборонительные сооружения, превращая их в укрепленные пункты. Крупные мосты на важных направлениях охранялись, как правило, силами до батальона. На подходах к мостам с обеих сторон строились дзоты, устанавливались проволочные заграждения и мины, охрана моста часто располагала и тяжелым оружием.

Мосты преимущественно находились вблизи станций, населенных пунктов, поэтому охрана в случаях нападения партизан имела возможность вызвать из гарнизона станции или населенного пункта подкрепление. В гарнизоне всегда была дежурная часть или подразделение, готовое выступить немедленно. В этих условиях взрыв железнодорожного моста всегда представлял сложную боевую операцию для партизан, требовал времени для ее подготовки, больших затрат боеприпасов и взрывчатых веществ и участия достаточной для подавления охраны живой силы.

Партизаны понимали важность операций по взрыву железнодорожных мостов для дезорганизации коммуникаций и ослабления фронта противника. Поэтому начиная с лета 1941 года, когда еще шел процесс организации партизанского движения, они, преодолевая все трудности, в числе прочих проводили также сложные в военном и техническом отношении операции по взрыву мостов, расширяя с каждым месяцем войны их масштабы. В сентябре — декабре 1941 года были подорваны мосты на линиях: Коростень — Киев у станции Ирша, Орша — Витебск, Никополь — Апостолово, Запорожье — Апостолово, Олевск — Коростень, Сарны — Коростень, Гомель — Бахмач (3 моста), Днепропетровск — Павлоград (2 моста), у станции Поречье Московской области, на участках: Смела — Воронцово, Губиниха — Новомосковск (2 моста), Великие Луки — Резекне, Насва — Локня и многие другие.

С весны 1942 года партизаны расширили взрывы железнодорожных мостов, причем выводились из строя не, только мелкие и средние, но и крупные мосты, имеющие важное стратегическое значение.

Помимо многочисленных операций, проводившихся по инициативе командиров отрядов и соединений, партизаны выполняли указания Центрального, республиканских, областных штабов партизанского движения и их армейских и фронтовых представителей, осуществляя взрывы крупнейших мостов на определенных направлениях и в наиболее критические ситуации для противника. Проведение таких операций, тесно связанных с планами командования Красной Армии, наиболее ярко характеризовало эффективное, все усиливающееся взаимодействие советских партизан с войсками. Этому способствовало установление радиосвязей между штабами партизанского движения и партизанскими отрядами, а также начавшееся систематическое снабжение партизан боеприпасами и взрывчатыми веществами.

На Украине партизанские отряды и соединения взрывали мосты во время рейдов. Партизанское соединение С. А. Ковпака во время рейда из Брянских лесов на правобережную Украину осенью 1942 года подорвало 26 железнодорожных и шоссейных мостов. Соединение А. Н. Сабурова во время рейда повредило 29 железнодорожных и дорожных мостов.

Соединение М. И. Наумова во время рейда по Сумской, Пол-

▲ Разрушение железнодорожного полотна

тавской и Харьковской областям в феврале 1943 года на железнодорожном участке Сумы — Харьков, Сумы — Готня и Сумы — Лебедин подорвало 5 мостов. Соединение С. Ф. Маликова с апреля по ноябрь 1943 года на линиях Коростень — Олевск и Коростень — Новгород-Волынский повредило 22 моста.

Во время рейда винницкого партизанского соединения Я. И. Мельникова по Житомирской области осенью 1943 года было подорвано на железных и шоссейных дорогах 25 мостов. Ровенское партизанское соединение под командованием В. А. Бегмы за октябрь — ноябрь 1943 года повредило 13 железнодорожных и 3 дорожных моста. Соединение М. И. Шукаева с 1 ноября по 25 декабря 1943 года разрушило 28 железнодорожных и шоссейных мостов.

Кроме рейдирующих соединений, партизанские отряды и соединения, а также подпольные организации и группы, действовавшие в оккупированных районах и городах Украины, вывели из строя большое число железнодорожных и дорожных мостов. Всего за 1943 год партизаны Украины подорвали только железнодорожных -382 моста.

Значительное число мостов, включая железнодорожные, подорвали партизаны оккупированных областей Российской Федерации. По свидетельству противника, ленинградские партизаны только в 1942 году взорвали более 70 мостов. Много железнодорожных и шоссейных мостов разрушили калининские, брянские, смоленские и белорусские партизаны в тыловом районе группы армий «Центр» и на части территории Белоруссии, входившей в так называемый рейхскомиссариат «Остланд».

Примером операции по взрыву железнодорожных мостов, имеющих важное оперативное значение, служит операция, проведенная партизанской бригадой «За Советскую Беларусь» (командир А. И. Петраков, комиссар А. В. Романов) в ночь на 4 августа 1942 года.

Двухпутная железная дорога Двинск — Полоцк являлась одной из основных коммуникаций для немецких армий, действовавших против Калининского и Западного фронтов. К августу она работала с большой нагрузкой: по дороге ежесуточно проходило до 30 пар поездов противника.

Командованием партизанской бригады была разработана операция по уничтожению двухпутного четырехпролетного 110-метрового железнодорожного моста через реку Дрисса.

Гарнизон, охранявший мост, состоял из роты солдат, численностью 70 человек, которые располагались в казарме и караульном помещении, находившемся на левом берегу реки, в 100 метрах от моста. Четверо часовых постоянно несли дежурство. На мосту были установлены четыре пулеметные точки. Блиндажи и огневые точки у караульного помещения занимались по тревоге. Подходы к мосту были обнесены проволочными заграждениями в два кола и местами минированы.

Ближайшие немецкие гарнизоны находились: в сторону Полоцка — в 7 км от моста на станции Борковичи (120 человек), в сторону Двинска — в 11 км от поста на станции Свольня (60 человек). Переброска подкреплений противника была

возможна также со стороны станции Боровуха-1 (до 500 человек и со станции Дрисса (до 200 человек), находившихся от моста на расстоянии 20-25 км.

Для операции выделялось 320 партизан, вооруженных стрелковым оружием, пулеметами с зарядами ВВ.

3 августа к 12.00 все участвующие в операции элементы боевого порядка подтянулись к месту сбора, назначенному у деревни Рудня Дрисского района. Деревня находилась в лесистой местности в 18 км от железной дороги, контролировалась партизанами и поэтому обеспечивала скрытность подготовки операции. Здесь каждому командиру группы (боевого порядка) была поставлена конкретная боевая задача, сообщена обстановка, маршруты к месту сосредоточения и обратно, пароли и сигналы.

В 18.30 все группы выстроились в деревне Рудня в походных колоннах и выступили по заданному маршруту. Группы двигались в пешем порядке, пушка — в лошадиной запряжке, станковые пулеметы и запас боеприпасов — на телегах. В деревне Зябки, расположенной в 10 км от линии железной дороги, был устроен большой привал до наступления темноты. С места привала основная, сковывающая группа и группы для засады двигались самостоятельными маршрутами.

В 22.00 группы выступили из деревни Зябки по своим маршрутам с мерами маскировки, передвигаясь по полевым дорогам. Безопасность и скрытность передвижения партизан обеспечивалась разведкой, которая оцепила впереди лежащие деревни и загнала в дома всех собак.

На исходные позиции, находившиеся в 600 метрах севернее моста, основная группа прибыла в 2.00 4 августа. Время до начала операции было использовано на рекогносцировку позиции, объяснение задачи командирам на местности, размещение групп и огневых средств по плану операции.

Система огня была построена так, чтобы устранить возможность попадания под огонь своих во время налета. Основной удар наносился с западной стороны вдоль железной дороги, а огонь станковых пулеметов и артиллерии (две противотанковые пушки) велся с северной стороны прямой наводкой с расстояния 500 метров от моста.

Атака на гарнизон началась на рассвете в 4.15 по сигналу артвыстрелами. Внезапный огневой налет двух ПТ пушек и пулеметов не дал возможности противнику занять траншеи и организовать оборону. После 10-минутного огня пушек были подавлены огневые точки противника и на мост бросилась ударная группа в составе двух взводов — взвод партизанского отряда имени Щорса (40 партизан) под командованием командира отряда П. М. Машерова и взвод Овсянникова (30 партизан). Завязался огневой бой, противник упорно сопротивлялся. В бой был брошен отряд «Бесстрашный» (25 партизан) под командованием С. Ф. Бубина.

В 5.30 сопротивление немцев было сломлено, мост захвачен партизанами. После короткого боевого столкновения были захвачены казармы и караульное помещение. Немцев забросали гранатами.

В это время к мосту подплыл плот с зарядами тола. Во время боя пот под прикрытием автоматчиков плыл к мосту. Группой подрывников под командованием Мандрыкина были установлены заряды ВВ. По сигналу ракеты ударная группа, захватив трофеи, ушла с моста.

В 6.00 заряды ВВ были подорваны. Опора моста, подорванная у основания, полностью обрушилась. Два пролета моста длиной 50 метров рухнули.

Потери партизан — 1 убитый и 2 раненых.

В это время отвлекающая группа обстреляла из противотанкового орудия и пулеметов станцию Борковичи, была уничтожена одна пушка и паровоз. Один снаряд попал в казарму, было убито 15 оккупантов.

В результате проведенной операции движение на железной дороге было остановлено на 16 суток. Только 20 августа 1942 года немцы открыли однопутное движение

по шпальной клети. Пропускная способность дороги сократилась с 60 до 8 эшелонов в сутки.

Важнейшее значение имела железнодорожная линия Минск — Осиповичи — Гомель. По ней шли переброски и маневрирование силами оккупантов между армейскими группировками «Центр» и «Юг». Кроме того, поскольку линия Брест — Каликовичи — Гомель, проходившая через Полесье, была почти непрерывно блокирована партизанскими диверсиями, по линии Минск — Гомель — Брянск шло основное снабжение 2-й танковой армии противника. Железнодорожная линия, особенно мосты и станции, имела сильную охрану.

Командование партизанского отряда «Пламя» (командир Е. Ф. Филипских, комиссар И. П. Шершнев) и партизанского отряда имени Сталина (командир В. А. Тихомиров, комиссар И. А. Теплинский) решили совместными силами атаковать и взорвать мост через реку Талька, находящийся на этой линии.

В основе плана было одновременное нападение на мост и станцию Талька, чтобы сковать гарнизон станции и не дать ему возможности прийти на помощь охране моста.

Разведка установила, что на мосту находилась охрана численностью 40 человек с вооружением: два станковых пулемета, 37-мм пушка, 3 ручных пулемета. Охрана моста располагалась в четырех дзотах и имела телефонную связь с гарнизоном станции Талька численностью до 300 человек.

8 октября 1942 года с наступлением темноты отряды совершили марш к исходному рубежу. Так как мост через реку Свислочь у деревни Теребуты был уничтожен, переправа производилась на пароме в районе деревни Цель.

Выставив необходимые заслоны и засады на путях возможного подхода подкреплений противника, отряды в ночь с 8 на 9 октября по сигналу красной ракеты открыли артиллерийский огонь по охране моста и станции и в быстротечной схватке истребили охрану и захватили мост.

На станции Талька в это время находился эшелон с живой силой противника. Захватчики, выгрузившись из эшелона, заняли оборону и открыли сильный пулеметно-ружейный огонь по мосту. Ударные группы партизан ворвались в блокпосты и дзоты, где располагались караулы, подрывники тем временем заложили головые заряды под мост. Взорвав 35-метровый железнодорожный мост, партизаны организованно отошли на сборный пункт. В бою был ранен один партизан. Группы заслонов, обеспечивающие фланги, пустили в это время под откос два вражеских поезда, идущих на станцию Талька.

В выполнении задания по взрыву моста большую помощь партизанам оказала подпольная партийная организация станции Талька, получившая специальное задание секретаря подпольного райкома партии В. Я. Шклярика.

Одной из значительных операций, осуществленных партизанами, был взрыв в ночь на 3 ноября 1942 года крупного четырехпролетного моста через реку Птичь на железнодорожной линии Брест — Гомель. Эта линия, проходившая по Белорусскому полесью, имела для противника большое значение в снабжении правого крыла группы армий «Центр» и левого крыла группы армий «Юг». Против этой линии железной дороги активно действо-

вали белорусские и многие украинские соединения и отряды партизан. В период Сталинградского сражения у минского подпольного обкома партии созрело решение о взрыве моста. Был разработан план операции при участии секретарей подпольного обкома партии Р. Н. Мачульского, И. А. Бельского и секретаря ЦК КП(б) Белоруссии И. П. Ганенко, находившегося в тылу противника.

В 6.00 3 ноября партизаны одновременно подорвали рельсы с обеих сторон моста и начали штурм укрепления. Первыми на мост ворвалась группа партизан отрядов Г. И. Кравца и А. Т. Михайловского во главе с комиссаром отряда А. Д. Тарасовым. Они залегли у ферм моста и прикрыли огнем подрывников, доставлявших на мост средства подрыва. Подрывники В. П. Шимченок и К. Ф. Пущин подорвали мост, который рухнул в реку. Железнодорожная линия была полностью выведена из строя на 18 суток. Потери: у противника — 25 убитых, 5 раненых, у партизан — 7 убитых, 12 раненых.

С 1 по 9 декабря 1942 года по разработанному плану партизанские отряды соединения С. А. Ковпака нанесли удары по узлу железных дорог в районе Сарны. В результате операции, помимо разгромленного этого железнодорожного узла, соединение С. А. Ковпака взорвало крупнейшие мосты — 4-пролетный стальной мост через реку Случь в районе деревни Хлевки длиной 285 метров, 5-пролетный мост через реку Горынь на линии Сарны — Лунинец длиной 293 метра, 3-пролетный мост через реку Горынь на линии Сарны — Ковель в районе деревни Антоновка длиной 290 метров. Эта операция вошла в историю партизанской борьбы под названием «Сарненский крест». Западногерманский исследователь Эрих Хессе пишет, что взрыв этих мостов вывел из строя Сарненский железнодорожный узел на полмесяца.

Значительную по последствиям для противника и интересную с точки зрения партизанской тактики операцию по взрыву моста через реку Уза на линии Псков — Порхов провели в феврале 1943 года ленинградские партизаны.

Партизанский отряд под командованием Быкова получил задание Ленинградского штаба партизанского движения взорвать мост в ночь с 7 на 8 февраля. Тщательной разведкой было установлено, что мост, имеющий длину 38 метров, усиленно охраняется гарнизоном, размещающимся в двух казармах в 150-200 метрах от полотна железной дороги.

В основу плана лег такой замысел: незаметно приблизиться к постам, бесшумно уничтожить охрану и после этого ввести основные силы партизан. Для осуществления задачи из отряда было выделено четыре партизана, хорошо владеющих немецким языком. С наступлением темноты четверка партизан, вооруженная автоматическим оружием и гранатами, вышла на железнодорожное полотно в 300-400 метрах восточнее моста и, оживленно разговаривая на немецком языке, направилась вдоль линии к постам охраны у моста. Как и ожидалось, часовые, стоявшие на восточной стороне моста, приняли их за патруль линейной охраны и дали возможность партизанам вплотную подойти к охране восточной стороны моста, после чего она без выстрелов была уничтожена. Подойдя на 20-25 метров к часовым, стоявшим на западной стороне моста, партизаны открыли по ним огонь из автоматов и тем самым дали сигнал для нападения всему отряду, к этому времени подтянутому на исходные позиции для броска к мосту. Обеспечив фланги и пути отхода усиленными группами прикрытия, штурмовая группа отряда ворвалась в казармы и уничтожила находившихся там и не успевших изготовиться к бою или бежать гитлеровцев. После этого на западную и восточную части моста были высланы сильные заслоны, и отряд приступил к минированию моста.

Находившаяся на разъезде Уза железнодорожная охрана, услышав выстрелы и взрывы гранат, открыла беспорядочный пулеметный и минометный огонь по мосту. Но выдвинутый западный заслон партизан

решительной атакой выбил захватчиков с разъезда, сжег здание разъезда и отошел на исходные позиции. После того как мост был заминирован, группа заслона и подрывники переправились на восточный берег реки Узы, и мост был подорван. Затем отряд организованно отошел в район своего базирования. Попутно партизаны взорвали 36-метровый деревянный шоссейный мост через реку Узу, где перед началом операции группой прикрытия была уничтожена охрана.

2 марта 1943 года начальник объединенного штаба партизанских соединений брянских лесов В. К. Гоголюк передал командованию партизанской бригады имени Щорса приказание УШПД: «... бригаде имени Щорса — 800 человек совместно с отрядом имени Ворошилова № 1 — 425 человек под командованием Ромашева взорвать железнодорожный мост через реку Десна в районе Выгоничи. После взрыва моста этими же силами парализовать грунтовую дорогу Почеп — Брянск...»

Взрыв двух крупнейших трехпролетных мостов, охраняемых большими силами немцев, представлял сложнейшую операцию. Командование партизанской бригады имени Щорса (командир М. П. Ромашин, комиссар Н. Курнявцев, начальник штаба Власов) приступили к разработке плана операции. Провели тщательную разведку.

Два местных жителя, работавших в феврале на строительстве оборонительных сооружений у моста, обрисовали их характер, конфигурацию и расположение огневых точек. Захваченный вражеский солдат из охраны моста дал точные сведения о составе охраны, ее вооружении и порядке несения охранной службы.

Бригада была снабжена достаточным количеством автоматического оружия, боеприпасов и взрывчатки. Под руководством инженера Лаптина производилась подготовка подрывников, которым предстояло не более чем в полчаса уложить значительное количество тола.

План, составленный командованием бригады, намечал нападение с менее охраняемой стороны для чего требовалось в сложных условиях перейти по льду реку Десну. Были предусмотрены меры прикрытия со стороны гарнизона станции Выгоничи и других пунктов и от подхода бронепоездов.

После тщательной подготовки и трудного марша партизаны внезапно атаковали мосты, перебили охрану и в 2 часа 20 минут 8 марта взорвали мосты длиной 86,4 метра и 96,2 метра, высотой 10,5 метра от уровня воды, расположенные в 100 метрах друг от друга. Затрачено 950 кг тола.

Во время боя за мосты, протекавшего 26 минут, было уничтожено 165 солдат и офицеров противника и 12 солдат взяты в плен. Потери партизан: 12 убитых, 46 раненых и 12 обмороженных.

Во время этой операции были также взорваны четыре моста на шоссе Брянск — Почеп и Брянск — Трубчевск.

Командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. С. Малинин вначале не могли поверить, что такие огромные, охраняемые крупными силами мосты, находящиеся в расположении фронтовых войск 2-й танковой армии противника, могли быть взорваны партизанами. Было приказано произвести аэрофотосъемку мостов. В этот же день М. С. Малинин предъявил аэрофотосъемки, которые

показывали, что мосты стояли целехонькими на своих опорах. К. К. Рокоссовский, глядя на аэрофотоснимки, деликатно заметил: «Ну, что же, не взорвали, так взорвут».

Но, начальник ЦШПД П. К. Пономаренко настойчиво доказывал, что мосты взорваны, аэрофотосъемка — это ошибка. Он настоял на вторичной аэрофотосъемке. Новые аэрофотоснимки показали, что фермы северного моста лежали в воде, а южного — в результате взрыва провисли до воды. Первые снимки, полученные при положении самолетов над мостами, не показали их вертикального смещения. Командование фронта высоко оценило значение операции. К. К. Рокоссовский послал благодарность партизанам.

31 марта 1943 года партизаны Калининской области провели крупную и эффективную операцию, взорвав в одну ночь четыре железнодорожных и шесть дорожных мостов на железнодорожной магистрали Новосокольники — Себеж и шоссейной дороге между этими пунктами.

Это была одна из самых ранних координированных операций, проводившихся крупными силами партизан с определенными оперативными целями, указанными Центральным штабом партизанского движения. К участию в операции было привлечено 22 отряда партизанских бригад, которыми командовали Ф. Т. Бойдин, С. Д. Буторин, Н. М. Вараксов, А. М. Гаврилов, В. М. Лисовский, В. И. Семен и Н. В. Шиповалов. Разработали план операции и руководили ее осуществлением майоры И. И. Веселов и А. И. Штрахов. Операция является весьма поучительной в организационном и тактическом отношениях.

После того как на основании тщательной разведки был разведан район операции был составлен ее план и проведена подготовка. Командование партизан путем дезинформации, а также демонстрацией движения отрядов создало у противника твердое убеждение, что готовится нападение на гарнизон важного для немцев опорного пункта в поселке и на станции Идрица. Сковав, таким образом, крупный гарнизон Идрицы и близких к ней населенных пунктов, партизаны, оставив в покое Идрицу, создав заслоны, форсировано вышли в район операции, подавили огнем охрану и мелкие гарнизоны, уничтожили намеченные объекты.

В результате операции были подорваны два параллельных железнодорожных моста через реку Неведрянка длиной в 33 метра каждый, мосты в районах Богданово и Максимково; на шоссейных дорогах мосты через реку Неведрянка в районе северо-западнее и юго-восточнее Могильно, а также мосты в районах Полховщики, Максимково и др.

Вместе со взрывами четырех железнодорожных и шести шоссейных мостов партизаны в 16 местах разрушили железнодорожное полотно, уничтожили на значительном протяжении проводную связь, ликвидировали три военных склада, захватив значительные трофеи.

Во время операции были уничтожены более 100 солдат и 1 офицер противника.

В этой операции партизаны понесли значительные потери: 29 убитых и 45 раненых. Смертью храбрых погиб и ее организатор и руководитель майор И. И. Веселов.

Повреждение группы мостов на магистрали Новосокольники — Себеж парализовало на значительное время все перевозки противника на этом направлении. Из-за невозможности быстро восстановить мосты на линии Пустошка — Идрица полностью не было движения до 5 апреля, то есть 15 суток. 5 апреля противник организовал на реке Неведрянка работу парома, которым и переправлялись грузы, что почти лишало дорогу оперативного значения до восстановления мостов.

В апреле 1943 года соединение украинских партизан имени Щорса под командованием С. Ф. Маликова осуществило удар по железнодорожному мосту вблизи станции Кремно на линии Коростень — Сарны. Мост охранялся крупным гарнизоном численностью 300 человек, которые имели минометы и около 25 станковых и ручных пулеметов. Учитывая это, командование соединения выделило для проведения операции три усиленных партизанских отряда.

Партизанский отряд под командованием М. П. Андреева должен был блокировать казармы и перекрыть движение между станцией Кремно и селом Путиловичи. Партизанский отряд «За Победу» под командованием И. Г. Кострубы должен был захватить станцию Кремно и прикрыть подрывную группу от возможной атаки со стороны гарнизона Малые

Лугины. Штурм моста был поручен партизанскому отряду имени 25-летия Советской Украины под командованием В. Н. Филькова.

На рассвете 14 апреля партизаны отряда Филькова незаметно проникли к мосту, преследуя цель неожиданным ударом уничтожить его охрану. Однако внезапное нападение не удалось. Часовой заметил партизан, и атакующие партизаны были встречены кинжальным пулеметным огнем, огнем минометов и были прижаты к земле. В это время партизанский отряд «За Победу» атаковал Кремно, сковал боем его гарнизон, не давая ему возможности прийти на помощь охране моста. На мосту под пулеметным и минометным огнем надо было поднять партизан в новую атаку. Командир отряда сделал это. Охрану забросали гранатами. Пулеметная очередь скосила отважного командира — Героя Советского Союза В. Н. Филькова. На подступах к мосту были убиты 10 партизан и 20 тяжело ранены. Подрывные группы в ходе боя пробрались на мост и заминировали его, заложив 140 кг взрывчатки, подорвали заряды, мост рухнул в реку. Железнодорожная линия Сарны — Коростень вышла из строя на 15 суток.

Исключительную по смелости и находчивости операцию по взрыву моста через Днепр у Киева 22 апреля 1943 года провела диверсионная подпольная группа Подольского района Киева. В документах сохранились фамилии этих отважных подпольщиков — В. В. Алексеев, И. Анисимов, В. Стешковский, Н. Угольков...

Подпольщики использовали то обстоятельство, что на мосту шли работы, в которых среди других советских граждан принимал участие и Алексеев со своими бойцами.

В течение известного периода была накоплена взрывчатка, доставленная связными из партизанского отряда «Победа». 22 апреля подпольщики, все рассчитав, двинулись на мост. Когда в обычное время проходил поезд, они спрятались за фермами. Стешковский быстро спустился с фермы на опору, ему тут же подали взрывчатку, на помощь спустился Алексеев. Заряд был уложен, вставлена огнепроводная трубка, подожжен огнепроводный шнур.

Участники операции успели вскочить на проходивший поезд, услышав взрыв уже в пути. На вокзале они спрыгнули с поезда и скрылись.

Во второй половине апреля 1943 года партизаны осуществили важную операцию по подрыву моста через реку Беседь на линии Кричев — Унеча. Насколько была ощутимой для перевозок противника эта операция, свидетельствует запись начальника транспортной службы группы армий «Центр»: «Наибольшее беспокойство опять причинил подрыв моста через реку Беседь на участке Кричев — Унеча, для восстановления которого потребуется 10 дней».

Необычную и эффективную операцию по взрыву моста через реку Уборть на линии Сарны — Коростень осуществили партизаны соединения под командованием А. М. Грабчака.

Высокий мост длиной 60 метров охраняла рота солдат, вооруженных станковыми и ручными пулеметами. У моста были сооружены укрепления: доты, гнезда для трех полковых минометов и пулеметные точки. Подходы к мосту были обнесены колю-

чей проволокой. Подходы, а также берега и дно реки были заминированы. На расстоянии километра от моста в городе Олевске находился сильный гарнизон, который мог быстро оказать помощь охране моста.

Подойти к мосту незаметно было невозможно, атака повлекла бы большие потери и не сулила успеха. После анализа обстановки командованием и опытными подрывниками, пришли к выводу, что мост можно взорвать... не вступая в бой с противником.

Под руководством своего командира Дмитрия Гуменника, подрывники соорудили плот, погрузили на него мешки с толом и несколько снарядов и ночью пустили по течению. Часовой в последний момент заметил объект на воде, поднял тревогу, но было поздно.

Плот ударился об опору моста, раздался сильный взрыв. Мост был подорван. Взрывом убило 12 охранников.

Взрывы крупных мостов партизанами редко являлись тотальными, то есть выводящими из строя все фермы и опоры. Короткое время, которое имели партизаны, взрывавшие мост, и часто недостаточное количество взрывчатых веществ, вынуждали минировать одну, две и редко три фермы или опоры. Например, случай с подрывом моста через Днепр в районе Киева подпольщиками под руководством Алексеева. Несмотря на то, что взрывчатки было заложено недостаточно для нанесения тяжелых повреждений мосту, и он был восстановлен через несколько дней, подрыв этого объекта, имеющего стратегическое значение, повлек за собой выделение дополнительных сил для его охраны, а также и других мостов. Лишь отдельные стратегические мосты были подвергнуты путем взрывов капитальному разрушению. Однако это нисколько не умаляет значения операций партизан против железнодорожных мостов.

Восстановление выведенных из строя мостов занимало от 7 до 45 суток. Это вызывало большие, имевшие в сумме оперативное значение для фронта перерывы в движении поездов. Производилось временное восстановление мостов путем укладки клеток из шпал и прокладывания по этим клеткам железнодорожной колеи. По таким мостам поезда пропускались с уменьшенной до предела скоростью. Так как подобных мостов оказывалось много, то это значительно снижало пропускную способность железнодорожных линий. Таким образом, эффект взрыва моста продолжал действовать и после его восстановления.

Опыт показывает, что чем ближе к линии фронта производились железнодорожные диверсии, тем быстрее отражался их результат на положении фронтовых войск противника. Эффект диверсий, совершавшихся в глубине оккупированных территорий, вдали от линии фронта, сказывался хотя позднее, но зато гораздо значительнее. Это особенно относилось к взрывам железнодорожных мостов, вызывавших длительные перерывы в движении по железнодорожным линиям. Причина этого заключается в том, что материальные ресурсы с поездов, остановившихся у взорванных вблизи фронта мостов, как правило, после известной задержки и перегрузки могли быть переброшены к войскам автомобильным или другим транспортом.

Остановка же движения поездов путем взрыва мостов вдали от фронта сказывалась позднее, после того как начинало иссякать снабжение с поездов, находящихся ближе к фронту от взорванного моста. Но зато с поездов, задержанных взрывом моста в глубине, как правило, доставку грузов не представлялось возможным компенсировать другими видами транспорта.

Это обстоятельство имело бы значение и в случае, если бы взрывались лишь отдельные мосты. В условиях же широкого развития советского партизанского движения на всей оккупированной территории, а также партизанского движения на территории Польши мосты взрывались по всей глубине, и если учесть, что наряду со взрывами мостов совершались

другие многочисленные диверсии партизан — взрывы эшелонов, железнодорожных путей, нападения на станции и т. п., то это еще более осложняло систему снабжения и оперативные перевозки противника.

На направлениях, где предполагалось в ближайшее время или развивалось наступление советских войск, по согласованию с командованием определенные железнодорожные мосты, особенно крупные, партизанами не взрывались во избежание снижения темпов наступления. В таких случаях замедление или срыв доставки к фронту противника резервов, тех или иных грузов снабжения достигались массовыми взрывами рельсов, крушениями эшелонов и другими диверсиями партизан и подпольщиков.

Взрывы железнодорожных мостов партизанскими отрядами, соединениями или подпольными организациями являлись значительными операциями и поэтому отмечались в дневниках или журналах боевых действий отрядов и соединений. Согласно данным штабов партизанского движения, основанных на отчетах партизанских отрядов и соединений, советские партизаны и подпольщики в течение войны на всей оккупированной территории взорвали, сожгли, уничтожили и вывели из строя другими средствами 2 118 железнодорожных мостов, в том числе по республикам: РСФСР — 586 (в том числе по краям и областям: Ленинградская — 201, Калининская — 183, Смоленская — 85, Орловская — 81, Сталинградская — 2, Ростовская — 9, Краснодарский край — 20, Крымская область — 3); Украинская ССР — 607; Белорусская ССР — 819; Молдавская ССР — 9; Литовская ССР — 31; Латвийская ССР — 15; Эстонская ССР — (; Карело-Финская ССР — 42.

Это число взорванных и выведенных из строя железнодорожных мостов подтверждается и отчетными данными Управления железных дорог на оккупированных территориях врага.

Провалилась попытка оккупантов отвлечь силы и средства партизан от главных магистралей. Именно

на них сосредоточивают партизаны наиболее сильные удары, соответственно располагая свои базы и увеличивая силы, штурмующие коммуникации. Начальник транспортной службы Теске указывал: в сентябре 1943 года «нападения партизан на особенно важных участках (Минск — Гомель и Могилев — Жлобин) возросли на 50% по сравнению с предыдущим месяцем»; «охрана участка Гомель — Жлобин была настолько увеличена с помощью подошедших маршевых батальонов, что ночью через каждые 5 метров стоял часовой, и непонятно, что, несмотря на это, взрывы все же происходили. Многие участки полностью выведены из строя».

5 метров друг от друга — значит 200 солдат на один километр. Это, пожалуй, наивысшая плотность охраны железной дороги за всю войну.

Одним из самых значительных итогов борьбы партизан на железнодорожных коммуникациях является то, что начиная с лета 1942 года и до конца войны, противник был вынужден в ряде случаев отказаться от ночного движения поездов. Это почти наполовину сократило пропускную способность железнодорожных линий.

Ставя на защиту коммуникаций крупные силы, захватчики провели значительную работу по созданию оборонительных сооружений вдоль коммуникаций и их инженерному оборудованию. Все железнодорожные линии были покрыты опорными пунктами, блокгаузами, дзотами; станции и мосты превратились в укрепления с проволочными заграждениями и минными полями, рвами, окопами, дзотами, ходами сообщения и вырытыми ниже уровня земли помещениями для гарнизонов с использованием световых сигналов и сторожевых собак.

Железнодорожный участок Минск — Столбцы, протяженностью 75 км, имел 34 укрепленных опорных пункта со значительными гарнизонами. Один опорный пункт приходился на 2,2 км. В опорных пунктах были установлены вышки для обзора участков и прожекторы для ночного освещения.

Примерно такая же плотность опорных пунктов наблюдалась на всех главных железнодорожных линиях, проходивших через леса Белоруссии, Северной и Западной Украины, Ленинградской, Калининской, Смоленской и Брянской областей.

В борьбе партизан на железнодо-

рожных коммуникациях противника значительное место занимали нападения на железнодорожные узлы, станции и пункты водоснабжения. Немецко-фашистские железнодорожники и охрана уничтожались или захватывались в плен. В условиях непрерывных перебоев в движении, вызванных действиями партизан, довольно частыми были вынужденные остановки эшелонов на мелких станциях. В таких случаях следовала молниеносная операция по захвату и разгрому станции, эшелоны взрывались или сжигались. Многие такие операции, когда уничтожались один и даже несколько эшелонов с танками, самолетами, снарядами, авиабомбами, горючим и другими важнейшими военными грузами, особенно в период тяжелых боев на фронтах, имели оперативное значение и оказывали большую помощь Красной Армии.

Партизаны лишь в редких случаях стремились удерживать длительное время захваченную станцию, ограничиваясь нанесением ей максимального ущерба. Обычно, захватив трофеи, они уходили при подходе значительных сил противника. Лишь в некоторых случаях при известных обстоятельствах станции удерживались в течение длительного времени. Примером может служить станция Синезерки находившаяся в руках брянских партизан в течение двух недель, на этот срок было задержано движение по линии Брянск — Льгов.

После первых партизанских ударов по станциям, оккупанты приняли усиленные меры по обороне, превращая их в укрепленные пункты.

В условиях, когда станция представляла собой сильно укрепленный пункт с постоянным гарнизоном, на помощь к которому могли быстро подойти силы ближайшего гарнизона или бронепоезд, нападение на нее представляло сложную операцию, часто связанную с потерями со стороны партизан. Однако военный, материально-технический и моральный эффект от этих операций был настолько значительным, что они неизменно привлекали внимание партизан.

До конца войны противник не в состоянии был защитить многие станции от нападения партизан. Не всегда помогали ему укрепления, гарнизоны.

Советские партизаны на оккупированных территориях республик и областей в течение войны обрушили удары на 378 железнодорожных узлов и станций, захваченных противником, в том числе по республикам и областям: РСФСР — 108 (по областям: Ленинградская — 48, Калининская — 17, Смоленская — 19, Орловская — 21, Крымская — 3), УССР — 99, БССР — 169, ЛатвССР — 1, Карело-Финская ССР — 1.

Ленинградские партизаны одними из первых начали осуществлять нападения на железнодорожные станции. Заслуживает в этом смысле внимания действия 2-й ленинградской партизанской бригады (командир Н. Г. Васильев, комиссар С. А. Орлов). 20 октября 1941 года отряды бригады напали на станцию Судома (линия Ленинград — Витебск). Партизаны уничтожили станционное оборудование, подорвали узлы связи, сняли и унесли в лес рельсы и уничтожили около 80 солдат противника.

30 октября партизанские отряды

2-й бригады напали на станцию Плотовец на этой же линии. В результате налета была разрушена станция, взорваны железнодорожный мост, склад с боеприпасами и уничтожено более 100 солдат и офицеров противника.

Во время этих налетов, осуществленных в 1941 году, появился опыт нападений на станции, заключавшийся в тщательной разведке, скрытности подхода, стремительности нападения, разрушения объектов станции и быстром отходе.

В феврале 1942 года в связи с наступлением войск Северо-Западного фронта 2-й партизанской бригаде была поставлена задача нанести удар по районному центру и станции Дедовичи на линии Ленинград — Витебск, являвшимися одной из головных баз снабжения 16-й армии. Разведкой было установлено, что райцентр и станция хорошо укреплены, гарнизон насчитывает 800 человек. В ближайших населенных пунктах и на станциях находились гарнизоны, готовые быстро прийти на помощь. Подход к станции и райцентру затруднялся открытой (без леса) местностью. 22 февраля 1942 года 7 партизанских отрядов бригады (около 1 000 человек) под покровом темноты к 3 часам ночи вышли на исходные рубежи. Нарушив телефонно-телеграфную связь станции и райцентра с другими станциями и населенными пунктами, выставив заслоны на случай подхода подкреплений, партизаны в 4 час. 30 мин. Ворвались в райцентр и на станцию. В результате налета было разрушено оборудование станции, взорван крупный склад боеприпасов, железнодорожный мост через реку Шелонь, повреждено железнодорожное полотно севернее и южнее станции.

В августе 1942 года партизаны совершили нападение на станцию Славное по линии Минск — Смоленск. Идея этой операции возникла у командира 36-го партизанского отряда С. Г. Жунина и комиссара В. А. Петрова. Отряд, входивший тогда в бригаду А. А. Морщинина, дислоцировался в лесах Круглянского района, на границе Минской и Могилевской областей.

Станция Славное, расположенная на главной магистрали снабжения группы армий «Центр» Брест — Минск — Смоленск, была укреплена и тщательно охранялась гарнизоном. На станции почти всегда находился один или несколько из проходящих эшелонов.

Разведкой было установлено, что гарнизон станции — 250 человек, разведаны местоположение окопов, постов, секретов, время смены караулов, места расположения охраны.

Для операции привлекались 36, 8 и 24 отряды численностью 270 человек. Для помощи в разрушении станции привлекались добровольцы, местные жители Круглянского района (500 человек). Командовать операцией был назначен С. Г. Жунин. Партизаны скрытно ночью сосредоточились у станции.

В 1.00 28 августа одновременно были подорваны мосты на восточном и западном подходах к станции.

По станции и казармам открыт минометный и пулеметный огонь. Внезапная атака увенчалась успехом. Партизаны по разным улицам вышли к станции и железнодорожным линиям. Немедленно началась разрушительная работа. Казармы, склады и другие станционные сооружения были подожжены. Все, что не горело — машины, паровозы, кирпичные сооружения — взрывались.

В 5.00 все было закончено. По сигналу все отряды партизан и вспомогательные силы из населения организованно покинули станцию. Было уничтожено: контора, пекарня, волостное управление, стационарные сооружения, шесть складов, машинное отделение, водокачки, две водонапорные башни, железнодорожный мост через реку Плиса, шесть железнодорожных стрелок, семафоры. Разобрано и разбросано железнодорожное полотно (1 км), уничтожена телефонно-телеграфная станция, связь (15 км) — срезано 120 столбов и порублены все провода. Уничтожено два эшелона, на которых было 20 машин, 2 мотоцикла, 2 трактора, 20 авиационных моторов, 2 цистерны с бензином, 2 паровоза, продукты и т. п. Убито 108 фашистов, захвачено — станковый пулемет, гранаты, винтовки, патроны, велосипеды, продукты питания.

С. Г. Жунин вскоре был назначен командиром партизанской бригады и за совокупность боевых действий удостоен звания Героя Советского Союза.

15 октября 1942 года 5-я Ворговская смоленская партизанская бригада провела налет на станцию Понетовка на железнодорожной линии Рославль — Кричев. Гарнизон станции состоял из 160 немцев и некоторого числа так называемых «добровольцев». В трех километрах от станции располагался гарнизон — 400 человек. Партизаны внезапно подошли к казармам противника и забросали их гранатами, подожгли дома. Через 30 минут с противником было покончено. Основные силы партизан заняли оборону на случай подхода подкреплений со стороны ближайшего гарнизона, а подрывные группы проводили работу по разрушению. Уничтожили все станционные сооружения, три эшелона с хлебом, картофелем и сеном, подготовленные к отправке в Германию, два склада с боеприпасами, склад горючего, три склада с обмундированием, обувью и различным военным имуществом, три автомашины, крупную сенобазу, двенадцать железнодорожных стрелок, семафор, две водонапорные башни, три платформы с молотилками, конюшню, шестьсот метров телефонно-телеграфного кабеля. Уничтожено 100 фашистов. Захвачено 3 миномета, винтовки, патроны документы, имеющие большую ценность (переправлены в штаб партизанского движения). Потери партизан — 2 убитых и 9 раненых. Движение по линии было прервано.

К числу выдающихся операций партизан относится налет партизанской бригады «За Родину», дислоцировавшейся в Клетнянских лесах нынешней Брянской области, на станцию Жудилово (линия Брянск — Гомель, 99 км юго-западнее Брянска). Эта линия имела важнейшее стратегическое значение. Противник тщательно охранял эту дорогу. На станциях, разъездах и у мостов находились гарнизоны. На каждом километре пути были установлены 4 поста, ночью — постоянное патрулирование. В местах возможного появления партизан, немцы отрыли окопы, возвели дзоты, устроили завалы и заграждения.

На крупных станциях под парами стояли бронепоезда, вспомогательные поезда и дежурили восстановительные команды.

Получив приказание ЦШПД взорвать по общему сигналу на линии Брянск — Унеча 1 000 рельсов, командир бригады А. И. Панасенков и комиссар бригады Сухоруков, после совета с командирами батальонов приняли решение произвести в ночь на 4 августа нападение на станцию Жудилово, овладеть ею, произвести разрушения, взорвать по обе стороны станции более 1 000 рельсов и железнодорожный мост на реке Дубна.

После тщательной, всесторонней подготовки, в ночь на 4 августа батальоны бригады под покровом темноты приблизились к станции и по общему сигналу атаковали намеченные объекты. Закипел ожесточенный бой, объекты станции и находившиеся на ней подвижной состав, в том числе три прибывших эшелона, заполыхали огнем, стали рваться снаряды в вагонах. Солдаты и офицеры охраны, а также сопровождавшие эшелоны, охваченные паникой, разбежались со станции во все стороны.

В результате операции была выведена из строя станция Жудилово, уничтожены 30 вагонов с артиллерийскими снарядами и авиабомбами, 17 вагонов с патронами, 9 цистерн с бензином, сгорел элеватор с зерном, подорван мост у станции Пучковка и 1 026 рельсов. Потери противника — 120 убитых и около 150 раненых. Завершив операцию, партизанская бригада отошла на свою базу.

В ночь на 15 ноября 1943 года партизанское соединение С. А. Ковпака, сосредоточив силы вблизи станции Олевск (на линии Коростень — Сарны), в 5.00 внезапно напало на все объекты станции и подвижной состав. Обстреляны и подожжены цистерны с бензином. От них загорелись эшелоны, стоявшие на станции, ее сооружения и отдельные вагоны. Пожар и взрывы вагонов с авиабомбами продолжались до 16 часов. В результате нападения на станцию были уничтожены 4 эшелона с военной техникой, живой силой, авиабомбами и горючим, вспомогательный поезд с обслуживающим персоналом, водокачка и 1 400 метров пути. В это же время другие отряды партизанского соединения захватили и сожгли станцию Сновидовичи, разрушили на ней 370 метров полотна, а также 350 метров полотна на участке Олевск — Сновидовичи, где была организована засада, чтобы воспрепятствовать восстановлению пути и подходу подкреплений. Партизанское соединение удерживало станцию Олевск до вечера 17 ноября, когда оно должно было ее оставить ввиду подхода свежих сил пехоты противника, поддерживаемых бронепоездом.

Каждому налету на станцию предшествовала тщательная подготовка, и чем важнее была станция и сильнее укреплена, тем основательнее продумывалась операция.

Следует отметить, что 378 выявленных фактов нападений партизан на железнодорожные станции в течение войны является не полным. Нет точного учета по налетам на станции Украины и в 1942 году на станции в Ленинградской области. Есть основание считать, что в действительности число нападений на станции было значительно больше.

Поскольку на железных дорогах оккупированных территорий противник применял исключительно паровую тягу, их нормальная работа была возможна только при условии беспрепятственного снабжения паровозов водой на имевших водоснабже-

ние станциях. Снабжение паровозов водой имелось на всех узлах, крупных станциях, а также на линейных, расположенных на расстояниях, гарантирующих пополнение израсходованной паровозами воды (обычно 60-80 км). Нарушение водоснабжения вызывало серьезные перебои и задержки в движении поездов.

Партизаны и подпольные организации в течение всей войны наносили удары по пунктам водоснабжения и этим, в числе прочих средств борьбы на железнодорожных коммуникациях, значительно способствовали дезорганизации железнодорожного транспорта.

По мере расширения партизанского движения, накопления опыта и квалификации подрывников удары по линейным объектам водоснабжения становились более частыми и систематическими.

Донесения немецких охранных частей и железнодорожной администрации подчеркивают, что взрывы объектов водоснабжения и вывод их из строя другими способами имели место уже в 1941 году, стали чаще в 1942 году и достигли значительных размеров в 1943 — 1944 годах. Только осенью 1943 года по плану Центрального штаба партизанского движения (кодовое название операции «Пустыня») партизанами было разрушено на всех линиях 43 водокачки.

Общее число выведенных из строя советскими партизанами и подпольщиками за всю войну пунктов водоснабжения противника, по подсчетам начальника Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенанта П. К. Пономаренко, превышает 150. Каждый случай такой диверсии являлся очень серьезным ударом, нарушавшим движение поездов и приводившим к продолжительным их задержкам на линии.

Действия партизан вынуждали увеличивать охрану водокачек, что отвлекало силы противника от фронта и не давало должного результата. Задержка движения поездов и материальный ущерб в результате действий партизан по уничтожению водоснабжения станций и узлов железных дорог имели большое значение в общей борьбе партизан на железнодорожных коммуникациях.

Для обороны железных дорог от нападений партизан противник вынужден был использовать бронированные поезда, которые обычно применялись для поддержки своих войск, борьбы с танками, воздушными десантами и прорвавшимися группами противника, действующими в полосе железных дорог. Немецко-фашистское командование, планируя войну против Советского Союза, не придавало серьезного значения бронепоездам. К началу войны имелось всего 16 бронепоездов, находившихся в составе железнодорожных войск. Однако уже с весны 1942 года, когда германское командование убедилось в недостаточности предусмотренных сил и средств для защиты железнодорожных коммуникаций, началось ши-

рокое строительство бронепоездов как средства борьбы против партизан на линиях железных дорог.

Формировались табельные бронепоезда по типу уже имевшихся в вооруженных силах, но особенно широко развернулось строительство на заводах Германии и оккупированных территорий вспомогательных бронепоездов, броневагонов, бронеплощадок и бронедрезин.

Боевое «наставление по борьбе с партизанским движением», выпущенное генштабом сухопутных сил 11 ноября 1942 года, следующим образом определяло назначение бронепоездов: «Практиковать широкое применение бронедрезин, бронепоездов и вспомогательных бронепоездов. Нужно стремиться к всемерному увеличению их числа.

Вспомогательные бронепоезда и броневагоны можно легко строить из неиспользованных трофейных танков и бронемашин. При строительстве и монтаже броневагонов и площадок особое внимание нужно уделять укреплению полов вагонов как части, наиболее подвергающейся воздействию мин. Точно так же укрепляются разведывательные бронедрезины. Бронированные дрезины, бронепоезда, вспомогательные бронепоезда и бронеплощадки вводятся в действие в следующих случаях:

а) для объезда и охраны железнодорожной магистрали в неопределенные промежутки времени;

б) для быстрой переброски резервов и сопровождения поездов и служебного персонала на наиболее опасных участках;

в) для охраны железнодорожных эшелонов, в состав которых включаются отдельные броневагоны и бронеплощадки.

Быстрое введение в действие этих специальных поездов должно быть гарантировано в любое время, поэтому необходимо всегда иметь в полной боевой готовности необходимое количество команд.

Курсирование броне- и спецпоездов должно быть включено в план перевозок дороги...»

Летом 1942 года появились значительное количество бронепоездов — основных и вспомогательных, а также бронедрезины и бронеплощадки как средство охраны железнодорожных линий. В тылу группы армий «Центр» действовали 16 номерных табельных бронепоездов и большое число вспомогательных бронепоездов.

О плотности и дислокации бронепоездов на особо угрожаемых участках можно судить хотя бы по участку Молодечно — Крулевщизна протяженностью 107 км, на котором, согласно документам штаба группы армий «Центр» и донесению штаба 391-й охранной дивизии от 5 и 6 июля 1942 года, находилось четыре бронепоезда с базами в Крулевщизне, Будславе и Глубоком. Всего, по разведывательным данным партизан, на железных дорогах в тылу противника действовали не менее 250 табельных и вспомогательных бронепоездов.

Бронепоезда, имея мощное артиллерийское вооружение и броневую защиту, быстро появлялись в угрожаемых местах, представляли известную опасность для партизанских отрядов, особенно не имеющих артиллерии. Нередко они доставляли неприятности и для рейдирующих партизанских соединений во время перехода ими железнодорожных линий. ■

А.В. ГАНИН

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ГРУЗИИ В 1920-1921 ГОДАХ

▲ Грузинская армия

В начале 1920 года Красная Армия завершала разгром белых на Северном Кавказе и приближалась к границам государств Закавказья. На повестку дня выходили вопросы построения взаимоотношений РСФСР с Азербайджаном, Арменией, Грузией. Советское правительство не питало иллюзий относительно отношения руководства этих государств к РСФСР. Тем не менее к 1920 году относится установление дипломатических отношений РСФСР с Арменией и Грузией. Самостоятельной задачей являлась организация военной разведки в Закавказье, особенно с учетом того, что Грузия служила местом интернирования остатков белых армий Юга России. Кроме того, из Закавказья можно было черпать информацию о положении в Турции, Персии, на Балканах, что было принципиально важно для советской внешней политики и стратегии того периода.7 мая 1920 года был подписан советско-грузинский договор, создавший правовую базу для установления дипломатических отношений, включая и военно-дипломатические. Советским военным представителем в Грузинской демократической республике был П. П. Сытин.

В 1920 году советские военные представители были направлены

А.В. ГАНИН

Российский историк, доктор исторических наук. Исследователь военно-политической истории России и сопредельных государств, офицерского корпуса русской армии, истории Генерального штаба и казачества конца XIX – первой половины XX веков.

СЫТИН Павел Павлович

Родился18 (30) июля. 1870 года в городе Скопин, ныне Рязанской обл. — умер в 1938 году в Москве. Участник Гражданской войны. В Красной Армии с 1918 года. Окончил Киевское военное училище (1892), Академию Генштаба (1899). По окончании академии проходил службу в войсках, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., затем начальник штаба Брестской крепости, преподаватель военного училища. Во время I мировой войны командовал бригадой и дивизией, генерал-майор (январь 1917). В декабре 1917 года солдатским съездом избран командиром 18-го армейского корпуса, вместе с которым перешел на сторону Советской власти. В апреле 1918 года Сытин военный руководитель Брянского района Западного участка отрядов завесы, в мае — глава советской делегации для ведения мирных переговоров с немцами в Харькове. В начале сентября того же года военный руководитель Южного участка отрядов завесы, а в сентябре — ноябре 1918 года командующий Южным фронтом. Войска под его руководством вели тяжелые бои с белоказаками, сдерживая противника на огромном пространстве от Брянска до Кизляра. Предпринятое наступление войск Южного фронта на балашовском направлении из-за плохой подготовки успеха не имело. Сытин отозван с фронта и назначен начальником отдела управления делами РВСР. В 1920-1921 годах военный представитель при полпредстве РСФСР в Грузии. С октября 1922 года преподаватель Военной академии РККА. В 1924-1927 годах работал в Военно-историческом управлении по исследованию и использованию опыта войны. с ноября 1927 года состоял для особо важных поручений при РВС СССР. С декабря 1934 года в отставке.

не только в Грузию, но и в Армению, а также в прибалтийские государства. Командированные были выпускниками Николаевской военной академии. Целостные архивы первых советских военных атташе до сих пор неизвестны. Однако в Национальном архиве Грузии сохранился архивный фонд советского военного представителя в Грузии, полученный в 1922 году из комиссии Коминтерна. Материалы архива позволяют реконструировать основные направления деятельности советского военного атташе и историю советской военной разведки в Грузии. К этому можно добавить, что ряд документов Сытина хранится в фонде военного министерства Грузинской демократической республики. Не удалось обнаружить документов об аресте бывшего генерала в период советско-грузинской войны, хотя материалы его дела были бы чрезвычайно важны для освещения данной темы. История советской военной разведки в Грузии в 1920–1921 годах до сих пор никем систематически не изучалась. Фрагментарно публиковался и цитировался лишь один из ярких докладов Сытина, в котором он предлагал осуществить расчленение Грузии и усилить русское присутствие в Закавказье. Однако этот доклад составляет лишь незначительную часть документации советской военной миссии. В Латвию был направлен Ф. Л. Григорьев, в Литву — А. К. Коленковский (помощник — А. Ф. Васильев), в Армению в качестве помощника военного представителя А. А. Бобрищев.

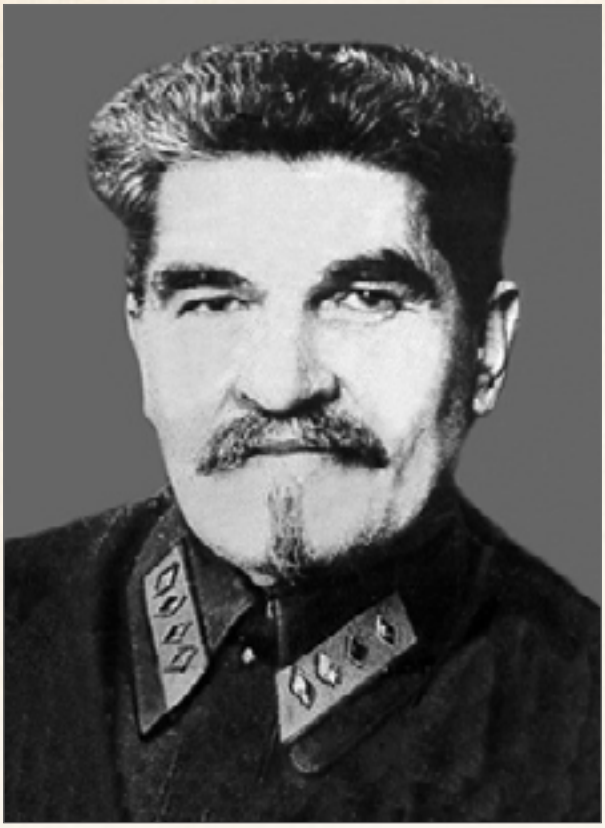
Вполне объективные доклады Сытина даже в наши дни вызывают резкое неприятие грузинских авторов, проявляющееся в том числе в крайне пристрастных комментариях к публикуемым документам. В качестве комментария к публикации фрагментов доклада Сытина о мерах

В основном архив Сытина представляет собой отпуски его докладов

и переписку периода 1920–1921 годов. Доклады Сытина были адресованы начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву, народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину, начальнику Регистрационного управления Полевого штаба РВСР Я. Д. Ленцману и в РВСР, копии направлялись советским полномочным представителям в Грузии С. М. Кирову и (с сентября 1920 года) А. Л. Шейману, советнику полпредства Л. Н. Старку и первому секретарю Одоевскому. Копии докладов о смежных с Грузией районах фронтов и армий РККА отсылались в соответствующие Реввоенсоветы. Из Тифлиса связь осуществлялась по телеграфу и посредством отправки донесений. Всего с 22 июня по 31 декабря 1920 года Сытин сумел подготовить не менее 277 докладов, а за 1921 год известны 25. Таким образом, всего было составлено более 300 докладов. Судя по объему донесений, Сытин готовил информацию практически ежедневно. В некоторые дни составлялось по несколько докладов. В основном, доклады пронумерованы — делопроизводство Сытин вел аккуратно, однако есть и 18 не пронумерованных докладов. Не сохранились в архиве доклады No29 (о грузинской армии), 177, 196, 201, 202, 203, 269. Доклады за 1921 год сохранились фрагментарно и только за период с 22 по 30 апреля 1921 года (No14, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25). Эти документы относятся уже к периоду после советизации Грузии, когда вести тайную разведку Сытину более не требовалось. Все они, кроме доклада No14, адресованы начальнику Региструпра. Вероятно, направлявшиеся Сытиным материалы хранятся также и в Москве в документации Полевого штаба РВСР и Региструпра «локализации опасности от грузинского шовинизма», датированного 22 апреля 1921 года, в работе грузинских авторов отмечено, что Сытин «отправил в Москву еще несколько докладов с клеветой на грузинский народ» В том, что на самом деле никакой клеветы в этих документах не содержится, читатели могут убедиться из настоящей публикации. Ставя перед собой задачу изучения деятельности советской военной разведки в Грузии, автор этих строк сознает всю сложность, обширность и многообразие данной темы в различных ее аспектах, невозможность всестороннего и подробного освещения этих аспектов в рамках первой работы по истории советской военной разведки в Грузии. В нашем очерке основное внимание уделено истории создания и организации работы советского военного представительства в Грузии, ключевым направлениям его деятельности, противоборству со спецслужбами Грузии и других государств или государственных образований (белого Крыма), освещению советским военным представительством вопросов устройства вооруженных сил Закавказья и разведывательному освещению Русской армии Врангеля, разведывательному обеспечению советизации Грузии и предложениям советского военного представителя относительно дальнейших путей

▲ II Конгресс Коминтерна

▲ Лебедев П.П.

▲ Чичерин Г.В.

развития Закавказья и интеграции региона с Россией. Приоритетное внимание уделено данным, которые получались по агентурным каналам, а не из открытых источников. Существенно меньше нас интересовало основанное, прежде всего, на обзорах печати и данных телеграфных агентств освещение советским военным представителем положения в других государствах Европы и Азии, чему также посвящено большое количество докладов военного атташе. Помимо этого представляется перспективным дальнейшее углубленное изучение северокавказского направления деятельности советского военного представительства в Грузии и сопоставление данных, полученных представительством, с реальной картиной повстанческой и подпольной борьбы в северокавказском регионе.

В докладе No1 от 22 июня 1920 года Сытин описал свое прибытие в Грузию. В 0 часов в ночь с 3 на 4 июня 1920 года поезд с представителями дипломатической миссии С. М. Кирова и сотрудниками комиссии Л. И. Рузера по контролю за выполнением условий мирного договора (комиссия о военных гарантиях) отбыл из Москвы на Кавказ. В этом поезде ехал и Сытин. 12 июня поезд прибыл во Владикавказ. В штабе 10-й армии Сытина информировали относительно положения дел на Кавказском фронте и политического положения в Грузии. Однако обещанного Сытину в качестве помощника генштабиста В. Н. Чернышева предоставлено не было, поскольку этого военспеца такое назначение не устраивало и его об этом не осведомляли. Впоследствии распоряжением РВС 10-й армии Чернышев был назначен в распоряжение Рузера, в комиссии которого состоял. Далее до Тифлиса добирались на машинах. В том же докладе Сытин жаловался на отсутствие сотрудников для работы. Дело в том, что помимо основной работы на Сытина оказалась возложена деятельность члена комиссии Рузера. Сытин просил командировать в его распоряжение одного генштабиста и своего бывшего секретаря С. С. Астахова, что позволило бы значительно увеличить продуктивность работы. По свидетельству Сытина, в Тифлисе многие хотели устроиться в военное представительство, но он опасался принимать на службу неизвестных лиц. «Учить первых встречных у меня нет времени», — сообщал он в центр.

14 июля, по итогам первого месяца работы, Сытин отметил: «Месячный опыт моей работы в Тифлисе выяснил следующее. Вся работа может быть разделена на три части.

1. Сбор сведений о Крыме, Малой Азии (Мустафа Кемаль паша), Армении и Персии.

2. Сбор сведений о работе контрреволюционных сил, стремящихся поднять восстание в пределах Северного Кавказа и 3. Сбор сведений, указанных данной Вами мне «Инструкцией».С присоединением к Грузинской Демократической Республике Батума работа моя может значительно расшириться и стать много продуктивнее, так как можно

будет непосредственно войти в связь с Крымом и Константинополем. Сбор сведений о работе контрреволюционных организаций, которым покровительствует грузинское правительство, требует наличия надежных и умелых сотрудников и достаточное количество денежных средств. Исполнение данной мне Инструкции также требует присутствия достаточного количества работников, особо военных специалистов. На самом же деле мне в данное время работать приходится вдвоем —я и мой помощник тов. Граник и к тому же не специалист военного дела. Состоящий при мне тов. Молотов собирается в ближайшем будущем уехать к прежнему месту служения в распоряжение тов. Коренева и, таким образом, нам двоим придется вести эту обширную работу. Отнюдь не жалуясь на трудность работы, я еще раз хочу Вас просить —откликнуться на мои просьбы о высылке мне возможно скорее одного сотрудника Генштаба, но только молодого, энергичного, надежного, которому я бы мог давать командировки и который бы мог справляться с данными ему задачами. Кроме того, у меня нет сотрудника, который бы мог вести всю переписку по канцелярии и для этой цели я еще раз прошу командировать бывшего моего секретаря С. С. Астахова, который однажды уже получил Ваше приказание и предписание, но почему-то был не пропущен Ком[иссариатом] Иностр[анных] Дел, по-видимому, без всяких основательных причин. Отсутствие у меня автомобиля, который числится у меня только в штатах на бумаге, не дает мне возможности черпать сведения лично по собственным наблюдениям, не дает мне возможности посещать районы Грузии, что иногда бывает прямо необходимо. Вот главные мои нужды, которые я прошу Вас удовлетворить в первую очередь. Кроме того, мне желательно получить от Вас извещение — удовлетворены ли Вы моими сообщениями или требуется что-либо новое, в последнем случае прошу указаний».

С самого начала у военной миссии возникли трудности с финансовым обеспечением. РВС 10-й армии, являвшийся последним крупным советским военным органом, через который прошли члены миссии перед прибытием в Грузию, отказал Сытину в обмене советских рублей на грузинские. Опасаясь хранить в кармане большую сумму казенных денег, Сытин сдал советские деньги в тифлисское отделение московского народного банка и взял ссуду в 50 000 грузинских рублей. Советская дипломатическая миссия тоже не имела средств, поэтому Сытин просил центр о денежных переводах в грузинских рублях. Жизнь в Тифлисе в 1920 году отличалась дороговизной при изобилии всего, что усугубляло положение советских работников, прибывших из голодной РСФСР. Еще одной проблемой оказалось то, что штат представительства утвержден не был. Сытина это ставило в неудоб-

▲ Старая Грузия

ное положение перед сотрудниками, которые в любой момент могли оказаться не у дел. В дальнейшем положение миссии продолжало оставаться непростым. В своем докладе No 91 от 14 сентября 1920 года Сытин сообщал С. М. Кирову и П. П. Лебедеву, что в Москве готовился новый, значительно сокращенный (в сравнении с прежним, утвержденным заместителем председателя РВСР Э. М. Склянским) штат военного представительства в Грузии. По данным Сытина, будущий штат предусматривал только трех сотрудников (в том числе письмоводителя-машиниста), помимо самого военного атташе. Стремясь избежать сокращений, Сытин докладывал: «У меня в данный момент состоят помощник, сотрудник для поручений, секретарь и два письмоводителя, т. е. пять человек. Фактически ответственную работу несут кроме меня трое, двое других печатают с утра до ночи на машинках и исполняют остальную канцелярскую работу. Мне и сотрудникам моим приходится заниматься сбором всех необходимых сведений не только в Тифлисе, но и в других городах Грузии. Все сведения приходится добывать и проверять самим, что связано с постоянными разъездами и отсутствием из Тифлиса, то есть с места работы, одного или двух сотрудников. Необходимо также принять к сведению ежедневные приемы в Тифлисе лиц с просьбами, за справками, которые в изобилии посещают военное представительство и которых необходимо удовлетворять. Сбором всех сведений, получаемых от осведомителей, занимаюсь я и мой помощник, остальные мои сотрудники работают по сбору сведений из периодической печати. Таким образом, я принужден засвидетельствовать перед Вами, что мои сотрудники без дела не сидят и работа их захватывает на целые дни и часто ночи. По справедливости должен доложить, что [о] вопрос[е] об уменьшении штата военного представительства не может быть и речи. Напротив, развивающаяся работа требует немедленно приглашения хотя бы еще одного сотрудника для поручений. Я уже

▲ Киров С.М. и Орджоникидзе Серго, 1920 г.

в докладе Вам от 14 июля за No53 просил обратить Ваше внимание на отсутствие у меня при военном представительстве автомобиля, который необходим ежедневно и постоянно, теперь снова ходатайствую об отпуске мне автомобиля натурой или в крайнем случае об отпуске денег на покупку такового в пределах Грузии, причем сообщаю, что цены здесь неимоверно высокие (1500 000 руб.) и весьма трудно будет приобрести автомобиль. Относительно расхода денег на нужды особого назначения я хочу доложить следующее.

Кредит мне открыт тов. С. М. Кировым из средств его представительства. Но, не имея от Вас определенных указаний на этот счет, я очень осторожно занимался расходованием денег в этом направлении и, конечно, очень часто это обстоятельство, если не вредило общему делу, то, несомненно, ограничивало приток ценных сведений. Я считаю необходимым развить дело военной разведки в указанном направлении возможно больше и установить в Грузии и в смежных с нею странах постоянных осведомителей на роли резидентов, давая им военные задачи, быстро получая от них информации и ценные в военном отношении сведения, а, главное, имея возможность Вас осведомить своевременно. Примером этому может служить следующий факт. Не имея постоянного осведомителя в Крыму, я не имел возможности предупредить Вас о готовящемся десанте в районе Кубани заблаговременно и, хотя все же удалось мне сообщить об этом Вам за неделю до высадки противника, тем не менее, я чувствовал, что это

▲ Тифлис

можно было бы сообщить много раньше, если бы в Крыму был свой человек. Я за это время познакомился с работой в этом направлении наших полевых штабов и откровенно должен сказать, что эта работа никуда не годится. Посылаются люди, совершенно не сведущие, без определенных инструкций и задач. И, несмотря на то, что подобные посылки обходятся очень дорого, никаких ценных сведений эти осведомители не дают, а если что и привозят, то всегда с большим опозданием. Из своего кратковременного пребывания в Тифлисе я убежденно могу сказать, что здесь за деньги все можно сделать и все сведения можно получать — вопрос только в отпуске денег. Можно не только иметь осведомителей от себя, но и получить осведомителей, занимающих сейчас в Грузии ответственные посты. Затем должен добавить еще следующее. Являясь военным представителем в Тифлисе, я тщательно обходил знакомства с представителями заинтересованных нами стран, как то англичан, французов, итальянцев и пр. Конечно, знакомство с ними могло бы дать солидный материал для дела, тем более, что я беспартийный, и они, конечно бы, со мной держали себя иначе, чем, положим, с нашими партийными товарищами. Но для этой цели мало было огра-

▲ Тифлис, 1921 год

▲ Красные комиссары

ничиться официальными визитами, пришлось бы поддерживать постоянную связь, но это сделать никак нельзя по многим причинам, из коих то положение, что я с женой живу в одной комнате, не допускает и мысли заводить какие-нибудь знакомства, хотя бы и делового характера. Кроме того, на это нужны средства, а их нет. Я лично ежедневно хожу сам по лавкам по утрам и покупаю все необходимое для своего существования.

Грузины, как и все восточные элементы, очень подозрительны, разведка и сыск у них поставлены великолепно, они за каждым нашим шагом следят по пятам, и, зная это, приходится вести работу, памятуя, что нельзя давать ни одного промаха. Нынешняя бешеная дороговизна в Тифлисе создает все более и более тяжелую обстановку для работы, поэтому я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на обеспечения моих сотрудников денежным довольствием и считаю, что в основу выдачи окладов содержания должен быть поставлен либо Тифлисский минимум прожития или средний минимум содержания, получаемый сотрудниками иностранных миссий в Тифлисе».

Наряду со сбором информации Сытин как военный эксперт участвовал в работе русско-грузинских комиссий. По занятии грузинскими войсками нейтральной зоны Сухумского округа полпредство РСФСР в Грузии было уполномочено войти в состав смешанной пограничной комиссии, председателем которой со стороны России являлся представитель РСФСР П. П. Сытин, членом начальник штаба 9-й армии Генштаба В. Н. Чернышев или лицо, уполномоченное РВС. Сытин состоял и в смешанной русско-грузинской комиссии о военных гарантиях, образованной в связи с заключением мирного договора. Первое заседание этой комиссии прошло 26 июня 1920 года. Переговоры касались интернированных белых, которых красные хотели запретить использовать против них, а также старались получить имущество белых. В ходе переговоров Сытин доказывал, что Грузия не вела войну с белыми (российская делегация утверждала, что имел место вооруженный нейтралитет Грузии), вопреки заявлениям грузинской стороны, а происходили лишь пограничные стычки. Эти доводы были важны для определения статуса белых в Грузии не как военнопленных, а как интернированных. То же касалось и военного имущества, которое при отсутствии войны не могло считаться трофейным и подлежало возврату России (в данном случае Советской). Свою позицию Сытин аргументировал историческими примерами, когда то или иное государство держало армию на границе, но войну с соседями не вело приводилась Дания в Первую мировую войну).

Председателем российской делегации был Л. И. Рузер (в октябре 1920 года его сменил Л. Н. Старк), членами: генштабисты П. П. Сытин и В. Н. Чернышев и военмор К. А. Бенкендорф. Грузинскую делегацию возглавлял С. Г. Мдивани, а ее членами были Генштаба генерал А. С. Андронников и военный инженер Г. К. Такайшвили. Еще один член делегации, Генштаба полковник Н. К. Гедеванов, не принимал участия в работе из-за болезни. Секретарем российской делегации был В. Н. Иванов, секретарем грузинской делегации — Г. А. Жгенти.

Заседания комиссии продолжались летом — осенью 1920 года, причем переговоры затянулись из-за упорства сторон, а присутствовав-

▲ Бегство белых из Крыма, 1920 г.

шие в составе каждой делегации генштабисты использовались сторонами как своего рода ходячие энциклопедии по военным вопросам. Практически с первых дней работы представительства Сытин стал подробно информировать Москву о событиях в Грузии и вокруг нее. 22 июня 1920 года им был составлен доклад No2 о положении интернированных грузинскими властями деникинцев в Поти и Тифлисе. Вопрос этот был чрезвычайно актуален в связи с тем, что остатки белых войск, оказавшиеся в Грузии, перебрасывались в Крым к Врангелю. Сытин отмечал крайне тяжелое положение интернированных белых — в Грузии он не могли получить работу и голодали, при этом их заманивали во врангелевскую армию порой обманным путем, под предлогом отъезда в Болгарию и другие страны, а в результате попавшиеся на эту приманку оказывались в Крыму. Некоторые бывшие белогвардейцы приходили на прием в советское военное представительство и просили денег в долг. Как отмечал Сытин, бывшие белые боялись уезжать в Советскую Россию, поскольку считали, что будут расстреляны, а к постановлениям об амнистии относились недоверчиво. Более того, многие, опасаясь ареста и депортации в Россию, уехали из Грузии с прибытием туда миссии Сытина. Сытин не просто информировал центр о происходящем, но предлагал принимать действенные меры, чтобы лишить армию Врангеля этого источника пополнения. Задача была вполне реальной. По замыслу Сытина, можно было открыть для интернированных бесплатную столовую. Бывший генерал отмечал: «Необходимо их тотчас же всех взять на учет (хотя бы неофициальный), проверить их, отсортировать надежных, честных от авантюристов и предателей и, конечно, можно быть вполне уверенным, что это обойдется дешевле нашему Правительству, чем какой-либо другой способ, а главное сердечное участие Советской власти к этим несчастным произведет решительный переворот в их ориентации, и даст нам много честных и работоспособных сотрудников». Сытин в меру своих скромных возможностей лично пытался помочь интернированным белым, однако для оказания полноценной помощи требовались средства, которых у миссии не было. По оценкам советского военного представителя, в Грузии оказались интернированы группа генерала И. Г. Эрдели в 6 000 человек, группа генерала П. П. Драценко в 6000–7000 человек, части Донской и Кубанской армий и части генерала А. Г. Шкуро неизвестной численности. В октябре 1920 года Сытин даже командировался в Сухумский округ для переговоров в связи с интернированием казаков. Постепенно Сытин совершенствовал качество осведомительной работы. Так, в весьма секретном докладе No3 от 22 июня 1920 года, адресованном С. М. Кирову, Л. И. Рузеру, в РВС 10-й армии и РВС Кавказского фронта, он передавал информацию о положении белых, полученную от перебежчиков: опи-

сывал катастрофическую новороссийскую эвакуацию, сообщал данные о Русской армии в Крыму, писал об ужесточении дисциплины у белых в сравнении с деникинским периодом. 26 июня был составлен доклад No5, направленный начальнику Полевого штаба РВСР. В документе приводились списочные данные командного состава армии Врангеля, в том числе данные о высокопоставленных офицерах-генштабистах. Отслеживал Сытин и переброски белых из Грузии в Крым, а также положение в самом Крыму. Данные об обстановке в белом лагере не отличались высокой точностью, включали как достоверную информацию, так и вымысел, несмотря на использование агентуры (судя по документам, видимо, не в самом Крыму, а среди белых, находившихся в Грузии). В частности, Сытин сообщал о монархическом заговоре в Крыму и о том, что генерал И.Г. Эрдели отдан под суд за злоупотребления, в качестве отголоска данных об имевшем место выступлении капитана Н.И. Орлова сообщал об арестах в Крыму офицеров во главе с герцогом С.Г. Лейхтенбергским. Не соответствовали действительности вошедшие в доклад No41 от 26 июля 1920 года данные о том, что в Крыму арестованы и посажены в крепость генералы П.С. Махров и Л.М. Болховитинов. Сытин также сообщил, что генералы Н.А. Букретов, Н.А. Морозов, подпоручик В.Н. Иванис, Белашев (личность не установлена) и начальник политической части Н.Н. Чебышев были преданы военно-полевому суду, что не находит документального подтверждения. Неверными были данные из доклада No52 от 8 августа 1920 года о том, что в Тифлис приехал некий Запорожец — якобы генерал-квартирмейстер Врангеля.

5 июля 1920 года Сытин подготовил доклад No14 о морских силах Врангеля. 13 июля в докладе No22 он передал текст обращения Врангеля к военспецам РККА. Иногда ценная информация сильно запаздывала. Так, 15 октября 1920 года Сытин переправил в центр перехваченное письмо Врангеля Деникину от февраля 1920 года. Важный в начале 1920 года документ, свидетельствовавший об острой конфронтации в белом командовании, к осени уже был неактуален. Сообщил Сытин и о том, что знаменитый генерал Я.А. Слащов был отстранен Врангелем от командования (доклад No89 от 9 сентября 1920 года). Разумеется, Сытин осветил и эвакуацию белых из Крыма в Константинополь и Галлиполи (доклад No266 от 27 декабря 1920 года).Сытину удавалось выявлять и передавать в центр важные данные о белых. В частности, в докладе No40 от 26 июля 1920 года были приведены сведения о рейсах пароходов из Грузии в Крым с указанием численности перебрасываемых туда офицеров. Освещался Сытиным и непростой вопрос отношений Врангеля с кубанскими казаками. Точными были сведения из доклада No50 от 2 августа 1920 года о том, что белой контрразведкой в Крыму руководили генерал К.И. Глобачев и статский советник В.Г. Орлов,

▲ Врангель уходит из Крыма

▲ Кубань, 1920

Сытину удалось вскрыть и данные о белой контрразведке в Константинополе, которой руководил Р.Д. Мергин (Сытин ошибочно сообщил, что он не офицер, а бывший чиновник). Сытин старался сообщать и другую важную в контрразведывательном отношении информацию. Так, в докладе No79 от 31 августа 1920 года он сообщил Кирову и Лебедеву о работе в Крыму провокатора Акимова — якобы бывшего члена РВС 13-й армии (в действительности среди членов РВС этой армии такого не значится), к которому красные продолжали направлять своих людей. Но особенно важным было то, что Сытин успел предупредить военно-политическое руководство РСФСР о подготовке белыми десанта на Кубани. 11 августа 1920 года в докладе No54, адресованном П.П. Лебедеву и С.М. Кирову, Сытин сообщал: «По сведениям, полученным из Феодосии от 5-го сего августа, в этом порту происходит погрузка десанта на суда. Число десантных судов восемь, кроме транспорта (Мария), которая при десанте состоит в качестве госпитального судна. На суда грузятся исключительно кубанские части числом около десяти тысяч человек с артиллерией и техническими войсками. Кроме этих войск погружено около двух тысяч человек юнкеров Константиновского, Алексеевского и Екатеринодарского юнкерских училищ. Начальником десанта назначен генерал Шифнер-Маркевич. Погрузка почти закончена. Отправка судов предполагается в города Ейск и Анапу, где и будет произведена высадка десанта. У Новороссийска предположено произвести демонстрацию. Ранее в Феодосию был отправлен на судне «Скиф» в качестве разведки некий Лемешко с четырьмя разведчиками, который должен был высадиться на побережье Анапа — Новороссийск, но вследствие бури не мог выполнить указанного поручения и прибыл обратно в Феодосию».

При этом Сытин отметил, что белые не скрывали подготовку десанта и даже писали об этом в газетах. Думается, это обстоятельство не снижает значимости переданных материалов. Десант белых грузился в Феодосии и Керчи 29 июля (11 августа), а утром 1(14) августа должен был высадиться в районе станицы Приморско-Ахтарской (южнее Ейска), чтобы, выставив заслон к северу, наступать на Екатеринодар. Демонстрационный отряд генерала А.Н. Черепова высаживался между Анапой и Новороссийском. Белые возлагали большие надежды на связь с кубанскими повстанцами и казачьи восстания. Таким образом, данные Сытина были достаточно точны (единственно, десантом руководил не генерал А.М. Шифнер-Маркевич, командовавший 2-й сводной Кубанской дивизией, а генерал С.Г. Улагай). Удивительно, однако, как он мог получить данные из Феодосии о десанте, датированные 5 августа — задолго до на-

чала погрузки. Как известно, врангелевский десант был почти сразу после высадки разгромлен, а 6 сентября остатки десантного отряда эвакуировались в Крым. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла полученная заблаговременно ценная информация военного атташе в Грузии. Сообщал Сытин и о таком аспекте политики белых, как издание Врангелем закона о земле. Впрочем, основное внимание он уделял военным вопросам. 18 августа в докладе No66 Сытин писал о заброшенности перекопских укреплений в Крыму и попытках белых их восстановить, а в докладе No68 от 22 августа сообщал о врангелевской мобилизации, в докладе No79 от 31 августа о ценах в Крыму (масло —3 000 руб. за фунт, яйца —150 руб., мясо —1 500 руб. за фунт, хлеб —200 руб. за фунт, сапоги —40 000–80 000руб. за пару) и о повальной спекуляции. В поле зрения Сытина попали данные о прибытии к белым немецких офицеров (доклад No98 от 23 сентября 1920 года). В частности, он сообщал в центр, что Врангель не смог достигнуть соглашения с украинским лидером С. В. Петлюрой (доклад No151 от 7 ноября 1920 года). Любопытны и довольно точны собранные Сытиным развернутые личностные характеристики белого командования (доклад No145 от 5 ноября 1920 года): «Врангель — инженер, кончил академию Генерального штаба, на войну пошел ротмистром, за лихую конную атаку получил Георгия 4 ст. Большой честолюбец с сильной волей и настойчивым характером. Ни перед чем не останавливается для достижения своих целей (чтобы попасть в Лейб-Гвардейский Конный полк обманул при всех государя). Едва ли исправен в своих лозунгах, коими пытается привлечь к себе доверие масс. Умнее Деникина, а потому и опаснее». Правая рука Врангеля — генерал П. Н. Шатилов удостоился следующей характеристики: «Честолюбив сверх меры, огромного самомнения, избалован жизнью и людьми. На Кавказе все его баловали как сына помощника Наместника, заискивая перед отцом. Уверен в своей счастливой звезде. Не брезгует никакими средствами. Не чист на руку в отношении казенного добра. По слухам в Добрармии в смысле грабежей не отставал от знаменитого Шкуро. 50 сундуков с награбленным добром утонуло в Черном море. Эгоист. Умный человек, умеет привлекать к себе людей уместными и своевременными подачками и протежированием. Быстро отходит от человека, раз он ему больше не нужен. В рекламировании его больше всех ему помогает жена, Софья Федоровна, которая умеет быть исключительно обаятельна с нужными людьми. Боится конкуренции сильных и умных людей, а потому таких в армию старается не пускать...В политике Шатилов — монархист, ярый реакционер, готовый, однако, окраситься в любой цвет до социалистического включительно, если это может быть в данный момент выгодно для его карьеры. Во время корниловского выступления, будучи арестован по подозрению в принадлежности к корниловцам, старался выставить себя убежденным республиканцем. В общем, для России человек очень вредный».

▲ Борцы за новую Грузию

▲ Рынок в Грузии

В виду сложившейся обстановки занимался Сытин и контрразведывательной работой. 8 ноября 1920 года им был составлен список белых агентов в Батуме из 28 человек (доклад No154). Белой разведкой руководил полковник Кусов, его помощником был есаул Иноземцев, сотрудником по Тифлису корнет Курнаков. Осуществлялся перехват переписки белых. Так, было перехвачено датированное 18 октября 1920 года (видимо, по старому стилю) письмо поручика Погодина в Ставку о помощи белым помощника грузинского военного министра генерала А.К. Гедеванова в доставке оружия и боеприпасов на Северный Кавказ. 15 ноября 1920 года сведения об этом письме были сообщены Сытиным в центр (доклад No162)41.

Были вскрыты агентурные сети других государств. 4 декабря датирован доклад No211 с перечислением состава французской миссии в Тифлисе и ее агентуры в количестве 17 человек, а также 8 агентов британской миссии. Сытин вскрыл и 10 агентов грузинской разведки, среди которых были полковник Кусов (начальник врангелевской разведки в Грузии), Орбельяни, генерал Г.И. Кереселидзе. Руководил разведкой князь Багратион-Давыдов. Также в Москву ушла информация о том, что «в числе чинов грузинской миссии остался в Москве для организации разведки —Хромой (фамилия неизвестна)». Сытин вскрыл пятерых агентов польской разведки, установил, что есаул Зипалов был представителем международной разведки.

В докладе No217 от 7 декабря 1920 года Сытин отмечал: «Грузинская разведка в советской комиссии поставлена следующим образом: недели три назад была отправлена партия в 15 человек в комиссии (Баку и Владикавказ) с большими деньгами от разведки Генерального штаба с задачами осведомления военного, внутреннего и внешнего характера. Наибольшую осведомленность они получают от грузинских подданных в советских учреждениях. Работа сосредотачивается в руках Махарадзе. Связь держится через официальное представительство».

Серьезную озабоченность советского руководства вызывало антибольшевистское повстанческое движение на Северном Кавказе, поддерживавшееся как белыми из Крыма и Грузии, так и грузинскими властями. Информация об этих связях была вскрыта Сытиным и передана в центр. 14 июля 1920 года датирован доклад No27 об организации полковника Шамаева для помощи повстанцам, действовавшей на территории Грузии.

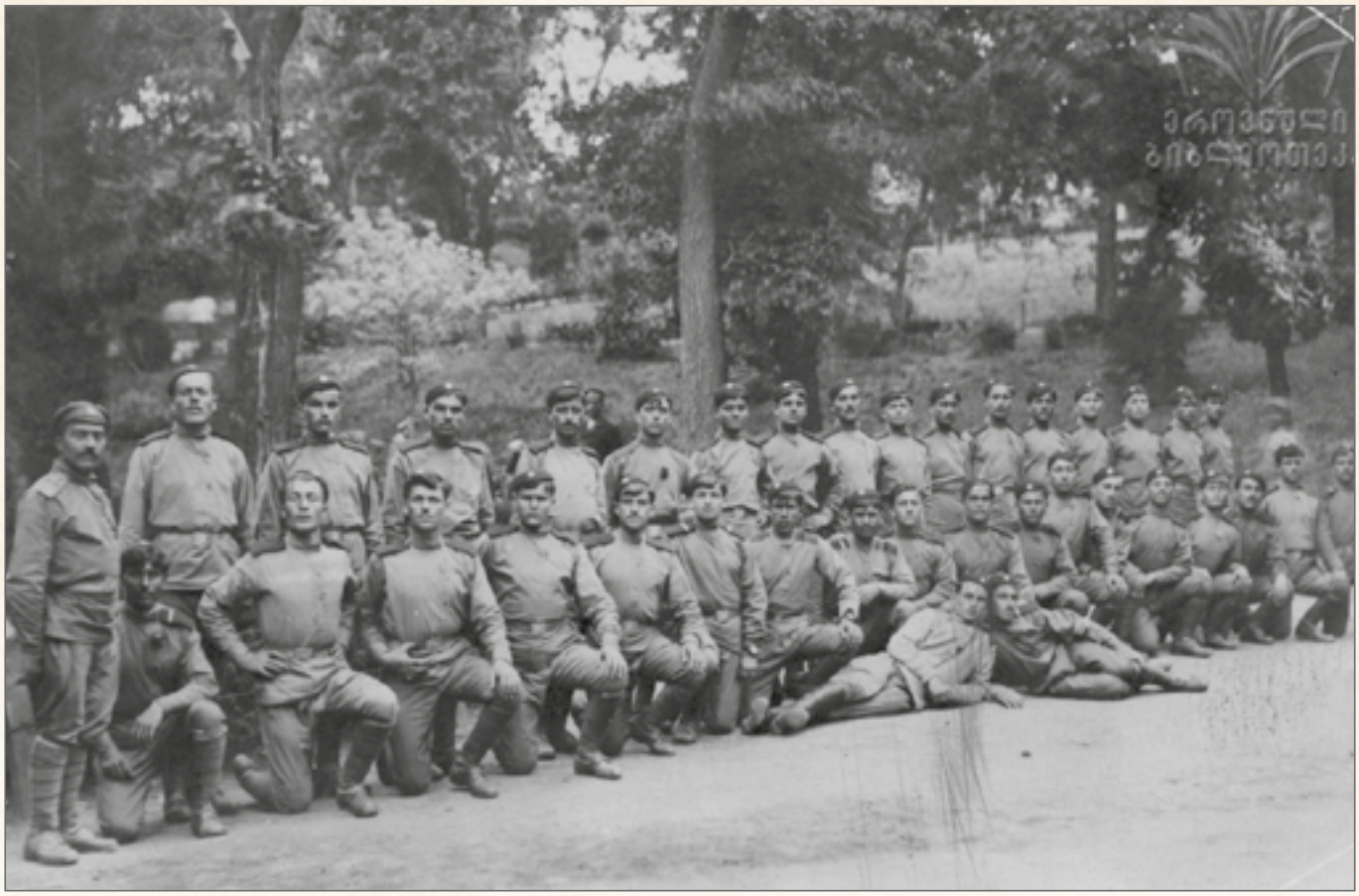
В дальнейшем тема Северного Кавказа и повстанчества регулярно появлялась в донесениях советского военного атташе и его сотрудников. В частности, советская военная миссия пыталась отслеживать переброски на Северный Кавказ офицеров из Грузии. В докладе No55, подготовленном в августе 1920 года, Сытин сообщал: «Снова подтверждается сведение о том, что грузинские военные власти оказывают реальную поддержку противосоветским восстаниям в Осетии и Ингушетии, снабжая их необходимым оружием. Делом этим занимается представитель Врангеля полковник Кусев, в контакте с коим работают полковники грузинской службы Гедеванов и Артемилидзе. Исполнительным органом при них является полковник Мехтиев, при нем для поручений офицеры Иванов и Лунев. Помимо того, через начальника Особого отряда Кедия ведется вербовка офицеров в Осетию и Ингушетию нижеследующим способом: агентами особого отряда арестовываются, проживающие в Тифлисе офицера, якобы за неимением определенных занятий. В Особом отряде происходит сортировка этих офицеров по их благонадежности, наиболее благонадежных держат в лучших условиях, снабжают их деньгами (по сведениям 200 руб. в день, каковые деньги выдаются офицерам лично Кедием) и, формируя из них Отдельные отряды, направляют в Ингушетию и Осетию. Так на днях отправлен в Ингушетию

летчик Урусьев во главе двадцати пяти человек».О деятельности «зеленых» Сытин информировал центр, в том числе и на основе газетных материалов. Осенью 1920 года Сытин работал над обширным докладом о Северном Кавказе, в котором собирался изложить серьезные предохранительные меры против грузинской активности, а для информирования центра о положении Грузии и ее соседей он хотел приехать в Москву на три дня. Доклад по Северному Кавказу был готов 23 сентября (No95). Сытин отмечал в нем, что грузинские власти поддерживали повстанцев в Кабарде и Минеральных водах. В Дагестане помощь повстанцам от Грузии была организована через начальника оперативной секции отдела Генерального штаба Грузии полковника Н. К. Гедеванова, у которого по этому направлению работал полковник Мехтиев. По оценке Сытина, Грузия была базой снабжения и поддержки повстанцев Северного Кавказа. Для снижения угрозы Сытин предлагал ослабить репрессии против горцев, наладить помощь горцам, уважительно относиться к шариату.

В докладе No168 от 15 ноября 1920 года Сытин привел список из 40 офицеров и других лиц, работавших по организации восстаний на Северном Кавказе с ротмистром, князем Ахмат-Ханом Эльдаровым. В качестве промежуточного отчета о своей работе Сытин сообщал осенью 1920 года в центр: «До сих пор работа моя как военного представителя сводилась, главным образом, к изучению вооруженных сил Грузинской Демократической Республики, дислокации этих войск и их передвижений. Кроме того, я следил за вооруженными силами соседних государств — Армении, Турции и повстанческих организаций Врангеля. Затем обстоятельства вынудили обратить особое внимание на образовавшееся повстанческое движение на Северном Кавказе. В виду полного отсутствия каких-либо сведений общеполитического характера, я вынужден был также заняться этими делами, хотя и в весьма ограниченном размере, ибо не имел на это особых полномочий и соответствующих средств. Теперь, получив Вашу бумагу и приложенный к ней приказ Р.В.С.Р. No117, а также личные указания тов. Одоевского, я постараюсь организовать это дело на более широких началах, дабы оно могло охватить все районы Ближнего Востока и дать подробное освещение и полную политическую обстановку не только действий Антанты, но и всех соприкасающихся с Грузией государств. В этом направлении мною уже предприняты шаги и заложена ячейка в Константинополе. Послана группа в район действий войск Кара-Бекира и в Армении. В ближайшем будущем необходимо будет создать в Константинополе твердый обстоятельный организм с постоянной связью Константино-

▲ Грузинская армия

поля с Тифлисом, который бы имел возможность быть всегда в курсе событий, совершающихся в Греции, Болгарии, Румынии, Сирии и Месопотамии.

В г. Тифлисе уже установлено наблюдение и получаются информации из Учредительного Собрания и Военного министерства. Принимаются меры для установления связи с Министерством иностранных дел и Министерством внутренних дел. Имеются свои люди в существующей повстанческой горской организации, возглавляемой в Тифлисе Меликовым и Тумановым. Приняты меры войти в курс дел мусаватистской организации некоего Едигарова, объединяющего повстанческие выступления мусульман в Азербайджане. Установлено наблюдение и получаются информации из Армянской миссии. Желательно в ближайшем будущем развить указанный аппарат, заложив основательные, вполне надежные ячейки в таких учреждениях, как, например, Французская и Английская миссии. Желательно будет организовать разведку в Персии и быть в курсе дел Ангоры. Главным тормозом к проведению всех этих предприятий в жизнь является полное отсутствие надежных и обстоятельных сотрудников. При мне как военном атташе состоит весьма ограниченный штат сотрудников в числе четырех человек, считая в том числе секретаря и письмоводителя, работы для этих людей вполне достаточно по службе в военном представительстве. Теперь же, когда у меня совмещена работа и по разведке, является насущная необходимость увеличить число моих сотрудников за счет штата военного представительства и в этом направлении считаю необходимым на первое время иметь, по меньшей мере, одного помощника секретаря, двух переводчиков (одного, владеющего европейскими, а другого —восточными языками), трех сотрудников для особых поручений, двух переписчиков и одного служителя. Набор сотрудников здесь на месте часто дает отрицательные результаты, поэтому считаю необходимым выбор сотрудников делать у нас в России и оттуда командировать в Тифлис.

Очередными главными задачами моей работы считаю необходимым выяснить следующее:

1. Какой новый фронт предпримет Антанта для борьбы с нашим государством.

2. Истинные намерения Мустафы Кемаля в связи с продвижением его войск в пределы Кавказского перешейка.

3. Для какой цели будут использованы остатки войск генерала Врангеля»

Советский военный представитель в Грузии основательно взялся за дело, чем принес большую пользу РККА. Материал Сытин получал как от информаторов, приезжавших из Крыма, Турции, Болгарии и от организаций: отдела печати при полпредстве РСФСР в Грузии, из информбюро при армянской дип. миссии, из персидского ген. консульства, так и из открытых источников —из сообщений мировых телеграфных агентств и из газет, включая крым-

ские, грузинские, армянские, азербайджанские, турецкие, английские, французские и американские. В общей сложности у Сытина было свыше 40 информаторов, в том числе в грузинском Учредительном собрании и в военном министерстве, в британской, французской, армянской миссиях. Список агентурной сети он привел в докладе No210 от 4 декабря 1920 года.

Агентурная сеть П.П. Сытина (по докладу No210 от 4 декабря 1920 года)

Местонахождение	Агенты
Учредительное собрание	Белоусов, Южный, Гейк
Военное министерство	Петров, Осипов Островский, Гейк
Ахалцых	Бахрадзе
Кутаис и Они	Габучия
Сухум-Кале	Белоусов, Илья
Поти	Михайлов, Борисов
Батум	Петров, Павчинский, Швец
Ахалкалаки	Григорьев
Организация Туман. и Мелик.	Манжос-Белый Джеб.
Организация у Петрушевского	Хватуперский
Организация во французском посольстве	Журавлев, Левченко, Иванов
Организация в английской миссии	Петрович
Константинополь	Долин
В Армении	Погорелов, Литвинов
Организация армянской миссии	Таиров, Чуйков
Тифлис	Марков, Васильев, Нордман, Юматов, Хомяков, Джибагиев, Пржебытиский, Косыв, Редлих, Забельский, Ремезов, Вольман, Костев, Семен, Карцев, Сарычев

Не всегда агентура оправдывала возложенные надежды. Сам Сытин в декабре 1920 года жаловался в центр на непропорциональный результату расход на разведку агентов Ремезова и Вольмана (доклад No226), причем последний вел широкий образ жизни. Агентуру Сытин находил в самых неожиданных местах. К примеру, Этот ценный документ вскоре попал к Сытину и уже в декабре 1920 года был переправлен в центр. В связи с переходами красноармейцев в Грузию начальник Генштаба генерал Захариадзе даже встречался с Сытиным 26 декабря 1920 года. Очень подробно освещалось состояние грузинской армии, поскольку возможностей для этого у Сытина было гораздо больше. Эта армия, по докладу Сытина от 28 июня 1920 года, насчитывала три пехотных бригады 4-батальонного состава. В каждом батальоне имелись три роты и пулеметная команда (в другом докладе —рота). В случае мобилизации батальоны развертывались в 3-батальонные полки. Имелась бригада пограничной стражи. Кроме того, имелись шесть дивизионов артиллерии по две батареи в каждом (3 горных, 2 легких и гаубичный), слабый конный дивизион (в другом докладе Сытина — полк) и инженерный батальон, а также четыре бронепоезда («Республиканец», «Рабочий», «Смерть или победа», «Крепость свободы»), пять бронемашин, несколько аэропланов. Помимо регулярной армии в Грузии имелась Народная гвардия —формирование милиционно-добровольческого плана, комплектовавшееся порайонно и состоявшее из пехотных батальонов с выборными командирами. Уже в докладе No32 от 20 июля 1920 года Сытин подметил важную особенность — конфронтацию между армейским руководством и командованием Народной гвардии. Гвардия, по сути, была государством в государстве. Советский военный атташе обратил внимание и на массовое дезертирство солдат грузинской армии (доклад No42 от 27 июля 1920 года), а также на тяжелое материальное положение грузинских офицеров, слабо обеспеченных жалованьем. 5 июля 1920 года Сытин составил доклад No13 о командном составе грузинской армии. Он сообщал в Москву, что военное ведомство возглавлял министр Г.С. Лордкипанидзе, при котором существовал военный совет в составе самого министра, его помощников Генштаба генералов А.К. Гедеванова и И.З. Одишелидзе, Генштаба генералов А.С. Андроникова, А.М. Бенаева, генерала К.П. Кутателадзе, а также еще трех членов, установить которых Сытин не смог. Неустановленные Сытиным лица были представителями Народной гвардии, о которой потенциальные информаторы советского военного атташе из бывших офицеров русской армии могли не иметь сведений, поскольку служили в регулярных частях.

Точные данные об организационной структуре грузинского военного ведомства Сытин смог установить не сразу. Первоначально он сообщал, что структура военного министерства Грузии включала отдел Генерального штаба с секциями организационной, оперативной, артиллерийской. Начальником Генерального штаба был Генштаба генерал А.К. Захариадзе. Генеральный штаб, как первоначально полагал Сытин, включал общий отдел (общая канцелярия, контрразведка, генерал Кавтарадзе), отдел личного состава, ведавший чинопроизводством и наградами (полковник (генерал русской службы) З.Д. Бакрадзе), топографический отдел. Сытин отмечал, что контрразведка, с которой ему приходилось сталкиваться, существовала не только в Генштабе, но и непосредственно при военном министерстве, где ею руководил полковник Тулаев. В июле 1920 года

▲ Грузинское правительство

Сытин передал в центр данные о структуре канцелярии военного министерства, включавшей отдел личного состава, строевой и хозяйственный отделы. Тогда же Сытин смог существенно уточнить собранные ранее сведения о структуре грузинского Генштаба. Было установлено, что он подразделялся не на отделы, а на секции и отделения. Структура оперативной секции во главе с Генштаба полковником Н. К. Гедевановым была установлена Сытиным в июле 1920 года. Секция включала отделения: строевое (майор Мусхелов), мобилизационное (полковник Чиляев), разведывательное (полковник И. Чечелашвили). Топографической секцией руководил генерал А. М. Бенаев, военно-дорожной — полковник Мачавариани, инженерно-технической —полковник Гурамов, артиллерийской —полковник Казбек, административно-хозяйственной —генерал Киншидзе.

Постоянно уточняя данные о грузинских частях, Сытин сообщал, что в батальонах имеется по 900–950 человек. Бригадами командовали: 1-й —генерал Д. А. Артмеладзе (помощник —генерал Т. Д. Вашакидзе), 2-й —генерал И. К. Гедеванов (помощник —генерал Сумбатов), 3-й — генерал Цулукидзе. Установил Сытин и дислокацию пехотных батальонов: 1-й батальон —Кутаис, 2-й —Поти, 5-й и 7-й —Тифлис, 6-й —Лагодехи, 8-й —Телав, 9-й —Ахалцих. Более точными со временем стали данные о пограничных и технических войсках, коннице. Сытин зафиксировал наличие трех артиллерийских бригад, саперного батальона, автомобильной роты, авиароты. Инженерными войсками руководил генерал Г. К. Такайшвили, а артиллерией —генерал К. П. Кутателадзе. Отметил Сытин наличие в армии и Грузино-Мусульманского конного дивизиона. Пограничная стража делилась на три отдела: Манглисский, Дарьяльский и Черноморский (всего 3 600 солдат). Артиллерийские бригады состояли из шести 4-орудийных батарей. Всего батарей насчитывалось 18 (72 орудия без мортирного дивизиона). Конный полк был 4-эскадронным, имел пулеметный эскадрон, всего насчитывалось до 700 сабель. Численность регулярной армии Сытиным оценивалась в 18 000–19 000 человек, а вместе с Народной гвардией — до 35 000 человек. Впрочем, эти данные представляются завышенными.

Сытин всесторонне изучал грузинскую армию и военный потенциал Грузии. В частности, он сообщал данные о наличии оружия и боеприпасов на складах в Тифлисе (к примеру, там хранилось более 1 000 пулеметов), что позволяло военному руководству Советской России оценить потенциал грузинских войск на случай войны. Не ускользнуло от его внимания и то, что 10% Народной гвардии к декабрю 1920 года были большевизированы. В декабре, по оценке Сытина, под ружьем в Грузии находилось уже 150 000 человек, что представляется преувеличением. Сытин информировал Москву о новых военных законах, принимавшихся в Грузии, о положении грузинских войск в разных частях страны (на-

пример, в Батумской области, доклад No59 от 13 августа 1920 года), о тактике и подготовке личного состава. В отношении последнего вопроса Сытин сообщал в докладе No64 от 17 августа 1920 года: «Важно отметить, что в Грузинской армии и гвардии первенствующее, даже исключительное внимание, отведено огневому действию. Штыковой удар как завершающий успех огневой подготовки игнорирован совершенно; солдаты не имеют никакого представления о действии штыком, так как эта отрасль боевой подготовки совершенно с ними не проходится. В начальстве существует уверенность, что, благодаря сравнительно большому наличию пулеметов, успех боя обеспечен вполне и заниматься обучением штыковому бою — совершенно излишне».

От внимательного взгляда военного атташе не укрылись и факты брожения в грузинской армии, случаи нарушения дисциплины, озлобление солдат на командный состав (доклад No65 от 17 августа 1920 года). В докладах No69 (август 1920 года), No85 (5 сентября 1920 года), а также в других документах Сытин приводил общую оценку военного потенциала грузинских войск и характеристику грузинского офицерского корпуса: «С точки зрения военного искусства Грузинские вооруженные силы не могут из себя представлять сильной, мощной, хотя и незначительной по количеству, армии. Коэффициент боеспособности этой армии весьма мал и причинами этого надо отметить следующее. Командный состав армии, хотя и состоит из бывших офицеров с большим боевым опытом, но эти офицеры совершенно не пользуются авторитетом среди своих солдат. Командный же состав Народной гвардии в большинстве случаев недостаточно образован с точки зрения военной специализации. Тяжелые условия существования вследствие дороговизны жизни, в связи с весьма скромными окладами содержания заставляет почти всю массу командного состава изыскивать на стороне средства к поддержанию своего существования, что вредно отзывается на служебной подготовке частей, и командный состав больше занимается коммерческими делами, нежели обучением своих солдат военной службе. Постоянная служба на границах, частые передвижения частей в зависимости от политической обстановки, полубоевая, тревожная жизнь войск, не только нервно измотали войска, но и прекратили возможность вести регулярные занятия в частях. Притока людей с высшим военным образованием в армию нет. Она в настоящее время живет за счет тех военных специалистов, которые ей остались по наследству от армии Кавказского фронта. Военное училище, пополняющее командный состав армии, представляет из себя довольно слабую по подготовке школу, которая не может выполнить, хотя бы сносно, поставленной ей задачи. Во главе военного управления стоят специалисты с крайне ограниченным военным кругозором, к тому же не пользующиеся полным доверием своего правительства, которое весьма часто ограничивает благие порывы этих сотрудников, не считаясь с военной необходимостью и принимая лишь

▲ Грузинская дорога

▲ Грузинские лидеры меньшевиков

к сведению партийные цели. В общем, Грузия, создав в весьма короткое время из имевшегося под рукой материала армию —боевую силу, не имела возможности организовать ее с точки зрения военных требований, а должна была ее сразу ввести в работу, которая длится до сих пор и не дает возможности грузинскому правительству заняться правильной организацией, образованием и воспитанием своей вооруженной силы. Все надежды партийных лиц, входящих в состав правительства, возлагаются на Народную гвардию. Поэтому на основании всего изложенного можно сказать, что Грузия в отношении своей вооруженной силы представляет государство, не способное к каким бы то ни было активным выступлениям, как самостоятельно, так и в союзе с кем бы то ни было. Грузия имеет вооруженную силу лишь для поддержания порядка в своей стране и наблюдения за границами своего государства. Оказать серьезное сопротивление наступающему извне врагу совершенно не может, а тем более не в состоянии вести продолжительные военные операции, хотя бы на одном фронте. Открытие Грузией военных действий немедленно повлечет за собою усиление экономической разрухи страны, что вызовет взрыв народного негодования, а последнее легко повлечет за собою открытое возмущение и стремление переменить существующую власть»80.Оклады грузинских офицеров составляли 3–6 тыс. руб. при казенном пайке и обмундировании. Как свидетельствовал советский военный атташе: «Современная действительность указывает, что означенные оклады слишком малы и не в состоянии удовлетворить офицеров, особенно семейных и благодаря этому большой процент офицеров наряду со службой занимается спекуляцией, а многие не брезгуют казенными деньгами, вверенными им по службе. Не без греха в этом отношении и помощник военного министра по хозяйственной части ген. Гедеванов, который, как утверждают многие офицеры Ген. штаба, проигрывает в клубах по 100–200 тысяч р. чуть ли не ежедневно, но пока умело предоставляет оправдательные документы. Одной из наиболее характерных бытовых черт в служебной жизни грузинского офицерства является чрезмерно развитое кумовство, которое играет здесь первенствующую роль и зачастую офицерский состав части подбирается почти исключительно из родственников. Отмечая чрезвычайно развитое казнокрадство, приходится отметить, что это явление довольно вредно отзывается на интересах республики, так как все хищения со-

размерены с аппетитом не одного лица, а целой группы. Для примера обращу внимание на дело бывш[его] ген[ерал]-губернатора Шалвы Маоликелидзе и хищение в офицерском экономическом обществе. В первом случае казна пострадала на сумму свыше полумиллиона, во втором — на 21/2 миллиона. Не отстают в этом отношении от офицеров и солдаты — спекуляция их родная сфера...». Как следствие всех недостатков грузинская армия едва справлялась с подавлением внутренних восстаний на территории страны. Относительно положения офицерского состава при власти грузинских меньшевиков Сытин писал: «При укомплектовании войск офицерским составом офицерам с партийным признаком было дано преимущество перед офицерами, стоящими вне партии, благодаря чему части заполнены молодежью выпусков 1914–17 гг., а кадровые офицеры старой армии, обладающие широким общим образованием и отличной военной подготовкой, не нашли себе места в родной армии или им уделены там весьма скромные должности. Кроме того, обращает на себя внимание назначение на должности лиц, совершенно не соответствующих как в нравственном отношении, так и по подготовке. Так, например: командиром единственного конного полка в армии является, как было указано раньше, бывший пехотный офицер; начальником арсенала был долгое время бывший командир батальона (полк. Коринтели) — пехотинец, которого впоследствии уже заместил строевой артиллерийский офицер (полк. Туманов), хотя эту должность с большим успехом и пользой для дела мог бы занимать артиллерист-академик, офицер со специальной подготовкой; начальник главного инженерного склада (майор Багратион-Давыдов) также бывший пехотный офицер, окончивший в 1909 году Тифлисское пехотное юнкерское училище. В прохождении службы офицерами необходимо отметить, что повышение в чинах ни в какой степени не зависит от полученной подготовки и продолжительности службы. Все зависит от оценки высшим начальством и, благодаря этому, получается впечатление, что зачастую лица, благодаря родственным или иным отношениям, приобретают преимущества над не имеющими таковых. Важно отметить, кстати, что старший лейтенант Парезашвилли получил чин капитана и командование 7-й ротой 7-го пех[отного] полка только потому, что является женихом дочери командира полка —полк. Вачнадзе; между тем в полку есть более старшие и достойные офицеры. При переходе по мобилизации войск на военное положение офицерский состав укомплектовывается призывными из запаса.

В настоящее время комплект офицеров в армии полный, а в некоторых частях офицеры имеются сверх комплекта. В пехоте и кавалерии на 25 солдат приходится по одному офицеру, а в специальных и технических частях по одному на 20, помимо штабных офицеров. Всего грузинская армия насчитывает от 1 300 до 1 500 человек офицеров. Кроме того, в Грузии имеется около 500 кадровых офицеров бывшей Кавказской армии, оставшихся не у дел, которые в случае столкновения Грузии с Советской Россией несомненно вступят в ряды грузинской армии... Офицерский состав в пехоте и кавалерии почти исключительно грузины, в специальных и технических частях, особенно в авиации и автороте — не грузинский состав (русские, армяне, поляки, немцы и пр.).Для комплектования в будущем войск офицерским составом существует в Тифлисе военная школа, состоящая из 4-х отделений: пехотного, артиллерийского, кавалерийского и инженерного с 2-хгодичным курсом, куда принимаются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет с законченным средним образованием».

Сытин указывал, что 90% грузинской армии составляли грузины, 5% грузинские армяне, 2% русские — уроженцы Грузии, 3% инородцы, в том числе мусульмане. Большой интерес представляют характеристики представителей грузинской военной элиты, вошедшие в доклад No147 от 6 ноября 1920 года. Характеристики эти свидетельствовали о неудовлетворительности высшего руководства грузинских вооруженных сил: «Заведующий отделом формирования генерал Джиджихия — Офицер Генштаба, но весь его боевой опыт ограничивается первыми месяцами войны 1914 года, т.к. попал в плен в составе корпуса Самсонова. Прибыл из России в 1918 г. капитаном. Здесь командовал гвардейскими частями в войну с армянами и с Азербайджаном, особых военных талантов не выказал, но, конечно, среди всего командного состава гвардии был наиболее знающим офицером. Большой интриган. Как заведующий отделом поставил свою канцелярию на широкий, но вполне бюрократический лад. При назначении служащих и лиц командного состава склонен принимать больше во внимание частные интересы, чем интересы дела... Командир артиллерийской бригады Каргаретели — отличный офицер довоенного времени, прекрасный хозяин, человек дела. В политическом отношении человек либеральных, но отнюдь не социалистических взглядов». В докладе No217 от 7 декабря 1920 года Сытин отмечал, что «военное министерство (Гедеванов, Одишелидзе) и высший командный состав — старых русских традиций, за некоторым исключением (Джугели —известный националист, стратегической подготовки нет, все за независимую Грузию)». Председателя главного штаба Народной гвардии В. Джугели Сытин характеризовал как честолюбца, популиста, но решительного и храброго человека и отличного вождя (доклад No147 от 6 ноября 1920 года). Характеристики грузинских военных деятелей присутствовали и в других донесениях: «Генерал Иосиф Геденашвили — кончил по 2-му разряду академию Генерального штаба; до 1905 года служил в штабе дивизии (66 рез[ервной]). В 1906 году принимал деятельное участие в ограблении Душетского казначейства (якобы с политической целью). Был судим, удален со службы. Занялся литературной и политической дея-

тельностью. Видный деятель партии с[оциал]-ф[едералистов]. Русских не любит. После революции вновь поступил на военную службу и быстро из капитанов попадает в генералы. Никакой серьезной военной подготовки, не командовал даже ротой. Как командующий фронтом — полная бездарность, но с большими претензиями. Жордания, видимо, хорошо его раскусил и теперь недолюбливает. Полковник Дзагания (начальник штаба фронта) —способный, но малоопытный офицер Ген.штаба, окончивший ускоренный курс академии в 1918 году. К крупным операциям совершенно не подготовлен. Генерал Джиджихия. В первый же год войны попал в плен к германцам, откуда вернулся в 1918 году в чине капитана. Занимался в с.д. партии, устроился в Народную гвардию и быстро дошел до ген. чина. Офицер Ген. штаба, в военном отношении подготовлен слабо, ибо ничем не командовал, пронырлив (как все мингрельцы), большой интриган. Получил должность, ибо больше в Народной гвардии некого было назначить». В докладе No17 от 9 июля 1920 года Сытин сообщал С. М. Кирову и П. П. Лебедеву об имевшихся в Тифлисе военных запасах, причем были указаны адреса Государственное управление.

Информацию о грузинской армии Сытин постоянно уточнял и дополнял. На основе собранных материалов к осени 1920 года он составил брошюру, посвященную описанию грузинских войск. В связи с завершением работы над рукописью Сытин сообщал в докладе No91 от 14 сентября 1920 года П. П. Лебедеву и С. М. Кирову: «Представляю составленную мною брошюру —Вооруженные Силы Грузинской Демократической Республики, прошу, если признано будет возможным, отдать ее в печать и распространить между штабами войсковых частей Кавказского фронта. Брошюра была мною составлена на основании сведений, добытых мною с большими усилиями в течение моего кратковременного пребывания в пределах Грузии, т. е. с 18-го Июня текущего года, и, полагаю, что данные, изложенные в ней, достаточно мною проверены и могут носить достоверный характер. Когда брошюра была мною составлена, я получил —Боевое расписание сил Грузии, составленное оперативным отделом штаба XI-й армии 25-го августа 1920 года. Сравнивая указанные там сведения со сведениями, вошедшими в мою брошюру, я подтверждаю правильность моих данных...».

Текст брошюры Сытин дополнял по вопросам дислокации войск и в октябре 1920 года. Брошюра Сытина была издана в 1921 году в Москве объемом 28 страниц, не считая схем. В ней были рассмотрены как вооруженные силы (регулярная армия, флот, народная гвардия в аспектах их состава, комплектования, устройства, управления, численности, снабжения, вооружения, снаряжения, довольствия и обучения,

▲ Грузинские меньшевики

а также вопрос настроений), так и политическое, экономическое и международное положение Грузии. В приложении были опубликованы схемы организации военного министерства, регулярной армии, бригады и дивизии. В этом издании отмечалось, что «опасаясь —советизации, окруженная со всех сторон советскими республиками, Грузия очень недружелюбно относится к России и всеми силами помогает тем контрреволюционным элементам, которые тем или иным способом ведут борьбу с Советской властью на Кавказе». помощник советского военного представителя в Армении генштабист А. А. Бобрищев Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. Данные о вооруженных силах и краткий обзор политического, экономического и международного положения Грузии (по состоянию к 1 января 1921г.) М.,1921. В 1995 году брошюра переиздана в Тбилиси. Небольшие фрагменты ее также опубликованы в: «Грузия очень недружелюбно относится к России» / Публ. В. Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. 2002. No6. С.34–Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. С.28.

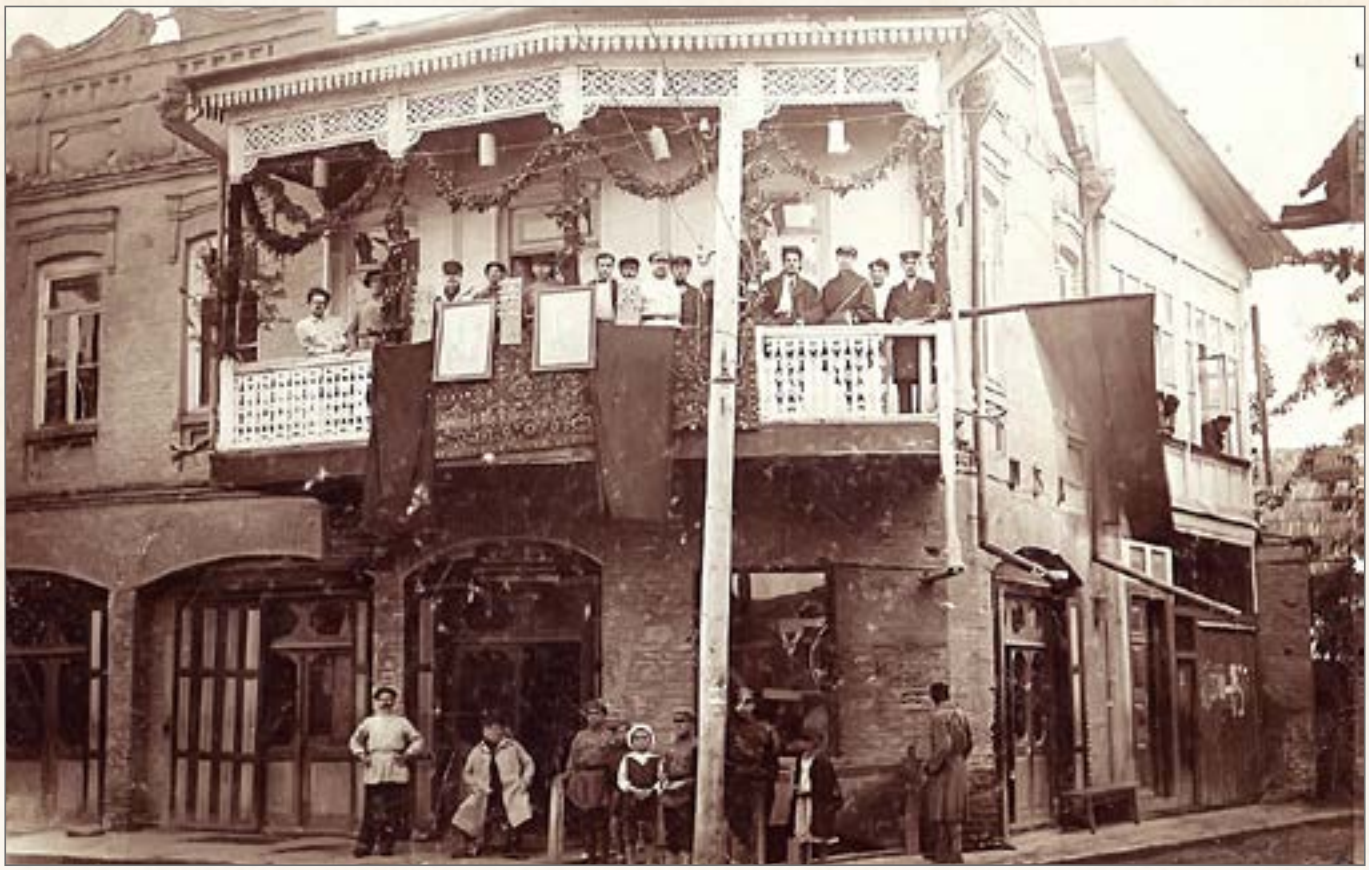
Характеризуя настроения в грузинском обществе, Сытин отмечал в докладе No179 от 21 ноября 1920 года рост симпатий к России в правительственных кругах. В докладе No217 от 7 декабря 1920 года о положении в Грузии Сытин писал: «Коммунисты имеют влияние только на рабочих и тоже частично. Крестьянство и городское население относится отрицательно к коммунистической пропаганде. Грузинское правительство боится роста влияния компартии и противодействует всеми мерами». При этом в докладе No274 от 30 декабря 1920 года Сытин писал о том, что грузинская военная элита рассматривала возможность наступления на красных. Сам же Сытин считал активные действия грузинской стороны вероятными лишь в случае получения британской поддержки.

В целом грузинское командование относилось к РККА пренебрежительно, получили распространение шапкозакидательские настроения.

▲ С.М. Киров

В докладе No275 от 30 декабря 1920 года Сытин писал: «Отношение грузинских властей и военного командования к стоящей на границе Красной Армии явно пренебрежительное. В своих разговорах о ней начальник генерального штаба Захариадзе делает очень нелестные отзывы. Каралов из Эривани шифрованной депешей, делая оценку Красной Армии, прибавляет: — Горетому народу, который не окажет сопротивление этой рвани... В своей победе грузины нисколько не сомневаются и уверены, что они —шапками закидают своих врагов, которые, по их мнению, едва ли посмеют тронуть Грузию, уверены они также, что между Сов. Россией и кемалистской Турцией разрыв неизбежен: в этом случае грузины думают оставаться нейтральными в надежде от этого нейтралитета сильно выиграть (ген. Гедеванов). Впрочем, есть и сторонники совместного выступления с Турцией против России». Не ускользнули от внимания Сытина и проблемы во взаимоотно-

▲ Старый Цхинвал

шениях Тифлиса и окраин Грузии. В частности, 7 сентября 1920 года он направил в центр доклад No86 об Аджарии и сдаче грузинам главнокомандующего аджарскими войсками Кескин-Заде. В этом чрезвычайно интересном документе Сытин отмечал: «Мне кажется, в интересах Советской России не является стремление всячески усиливать Грузинскую Демократическую Республику и способствовать ее усилению, тем более, что, насколько мне известно, она не стесняется оказывать и тайно и явно помощь врагам Советской власти, а потому я считаю, что, если это так, то наша обязанность принять все меры к предотвращению возможного явления, которое, несомненно, должно произойти в ближайшем будущем. Я считаю необходимым не допустить возможности, чтобы грузинское правительство могло сейчас использовать Кескин-Заде для Грузии и поэтому признаю срочным переезд Кескин-Заде в советскую республику... Отъезд его будет связан с продолжением начатого им дела в смысле подготовки помощи и организации в Советской России всех средств к будущему восстанию... Среди аджарского населения нетрудно будет поддержать эту идею и тем дать надежду на лучшее будущее. Мне кажется, что поступая так, мы сохраним за собою расположение аджарского народа, который, ожидая от Советской России помощи для получения себе независимости, никогда не пойдет с Грузией на уступки и останется верен своим стремлениям, затаив в себе ненависть к грузинам и надежды на будущее».

Наблюдения Сытина сохранили свою актуальность и в конце XX — начале XXI века. Помимо вооруженных сил закавказских государств Сытин информировал руководство РККА о военно-политической обстановке в других странах. В частности, уже 30 июня 1920 года в докладе No9 он сообщил сведения о расположении турецких войск, в июле 1920 года подготовил доклад о положении в Персии, освещал события греко-турецкой войны, в докладе No72 от 25 августа он сообщал о сильных коммунистических симпатиях в Турции, в докладе No84 от 2 сентября —о состоянии разведки в Турции. Видимо, на основании данных агента, старшего лейтенанта Л.Е. Кованько (завербован военмором К.А. Бенкендорфом вместе с выпускником Николаевской академии бывшим штабс-капитаном В.М. Погореловым), прибывшего из Константинополя, 16 сентября Сытин составил подробный доклад No93 об оккупационных силах Антанты в Турции. Документ включал информацию о возможностях въезда в Константинополь. Тогда же от константинопольской военно-морской агентуры Сытин получил подробные данные о состоянии врангелевского флота (доклад No94 от 16 сентября 1920 года). В поле зрения советского разведчика попадали и события в Великобритании, связанные с положением английских шахтеров и их выступлениями

в 1920 году (доклад No96 от 23 сентября 1920 года), протесты английских рабочих против оказания помощи белым. Доклад No110 от 7 октября 1920 года касался событий в Болгарии, Румынии, Месопотамии, Сирии, Аравии, Турции, Югославии, Албании, Италии, Великобритании и Франции. Доклады о международном положении он готовил и в дальнейшем. В Москву Сытин в конце 1920 года направил даже собственноручно нарисованную схему итало-югославской границы по Раппальскому договору. При наступлении РККА Сытин был арестован меньшевиками в Тифлисе и 1,5 месяца просидел в тюрьме в Кутаисе и Батуме как представитель Советской власти. Доклады в период ареста, разумеется, Сытин составлять не мог. По итогам своей миссии, уже после советизации Грузии, 26 марта 1921 года, Сытин удостоился высокой оценки члена РВС Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе и начальника Особого отдела 11-й армии Панкратова, отметивших в специальной справке: «Настоящая справка выдана военному атташе при полномочном представительстве Р.С.Ф.С.Р. тов. П.П. Сытину в том, что по его материалам зафронтовой разведки Особым отделом 11-й армии производилась работа на территории армии и при пользовании ими являлась возможность легче обнаружить участников контрреволюционных организаций:

А) Горской — по освобождению горских народов от большевиков,

Б) Спасения Азербейджана, а также и их действий.

Кроме указанного, работа тов. Сытина в Грузии давала возможность командованию фронтом в лице тов. Орджоникидзе быть в курсе закулисных дел иностранных представительств, а армии — своевременные сведения о состоянии грузинских войсковых частей, их вооружений и дислокации».

Сытин продолжил работать и после советизации Грузии. Если в 1920 году он готовил сводки фактических данных, отталкиваясь от текущих событий, то теперь перешел к составлению глубоких аналитических записок. Апрелем 1921 года датированы последние его аналитические записки в Региструпр о грузино-российских отношениях. Эти записки сохраняют свою актуальность и спустя почти столетие.22 апреля 1921 года Сытин подготовил доклад о политических настроениях в Грузии и грузинском шовинизме, писал об усиленной антироссийской пропаганде в Грузии в 1920 году, о помощи грузинских властей белым, о тяжелом положении русских в Грузии. Среди прочего Сытин отметил, что вдохновителем антироссийской политики выступала Великобритания.

«Советская миссия в Тифлисе достаточно испытала на себе, еще до разрыва в феврале с.г., остроту шовинистического ненавистничества буржуазной Грузии к России», — отмечал советский военный представитель. При этом миролюбие Москвы расценивалось Тифлисом как проявление слабости. Продолжалась и разведывательная работа. Так, Сытин сообщал о предстоящем прибытии в Тифлис восьми французских разведчиков, трое из которых уже находились в Батуме. Беспокойство Сытина вызывали и некоторые тенденции, последовавшие за советизацией Грузии. Так, он отмечал, что в советские учреждения для подпольной работы стали внедряться грузинские шовинисты, в том числе ранее служившие в народной гвардии. Подобные случаи пытался отслеживать Особый отдел 11-й армии. Бывший генерал писал в докладе: «Нельзя в жертву шовинизму маленькой нации, занимающей территориально столь важную позицию между РСФСР с одной стороны и Турцией и Антантой с другой (ворота в Индию) приносить насущные интересы Интернационала». По всей видимости, Сытин проникся большевистскими идеями, трактуя их в имперском смысле.

Сытин предложил свое видение организации управления Грузией. По его предложению здесь должны дислоцироваться силы РККА, в особенности на черноморском

▲ Мингрел

побережье возле турецкой границы. Генштабист также писал: «Мерой, ослабляющей грузинский шовинизм и территориально и материально, я считал бы отделение Абхазии». Сытин считал необходимым решением местного населения присоединить Абхазию к РСФСР. В целом же действенным способом контроля грузинской территории советский военный атташе считал расчленение Грузии на автономные единицы. Сытин писал: «Отделение Абхазии от Грузии диктуется всеми соображениями, и замедление осуществления этого может быть чревато самыми нежелательными последствиями: Абхазия может примкнуть к Горской республике (от Грузии она решила отойти)».

Допускал Сытин и отделение Мингрелии. По его оценке, «вот этот путь — расчленения Грузинской Республики на ряд автономных единиц — тем более подчиненных влиянию РСФСР, чем эти единицы меньше, заслуживает большого внимания. Нет сомнения, что автономное устройство этих маленьких республик не только благоприятно отразится на их отношении к РСФСР, но также и на внутреннем их благосостоянии: самостоятельность под могучим покровительством России поднимет жизнеспособность этих наций». По мнению Сытина, грузинская советизация была похожа «как ни грубо это сравнение, на уловку духанщика, вывешивающего над своей лавочкой вывеску —кооперация». Сам бывший генерал писал о личной небезопасности высказываемых суждений, но затем вычеркнул это: «Высказывая изложенные соображения, я базируюсь исключительно на неоспоримых фактах, — вся эта картина здешних настроений не может быть опровергнута. Сознавая всю ответственность (и даже личную небезопасность), я считаю своим долгом давать, как всегда, правдивую политическую информацию, ибо только правильное освещение совершающихся событий поможет центру избрать верную линию политики Р.С.Ф.С.Р. в Закавказье».

26 апреля Сытин подготовил для Региструпра доклад No18 о положении в Грузии, в котором с тревогой отмечал настроения и тенденции в регионе после прихода РККА: «В этой краткой заметке трудно даже приблизительно определить ту степень шовинизма и человеконенавистничества, какая была проявлена грузинами по отношению так называемых инородцев. Правда, все эти инородцы, т. е. русские, армяне и даже татары не скрывали своей ненависти к грузинскому правительству и все свои надежды возлагали на приход в Закавказье русских. Занятие Азербайджана советскими войсками сильно подняло настроение негрузинских жителей Тифлиса и у всех до последнего времени, правда, с некоторой тревогой, срывалась фраза: —Когда же, наконец, придут большевики. же. То есть азербайджанцы.

Тревожное волнение, которое рождалось при мысли о — приходе большевиков, во многих случаях умерялось сознанием, что с приходом Красной Армии исчезнет тот ущерб русскому языку, русскому имени, русской культуре — ущерб, который возрастал по мере углубления грузинского меньшевистского режима и который был и морально и практически тягостен, как уже было сказано выше, не только русским, но равно и другим национальностям Грузии, пользовавшимся большей свободой при прежнем русском режиме...

С бегством меньшевистского правительства и входом в Тифлис Красной Армии в первые дни действительно царствовало убеждение, что — Россия вернулась, что прошел

национально-государственный мираж и под новыми знаменами Россия творит свой — империализм... Повсеместно в эти дни грузинский язык исчез, точно спрятался. Почти не стало его слышно на улицах. Воззвание, приказы, объявление, театральные афиши —все писалось на одном русском языке, и те, которым был он дорог, все чаще повторяли, что русский язык — одно из завоеваний Красной Армии. Однако с въездом в Тифлис ревкома Грузии пошатнувшееся было дело грузинской национализации стало быстро оправляться. Характерно заявление турецкого военного представителя в Тифлисе, который сказал: —Я не вижу, чтобы изменилась политика Грузии с переменой власти, разве только усилился грузинский шовинизм... Грузинское общество, оплакивавшее в меньшевиках более всего гибель грузинской национальной идеи, стало видеть в некоторых членах ревкома более ярких и активных проводников грузинского национального дела, борцов за него против русского духа, искони внушавшего грузинским националистам чувство панического ужаса и яростной злобы... Вся политика ревкома стала определенно носить узко-грузинский характер».

По свидетельству Сытина, происшедшее выступление армянских дашнаков было воспринято как нападение армян на грузин, а не на красных и повлекло за собой преследования армянского населения. Грузинский ревком относился к русскому населению как к пасынку (доклад No20 от 26 апреля 1921 года). Сытин выступал за единство Закавказья под властью России. Он прямо писал, что едва ли десятая часть грузинского населения Тифлиса была грамотна по-грузински (в городе проживали 346 000 человек, включая 35 000 грузин, 147 000 армян и 91 000 русских). Генштабист заключал: «Какое же есть основание считать Тифлис грузинским городом и навязывать ему грузинскую власть».

Тифлису, Баку и Батуму Сытин предлагал предоставить статус общекраевых вольных городов. Всего в Закавказье, по данным Сытина, находилось около полумиллиона русских, интересы которых особенно волновали бывшего генерала. Роль России в освоении Закавказья он считал выдающейся. Так, Батум на русские деньги из захолустной турецкой деревушки превратился в первоклассный порт. О том, кто, кому и что должен, не является ли Россия оккупантом в Закавказье Сытин писал в докладе No23 от 30 апреля 1921 года (публикуется в приложении). Этот документ был подготовлен еще до советизации Грузии, но отправить его в центр Сытин смог только весной 1921 года. Наряду с глобальными вопросами переустройства региона Сытин занимался и сохранением культурного наследия: в частности, доклад No19 от 26 апреля 1921 года касался вопроса о сбережении коллекций Кавказского музея. В докладе No24 от 30 апреля 1921 года (подготовлен в конце декабря 1920 года) Сытин писал об агрессивных действиях грузинских властей: закрытии газеты «Коммунист», арестах сотрудников русской миссии, не пропуске грузов для Армении, аресте советского имущества, использовании Грузии Антантой. В том же документе военный атташе предлагал разорвать отношения с Грузией через 2–3 месяца, что в итоге и произошло.

Вопрос об отношении к русским затрагивался и в докладе No25 «Советизация Грузии», датированном 30 апреля 1921 года. В нем Сытин отметил, что «вражда к русским, беспричинное удаление с мест, придирки, униженья, гонения на все русское поколение (должно быть «население».—А. Г.), —все это являлось не единичным явлением, а как массовое явление —глубоко прискорбным и тягостным».

Грузию Сытин оценивал как хитрого и трусливого противника, отмечая, что страна внутренне разлагалась, однако советское наступление позволило это замаскировать. В период советизации, как отмечал атташе, прокатилась волна арестов советских граждан, которых водили по улицам Тифлиса и торжественно ссылали в Кутаис. Возможно, через это прошел и сам Сытин. Сытин писал: «С вступлением частей Русской Красной Армии в Закавказье перед русской государственной властью стал вопрос о будущем устройстве края. Опыт истекшего трехлетия вполне, казалось, независимого существования Закавказья, доказывает с несомненностью, что край нуждается в помощи третьей силы как регулятора взаимоотношений грузин, русских, армян и племен мусульманских различного происхождения, населяющих край. Отсутствие такой беспристрастной третьей силы повлекло за собой в момент разгара национальных инстинктов трения, и межнациональные вопросы и по сие время остаются неразрешенными. Армяно-Грузинская война 1918 года, возникшая вследствие территориальных споров за Ахалкалакский уезд и южную часть Борчалинского, резня армян в Азербайджане, политическое унижение татар и армян в пределах Грузии, притеснение мусульман в Армении и, наконец, приниженное положение в политическом и экономическом отношениях русских во всем Закавказье явилось последствием создавшегося в крае нового устройства и отсутствия третьей, равно для всех авторитетной, власти. Экономические последствия такого разногласия в крае многочисленны. Грузия, имея в своем обладании Черноморские порты и транзитные к ним пути, по своему усмотрению и в интересах политического давления и с целью экономических поборов задерживала вывоз нефти из Баку и ввоз продовольствия в Армению, захватила все находящееся на ее территории русское, общекраевое и фронтовое имущество, которое, естественно, было сосредоточено в общекраевом центре —Тифлисе (интендантское, союза городов, земское, арсенала, главных мастерских Закавказских жел. дорог и прочее) и тем поставила две других республики в безвыходное положение за отсутствием в них всяких запасов и технических средств (Азербайджан кое-как справился, благодаря запасам и техническим

▲ Меньшевики ГДРП

оборудованиям, имевшимся в Баку, хотя и с затруднениями). Азербайджан не пропускал в Армению нефть и жел. дороги последней не могли правильно функционировать. Можно привести бесконечное число примеров, различных политических и экономических мероприятий, повлекших за собой обнищание народных масс, обострение экономического кризиса и главное межнациональных отношений». Эти слова П.П. Сытина остаются актуальными.

«Я избегал, — писал Сытин, — опасаясь обвинений в империализме, выдвигать русскую точку зрения на Закавказскую проблему. Между тем, Великий народ, давший по собственной воле подвластным ему народам право на самоопределение, не может допустить, что Закавказье стало ареной националистических страстей и иностранных интриг, направленных против России. Не может Россия допустить, чтобы Закавказье обратилось во вторые Балканы. И так как прошлое трехлетие доказало, что современная и полная независимость Закавказья означает его зависимость от других держав, Россия должна озаботиться восстановлением в новых формах своего законного влияния в Закавказье».

Заслуги Сытина в сфере военной разведки были оценены по достоинству, а сам он с 1 мая 1921 года был прикомандирован к Разведупру Штаба РККА. Деятельность П.П. Сытина на посту советского военного атташе в Грузии заслуживает самой высокой оценки. Направление опытного генерала-генштабиста (хотя и беспартийного) на эту работу полностью себя оправдало, принеся Советской России результаты, далеко выходившие за рамки освещения собственно грузинской территории. Несмотря на материальные трудности и недостаточный штат сотрудников, советский разведчик развил высочайшую активность, в короткий срок создал собственную агентурную сеть и начал снабжать центр важнейшими данными как о положении Грузии и Закавказья, так и шире — государств Причерноморья. Важнейшей составляющей работы Сытина стало освещение деятельности белых как в Крыму, так и на Северном Кавказе, что не только обеспечивало Москву важной информацией по самым разным вопросам, но также позволило заранее узнать о подготовке врангелевского десанта на Кубани, который на кавказском побережье был встречен частями РККА и разгромлен. Работа Сытина по выявлению связей белых с северокавказским повстанческим движением, думается, также вносила важный вклад в дело скорейшей ликвидации антибольшевистских повстанческих организаций. Данные Сытина о состоянии грузинской и армянской армий, о внутреннем положении закавказских республик сыграли свою роль в процессе советизации этих государств в 1920–1921 годах, а прогнозы Сытина о путях развития Закавказья и межнациональных отношениях сохраняют свою актуальность и по сей день.

Доклад П. П. Сытина начальнику Регистрационного управления Полевого штаба РВСР «Взаимоотношения России и Грузии». 30 апреля 1921.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Полномочное Представительство в Грузии Военный Атташе Апреля 30 дня 1921г. No155г. Тифлис Начрегиструпру при Полевом Штабе РВСР.

Секретно.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ГРУЗИИ

Взаимоотношения Грузии и России в освещении Тифлисской прессы, устами грузинских ученых и ответственных политических деятелей получили удивительно тенденциозную, совершенно искаженную, не соответствующую действительности окраску. С одной стороны, Россия изображается каким-то хищником, алчным грабителем, стремящимся без всяких оснований, вопреки всем законам, овладеть ничем не повинной страной, с другой, Грузия выставляется неповинной жертвой, носительницей и хранительницей высоких идеалов, отстаивающей их перед посягательством извне во имя блага всеобщей культуры. Так как такого рода мненья, тем не менее, пользуются широкой распространенностью не только в Грузии, но и среди широких слоев всего населения Кавказа и даже среди иностранцев и редко кто ориентируется в этом вопросе, то поэтому необходимо было бы всесторонне осветить этот вопрос для выяснения истинного положения. Прежде всего, необходимо было бы на основании точных цифровых данных и не подлежащих сомнению материалов выяснить принципиальный вопрос: в какой мере Грузия является должником России или больше Россия Грузии и составить на основании этого взаимный баланс. ЦИАГ. Ф.1874. Оп.1. Д.4. Л.24–25об. Заверенный машинописный отпуск. Вписано от руки. Доклад этот был написан еще при существовании меньшевистского правительства в Грузии. П. Сытин (рукописная вставка).

Для лиц, знакомых с экономической и социальной жизнью Кавказа, совершенно ясно, что Россия сделала для Грузии весьма много, если не все. Сравнивая Грузию с соседним Азербайджаном, мы видим, что в последнем есть целый ряд богатств, которые возникли помимо участия в них России, таковой является, например, культура хлебов, излишек которых Азербайджан вывозит, рис, шелководство, пожалуй, хлопководство и нек. др. Даже жел. дорога, в равнинной стране, не была, собственно говоря, органически нужна стране. В Грузии мы видим совершенно другое: та же самая жел. дорога, проведенная в гористой стране, лишенной (в документе ошибочно — «лишенная». — А. Г.) удобных путей сообщения, является органически необходимой для развития страны, является крупным в нее вкладом, не говоря уже о том, что стоила громадных материальных затрат, массы труда и энергии. Все, что создано в области земледелья, разработки горных богатств, словом все богатства теперешней Грузии — все это дело русского ума, русской энергии и русских капиталов. Сами грузины ничего не создали. Даже как наследье войны досталось Грузии от России миллиардное добро. Грузия, со своей стороны, давала России подати и рекрутов, причем надо заметить, что и в этом отношении Россия охраняла Грузию от чрезмерного давления на нее со стороны мусульманского мира, и если Грузия в 1801 г. добровольно присоединилась к России, то, главным образом, чтобы избегнуть полного порабощения ее со стороны мусульман. И вот, если мы подсчитаем взаимное «дебет» и «кредит», то обнаружится факт, что Грузия остается весьма и весьма большим должником России и, что она, порывая все связи с Россией и враждебно относясь к ней, поступает по отношению к ней как недобросовестный, нечестивый, выражаясь образно, желающий смошенничать должник. Этот вопрос должен быть разработан беспристрастно, строго научно и весьма подробно, т.к. он ложится в основу понимания русско-грузинских взаимоотношений.

Дальше, для характеристики русско-грузинских отношений вообще следовало бы сопоставить отношение русских к грузинам в период могущества России с таковым же грузин к русским в настоящее время, точнее сказать, руководящих грузинских кругов и значительной части общества. Никто не станет отрицать, что к грузинам в России относились всегда самым хорошим, дружеским, радушным образом, что в то время, как к другим народам Русской империи относились с некоторой недоверчивостью, к грузинам же относились положительно, отдавая им предпочтенье даже перед коренными русскими. Ни один народ не имеет такого долга благодарности к русским, как грузины. Между тем, нужда среди русского населения Грузии достигла в настоящее время таких размеров, беззастенчивое, придирчивое и даже просто враждебное отношение к нему среди местного населения так сильно, волна шовинизма так велика — поистине и этот вопрос также должен подвергнуться освещению.

Для окончательного выяснения взаимных отношений Грузии к России необходимо было бы дать беспристрастную характеристику Грузинской Республики в настоящее время. Внизу — темная, алчная масса жадного грузинского крестьянства, лишенная всякой идейности, стремящаяся копить и выжать из городского населения все, что можно. Выше — грузинское чиновничество, примостившееся к доходным местам, набивающее карман при показном патриотизме и под покровом безнаказанности распространившее до невероятности казнокрадство, взяточничество и своеволье. Еще выше — руководящие верхи из имеретин, составляющие род касты, лично наживающие миллионы, ненавидящие Россию, отличающиеся невероятным самомнением, шовинизмом и империалистическими аппетитами. Кроме них, поодаль, небольшая беспомощная кучка грузин или честных или же просто обедневших и лишенных почвы. Она примыкает к многочисленной группе городских жителей, почти исключительно русских, обедневших, нуждающихся, еле-еле терпимых, несмотря на то, что эта часть населения дает из среды своей почти исключительно специалистов во всех отраслях общественной и государственной жизни, работающих впроголодь без всяких видов на улучшение своей жизни.

Такое освещение данного вопроса, вполне беспристрастное, на основании строго проверенных материалов, позволило бы уяснить самым широким слоям населения Кавказа истинный смысл взаимных русско-грузинских отношений и дать им верную оценку. Такое истинное и правдивое освещение фактов принесло бы пользу, вообще говоря и другим государствам, предоставляя им возможность ориентироваться в происходящих явлениях и давать последним беспристрастную и верную оценку, настоятельно необходимую при решении всех тех сложных социальных и экономических вопросов, получившихся в наследие от Великой Всемирной войны.

П. Сытин

К 90-летию создания воздушно-десантных войск

В.А. АЧАЛОВ, генерал-полковник, заместитель министра Обороны СССР.
Командующий Воздушно-десантными войсками в 1989-1990 годы

ДЛЯ ВДВ ВОЙНА НИКОГДА НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

▲ Десант Ил-76

В прошлом столетии русский народ дважды совершил одну и ту же ошибку, оба раза начиная как бы с чистого листа, отказавшись, таким образом, от опоры на свои традиции, на дух и волю предков. Более того, нация позволила внушить себе самые нелепые, оскорбительные и злонамеренные представления о своем образе жизни, морально-нравственных ценностях.

Нам усиленно доказывают, что мы уже не русские. А если и русские, то ненастоящие. Утверждают, что наше прошлое полно ошибок, несправедливостей и жестокостей — как по отношению друг к другу, так и к окружающим нас народам. В известной газете, принадлежащей беглому олигарху, расписываются зверства Ивана Грозного, при этом текст сопровожден средневековыми рисунками, изображающими пытки святой инквизиции.

▲ Ачалов В.А.

Сегодня нам необходимо вырваться из круга тотальной лжи, на которой держится отечественная «демократия». Вменяемую часть общества погрузили в публичные дискуссии на темы ГУЛАГа, неправомерности притязаний России на статус мировой державы, необходимости покаяния перед всеми за всех и вся. В связи с этим хочу сказать: именно русский народ явился создателем самой большой и могучей империи в истории человечества. Нас постоянно стыдят за большие людские потери в Великой Отечественной войне, за приказ № 227 и остановку советских войск под Варшавой. Да, это было, в том числе и не без «помощи» союзников, но, в конце концов, мы ведь победили!

Только мы смогли за короткое время создать, в дополнение к уже сложившимся существующим, новую цивилизацию — советскую. Всем остальным пришлось ее признать в 1946 году в Потсдаме, уже постфактум. По своему воспитанию и взглядам я был и остаюсь советским человеком. В моем возрасте и положении стыдно и нелепо менять убеждения на прямо противоположные. Да и было бы это не по-мужски. Сегодня приходится только удивляться тому, как взрослые люди, всё получившие от советской власти, имеющие семьи, детей и внуков, научились мимикрировать, демонстрировать приверженность новым идеям, убивающим страну и ее народ.

Принято считать, что каждый народ сам вершит свою судьбу. Надо признать: за советский, коммунистический эксперимент мы заплатили чрезмерную, неоправданно высокую цену. Все годы советская власть, точнее, советское руководство, свой народ не особенно жалело, слишком щедро расходовало человеческий ресурс. Забрав лучших из лучших, война ускорила приход 1991 года. Столько, сколько перенес наш народ за последние 100 лет, не перенесла ни одна нация в мире. «Упрямый и непокорный народ» — так назвал русских лютый враг России З. Бжезинский.

Полагаю, что мы должны подтвердить эту оценку. Любые «сумбур и какофония» (выражение И. В. Сталина) имеют свои начало и конец. Танкист по первому военному образованию, волей начальства я стал десантником и остаюсь в этой профессии. Затмение проходит. Оказывается, далеко не все у нас выбрали пепси-колу. Ревностное служение Отечеству, героизм и романтика службы привлекают в ВДВ нынешнюю молодежь. Сегодня в десантники берут по конкурсу, как на модный экономический факультет, сулящий хорошую карьеру. Обнадеживающий признак. Мне пришлось служить в 12 гарнизонах. И ответственно заявляю — подавляющее большинство офицеров везде добросовестно выполняло свои обязанности и служило, что называется, не за страх, а за совесть. Уверен, что так будет всегда...

***

История наших Воздушно-десантных войск началась 2 августа 1930 года. В этот день на учениях ВВС Московского военного округа, которые проводились под Воронежем, с воздуха в составе спецподразделения было десантировано 12 человек. Этот день и стал днем рождения ВДВ.

За сравнительно короткую историю существования Воздушно-десантные войска не раз на деле доказывали свою высокую боевую эффективность. В Советском Союзе они были созданы в 30-е годы XX века, когда теория глубокой наступательной операции находила свое практическое воплощение в ходе маневров и крупных учений тех лет. Инициатором воздушно-десантного дела стало командование ВВС РККА.

В 1931 году в Ленинградском военном округе формируется авиа мотодесантный отряд, насчитывавший 164 человека. Для десантирования используется бомбардировщик ТБ-3, который брал на борт 35 десантников, а на внешнюю подвеску — легкий танк, или бронеавтомобиль, или две пушки калибра 76-мм.

В своих задачах на 1931 год Реввоенсовет СССР определил: «... воздушные десантные операции должны быть всесторонне изучены с технической и тактической стороны Штабом РККА с целью разработки и рассылки соответствующих указаний на места».

11 декабря 1932 года принимается постановление Реввоенсовета СССР о создании массовых воздушно-десантных войск. На базе авиадесантного отряда Ленинградского военного округа, который десантировался весь год, формируется бригада. Главной ее задачей — подготовка инструкторов-десантников и отработка оперативно-тактических нормативов. Уже к марту 1933 года инструкторы были подготовлены, нормативы рассчитаны. В Белорусском, Украинском, Московском и Приволжском военных округах начали формировать авиационные батальоны особого назначения.

К концу 1933 года уже имелось 29 авиадесантных батальонов и бригад, вошедших в состав Военно-воздушных сил. На Ленинградский военный округ была возложена задача подготовки инструкторов по авиадесантному делу и выработке оперативно-тактических нормативов.

В 1934 году на учения Красной Армии привлекалось 600 парашютистов; в 1935 году на маневрах Киевского военного округа было десантировано парашютным способом 1188 десантников. В 1936 году в Белорусском военном округе десантировано 3 тысячи парашютистов, высажено посадочным способом 8200 человек с артиллерией и другой боевой техникой. Совершенствуя выучку на учениях, десантники приобрета-

▲ Десантирование, 1933 год

▲ Десантирование боевой техники

ли опыт в реальных боях. В 1939 году при разгроме японцев на реке Халхин-Гол приняла участие 212-я воздушно-десантная бригада. За проявленные мужество и героизм 352 десантника были награждены орденами и медалями. В 1939-1940 годах, в период советско-финляндской войны, вместе со стрелковыми частями сражались 201, 202 и 214-я воздушно-десантные бригады.

На основе полученного опыта в 1940 году были утверждены новые штаты бригад в составе трёх боевых групп: парашютной, планёрной и посадочно-десантной. С марта 1941 года в Воздушно-десантных войсках стали формироваться воздушно-десантные корпуса бригадного состава (по 3 бригады в корпусе). К началу Великой Отечественной войны было закончено комплектование личным составом пяти корпусов, но полностью обеспечить их боевой техникой не удалось. Основное вооружение воздушно-десантных соединений и частей составляли преимущественно ручные и станковые пулемёты, миномёты калибра 50 и 82-мм, 45-мм противотанковые и 76-мм горные пушки, лёгкие танки (Т-40 и Т-38), огнемёты. Личный состав совершал прыжки на парашютах типа ПД-6, а затем ПД-41. Малогабаритные грузы десантировались в парашютно-десантных мягких мешках. Тяжёлая техника доставлялась десанту посадочным способом на специальных подвесках под фюзеляжами самолётов. Для десантирования использовались в основном бомбардировщики ТБ-3, ДБ-3 и пассажирский самолёт ПС-84.

Из иностранных государств возможности нового рода войск первыми по достоинству оценили немецкие военные специалисты, побывавшие вместе с другими иностранными наблюдателями в 1935 году на маневрах под Киевом, когда с самолетов ТБ-3 сразу было десантировано на парашютах 1 188 человек, а затем на захваченный десантом аэродром Бровары высажена стрелковая дивизия (без одного полка). В состав германской делегации входил офицер ВВС подполковник Курт Штудент — будущий командующий немецкими парашютными войсками, на которого выброска крупного десанта произвела сильнейшее впечатление. Сразу после возвращения делегации немецкое командование развернуло активную деятельность по формированию парашютно-десантных частей. К концу 1936 года в составе ВВС Германии был подготовлен первый батальон парашютистов, на следующий год уже командованием сухопутных войск был сформирован еще один парашютный пехотный батальон.

Англичане и американцы были в курсе этих нововведений, но считали, что подобные формирования могут выполнять лишь некоторые узко специальные, частные задачи, а десантирование их будет сопряжено со значительными трудностями. В 1936 году в советском посольстве

в Лондоне был показан фильм «Киевские маневры» для избранной военно-политической аудитории, был там и У. С. Черчилль. Гости советского посла отнеслись к этому нововведению крайне скептически. Суммируя общее мнение от фильма, генерал Альфред Нокс заявил: «Я всегда был убежден в том, что русские — это нация мечтателей».

Лишь после стремительных успешных действий немецких парашютистов в Голландии, Бельгии и Норвегии, особенно в 1941 году после захвата острова Крит в результате проведения крупной воздушно-десантной операции, Англия и США вплотную приступили к созданию парашютных частей, резкому наращиванию парка специальных военно-транспортных самолетов.

Накануне Великой Отечественной войны в Красной Армии имелось пять воздушно-десантных корпусов (ВДК) трехбригадного состава. Неполностью укомплектованные, они в самом начале войны вступили в бой, действуя как стрелковые соединения, стойко сражались в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Несмотря на тяжелейшую обстановку первых месяцев войны, Ставка ВГК осенью 1941 года приняла решение вывести все ВДК из состава фронтов и продолжать развертывание ВДВ, доведя их боевой состав до десяти корпусов, в качестве крупного стратегического резерва. Это дальновидное решение, как показал дальнейший ход войны, многократно себя оправдало. Резервы — стрелковые дивизии, сформированные из десантников, успешно действовали под Сталинградом (10 дивизий) и под Курском (8 дивизий). В конце войны «воздушной пехотой» была укомплектована 9-я гвардейская армия.

Наиболее яркими примерами боевого применения ВДВ стало десантирование 4-го ВДК в феврале 1942 года в районе Вязьмы и двух бригад (3-й и 5-й) в сентябре 1943 года в районе Букринской излучины на реке Днепр. Более пятнадцати воздушных десантов в составе от роты до батальона было успешно высажено в ходе разгрома японской Квантунской армии в Маньчжурской стратегической операции на Дальнем Востоке.

В августе 1944 года Воздушно-десантные войска были объединены в отдельную гвардейскую воздушно-десантную армию.

Исходя из опыта Великой Отечественной войны, в 1946 году, ВДВ выводят из состава ВВС и включают в состав Сухопутных войск. Они становятся войсками резерва ВГК и переходят в непосредственное подчинение министру Вооруженных Сил СССР. Учреждается должность командующего Воздушно-десантными войсками. Первым командующим ВДВ стал генерал-полковник В. В. Глаголев.

С 1950 по 1954 год войсками командовал генерал-полковник А. В. Горбатов. В СССР впервые в мире были созданы Воздушно-десантные войска, располагавшие собственной броневой техникой и самоходной артиллерией.

В 1954 году командующим ВДВ становится В. Ф. Маргелов (1909-1990), который остается в этой должности с коротким перерывом до 1979 года. С именем Маргелова связана целая эпоха в истории отечественных Воздушно-десантных войск.

В послевоенное время нашим Воздушно-десантным войскам пришлось действовать в Венгрии, Чехословакии и Афганистане. И везде они уверенно выполняли поставленные задачи. В этот период десантниками командовали генерал армии В. Ф. Маргелов (почти 25 лет) и сменивший его генерал армии Д. С. Сухоруков.

О событиях в Венгрии, Чехословакии, Афганистане написано много, в том числе воспоминаний руководителей и непосредственных участ-

▲ Горелов Лев Николаевич

ников операций наших войск в этих странах. Я не ставлю своей задачей как-то подвергнуть сомнению их версии, критиковать действия и принятые тогда решения, понимая, что с высоты своего положения каждый из них оценивал события по-своему. Совершенно очевидно, что только сопоставление различных источников может, в конечном счете, дать наиболее верную картину происшедшего. Так, сегодня уже глубоко обнажились пружины и основные действующие лица двух государственных переворотов, случившихся в нашей стране в начале 90-х годов прошлого века.

Со своей стороны, я ограничиваюсь в основном изложением роли ВДВ, реального их участия в наиболее серьезных конфликтах, с которыми столкнулся Советский Союз в послевоенный период. В имеющейся мемуарной литературе, мне кажется, действия советских десантников освещаются недостаточно, как бы вскользь. Мой рассказ основан как на архивных материалах, так и на воспоминаниях непосредственных участников тех событий.

▲ Горбатов Александр Васильевич

ДЕЙСТВИЯ ДЕСАНТНИКОВ В 1956 ГОДУ В ВЕНГРИИ

Первым боевым послевоенным испытанием для Воздушно-десантных войск стало участие в венгерских событиях.

Летом 1956 года серьезно обострилась обстановка в мире, назревал арабо-израильский конфликт. В Социалистическом Содружестве возникли очаги напряженности. В Польше, и особенно в Венгрии, активизировались националистические, контрреволюционные элементы.

В октябре в Венгрии произошло вооруженное выступление антисоциалистических сил. Его организаторы использовали ошибки, допущенные Венгерской партией трудящихся, просчеты в области экономической политики, серьезные нарушения законности. В вооруженную борьбу была вовлечена часть молодежи и других слоев населения.

В этой обстановке группой деятелей Венгерской партии трудящихся в первых числах ноября 1956 года было сформировано Революционное рабоче-крестьянское правительство, создан временный ЦК Венгерской социалистической рабочей партии. Новое правительство обратилось к СССР с просьбой оказать практическую помощь в защите народной демократии, в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции ВНР на основе Варшавского Договора, дополнительные контингенты советских войск приняли участие в подавлении этого мятежа.

Части, входившие в будапештский гарнизон, были подчинены командиру Особого корпуса генералу П. Н. Лащенко, которому были поставлены задачи по разгрому мятежников и наведению порядка в Будапеште. В других городах страны такие задачи возлагались на войсковые объединения генералов А. Х. Бабаджаняна и Х. У. Мамсурова. Вся операция получила условное наименование «Вихрь».

Маршал Советского Союза И. С. Конев, в тот период главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Организации Варшавского Договора, в своем приказе объявил, что руководство стран ОВД приняло решение об оказании Венгрии военной помощи. Разгром контрреволю-

ции возлагается на советские войска. Готовность к действиям — к исходу 3 ноября, начало операции — по сигналу «Гром».

Штабом ВДВ был разработан план действий десантных частей и подразделений, созданы передовые отряды для разоружения венгерских частей, а также захвата важных военных объектов и государственных учреждений. До начала боевых действий десантникам удалось установить контакты с лояльными военнослужащими венгерской армии, с партийными и государственными работниками на местах, а также с товарищами из органов государственной безопасности.

Перед операцией «Вихрь» до всего личного состава был доведен приказ главнокомандующего. В нем говорилось: «Товарищи солдаты и сержанты, офицеры и генералы! В конце октября в братской нам Венгрии силы реакции и контрреволюции подняли мятеж с целью уничтожения народно-демократического строя, ликвидации революционных завоеваний трудящихся. События показали, что прямое участие в этой авантюре активных хортистов ведет к возрождению в Венгрии фашизма и создает прямую угрозу нашему Отечеству и всему социалистическому лагерю. Нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией.

В соответствии с просьбой правительства Венгерской Народной Республики, на основе заключенного между странами социалистического лагеря Варшавского Договора, обязывающего нас принимать согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности, с тем чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ, территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии, советские войска приступили к выполнению союзнических обязательств».

Для выполнения задач в Венгрии привлекались части 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (80-й и 108-й парашютно-десантные полки) и 31-й воздушно-десантной дивизии (114-й и 381-й парашютно-десантные полки).

С 19 октября 1956 года части 7-й вдд (командир полковник П. Ф. Антипов) находились на аэродромах в готовности к вылету. Обстановка в Венгрии тем временем продолжала ухудшаться. Чтобы создать группировку сил и обеспечить десантирование самолетами Ли-2 и Ил-12, части ВДВ было решено сосредоточить в районе аэродромов Львов и Хмельницкий. Поэтому 108-й пдп 7-й вдд в период 1-3 ноября был по железной дороге переброшен на аэродром Львов, а 80-й пдп — на аэродром Мукачево (станция Берегово), где была организована база снабжения десанта.

▲ Будапешт, октябрь, 1956

▲ Венгрия, 1956

Части 31-й вдд (командир генерал-майор П. М. Рябов, заместитель — полковник Н. Г. Жаренов) из района Новоград-Волынский, где дислоцировалась дивизия, своим ходом к концу 28 октября сосредоточились у аэродромов Львов и Хмельницкий в готовности к переброске по воздуху. С этих аэродромов 31-я вдд была десантирована посадочным способом на аэродром Веспрем, причем первым рейсом был переброшен 114-й пдп, вторым — 381-й. Десантники мгновенно блокировали аэродром.

Обстановка складывалась таким образом, что нужны были решительные действия десантников, которым в разгроме оппозиционных сил отводилась ведущая роль. Предстояло действовать в условиях большого города и других населенных пунктов, где дома легко превращались в узлы сопротивления. В такой обстановке всё решали высокая одиночная боевая выучка, личная храбрость, инициативность и морально-психологическая закалка десантников. Как показали дальнейшие события, этого им было не занимать.

С аэродрома Львов 108-й пдп посадочным способом к 19.30 3 ноября десантировался на аэродром Текель, захватил и вывел из строя шесть зенитных батарей и занял оборону вокруг аэродрома.

На следующий день в два часа ночи 3-я рота этого полка получила задачу: действуя в составе батальона на бронетранспортерах и танках, совершить марш на Будапешт, разоружить и обезвредить саперный батальон венгерской армии в казармах на улице Юлии, перешедший на сторону контрреволюции.

Командовал 3-й пдр гв. капитан Харламов Николай Иванович, участник Великой Отечественной войны с 1942 года. Попытка разоружить противника мирным путем успеха не имела. Саперы оказали упорное сопротивление. Кровопролитный бой продолжался более суток. Несмотря на яростное сопротивление венгерского батальона и тяжелое положение роты, сложившееся из-за потерь в личном составе и нехватки боеприпасов, отсутствия связи со своими, наличия раненых и невыгодной тактической обстановки, десантники не дрогнули. Они отвергли предложения о сдаче и выстояли до конца. Удерживая занятые объекты, рота создала условия для действий других подразделений батальона, которые также оказались в исключительно трудном положении.

6 ноября в 21.00 в канун годовщины Октябрьской революции капитан Харламов получил приказ силами штурмового отряда из сводных рот захватить и ликвидировать штаб контрреволюции, находившийся в кинотеатре «Корвин» в Будапеште. Для выполнения этой задачи отряд был усилен танковым батальоном, организована огневая поддержка си-

лами танкового полка 33-й механизированной дивизии. В соответствии с приказом задача должна была быть выполнена к 6.00 следующего дня.

Здание штаба представляло собой сильно укрепленный опорный пункт, оборонявшийся двумя батареями 85-мм орудий, танками, зенитно-пулеметными установками и гарнизоном из трехсот человек, имевшим большие запасы боеприпасов.

Десантники встретили яростное сопротивление, первая и вторая атаки успеха не имели. Используя проломы в зданиях, проделанные орудийным огнем и ручными гранатометами, группа управления во главе с самим Харламовым ворвалась в вестибюль кинотеатра и завязала бой внутри здания, поддерживая активными действиями атаку на других участках.

Несмотря на отчаянное сопротивление контрреволюционеров, штурмовой отряд в составе 3-й пдр и оставшегося личного состава 1-й и 2-й парашютно-десантных и двух мотострелковых рот при поддержке танкового батальона в 4.00 7 ноября в основном овладели зданием кинотеатра «Корвин» и приступили к очистке его помещений и примыкавших к нему зданий от отчаянно сопротивлявшихся венгерских фашистов. За этот бой только из роты Харламова были награждены: орденами Красного Знамени, Александра Невского и Красной Звезды — три человека, орденом Славы 3-й степени и медалью «За отвагу» -31 человек.

Группа разведчиков 108-го полка взяла живым главного мятежника Имре Надя, которого охраняли венгерские эсэсовцы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 года гвардии капитану Харламову Н. И. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Командующий ВДВ генерал-лейтенант В. Ф. Маргелов вручил награду герою в своем кабинете на улице Матросская тишина.

801й пдп, выгрузившись на станции Берегово (южнее Мукачево), получил задачу совершить своим ходом марш протяженностью около 400 км и сосредоточиться на окраине Будапешта. Полк успешно выполнил задачу, вышел в заданный район, совместно с 108-м пдп участвовал в уличных боях в венгерской столице и 6 ноября приступил к охране Ставки советских войск в Венгрии, которую возглавлял тогда маршал Советского Союза И. С. Конев. В этот период полком фактически командовал заместитель командира полка подполковник Н. И. Кузнецов.

В течение 4 и 5 ноября десантниками были захвачены здание Министерства обороны, где располагалось командование всеми силами мятежников, и казармы саперного батальона — центра управления мятежниками будапештской зоны. Десантники взяли под контроль правительственную радиостанцию им. Кошута, университетский городок, тюрьму, все транспортные коммуникации и объекты связи, обеспечили охрану основных промышленных предприятий. В ожесточенных уличных боях от вооруженных отрядов были очищены основные жилые кварталы Будапешта. Подразделения, штурмовые группы, группы захвата иногда действовали самостоятельно, без поддержки танков и артиллерии. В ряде случаев при захвате объектов и ликвидации огневых точек дело доходило до рукопашных схваток.

О накале боевых действий свидетельствует, например, такой эпизод. Взвод десантников под командованием старшего лейтенанта И. Ящика ворвался в казарму «Петефи», захватил первый этаж и в течение целого дня, будучи отрезанным от основных сил, вел оборонительный бой. Вот некоторые его донесения командиру батальона: «4 ноября 1956 г. 8.00. Майору Шелухину. Прошу ввести во двор танки. Несу потери. Противник ведет сильный автоматно-пулеметный огонь. Необходимо оттянуть подбитый танк и освободить ворота для входа наших танков во двор. Продолжаю выполнять задачу».

Следующее донесение: «4 ноября 1956 г. 21.00. Десантники дрались по-гвардейски. Если погибнем, считайте верными сынами Родины. Осталось 10 человек, которые могут вести бой. Храбро дрались рядовые Антай, Говорун, Харваткин, Лебедев, сержант Мироненко. Не отойдем

▲ Будапешт, 1956 г.

▲ Будапешт, ноябрь, 1956

с места, пока не выполним приказ». Сам старший лейтенант И. Ящик был тяжело ранен, но продолжал руководить боем и оставался в строю.

Примечателен факт захвата зенитных батарей системы ПВО Будапешта, осуществленный шестью боевыми группами 108-го полка. Как это часто бывает при проведении десантных операций, ни командир полка, ни командиры подразделений не имели полных данных о расположении самих батарей, системы охраны и обороны огневых позиций и других объектов. Всё выяснилось в ходе боя. Одна из боевых групп в составе усиленной роты численностью 90 человек в течение 4 ноября, пройдя по бездорожью более 30 километров, переправилась через Дунай, перенеся на себе все вооружение, захватила две батареи, вывела из строя орудия, взяла в плен 96 офицеров и солдат, захватила значительное количество оружия и боеприпасов.

В городе Веспрем, центре католической епархии, наши войска встретили яростное сопротивление, и здесь десантники понесли потери. Много десантников погибло в Будапеште, где были сосредоточены основные силы контрреволюции. Большое возмущение у наших солдат и офицеров вызвали случаи жестоких расправ над венгерскими коммунистами и ранеными советскими военнослужащими. Участники событий помнят случай. Когда в населенном пункте Варполота выпущенные из тюрем уголовники захватили двух наших офицеров и одного сверхсрочника, а затем зверски расправились с ними. Воины-десантники нашли виновников и отомстили за товарищей.

Наши танки практически не могли свободно передвигаться по улицам городов. «Венгерские фрицы», как называли мятежников десантники, сажали женщин и детей у окон, а сами, прячась за ними, выцеливали боевую технику и советских солдат. В такой ситуации десантникам приходилось вытуривать эсэсовцев из домов врукопашную, чтобы не погиб ни один ребенок, ни одна женщина.

Против наших солдат воевали недобитые немецкие, австрийские, венгерские и румынские эсэсовцы и фашисты, а также уголовники различных мастей. Оружия у них было достаточно еще со времен войны. Своих партийных работников и всех сограждан, дружественно относящихся к русским, путчисты подвешивали за ноги на деревьях, распарывали им животы. Это запечатлено на фотоснимках в газетах того времени. Западная граница Венгрии была полностью открыта, в стране хозяйничали натовские спецслужбы.

Надо отметить, что к началу операции «Вихрь» личный состав советских войск был настроен решительно. А когда стало известно, что действия Советского Союза поддержаны всеми социалистическими странами, в том числе Китаем и Югославией, это еще более укрепило боевой дух войск.

Будапешт и некоторые другие города находились на военном положении. Наши войска контролировали ситуацию на городских улицах. Зару-

бежная пропаганда, главным образом радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», настойчиво призывали граждан продолжать вооруженную борьбу. Но сопротивление мятежников ослабевало.

9 ноября 1956 года Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков докладывал: «...В течение 8 ноября наши войска наводили порядок в Будапеште, прочесывали леса в отдельных районах страны, вылавливали и разоружали разрозненные мелкие группы мятежников. В Будапеште и на местах созданы районные военные комендатуры...».

В ходе боевых действий в Венгрии советские войска понесли потери. По подсчетам, они достигли 2 260 человек: безвозвратные потери составили 720 человек, из них были убиты и умерли от ран 669 человек, пропал без вести 51 человек. Погибшие десантники были захоронены в венгерской земле. Части 7-й и 31-й гв. воздушно-десантных дивизий потеряли 85 человек убитыми, 265 — ранеными и 12 — без вести пропавшими. Было подбито и повреждено немало боевой техники и вооружения.

Много жертв было среди венгерского населения. Только в Будапеште погибло около двух тысяч человек и свыше 32 тысяч — ранено. Более 200 тысяч человек покинули Венгрию. Всё случившееся явилось трагедией, как для венгерского, так и для советского народа.

▲ Операция Дунай, 1968, Маргелов В.Ф.

Десантники выполнили свой долг достойно, показав высокую боевую выучку и храбрость в боевой обстановке впервые после войны. Всему личному составу частей и соединений за образцовое выполнение боевого задания в Венгрии командующим ВДВ генерал-лейтенантом В. Ф. Маргеловым была объявлена благодарность. В общей сложности 1 710 десантников были награждены орденами и медалями, в том числе командир 31-й гв. вдд генерал-майор П. М. Рябов и начальник штаба дивизии полковник И. И. Синеокий.

Полковник синеокий был оставлен старшим на месте постоянной дислокации дивизии. Однако по каким-то делам вылетел в Венгрию, где ему по ходу дела пришлось участвовать в боевых действиях. После того как десантники покинули Венгрию, полковник сначала удостоился выговора от командующего ВДВ «за самовольное оставление дивизии», а чуть позже получил орден Красной Звезды «за умелое руководство частями и проявленную при этом личную храбрость в ходе боевых действий».

Части 31-й гв. вдд в конце декабря вернулись в Союз, но дислоцировались они уже не в Новоград-Волынском, а в городах Черновцы и Коломыя, где имелись оборудованные аэродромы и посадочные площадки, необходимые для воздушно-десантных войск. Части и подразделения приступили к боевой учебе и обустройству личного состава на новом месте.

УЧАСТИЕ ВДВ В ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЯХ 1968 ГОДА

В августе 1968 года две воздушно-десантные дивизии (7-я и 103-я) успешно действовали в качестве передового воздушного эшелона группировки войск Варшавского Договора, вводимой в Чехословакию.

Подготовка к выполнению этой задачи началась еще весной. 8 апреля 1968 года командующий ВДВ генерал армии В. Д. Маргелов получил от министра обороны А. А. Гречко

▲ Прага, август 1968 г.

и начальника Генерального штаба М. В. Захарова директиву: «Контрреволюционные силы Чехословакии при активной помощи агентов США и ФРГ дезорганизовали государственный порядок в стране. Используя происходящие события, войска НАТО угрожают захватить Чехословакию, свергнуть в ней народную власть и установить угодный им режим». В документе указывалось: «...Если войска Чехословацкой народной армии (ЧНА) с пониманием отнесутся к появлению советских войск, в этом случае необходимо организовать с ними взаимодействие и совместно выполнять поставленные задачи. В случае, если войска ЧНА будут враждебно относиться к десантникам и поддержат контрреволюционные силы, тогда необходимо принимать меры к их локализации, а при невозможности этого — разоружать».

Командующему ВДВ сообщалось, что в район действий 7-й и 103-й воздушно-десантных дивизий к исходу вторых суток выходят войска 1-й гвардейской танковой армии в составе 9, 11, 20-й танковых и 14-й мотострелковой дивизий, а на аэродромах Рузине (под Прагой) и Кбели (Братислава) высаживаются вертолетные десанты из состава Группы советских войск в Германии и Северной группы войск из Польши. Руководил операцией по вводу войск генерал армии И. Г. Павловский.

За несколько дней до начала высадки в Прагу и Брно приехали офицеры ВДВ и ВТА, переодетые в форму летчиков Гражданского воздушного флота СССР. Они провели разведку аэродромов, мест стоянки самолетов, возможности маневрирования самолетов Ан-12 по рулежным дорожкам, а также объектов предстоящих действий. В составе этой группы от ВДВ были генерал-майор К. Я. Курочкин, полковники А. В. Кукушкин, А. Т. Голубков, А. П. Лебедев и ряд других. В шутку десантники называли себя «группой пернатых» или «птичьей командой».

Работа рекогносцировочной группы впоследствии помогла командирам эскадрилий и десантных подразделений быстро сориентироваться на аэродромах высадки, в маршрутах подхода к объектам и слаженно действовать в начальной фазе боевых действий.

В ночь с 29 на 30 июля 1968 года десантные соединения под видом учений были приведены в боевую готовность и вышли в районы ожидания у аэродромов взлета. К аэродромам десантники выходили регулярно, отрабатывая в ходе различных учений все действия, связанные с подготовкой к десантированию, вплоть до посадки в самолеты. Командовали дивизиями: 7-й вдд — генерал-майор Горелов Лев Николаевич, 103-й вдд — генерал-майор Яценко Александр Иванович. Всего в составе дивизий насчитывалось около 13 тысяч человек.

В течение двадцати дней десантники находились у аэродромов, занимаясь боевой подготовкой, отра-

батывали ведение боя в городских условиях, обкатку танками, метание ручных гранат. Проводились занятия по физической подготовке. Наконец, 19 августа командиры получили приказ на десантирование, личному составу были выданы боеприпасы. Порядок действий и задачи командиры подразделений к этому времени твердо знали.

Для ознакомления с городом для командиров подразделений организовали просмотр чехословацкого кинофильма «Плучек едет в Прагу». В фильме было много сюжетов с видами улиц Праги, мостов через Влтаву, административных и других зданий. Многократный просмотр фильма позволил офицерам хорошо запомнить многие объекты и подходы к ним, где в скором времени им предстояло действовать.

В 23 часа 30 минут 20 августа в эфире прозвучал сигнал «Буря». Операция «Дунай» началась. С нескольких аэродромов исходного района взлетели первые самолеты, а 21 августа в 3 часа 37 минут десантники 7-й вдд уже высаживались из головного самолета на аэродроме Рузине. В 5 часов 10 минут высадилась передовая рота 350-го пдп и отдельная разведрота 103-й дивизии. В течение 10 минут они захватили аэродромы Турижани и Немешть, после чего практически без особой задержки началась высадка главных сил.

Летчики ВТА действовали профессионально: высадка происходила в быстром темпе, в паузах между посадками двух самолетов третий, уже разгрузившийся и не выключивший двигателей, производил взлет и ложился на обратный курс. Всего в ходе высадки двух десантных дивизий было сделано более 500 самолетовылетов. Как вариант, предусматривалось десантирование парашютным способом, но при подходе первых групп самолетов к аэродромам посадки была передана команда снять парашюты.

Система ПВО чехословацкой армии не оказала противодействия, освещение посадочных полос аэродромов и лояльное (вероятнее всего, из-за внезапности и быстрого развития событий) в первые часы отношение персонала аэропорта Рузине, что дало возможность десантникам относительно беспрепятственно выдвинуться и захватить важные объекты в Праге в течение трех-четырех часов. В первую очередь десантниками были взяты под контроль четыре моста через Влтаву, помещение штаба контрреволюционной организации «Клуб 231», здания ЦК КПЧ, издательства «Руде право», Министерства внутренних дел, главпочтамта, телецентра, Национального и Государственного банка.

На своей боевой технике и местном автотранспорте (в основном на автобусах с их водителями) десантники с аэродромов высадки направились к назначенным объектам. К десяти часам утра они полностью овладели городом Брно, блокировали все дороги, мосты, выезды из города, радио- и телецентры, глав-

▲ Прага, 1968 г.

почтамт, административные здания, типографии, вокзалы, штабы воинских частей и предприятия военной промышленности.

Командиров чехословацких воинских частей убедительно просили не предпринимать никаких действий, соблюдать порядок. Однако жители Брно с началом дня стали собираться на улицах и площадях. Возникли стихийные митинги. Кое-где в десантников полетели камни, совершались нападения. Отдельные группы молодчиков пытались переворачивать машины.

Наиболее сложным для десантников 7-й вдд оказался захват пражского телецентра. Отряд десантников, взяв под контроль вокзал, направился к телецентру. Не доезжая одного квартала, они встретили демонстрацию горожан, пытавшихся защищать телецентр. Несколько тысяч человек собралось на спешно возведенной баррикаде. Пришлось спешиться, десантники оказались в окружении толпы. После предупредительных выстрелов в воздух удалось обойти телецентр с противоположной стороны, но и там все подходы были заблокированы. Кроме того, наших солдат внезапно обстреляли. Пришлось ответить очередями и начать штурм здания.

Штурмовая группа со взводом станковых противотанковых гранатометов СПГ-9 пробилась к главному входу, но он оказался заблокированным. Пробились, только применив обход. Преодолев во дворе соседнего дома четырехметровую стену, десантники попали во двор телецентра, где вновь подверглись обстрелу. Два рослых сержанта-десантника взобрались на трансформаторную будку и через окно третьего этажа ворвались вовнутрь. Только после этого главный вход удалось распечатать. В 9 часов все радио- и телепередачи были прекращены, а сотрудникам было предложено собраться в вестибюле для получения указаний.

Примерно в 6 часов утра усиленная батареей САУ отдельная разведывательная рота начала выдвижение и к 8 часам вышла к зданию Военно-политической академии ЧНА. Самоходные установки были выставлены по углам здания, на ближайших перекрестках и приготовились к открытию огня. Десантники преодолели забор, разоружили караул и заблокировали входы, затем взяли под контроль всё здание академии. Прибывающие на занятия офицеры размещались в отдельных комнатах. Некоторые пытались бурно протестовать, но их быстро успокоили.

Одна парашютно-десантная рота на двух автобусах двинулась к казармам учебной бригады академии. Не доезжая двух кварталов, командир роты выслал разведку, которая установила, что военный городок имеет два выхода. А во дворе находятся вооруженные солдаты. Командир сформировал две группы, и с двух направлений одновременно рота блокировала и разоружила оба контрольно-пропускных пункта. Почти в это же время на КПП прибыла рота охраны КГБ ЧССР. Угрожая оружием, они потребовали выпустить их в город. Однако офицер-десантник приказал им сложить оружие, а солдаты приготовились к стрельбе.

▲ Провокация Брно, 1968

▲ Сопротивление, Прага, 1968

Обстановка накалилась. Лишь после того, как на прибывших были направлены гранатометы, чешские сотрудники сложили оружие и разошлись.

На другом КПП десантники действовали иначе. Командир развернул группу к бою и потребовал от чехов вызвать командира бригады. Прибывшему комбригу было жестко рекомендовано вывести подчиненных из казарм и построить во дворе без оружия. Во избежание ненужного кровопролития его «попросили» не оказывать сопротивления. Это требование было выполнено, парашютно-десантный взвод с батареей СПГ-9 за 20 минут разоружил бригаду численностью до 700 человек.

Ранним утром подразделение десантников 7-й вдд во главе с подполковником Ш. Х. Минигуловым направилось к зданию Центрального комитета КПЧ. Обезоружив охрану, они отключили телефонную связь, перерезав телефонные провода. Этой группе выпала миссия доставки на аэродром генерального секретаря ЦК КПЧ А. Дубчека. Десантники обнаружили его на втором этаже здания и сообщили, что прибыли для оказания помощи в подавлении контрреволюционного мятежа. На просьбу обратиться к населению, чтобы во избежание напрасного кровопролития оно не оказывало сопротивления советским войскам. Дубчек ответил отказом. После доклада по радио командиру дивизии, подполковник Минигулов получил распоряжение доставить Дубчека на аэродром Рузипе. На самолете А. Дубчек и его сподвижники Й. Саморковский, Ф. Кригель и Й Шпачек были переправлены в Москву. Все они плакали, просили снисхождения и водки.

Появление десантников для большинства членов ЦК КПЧ, Пражского городского и областного обкома партии было неожиданным. По словам секретаря ЦК З. Млынаржа, они ожидали прибытия советских войск не ранее 10-11 часов.

Также внезапно был осуществлен захват Дома правительства ЧССР. К нему была направлена усиленная батареей СУ-84 2-я парашютно-десантная рота 108-го полка. Спешившись перед зданием, один взвод проник внутрь, перекрыл центральный вход и главные ворота. Два отделения десантников ворвались во двор и блокировали выходы с тыльной стороны. Батарея СУ-85 со взводом десантников прикрывала подступы к зданию со стороны площади и мостов. Парашютисты быстро разоружили охрану, отключили на этажах все виды связи. Заместитель командира 108-го пдп подполковник Г. К. Гордиенко, командир 2-й пдр ст. лейтенант Тарабанов с группой солдат вошли в зал, где заседало правительство. Появление десантников, как и в здании ЦК КПЧ, вызвало удивление и растерянность. Премьер-министр О. Черник от неожиданности встал, подошел к отдельному столику с телефоном, на глазах его заблестели слезы.

Подполковник Гордиенко предложил всем оставаться на своих ме-

стах и ждать распоряжений. Через 15 минут прибыли сотрудники КГБ и приступили к «фильтрации» сотрудников министерств: одних направляли в подвал здания под охрану, других — в машины и на аэродром Рузине, в том числе и О. Черника.

Около 7 часов утра на площади собралось довольно много горожан. Они попытались штурмовать Дом правительства, чтобы освободить министров. Десантники при поддержке батареи СУ-85 встали плотной стеной с западной стороны здания и не допустили толпу к центральному входу, при этом пришлось применить физическую силу и угрожать оружием. В десантников летели камни, палки, митингующие выкрикивали антисоветские лозунги и ругательства, бросались на солдат и делали попытки выхватить оружие. Лишь к 20 часам толпа была рассеяна.

Всем нашим союзникам по Варшавскому Договору разрешалось применять оружие. Как вспоминают участники событий, этим правом воспользовались в основном солдаты ГДР и Польши. Советским солдатам применять оружие не разрешалось. Командующий ВДВ взял на себя ответственность и разрешил десантникам только в случая крайней необходимости отвечать огнем на огонь.

1 сентября в Праге были развешаны лозунги: «СССР — ЧССР — МИР — ДРУЖБА». Обстановка постепенно нормализовалась. Уже на второй день в столице Чехословакии началось очистка заборов, стен, тротуаров от антисоветских лозунгов и надписей. В конце сентября советские десантники вернулись на Родину, полностью выполнив возложенные на них задачи.

Не обошлось без потерь. На территории ЧССР погибли два десантника: рядовой 7-й вдд Буянкин (умер от ран) и рядовой 103-й вдд Набоков (убит на посту). Также 19 человек получили серьезные ранения, а восемь — травмы. За участие в выполнении задания более тысячи солдат и офицеров были представлены к награждению орденами и медалями. Генерал армии В.Ф. Маргелов 26 декабря 1968 года был награжден орденом Ленина, а в 1969 году президент ЧССР генерал армии Людвиг Свобода наградил его орденом Клемента Готвальда.

Мне довелось потом в течение четырех лет командовать 7-й воздушно-десантной дивизией. Она дислоцировалась тогда в Литве, а штаб находился в Каунасе. Хорошо помню, как ветераны дивизии вспоминали 1968-й год, боевые эпизоды той кампании. Будучи командиром этой дивизии, я получил первое генеральское звание. С этой должности в 1982 году я был зачислен слушателем Военной академии Генерального штаба им. К.Е. Ворошилова. . ■

И.Р. ГРИГУЛЕВИЧ

БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Продолжение. Начало в № 8

Вспомним, как начиналась кубинская эпопея. Тогда о планах высадки Фиделя Кастро был публично оповещен Батиста, его войска ждали бойцов «Гранмы», в первые же дни пребывания на Кубе повстанцы подверглись разгрому, потеряли 4/5 своего состава, оружие, боеприпасы. После боя у Алегрия-дель-Пио Фидель Кастро чуть ли не заново должен был начинать создавать свой отряд.

Теперь же повстанцам удалось обосноваться, можно сказать, в самом сердце Латинской Америки. У них были современное оружие, техника, денежные средства. Инициатива была в их руках, теперь им не угрожало внезапное нападение и разгром.

Отправляясь на «Гранме» на Кубу, Че ехал в совершенно незнакомую для себя страну. Боливию же он хорошо знал по предыдущему пребыванию в ней в 1953 году.

Если продолжить сравнение с кубинскими событиями, то боливийский вариант выглядел не столь надежным, как могло бы показаться на первый взгляд. На Кубе, при всех своих исходных слабостях, бойцы Фиделя Кастро находились у себя дома, а дома, как известно, и стены помогают. Фидель мог рассчитывать на помощь единомышленников и сочувствующих во всех уголках страны.

В Боливии в отличие от Кубы ядро партизан составляли иностранцы — главным образом кубинцы, и возглавлял их тоже иностранец — Че. И какими бы симпатиями партизаны ни пользовались в революционных кругах, местное население могло отнестись к ним как к чужестранцам, а это значит — с недоверием и предубеждением.

В международном аспекте сравнение тоже было не в пользу отряда Рамона. Когда Фидель Кастро начинал борьбу в Сьерра-Маэстре, американцам и в голову не приходило, что эта борьба кончится победой социалистической революции на Кубе. Поэтому стрельба в Сьерра-Маэстре не особенно их тревожила. Стрельба же в горах Боливии могла вызвать ответный массированный удар со стороны

Вашингтона. Правда, это совпадало с планами Че, но кто мог поручиться тогда за благополучный для партизан исход такой конфронтации?

Но как бы там ни было в будущем, в настоящем все преимущества были на стороне новых обитателей «Каламины».

8 и 9 ноября Че совершает краткие выходы в окружающие ранчо джунгли. Он остается доволен разведкой. 9 ноября Рамон записывает в дневнике: «Если дисциплина будет на высоте, в этом районе можно долго продержаться».

Однако 10 ноября, обеспокоенный любопытством хозяина соседнего ранчо Альгараньяса, у которого обитатели «Каламины» покупали провизию, Че решил перебраться в джунгли и организовать там, в восьми километрах от фермы, главный, или базовый, лагерь. После первой ночевки в джунглях 11 ноября Че отмечает в дневнике: «Обилие насекомых здесь невероятное. Спастись от них можно только в гамаке с сеткой (такая сетка только у меня)». И на следующий день: «Волосы у меня отрастают, хотя и очень медленно, седина начинает исчезать, появляется бородка. Через пару месяцев опять стану похож па себя».

В лагере устроили печь для выпечки хлеба, смастерили лавки и стол. Здесь в своеобразном «красном уголке» от 4 до 6 часов пополудни шли политзанятия. Че рассказывал об опыте кубинской революции, о хитростях партизанской войны, другие преподавали историю и географию Боливии, испанский язык и язык кечуа. Эти занятия были обязаны посещать все партизаны. Вечером после ужина для желающих Че преподавал французский язык.

Че организовал знаменитую «гондолу» — переброску продуктов, оружия и другого партизанского хозяйства из «Каламины» в базовый лагерь. Это была изматывающая работа: людям приходилось ежедневно переносить на себе большие тяжести. В районе базового лагеря партизаны выискивали тайники, пещеры, рыли траншеи, куда прятали свое имущество. Че считал временным пребывание партизан в местности, хотя рассчитывал, что всегда сможет в нужный момент послать сюда своих людей, чтобы пополнить запасы продовольствия, лекарств и оружия.

Деятельность, которую развивали обитатели «Каламины», все больше возбуждала любопытство их соседа Альгараньяса и его работников. Обитатели «Каламины» все чаще находили на своем пути этих слишком любопытных соседей. Приходилось быть начеку. В базовом лагере устроили наблюдательный пункт, с которого были видны подступы к домику на ранчо. 25 ноября Че записывает: «С наблюдательного пункта сообщили, что прибыл „джип“ с двумя или тремя пассажирами. Выяснилось, что это служба борьбы с лихорадкой: они взяли анализы крови и тут же уехали».

Другой причиной беспокойства, вернее — физических страданий, Че и его соратников были насекомые и москиты. Об их существовании в этих местах и о том, как с ними бороться, никто заблаговременно не подумал, и теперь Че и его товарищам приходилось терпеть последствия такой непростительной оплошности. 18 ноября Че записывает в дневнике: «Все идет монотонно: москиты и гарапатас искусали нас так, что мы покрылись болезненными язвами от их отравленных укусов».

Че постоянно поддерживает радиосвязь с «Манилой» (Гаваной). Постепенно в ранчо прибывают подкрепления: кубинцы и боливийцы. 27 ноября собралось уже 30 человек.

30 ноября Че, подводя итоги месяца, писал: «Все получилось довольно хорошо: прибыл я без

▲ Партизан Че

▲ Ла Пас

осложнений, половина людей уже на месте. Добрались также без осложнений, хотя немного запоздали. Основные люди Рикардо, несмотря ни на что, готовы примкнуть к нашему движению. Перспективы в этом отдаленном от всех центров районе, где, судя по всему, мы практически сможем оставаться столько времени, сколько сочтем необходимым, представляются хорошими. Наши планы: дождаться прибытия остальных, довести число боливийцев по крайней мере до 20 и приступить к действиям. Остается выяснить реакцию Монхе и как поведут себя люди Гевары».

Люди Рикардо — это боливийцы, по-видимому, братья Передо, и несколько студентов, находившихся с ним в контакте. Люди Гевары — сторонники шахтерского вожака Мойсеса Гевары Родригеса. Монхе — Марио Монхе, тогдашний первый секретарь Компартии Боливии, с которым предстояли переговоры об отношении КПБ к проектируемому партизанскому движению.

2 декабря прибыл Чино — Хуан Пабло Чанг Наварро, перуанский революционер, участник партизанского движения в Перу, разгромленного властями. Чино предложил передать в распоряжение Че 20 перуанцев, участвовавших в партизанском движении в Перу. Обсуждался вопрос об организации партизанской базы в Пуно, на перуанском побережье озера Тнтикака. После переговоров Чино отбыл в Ла-Пас, намереваясь направиться в Гавану, а оттуда вновь возвратиться в Боливию и вступить в отряд Че.

Между тем в лагере продолжались партизанские будни. В декабре вырыли еще один тайник в окрестностях «Каламины», заложив в него оружие и боеприпасы.

Однако работники Альгараньяса не оставляли лагерь в покое. Они продолжали шпионить за обитателями «Каламины». Комментируя этот факт, Че записывает 11 декабря: «Это меняет наши планы, нам нужно быть очень осторожными».

Среди боливийцев, находящихся в «Каламине», возникли раздоры. Одни согласны стать партизанами, другие обусловливают свое согласие решением Коммунистической партии Боливии, отношение которой к отряду Че продолжает оставаться неясным.

12 декабря Че записывает в дневнике: «Говорил со своей группой, „прочитав проповедь" о сущности вооруженной борьбы. Особо подчеркнул необходимость единоначалия и дисциплины. Сообщил о назначениях, которые распределил следующим образом: Хоакин — мой заместитель по военной части, Роландо и Инти — комиссары, Алехандро — начальник штаба, Помбо — связь, Инти — финансы, Ньято — снабжение и вооружение, Моро — медицинская часть (временно)».

В той же записи Че отмечает новый настораживающий факт: «Коко вернулся из Каранави, где купил необходимую провизию, но в Лагуниньясе некоторые видели его

▲ В центре Че и Марио Монхе

и удивились количеству закупленных продуктов».

До 31 декабря обитатели «Каламины» были заняты будничной партизанской работой: рыли землянки, укрытия, устанавливали рацию, все больше вглубь разведывали местность, прокладывая в джунглях секретные тропы, засекали выгодные для засад позиции, занимались различного рода тренировками. Все это делалось часто под ливнем и на голодный желудок. Че, участвовавший во всех работах и, как обычно, не щадивший себя, требовал того же от своих бойцов, что, по-видимому, не всегда встречалось с энтузиазмом даже среди кубинских ветеранов, о чем свидетельствует следующая запись от 28 декабря в его дневнике: «В лагере встретил Маркоса и Мигеля, которые переночевали среди камней, так как не успели вернуться до темноты. Они были возмущены тем, как обо мне тут говорили в мое отсутствие. Судя по всему, они имели в виду Хоакина, Алехандро и Врача».

Наконец, в канун Нового года, утром 31 декабря, в «Каламину» прибыл долгожданный Марио Монхе, его сопровождали Таня, Рикардо и боливиец по кличке «Пан длинно», оставшийся в отряде Че в качестве добровольца. Весь день и всю новогоднюю ночь Че вел с Монхе переговоры. Переговоры были не из легких. Вопрос не стоял о целесообразности или нецелесообразности партизанского движения в Боливии. Компартия высказывалась за революционные действия. Однако договориться о едином руководстве партизанским движением не удалось...

Руководство Коммунистической партии Боливии, хотя и не несло ответственности за организацию партизанского отряда, разрешило своим членам вступать в его ряды и оказывало партизанскому движению самую решительную политическую поддержку. Так, в заявлении КПБ от 30 марта 1967 года, вскоре после первых столкновений отряда Че с боливийскими войсками, говорилось: «...Коммунистическая партия Боливии, которая вела постоянную борьбу против политики предательства национальных интересов, предупреждала, что эта политика повлечет за собой события, которые трудно предвидеть. Сейчас она отмечает, что начавшаяся партизанская борьба — это лишь одно из следствий такой политики, одна из форм ответа правительству.

Коммунистическая партия, таким образом, заявляет о своей солидарности с борьбой патриотов-партизан. Самое позитивное здесь, несомненно, то, что эта борьба может выявить лучший путь, по которому должны следовать боливийцы, чтобы добиться революционной победы...»

В таком же плане высказался секретарь ЦК КПБ Хорхе Колье, сменивший Монхе на посту первого секретаря компартии. В беседе с боливийским журналистом Рубеном Васкесом Диасом вскоре после начала военных действий в Ньянкауасу Колье заявил: «Наше отно-

шение к партизанскому движению можно сформулировать следующим образом: солидарность и поддержка во всем, чем только партия может помочь и поддержать его». Одновременно Колье уточнил: «Не мы начали партизанское движение. Партизанское движение не является нашей работой, и не мы его организовали... Тем не менее мы со всей искренностью помогаем и солидаризируемся с партизанами. Мы знаем, что они антиимпериалисты-революционеры и поэтому заслуживают не только нашей помощи, но и уважения. Товарищи в горах действуют согласно своим взглядам, и это впечатляет. Существуют, однако, многие формы борьбы. Мы, вся партия, готовимся к партизанским действиям и восстанию, но не следует забывать и о борьбе масс».

Вернемся, однако, в Ньянкауасу, к 1 января 1967 года. Че рассчитывал, что «Каламина» станет одним из звеньев в партизанской цепи, которая протянется сквозь весь южный конус, по крайней мере, от Перу до Аргентины включительно. Что касается Перу, то он уже имел на этот счет беседы с Чино, который вскоре должен был вернуться в «Каламину». Здесь же с Че находился и его верный сподвижник Антонио — капитан Орландо Пантоха Тамайо, бывший начальник штаба восьмой колонны, дважды раненный во время похода на Лас-Вильяс. Он, как и Роландо, знал Боливию с 1963 года, был в курсе планов перуанских революционеров организовать партизанские действия на древней земле инков...

Но еще большую надежду вызывала у Че Аргентина. Несмотря на трагическую гибель отряда Масетти, Че был уверен, что его родина может, должна стать ареной успешных партизанских действий. Ее слабо заселенные горные провинции Сальта и Жужуй примыкают к Боливии. В них много нещадно эксплуатируемых помещиками батраков и малоземельных крестьян. Они могут, они должны стать бойцами будущих партизанских армий, которые уже однажды действовали здесь в прошлом столетии в период освободительной войны против испанских колонизаторов.

В Аргентине много «горючего» материала. С появлением партизанского «очага» в Боливии у этих людей появится надежда, и тогда из Ньянкауасу к ним придет на помощь он, Че, Тогда на родину, наконец, вернется Эрнесто Гевара Серна, чтобы бороться и победить.

Но, чтобы это свершилось, было необходимо срочно установить контакт с аргентинскими единомышленниками, бездействовавшими после гибели упомянутого выше отряда. На связь с ними Че посылает в Аргентину Таню.

18 января Че записывает в дневнике: «Под проливным дождем пришел Лоро (Васкес Мачикадо), который сообщил, что Альгарэньяс говорил с Антонио, дал ему понять, что он много знает. Он предложил войти в пай с нашими людьми на ранчо и заниматься с ними производством кокаина или же чем-то еще, чем они заняты. Это „чем-то еще" показывает, что этот тип что-то подозревает. Я велел Лоро завербовать Альгараньяса, но не обещать ему особенно много, только плату за перевозку грузов па его „джипе". Велел я также пригрозить ему смертью, если он нас предаст». Однако Альгаракьяс, судя по всему, уже давно находился в контакте с полицией в Камири, которая заявилась на следующий день в «Каламину» с обыском. Че записывает 19 января: «В поисках „фабрики наркотиков" туда на „джипе" приехал лейтенант Фернандес и четверо полицейских, одетых в гражданское платье. Они обыскали дом, и их внимание привлекли некоторые странные для них вещи: например, горючее для наших ламп, которое мы не успели отнести в тайники. У Лоро забрали пистолет, но оставили ему винтовку и малокалиберный пистолет. Для виду они до этого отняли пистолет у Альгараньяса и показали его Лоро. После этого полицейские уехали, предварительно предупредив, что они в курсе всех дел и с ними надо посчитаться».

У Че уже нет сомнения, что Альгараньяс и его люди шпионят за «Каламиной» и доносят обо всем полиции.

На следующий день вновь тревога: «Мы хотели провести несколько военных учений, но это не удалось, так как старый лагерь находится под возрастающей угрозой. Там появился какой-то гринго (американец. — Авт.) с автоматической винтовкой М-2, из которой он то и дело стреляет очередями.

▲ Че в Боливии

▲ Камило Сьен Фуэгос и Че Гевара в Сьерра-Маэстре

Он якобы „друг" Альгараньяса и собирается провести в этих краях десять дней отпуска. Пошлю разведку, и выберем место для лагеря поближе к дому Альгараньяса. Если все пойдет прахом и нам придется покинуть эту зону, этот тип поплатится за все».

Хотя тучи сгущались над «очагом», связь с Камири и Ла-Пасом пока что функционировала нормально. В лагерь прибывали все новые люди. 21 января пришло пополнение из трех боливийцев, один из них, отмечает Че в дневнике, крестьянин-индеец аймара. 26 января в лагерь прибыли горняцкий лидер Мойсес Гевара и подпольщица Лойола. Мойсес — бывший член компартии, примкнувший к промаоистской группировке, но исключенный из нее за «сговор с кубинцами». Он согласился иступить в партизанский отряд вместе со своими сторонниками — около 20 человек. Че потребовал от своего однофамильца, чтобы его люди не вели фракционной работы, «не полемизировали по поводу международных и внутренних проблем». Мойсес согласился, но добровольцев обещал доставить только в первой половине февраля по причине того, что, как отмечает Че в дневнике, «люди отказываются пойти за ним, пока не кончится карнавал».

Лойоле, которая произвела на него очень хорошее впечатление своей стойкостью и верой в дело, Че поручил организовать в Ла-Пасе и других городах подпольную организацию поддержки партизанскому движению. Эта организация должна была бы снабжать партизан боеприпасами, амуницией, продовольствием, собирать сведения о противнике, заниматься саботажем и диверсиями. Че снабдил Лойолу подробной «Инструкцией кадрам, работающим в городах», и она отбыла в Ла-Пас. Но хотя эти контакты и были многообещающими, приток боливийцев в «очаг» далеко не отвечал надеждам Че, что с присущей ему откровенностью он отметил в своем «месячном анализе» за январь 1967 года: «Теперь начинается партизанский этап в буквальном смысле слова, и мы испытаем бойцов. Время покажет, чего они стоят и какова перспектива боливийской революции.

Из всего, о чем мы заранее думали, наиболее медленно идет процесс присоединения к нам боливийских бойцов».

1 февраля, оставив несколько бойцов во главе с кубинцем Маркосом в «Каламине», очищенной от компрометирующих предметов, которые были спрятаны в тайниках, Че с отрядом из 20 человек направился в горы в тренировочный поход, рассчитанный на 25 дней. Инти рассказывает, что в этом походе Че нес на себе самый тяжелый рюкзак. Учить других личным примером всегда было его «слабостью».

Этот поход должен был закалить и спаять бойцов, испробовать их на выдержку, дисциплину, выносливость и мужество. В походе можно было разведать местность, заложить в пути тайные склады с оружием и продовольствием, наконец, установить контакты с населением. Кто они, обитатели этих мест, за свободу и счастье которых партизаны пришли бороться сюда, преодолевая тысячи препятствий и опасностей? Будут ли они помогать партизанам и сражаться в их рядах, как это делали их собратья — гуахиро в далекой и такой родной его сердцу Сьерра-Маэстре? Или, наоборот, может быть, они, обитатели

здешних мест, встретят с недоверием этих чужестранцев и отвернутся от них? Че с нетерпением ждал встречи с ними, заранее предвидя, что ему придется немало потрудиться, прежде чем удастся преодолеть барьер отчужденности и недоверия, которым отгораживали себя боливийские индейцы от внешнего, чужого им мира, не сулившего им ничего доброго на протяжении столетий.

Местность, по которой передвигались партизаны, оказалась труднопроходимой, полупустынной, поросшей колючими зарослями, кишащими ядовитыми насекомыми. Она пересекалась быстротекущими горными речками, каменистыми грядами, обрывами, кручами. Во многих местах бойцам приходилось прокладывать себе путь сквозь чащобу при помощи мачете. Имевшиеся у них карты оказались непригодными: в них много было неточностей и несоответствий. Отряд Че заблудился и вместо запланированных 25 пробыл в пути 48 дней.

Во время этого похода партизаны неоднократно вступали в контакт с местными жителями. Крестьяне говорили на местных индейских диалектах, непонятных партизанам, они держались настороженно, недоверчиво, часто даже враждебно. Само по себе это не было неожиданностью для Че, который в своем трактате о партизанской войне писал, что в начале партизанских действий крестьяне, опасаясь репрессий властей и по своему невежеству именно так и относятся к «чужакам» партизанам, и только по мере развертывания боевых действий, убедившись в дружелюбии партизан, их настроение начинает меняться в пользу восставших. И все же Че ожидал более теплого отклика со стороны боливийских крестьян даже на этом первоначальном разведывательном этапе партизанской борьбы. Вот как Че описывает в дневнике свою первую встречу с крестьянами во время этого похода: «Выдав себя за помощника Инти, я сегодня разговаривал с местными жителями. Думаю, что сцена с переодеванием получилась не очень убедительной, так как Инти держался слишком скромно.

Крестьянин был абсолютно типичным: он не способен был понять нас, но в то же время не в силах предвидеть, какую опасность влечет за собой его встреча с нами, и потому сам он был потенциально опасен. Он рассказал нам про нескольких из своих соседей. Но верить ему нельзя, так как говорил он без всякой уверенности.

Врач подлечил его детей...

(Крестьянина зовут Рохас)».

Сохранилась фотография: Че сидит на пеньке и держит на коленях двух детей Рохаса, а сам Рохас стоит рядом. Запомним его фамилию. Мы еще встретимся с ним...

Партизаны несли с собой портативный радиопередатчик, с помощью которого находились в постоянной связи с «Манилой».

Шли дни. Отряд поднимался все выше в горы. Скудный рацион, насекомые, тяжелые рюкзаки, ремни которых немилосердно впивались в тело, изодранная обувь, израненные ноги, ливни истощали бойцов, делали их раздражительными. Из-за пустяков в отряде все чаще случались стычки среди кубинцев, а также между кубинцами и боливийцами. Че пытался унять и утихомирить бойцов, терявших самообладание, но его призывы соблюдать дисциплину не оказывали на измученных людей прежнего впечатления.

Сам Че с первых же дней похода чувствовал себя весьма скверно. Уже 3 февраля он записывает в дневнике: «Меня освободили от 15 фунтов ноши, и мне идти легче. И все же боль в плечах от рюкзака иногда становится невыносимой».

Запись от 12 февраля: «Устал я смертельно...»

Запись от 23 февраля: «Кошмарный день для меня... В двенадцать часов, под солнцем, которое, казалось, раскаляло камни, мы тронулись в путь. Скоро мне показалось, что я теряю сознание. Это было, когда мы проходили через перевал. С этого момента я уже шел на одном энтузиазме. Максимальная высота этой зоны — 1420 метров».

26 февраля случайно упал в реку боливиец Бенхамин. Попытка спасти его не дала результата. Боец утонул. «Он был слабым и крайне неловким парнем, — пишет в дневнике Че, — но у него была большая воля к победе. Испытание оказалось слишком велико для него. Физически он не был подготовлен к нему, и вот теперь мы уже испытываем крещение на берегах Рио-Гранде, причем самым бессмысленным образом».

▲ Че с детьми Рохаса

▲ Связь Че Гевары с внешним миром

Но Че все еще не теряет оптимизма. В месячном анализе за февраль он отмечает: «Хотя я не знаю, как обстоят дела в лагере, все идет более или менее хорошо, с неизбежными в подобных случаях исключениями.

Марш проходит вполне прилично, но омрачен инцидентом, стоившим жизни Бенхамину. Народ еще слаб, и не все боливийцы выдержат. Последние голодные дни показали ослабление энтузиазма и даже резкое падение его...

Что касается кубинцев, то двое, имеющие мало опыта, — Пачо и Рубио — пока еще не на высоте. Алехандро в полном порядке. Из стариков Маркос постоянно доставляет тяжелые заботы, а Рикардо тоже не безупречен.

Следующий этап должен стать боевым и решающим».

Прошел месяц после выхода отряда из лагеря. Съестные припасы на исходе. Бойцы едят коршунов, попугаев, конину. Все страдают расстройством желудка. Че отдает приказ возвращаться обратно в лагерь на реке Ньянкауасу. Но это не так просто. Отряд заблудился. Голодные бойцы, нарушая приказ, начинают поедать консервы из неприкосновенного запаса. 4 марта Че записывает в дневнике: «Моральный дух у людей низок, а физическое состояние их ухудшается со дня на день. У меня на ногах отеки».

Запись от 7 марта: «Вот уже четыре месяца, как мы здесь. Люди все более падают духом, видя, что припасы подходят к концу, а конца пути не видно». И неделю спустя: «Подстрелили четырех ястребов. Это и была наша еда — не столь уж плохая вопреки нашим ожиданиям. Все наши вещи мокрые, а дождь практически не прекращается. Настроение очень плохое. У Мигеля распухли ноги. То же самое у некоторых других».

На следующий день Че разрешает бойцам съесть лошадь, так как отеки у товарищей внушают серьезные опасения. Че записывает в дневнике: «Ноги в той или иной степени распухли у Мигеля, Инти, Урбано, Алехандро. Я чувствую себя очень слабым».

Именно в эти дни случился эпизод, которому Че не придал особого значения, но который имел весьма отрицательные последствия для судьбы отряда.

В начале марта Маркос и несколько партизан из базового лагеря направились на поиски Че. В пути они набрели на нефтевышку, у которой Маркос столкнулся с крестьянином Эпифанио Варгасом. Маркос представился ему как «мексиканский инженер», справлялся о дороге, пытался купить продовольствие. «Мексиканец» Варгасу показался подозрительным, он рассказал о встрече жене, та своей хозяйке — капитанше, капитанша — мужу. Муж сообщил эти сведения военному командованию четвертого военного округа в Камири. Варгаса арестовали и заставили быть проводником армейскому патрулю, который пошел по следам Маркоса. Эти следы привели солдат к базовому лагерю.

Группа Че на обратном пути в лагерь тоже прошла неподалеку от нефтевышки. Партизаны узнали от местных жителей, что в районе бродил увешанный оружием «мексиканец». Они поняли, что это был

Маркос. 9 марта Че, описав этот эпизод в дневнике, отметил, что Маркос опять «отличился». Он еще не знал, что неосторожность Маркоса уже привела солдат прямо к воротам партизанского лагеря.

По расчетам Че, отряд уже давно должен был вернуться на свою постоянную стоянку. Партизаны явно блуждали в ее окрестностях, но найти свое пристанище на реке Ньянкауасу им, несмотря на все усилия, не удавалось.

17 марта, за два дня до того, как они, наконец, дошли до своих «владений», при переправе через Ньянкауасу перевернулся плот и утонул Карлос. «Он считался, — писал о нем Че в дневнике, — до сегодняшнего дня лучшим среди боливийского арьергарда по серьезному отношению к делу, дисциплине и энтузиазму». Вместе с Карлосом река унесла 6 рюкзаков, 6 винтовок и почти все патроны бойцов.

Отряд оказался безоружным, он заблудился, люди окончательно выбились из сил. Голод и физические страдания, бессмысленная гибель двух товарищей, состояние безысходности и обреченности, в котором очутились бойцы после полуторамесячного блуждания по диким тропам юго-восточной Боливии, — все это действовало удручающе на многих из них. Даже среди закаленных кубинцев нарастало «ворчание», как отмечает Че. Но сам он, хотя физически чувствовал себя не лучше, а может быть, значительно хуже своих товарищей, не мог позволить себе такой роскоши, как сомнение, жалобы, недовольство. Сомнения — в чем, в ком? Жалобы на кого? Недовольство — кем? Самим собою? Но почему? Этот поход был испытанием на выдержку, стойкость, упорство. Войну, которая вот-вот начнется, войну против могущественных и многоликих врагов смогут выиграть только бойцы, способные переносить величайшие лишения, готовые на величайшие жертвы, не просто герои, а сверхгерои, революционеры с большой буквы. Да, его товарищи были теперь на пределе своих физических и моральных сил, они ворчали, ссорились, голод их сделал алчными, укусы насекомых — раздражительными, их воспаленные от бессонницы и усталости глаза сверкали мрачным блеском. Но они шли вперед, они не утратили веру в него, их вождя, они, как и прежде, были готовы перегрызть горло империализму, они с честью выдержали испытание. Такие не подведут!

19 марта, на 48-й день, отряд приблизился к базовому лагерю. Но радоваться было рано. Над отрядом стал описывать круги военный разведывательный самолет. Наконец вечером партизаны встретились с поджидавшим их Негро — перуанским врачом. Он рассказал Че новости. В базовом лагере с 5 марта находились Дебрэ, Таня, прибывший из Гаваны Чино, Мойсес с группой своих людей, Пеладо — аргентинец Сиро Роберто Бустос. Это, конечно, были приятные новости. Но неприятных было больше: «Каламина» обнаружена боливийскими властями. Двое из добровольцев Мойсеса Гевары — Висенте Рокабадо и Пастор Баррера — дезертировали и, по-видимому, все рассказали властям в Камири, если до них этого не сделал сосед Альгараньяс. Вблизи базового лагеря появились солдаты (те самые, которые шли по следам Маркоса). 17 марта в их руки попал еще один доброволец из группы Мойсеса — некий Салючо. Затем на ранчо нагрянула полиция, все там перерыла и, кажется, обнаружила улики о пребывании партизан: политическую литературу, а возможно, и еще кое-что, хотя в свое время Че и дал строжайший приказ «почистить» ранчо под метелку. Налет полиции произошел три дня тому назад. С тех пор вблизи базового лагеря видели колонну солдат в 60 человек, прочесывающих местность. В любой момент солдаты могли наткнуться на партизан и открыть огонь.

Эта перспектива вызвала в отсутствие Че среди обитателей главного лагеря, а их собралось там к тому времени около 30 человек, весьма тревожное, если не паническое, настроение. 20 марта Че записывает в дневнике: «Здесь царит совершенно пораженческая атмосфера... От всего этого — ощущение ужасного хаоса. Они совершенно не знают, что надо делать».

Ознакомившись с положением, Че стал наводить порядок: наладил охрану лагеря, укрепил дисциплину, стал готовить людей к походу, ибо оставаться в основном лагере было небезопасно: теперь, когда о его существовании стало известно властям, он превратился в своего рода мышеловку.

▲ Аргентинская пампа

▲ Тамара -Таня Бунке

Прибытие Че подняло настроение людей, но многие, в особенности новички, продолжали испытывать растерянность, если не страх, перед надвигавшимися грозными событиями.

21 и 22 марта ушли на сборы и разговоры Че с перуанцем Чино, аргентинцем Пеладо, Дебрэ и Таней. Чино, вернувшийся с Кубы, был полон самых радужных надежд в отношении организации партизанских действий в Перу. «Он, — записывает Че в дневнике, — намерен начать их с группой в 15 человек, причем сам он будет командующим зоной в Аякучо. Договорились также, что я приму от него пять человек в ближайшее время, а позже — еще 15. Затем они вернутся к нему после того, как обстреляются у меня... Чино кажется очень воодушевленным».

Не менее многообещающими были и беседы с Пеладо, который, как пишет Че, был готов поступить в его распоряжение. Пеладо согласился возглавить группу сторонников Че в Аргентине, которая, по предложению Че, должна была начать действовать на севере этой страны.

Дебрэ тоже получил соответствующие инструкции. Вначале он заявил о своем намерении остаться в отряде, по-видимому, в роли его летописца, однако, когда Че сказал, что он больше пользы принесет во Франции, организуя там помощь партизанам, он немедленно согласился, признавшись, что его самое заветное желание «жениться и иметь ребенка». Так и видишь Че, записывающего в дневнике эти слова с иронической усмешкой. Действительно, на всякого мудреца довольно простоты, или от великого до смешного всего лишь один шаг. Но не будем слишком строги к молодому французскому антропологу, ведь ему тоже предстоит испить свою горькую чашу...

Беседа с Таней была менее приятной: на этот раз она нарушила правила конспирации, прибыв без надобности в лагерь и задержавшись сверх меры в ожидании Че. Ее видело слишком много людей, в том числе двое сбежавших дезертиров. Все это поставило под удар не только ее личную безопасность, но и чрезвычайно важную для Че работу, которую она выполняла в Ла-Пасе. Че еще не знал, что «джипом», оставленным Таней в Камири, уже завладела полиция, обнаружив в нем различного рода записи и адреса, которые приведут к провалу всей Таниной агентуры.

Пока вырисовывалось ясно одно. Следовало с максимальной быстротой уходить из основного лагеря, где их могут в любой момент окружить правительственные войска. Приходилось надеяться, что войска если и заявятся сюда, то все-таки не обнаружат тайников. Теперь успех герильи будет зависеть от ее маневренности. Она должна на некоторое время исчезнуть, испариться, превратиться в кочующую герилью, в герилью-призрак, герилью-невидимку. И если она вновь обнаружит себя, то только там, где ее меньше всего ждет враг. Че в совершенстве владел искусством партизанской войны и был убежден, что ему удастся перехитрить малограмотных боливийских генералов, привыкших сражаться

против беззащитного народа.

Между тем в отряде наблюдалась повышенная нервозность, участились стычки между бойцами, некоторые из них не выполняли приказов Че. Дневниковая запись Че от 22 марта с беспощадностью фиксирует эти явления: «Пришел Инти и пожаловался на грубость со стороны Маркоса. Я взорвался и сказал Маркосу, что если это так, то он будет изгнан из отряда. На это он ответил, что предпочитает быть расстрелянным...

Вечером вернулись разведчики (не выполнив приказа. — Авт.), и я устроил им крупный разнос. Лоро очень горячо прореагировал на это и сказал, что отказывается от всяких должностей в отряде. Собрание было бурным и взрывчатым. Окончилось оно нехорошо».

Но вот командир сказал все, что нужно было сказать в адрес своих взвинченных и уставших бойцов. Отряд весь в сборе — вместе с новичками и гостями в нем 47 человек, пора и выступать.

И СНОВА ГРЕМИТ БОЙ...

Я — сын Америки; ей всем я обязан. Америка — это родина, развитию, обновлению и немедленному укреплению которой я посвящаю свою жизнь. Не для нежных уст горькая чаша. И аспид не ужалит грудь храбреца.

Хосе Марти

20 марта Лоро застрелил одного солдата близ «Каламины». Это взбудоражило военных. Они решили прочесать местность в поисках партизан. 23-го в засаду, которой командовал Роландо, попал армейский патруль, тот самый, который шел по пятам Маркоса. Несколько залпов со стороны партизан, и от патруля осталось одно лишь название. Результаты этого первого боя с войсками превзошли самые радужные надежды партизан. Семь убитых, в том числе Варгас (карьера предателя на этом закончилась), 14 взято в плен, включая четырех раненых, которым партизанские врачи стали немедленно оказывать медицинскую помощь. Среди пленных оказались два офицера — майор и капитан.

Взятые трофеи могли вскружить голову любому партизану. Подумать только: 16 винтовок-«маузеров» с двумя тысячами патронов, три миномета с 64 минами, две базуки, три автомата с двумя дисками к каждому, 30-миллиметровый пулемет с двумя лентами. Че велел провести с пленными политбеседу и отпустить их. Примечательным было поведение пленных офицеров, которые, как пишет Че в дневнике, выбалтывали все, словно попугаи. Майору предложили вступить в партизанский отряд, он не согласился, но дал слово уйти в отставку из армии. Капитан же оказался чуть ли не единомышленником. Он заверял, что вступил в армию по указанию товарищей из компартии и что один из его братьев учится на Кубе. Кроме того, он назвал имена двух других офицеров, готовых сотрудничать с партизанами. Пленники передали также план операций, согласно которому армия должна продвигаться по обе стороны реки Ньянкауасу и затем сомкнуть клещи вокруг партизанского лагеря.

Значит, этот первый бой партизан с правительственными войсками означал победу? Да, но он и осложнял положение партизан. Этот бой означал начало войны, к которой партизаны еще не были подготовлены как следует. Че, судя по некоторым свидетельствам его соратников, рассчитывал скрытно продержаться в районе Ньянкауасу до конца 1967 года и только тогда приступить к боевым действиям. К тому времени, по его расчетам, уже действовали бы партизанские базы в Перу и на севере Аргентины. Теперь же организаторы этих будущих баз находились в его отряде, и оставалось мало надежды, что они смогут выбраться отсюда живыми и здоровыми.

К тому же первые выстрелы, первая кровь напугали некоторых политически нестойких боливийских добровольцев из группы Мойсеса Гевары. Их трусость выводила Че из себя. 24 марта он записывает в дневнике: «Ньято и Коко пошли с вновь прибывшим отребьем в верхний лагерь, но вернулись с полпути, так как подонки не хотели идти. Придется их выгнать». На следующий день Че лишил четырех боливийцев звания партизан, отобрал их личные вещи, прекратил выдачу им табака и пригрозил оставить без еды за невыполнение приказов.

И все же — какое блестящее начало по сравнению с первыми днями на Сьерра-Маэстре! Тогда партизаны потерпели разгром, потеряли почти 60 человек убитыми, ранеными и сбежавшими с поля боя, лишились почти всего оружия. Здесь же они нанесли решительное поражение противнику в первом же бою. У Че свыше 35 отлично вооруженных бойцов. У Фиделя же собралось после Алегрия-дель-Пио всего 12 человек.

Да, начало действительно многообещающее.

Теперь следовало ожидать ответных действий со стороны армии, и они не замедлили последовать. Сразу же после боя началась бомбежка лагеря, что вызвало, как отмечает Че, «сильный переполох в лагере». Двое бойцов было ранено. Показались и вертолеты.

25 марта состоялось собрание бойцов, на котором было решено впредь именовать отряд Армией национального освобождения Боливии, а также распространить сводку.

Только 27 марта эфир заполнили сенсационные сообщения о сражении с партизанами в районе Ньянкауасу, Правительство, пытаясь «спасти лицо», заверяло, что партизаны потеряли в бою «на одного убитого больше», что они расстреливали раненых солдат, что солдаты взяли в плен четырех партизан, из коих двое иностранцы. Однако из правительственных реляций следовало и другое: властям хорошо известен состав отряда, дезертиры и пленные немало рассказали полиции, Таня полностью «засвечена».

Че записывает в дневнике: «Судя по всему, установлено, какую роль играла Таня. Таким образом, пошли прахом два года хорошей и терпеливой работы. Теперь нашим гостям бу-

▲ В лагере партизан Че и Таня

дет очень трудно выбраться отсюда. У меня создалось впечатление, что такой оборот дела совсем не понравился Дантону (Дебрэ), когда он об этом узнал».

Несколько дней прошли относительно спокойно, только в эфире бушевали страсти, армия, однако, пока не стремилась ринуться в бой, накапливая, по-видимому, силы.

В отряде продолжались нарушения дисциплины, конфликты между кубинцами и боливийцами. 29 марта Че жалуется в дневнике, что «в последние дни мои приказы много раз нарушались». 31 марта Че имел вновь «неприятную беседу» с боливийцем Лоро, который разглагольствовал о «полном разложении партизанского движения». В тот же день правительственные войска вновь перешли к наступательным действиям: подвергли пустое ранчо минометному обстрелу и бомбардировке с воздуха, а затем захватили его.

Подводя итоги за март, Че писал: «Месяц изобиловал событиями. Можно набросать следующую панораму. Сейчас проходит этап консолидации и самоочищения партизанского отряда, которое проводится беспощадно. Состав отряда растет медленно за счет некоторых бойцов, прибывших с Кубы, которые выглядят неплохо, и за счет людей Гевары, моральный уровень которых очень низок (два дезертира, один сдавшийся в плен и выболтавший все, что знал; три труса, два слабых). Сейчас начался этап борьбы, характерный точно нанесенным нами ударом, вызвавшим сенсацию, но сопровождавшийся и до и после грубыми ошибками (выходки Маркоса, нерешительность Браулио). Начался этап контрнаступления противника, которое до сих пор характеризуется: а) тенденцией к занятию ключевых пунктов, что должно изолировать нас; б) пропагандистской кампанией, которая ведется в национальных рамках и в международных масштабах; в) отсутствием до сих пор боевой активности армии; г) мобилизацией против пас крестьян.

Ясно, что нам придется сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив группу, над которой будет постоянно нависать угроза. Кроме того, возможно, еще четыре человека предадут. Положение не очень хорошее».

Че крайне тяготило пребывание Дебрэ и аргентинца Бустоса в отряде. Ни тот, ни другой в партизаны не годились, к тому же не скрывали своего желания побыстрей «обрести свободу». Однако обеспечить им безопасный выход было нелегко. Че рассчитывал сделать налет на местечко Гутьеррес, заручиться там «джипом» и отправить на нем обоих визитеров по шоссе, ведущему в Санта-Крус.

Но на пути к Гутьерресу партизаны столкнулись с армейскими патрулями, которые были направлены в этот район властями, получившими от крестьян подробную информацию о продвижении партизан. Это вынудило Че отказаться от намеченного плана и повернуть обратно в сторону основного лагеря. 3 апреля Че предложил Дебрэ и Бустосу три выхода: остаться в отряде, немедленно его покинуть на свой страх и риск или ожидать для этого более благоприятного момента. Гости выбрали третий вариант. Но прежде чем им удалось его осуществить, произошли еще два столкновения с правительственными войсками, закончившиеся, как и первое, решительной победой партизан. Оба столкновения произошли

10 апреля. Как и в первый раз, две войсковые колонны попали в партизанские засады. Результаты первого боя: три солдата убиты, несколько ранены, шестеро взяты в плен, включая унтер-офицера — командира колонны. Второй бой закончился не менее успешно; потери противника составили: 7 убитых, 24 пленных, 5 раненых. Итого — 10 убитых, 30 пленных, среди них майор Рубен Санчес и несколько унтер-офицеров. С таким победоносным счетом редко когда кончались бои даже на Сьерра-Маэстре. Победы были омрачены гибелью кубинца Рубио (капитана Хесуса Суареса Гайоля), убитого выстрелом в голову в первой схватке. Пленных, в их числе майора Рубена Санчеса, и на этот раз отпустили после соответствующей политбеседы.

Однако новости, заполнявшие эфир, были менее приятны. Правительственное радио сообщало, что в лагере повстанцев обнаружено фото Че с трубкой в зубах и без бороды, а также раскрыт один из тайников.

Настойчивые попытки Че сплотить боливийцев и кубинцев, несмотря на одержанные победы, не приносили желаемых результатов. 12 апреля Че записывает в дневнике: «В полседьмого утра собрал всех бойцов (кроме четверки слабых), чтобы почтить память Рубио и подчеркнуть, что первая пролитая кровь — кубинская кровь. Это необходимо было сделать, так как среди бойцов авангарда прослеживается тенденция пренебрежительно относиться к кубинцам. Это проявилось вчера, когда Камба заявил, что он все меньше доверяет кубинцам... Я вновь призвал к единению как единственной возможности увеличивать наше войско, которое усилило свою огневую мощь и уже закаляется в боях, но не только не растет, а, наоборот, в последние дни сокращается».

15 апреля была получена шифровка из «Манилы», в которой сообщалось, что Хуан Лечин находится в Гаване, что он в курсе местонахождения Че, обещал сделать публичное заявление в его поддержку и рассчитывает через 20 дней нелегально вернуться в Боливию для сотрудничества с партизанами.

Отряд продолжал колесить в районе Ньянкауасу, не отрываясь от своих тайников и подземных складов с питанием. Между тем бойцы в основном питались кониной. 16 апреля у Тани и Алехандро поднялась температура до 39 градусов. Заболел расстройством желудка и Мойсес. В этих условиях 17 апреля Че принимает решение оставить в этой зоне часть бойцов под командованием Хоакина, всего 13 человек, в их числе четырех лишенных партизанского звания боливийцев, а также Алехандро и Таню. «Хоакину, — пишет Че в дневнике, — я велел провести небольшую боевую операцию в окрестностях, чтобы отвлечь внимание от основной группы и затем ожидать нас в течение трех дней. Остальное время он должен оставаться в зоне, но избегать фронтальных боев и дожидаться нашего возвращения».

Че был вынужден пойти на этот шаг. Чтобы дать возможность уйти Дебрэ и Бустосу — он должен был побыстрее покинуть зону Ньянкауасу, где ему угрожало окружение боливийскими войсками. Больше Хоакин и Че уже не встретятся...

Хотя боевые действия продолжались уже около месяца и в основном с положительными результатами в пользу партизан, крестьяне, как правило, уклонялись от сотрудничества с партизанами. На это не мог не обратить внимания Че, тем более что поддержка крестьян становилась для него в условиях маневренной войны решающим фактом. В тот же день, 47 апреля, он записывает в дневнике: «Из всех крестьян, которых мы встречали, лишь один — Симон — согласился помочь нам, но и он был явно напуган».

Когда Че делал эту запись в дневнике, в Гаване по радио передавалось его послание Организации солидарности народов Африки, Азии и Латинской Америки, известное под названием «Создать два, три... много Вьетнамов — вот лозунг дня». В нем Че с присущей ему страстью ратует за создание очагов борьбы в Латинской Америке, которые призваны вызвать на себя огонь империализма. Если США не справляются с одним Вьетнамом, то тем более не совладают с двумя или тремя — такова аргументация Че. Он предсказывал многолетнюю, кровопролитную вооруженную борьбу с империализмом и призывал революционеров отбросить фракционную борьбу, объединиться и единым фронтом сражаться против общего врага.

Послание заканчивалось словами: «Наш каждый шаг — это боевой клич к борьбе против империализма и боевой гимн в честь народного единства против величайшего врага

PCC No. 063319
PARTIDO COMUNISTA DE CUBA
El compañero Tamara Bunke Bider
Es militante del núcleo Ministerio Educación
Seccional o Municipal
Regional Provincia La Habana
Expedido el 6 de Abril de 19 66

▲ Партийный документ Тамары Бунке

▲ Режи Дебрэ

человечества — Соединенных Штатов Америки. Если смерть внезапно настигнет нас, мы будем приветствовать ее в надежде, что наш боевой клич будет услышан и другая рука подхватит наше оружие и другие люди запоют гимны под аккомпанемент пулеметных очередей и боевых призывов к войне и победе».

Вместе с этим документом в Гаване предавались гласности 7 фотографий Че с измененной внешностью и в партизанском лагере с полуотросшей бородой. Последние доставил на Кубу, по всей вероятности, Чино. Потом в месячном анализе Че отметит: «После опубликования в Гаване моего послания едва ли у кого есть сомнения в том, что я нахожусь здесь».

19 апреля партизаны задержали англичанина Георга Роса, выдававшего себя не то за журналиста, не то за фоторепортера. Рос смахивал на агента ЦРУ, во всяком случае, он уже успел поработать инструктором «Корпуса мира» в Пуэрто-Рико. Рос заявил, что прибыл в Боливию из Чили якобы в целях написать сенсационный репортаж о партизанах и подзаработать на этом. Боливийские офицеры показали ему захваченный в одном из тайников дневник Браулио, в котором последний рассказывал, как 20 ноября 1966 года выехал из Гаваны и через Москву, Прагу, Буэнос-Айрес прибыл в Ла-Пас. Это сообщение возмутило Че. «Обычная история, — отмечает он в своем дневнике. — Кажется, главной побудительной причиной действий наших людей стали недисциплинированность и безответственность». Так как в дневнике Браулио Че фигурировал под кличкой Рамон, то теперь он сменил ее на Фернандо. Дебрэ ухватился за Роса как утопающий за соломинку. Он предложил Че пообещать англичанину материалы о партизанах при условии, если Рос поможет ему и Бустосу выбраться из окружения. Бустос, пишет Че, «скрепя сердце согласился с этим вариантом, а я умыл руки». В тот же день Рос, Дебрэ и Бустос покинули отряд.

День спустя Че услышал по радио, что все трое задержаны боливийскими властями. Их арест явился серьезным ударом для Че, который записывает в дневнике: «Дантон и Карлос (Бустос) стали жертвами собственной спешки, почти отчаянного желания выбраться, а также моего недостаточного сопротивления их планам. Таким образом, прерывается связь с Кубой (Дантон), мы потеряли разработанную нами схему борьбы в Аргентине (Карлос)».

В течение следующих десяти дней отряд Че продвигался все дальше на север от своей прежней стоянки. Отряд проходил через села, местное население встречало бойцов с опаской и недоверием. В одной из стычек с солдатами погиб Роландо, бывший связной Че во время похода в Лас-Вильяс. Че был очень к нему привязан. В дневнике Че записал: «О смерти Роландо в этой мрачной обстановке можно сказать, если только в будущем эти слова кто-то сможет прочесть: „Ты был маленьким смелым солдатом. Но после смерти ты стал великим и вечным, как сталь“. В эти же дни от отряда отбился Лоро. Ряды отряда медленно, но неустанно редели, а надежды на приток новых бойцов не было. Ни в одном из селений, через которые прошли партизаны, к ним не примкнул ни один из местных жителей. Не примкнул к ним и ни один рабочий с близлежащих нефтепромыслов, принадлежавших американцам. Партизаны выступали в селениях с зажигательными призывами к восстанию, к борьбе против империализма, но население явно им не доверяло. Однако Че был уверен, что это временное явление.

Майский месячный анализ, хотя отмечает и оценивает весьма трезво недочеты и ошибки партизан, в целом пропитан оптимизмом. Вот наиболее примечательные разделы этого анализа:

„Дела идут более или менее нормально, хотя нам пришлось опла-

кать гибель двух наших бойцов: Рубио и Роландо. Потеря последнего была особенно суровым ударом для нас, так как я собирался поставить его во главе самостоятельно действующего отряда. Мы провели еще четыре боя. Все они в целом дали хорошие результаты, а один из них даже очень хорошие — это та засада, в ходе которой погиб Рубио.

С другой стороны, мы по-прежнему полностью изолированы. Болезни подорвали здоровье некоторых товарищей, заставили разделить наши силы, что лишило нас многих возможностей. Мы все еще не установили контакта с группой Хоакина. Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам. Со временем они поддержат нас... К нам не примкнул ни один человек, и, кроме двух убитых, мы потеряли также Лоро...

В итоге: это был месяц, в течение которого все развивалось в пределах нормы, принимая во внимание случайности, неизбежные в ходе партизанской войны. Моральный дух всех тех бойцов, что успешно прошли предварительный экзамен на звание партизана, на высоте".

В мае отряд продолжал двигаться по маршруту первого похода, где по пути были заложены тайники с продовольствием и другими предметами. Однако скудная и недоброкачественная еда и в особенности отсутствие воды в этих местах, а также усталость, нервное напряжение — все это не могло не сказаться на физическом состоянии партизан, в частности самого Че. Почти все страдали от расстройства желудка, многих лихорадило. О состоянии Че можно судить по его дневнику.

Запись от 9 мая: „Я чувствовал, что теряю сознание, и проспал около двух часов, чтобы возобновить поход медленным и шаркающим шагом". Запись от 13 мая: „Я чувствовал себя очень плохо, но меня не вырвало..." Три дня спустя Че вновь жалуется на острые рези в желудке, рвоту и расстройство желудка. Однако, несмотря на такое состояние, Че не только продолжает вести дневник изо дня в день, но и не забывает отметить в нем дни рождения своих детей и ближайших родственников.

Два новых столкновения с войсками, имевшие место в мае, закончились, как и предыдущие, победой партизан. 8 мая в засаду попали 27 солдат. Завязалась перестрелка. Результат боя: трое — два солдата и младший лейтенант — убиты, десять сдавшихся в плен, из них двое раненых. Раненых подлечили и всех пленных отпустили, у убитого лейтенанта по фамилии Ларедо нашли дневник, в котором он обзывал трусами своих солдат, а рабочих — бездельниками и паразитами. У него же было обнаружено письмо его жены, в котором она просила прислать ей и ее приятельнице по „партизанской шевелюре" для украшения гостиной. Классовый враг всюду сшит на один покрой, будь то нацист, сдиравший кожу со своих жертв на абажуры, или американский империалист, коллекционирующий уши вьетнамских патриотов, или боливийский „рейнджер", мечтающий одарить свою сеньору шевелюрой партизана.

Че, рассказывает Инти, это письмо и дневник Ларедо положил себе

▲ Аборигены

▲ Лас Игерас

в рюкзак и хранил вместе со своим дневником...

30 мая в новой стычке партизан с солдатами последние потеряли трех человек убитыми и одного раненым. В этих столкновениях партизаны не понесли потерь.

Во время похода партизаны вошли в два больших селения — Пириренду и Карагуатаренду, где общались с жителями, знакомили их со своей программой, намерениями, призывая желающих присоединиться к партизанскому движению. Но боливийцы то ли боялись, то ли не понимали партизан, то ли находились под влиянием правительственной пропаганды, рисовавшей соратников Че как иностранных захватчиков, грабителей и насильников. Как бы там ни было, но местные жители относились весьма недоверчиво к партизанам. Крестьяне, правда, проявляли большее дружелюбие, но вступать в их ряды отказывались.

Другим обстоятельством, вызывавшим беспокойство Че, было отсутствие каких-либо следов отряда Хоакина, который точно в воду канул. Че предположил, что Хоакин заблудился. Всякие контакты с Ла-Пасом у партизан также прервались, и какой-либо надежды на их восстановление не вырисовывалось. Более того, 16 мая Че получил шифровку из „Манилы", которая только подтвердила, как записал Че в дневнике, „полную изоляцию, в которой мы находимся". Это могло означать только одно — подпольный аппарат поддержки, действовавший в Ла-Пасе, после провала Тани оказался парализован. А на создание нового аппарата требовалось время...

Никаких сообщений не поступало и от Хуана Лечина и других политических лидеров, обещавших оказать поддержку партизанам.

В июне отряд Че продолжал действовать все в той же зоне между Санта-Крусом и Камири, не отрываясь от тайников и все еще надеясь на встречу с группой Хоакина, 14 июня, в день своего рождения, Че записывает в дневнике: „Мне исполнилось 39 лет, годы неизбежно бегут, невольно задумаешься над своим партизанским будущим. Но пока я в форме".

Действительно, он был тогда в своей наилучшей „форме". Тело его было искусано насекомыми, астма вновь душила его, мучил желудок. Но воля пламенного революционера держала это слабое, уставшее тело на ногах, подавляя малейшую жалобу, малейшее проявление слабости. Разум его был ясным и трезвым, доказательством чему служат страницы дневника, где с точностью и поразительной беспристрастностью он фиксирует плюсы и минусы, действия, возможности и перспективы борьбы, знамя которой он поднял в горах Боливии и которое он все еще думал победоносно пронести по долинам и по взгорьям его родной Латинской Америки. Со страстной неукротимостью, с храбростью беспримерной он вел свой небольшой отряд вперед, вызывая удивление и чуть ли не суеверное преклонение у своих бойцов.

И не только его соратники про-

никлись к нему беспредельным уважением. Крестьяне и жители селений, через которые проходил отряд, взирали на его командира — этого бородатого, в лохмотьях, белолицего чужеземца, ласкавшего их детей и лечившего им зубы, Фернандо-Зубодера, как его называли крестьяне, — точно на пророка. Однако его все еще отделяла какая-то невидимая стена от этих боливийских индейцев, за счастье которых он и его соратники пришли сюда сражаться, победить или умереть.

«Крестьяне, — пишет Че в июньском резюме, — по-прежнему не присоединяются к нам. Создается порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам нужно постоянно действовать в более населенном районе, а для этого нам нужно больше людей...

Армия с военной точки зрения действует малоэффективно, однако она ведет работу среди крестьян, которую мы не можем недооценивать, так как при помощи страха или лжи относительно наших целей она вербует среди местных жителей доносчиков».

«За жителями нужно охотиться, чтобы поговорить с ними, они точно зверьки», — записывает Че 19 июня. И все-таки среди крестьян время от времени попадаются и такие, которые готовы сотрудничать с партизанами. Например, Паулино, молодой крестьянин, больной туберкулезом, которого Че встретил в одном из селений 20 июля и который помог разоблачить полицейских шпиков, выдававших себя за торговцев свиньями. «Это был наш первый рекрут», — пишет о нем Инти. Он мог бы добавить, что и последний. Че поручил Паулино добраться до Кочабамбы, встретиться с женой Инти и передать ей послание в «Манилу», ибо к тому времени передатчик перестал работать. Теперь рация могла только принимать сообщения «Манилы». Через Паулино Че послал и четыре сводки о боевых действиях отряда. Паулино пытался выполнить поручение, но ему так и не удалось добраться до Кочабамбы. Но пути его арестовали, захватив послания Че...

26 июля в перестрелке с солдатами был ранен Помбо и убит кубинец Тума. Че относился к Туме, скромному, отважному бойцу, как к сыну и сильно переживал его гибель. Противник понес тоже потери: четыре человека убитыми и три ранеными. Но его потери были легко восполнимы, в то время как каждая потеря партизан, как отмечает в дневнике Че, была равносильна серьезному поражению, хотя армия об этом не знала.

Че внимательно следил за передачами правительственного радио, которое, ссылаясь на показания Дебрэ, утверждало, что среди партизан находятся опытные вьетнамские командиры, громившие в свое время «лучшие американские полки». Создается впечатление, отмечает в дневнике Че, что Дебрэ болтал лишнее.

30 июля «Манила» сообщила Че, что в Перу пока нет надежды на развитие партизанского движения, хотя там и создана партизанская организация. Че регистрирует эти сведения в дневнике без комментариев.

В июле положение отряда не только не улучшилось, но ухудшилось. Правда, стычки с войсками

▲ На марше

все еще заканчивались в пользу повстанцев. Однако и потери партизан были чувствительны. Они потеряли двух человек убитыми — кубинца Рикардо, воевавшего на Сьерра-Маэстре и в Конго, о чем упоминает Че в дневнике, и боливийца Рауля; двое партизан были ранены и не в состоянии самостоятельно передвигаться. А Че — с непрекращающимся приступом астмы и уже без необходимых для ее лечения лекарств. К тому же в одной из стычек партизаны потеряли 11 рюкзаков с медикаментами, биноклями и, что самое главное, магнитофоном, на который записывались шифровки из «Манилы». Теперь даже односторонняя связь с Гаваной практически прервалась. Единственным источником информации оставались обычные передачи радионовостей, но они были сбивчивы и противоречивы. Боливийское радио уделяло большое внимание предстоящему процессу над Дебрэ и Бустосом. Че весьма критически оценивал их поведение после ареста. 10 июля он записывает в дневнике, что «Дебрэ и Пеладо сделали нехорошие заявления, прежде всего они сообщили о континентальных планах герильи, чего им не следовало делать».

В резюме за июль Че писал:

«Продолжают действовать те же отрицательные моменты, что и в прошлом месяце. Невозможность установления контактов с Хоакином и с нашими друзьями, а также потери в личном составе...

Наиболее важные особенности месяца таковы:

1. Продолжающееся полное отсутствие контактов. 2. Крестьяне по-прежнему не вступают в отряд, хотя имеются некоторые ободряющие признаки, наши старые знакомые среди крестьян принимали нас хорошо. 3. Легенда о партизанах распространяется по континенту... 4. Попытка установить контакт через Паулино потерпела неудачу. 5. Моральный дух и боевой опыт партизан растет от боя к бою. Слабо выглядят Камба и Чапако. 6. Армия ведет свои действия неудачно, но некоторые ее подразделения стали более боевыми. 7. В правительстве (Боливии. — Авт.) углубляется политический кризис, но Соединенные Штаты предоставляют ему небольшие займы, которые по боливийским масштабам весьма значительны. Это несколько умеряет недовольство.

Наиболее важные задачи: восстановить контакты, набрать новых добровольцев, достать медикаменты».

В августе положение отряда усложнилось в связи с приступами астмы, выбивавшими из строя Че. Приостановить эти приступы можно было только при помощи лекарств, а в близлежащих селениях их не было. 7 августа Че записывает в дневнике: «Сегодня исполняется девять месяцев со дня образования партизанского отряда. Из шести первых партизан двое — мертвы, двое — ранены, один — исчез,

▲ Удаление зуба

▲ Че с женой и детьми

а я с астмой, от которой не знаю как избавиться».

8 августа отряд, как обычно, передвигался по гористой местности. Че ехал верхом на кобылке, которая от усталости и голода еле передвигала ноги. Он чувствовал себя прескверно, его душила астма, кроме того, отчаянно болела вспухшая ступня. Он непрестанно понукал лошадь, пытаясь заставить ее двигаться быстрее. Кобылка его не слушала, он выхватил нож и нанес ей в шею глубокую рану. Придя несколько в себя, он собрал своих сподвижников и сказал им: «Мы в трудном положении. Я превратился в подобие человека. Эпизод с кобылкой показывает, что бывают мгновения, когда теряю контроль над своими действиями. Другие товарищи ведут себя не лучше. Настал момент великих решений. Борьба, которую мы ведем в тяжелейших условиях, дает нам возможность выдержать экзамен на революционеров, эту высшую ступень человеческого вида, каждый из нас может стать Человеком с большой буквы. Но для этого нужно превозмочь себя. Кто чувствует, что способен на это, пусть остается, кто не в состоянии — пусть уходит».

Че отмечает в дневнике: «Все кубинцы и некоторые боливийцы за то, чтобы продолжать борьбу до конца».

Че решается на отчаянный шаг: вернуться в старый лагерь, к одному из тайников, в котором запрятаны противоастматические лекарства и радиостанция. Восемь человек он посылает вперед, а сам с остальными медленно движется за ними. Он все еще надеется встретиться с группой Хоакина или, по крайней мере, узнать правду о ее судьбе.

Понуро бредут партизаны обратно, избегая населенных пунктов. Их одолевает голод. У боливийца Чапако — признаки помешательства. У Че — нарыв на пятке, жар. Товарищи вскрывают нарыв, пытаются облегчить страдания своего командира, но самочувствие его продолжает оставаться прескверным, что он и отмечает в дневнике.

Именно в эти тревожные дни в далекой и родной Гаване заседала конференция, в которой участвовали делегаты почти всех стран Латинской Америки, в том числе Боливии, а также наблюдатели из стран других континентов. Конференция учредила Латиноамериканскую организацию солидарности (ОЛАС) и одобрила курс на развитие партизанского движения в этом регионе. В зале заседаний конференции над трибуной ее президиума висел огромных размеров портрет Че. Он как бы председательствовал на этом собрании.

▲ Фидель Кастро на Сьерра-Маэстре

Конференция приняла «Поздравительное послание майору Че Геваре», в котором полностью одобряла его документ о создании нескольких Вьетнамов и предвещала возникновение новых партизанских очагов в Латинской Америке, которые превратят ее в «могилу империализма США».

Президиум конференции по предложению ряда делегаций объявил о символическом создании «латиноамериканской национальности» и провозгласил «почетным гражданином нашей общей родины — Латинской Америки дорогого партизана майора Эрнесто Че Гевару».

Конференция ОЛАС приняла также резолюцию солидарности с партизанским движением в Боливии. Однако эта резолюция ни по своим размерам, ни по своему содержанию особенно не отличалась от других резолюций солидарности с партизанским движением в Гватемале, Колумбии и Венесуэле. Возможно, боливийская резолюция была такой из конспиративных соображений, хотя к тому времени пребывание Че в этой стране было уже секретом полишинеля.

Конференция ОЛАС в Гаване изобиловала многими драматическими моментами. Перед делегатами предстали четыре агента ЦРУ, которые с большим количеством подробностей рассказали о том, как по поручению разведки США они готовили убийство Фиделя Кастро. Показания этих диверсантов были еще одним наглядным доказательством преступного вмешательства США во внутренние дела Кубы. А ведь таких диверсантов и убийц США засылает десятками на Кубу с 1959 года! Разумеется, это давало кубинцам моральное право участвовать в освободительной борьбе, точнее, в партизанских действиях в Латинской Америке против империализма США.

Конференцию ОЛАС широко освещало не только гаванское радио, но радиостанции всех латиноамериканских стран. Вашингтон рвал и метал против участников конференции. ОАГ объявила о созыве своей конференции для принятия контрмер против революционной Кубы. Барриентос призывал к интервенции против острова Свободы. Эфир был забит всякими сообщениями и заявлениями о Гаванской конференции...

Че стремился поскорей добраться до заветного тайника. Там были спасительные лекарства, продовольствие. Но когда он уже был близок к цели, оказалось, что неприятель опередил его.

«Черный день, — записывает Че в дневнике 14 августа. — Продвигались как обычно, но ночью из последних новостей узнали, что армия открыла тайник, к которо-

му мы направлялись. Сообщаются детали, не вызывающие сомнения в правдивости сообщения. Теперь я осужден страдать от астмы на неопределенное время. Радио сообщает также, что найдены различные документы и фотографии. Нам нанесен самый сильный удар. Кто-то нас предал. Кто? Пока это тайна».

На следующий день радио сообщило, что армия обнаружила еще четыре тайника в районе главного лагеря. Теперь все запасы партизан были в руках их врагов.

Отрезанные от всего мира — от «Манилы», от Хоакина, от боливийских связей, окруженные враждебным населением, загнанные в полудикий район, в котором водные источники были столь же редки, как птицы или животные, которыми можно было бы утолить голод, лишенные запрятанных в тайниках продуктов и лекарств, которые могли бы продлить их надежду на счастливый поворот судьбы, партизаны продолжают блуждать по джунглям, ведомые железной волей своего командира...

Дневник Че — правдивое жестокое зеркало, в котором отражен этот тернистый путь партизанского отряда, обреченного, подобно фадеевскому отряду Левинсона, на гибель.

«Все получилось скверно», — так начинается дневниковая запись Че от 26 августа. В этот день он потерял над собой контроль и в приступе ярости побил Антонио, забывшего выполнить какой-то приказ.

«День проходит в отчаянных поисках выхода, результаты которых пока не ясны», — так начинается запись следующего дня.

«День сумрачный и несколько мучительный», — начало записи от 28 августа.

«День тяжелый и весьма мучительный», — записывает Че 29 августа. Люди изнывают от нестерпимой жажды.

Запись от 30 августа: «Положение становилось невыносимым: люди падали в обморок, Мигель и Дарио пили мочу, то же делал и Чино, с печальными последствиями — расстройством желудка и болевыми схватками. Урбано, Бенигно и Хулио спустились на дно ущелья и там нашли воду. Мне сказали, что мулы не могут спуститься, и я решил остаться с Ньято, но Инти принес нам воды, и мы остались втроем есть кобылу (ту самую, которую ранил Че. — Авт.). Рация осталась в ущелье, и мы не смогли прослушать новости».

Этот месяц был и наименее удачным в отношении военных действий. В единственной стычке с противником партизаны ранили только одного солдата.

Месяц закончился, следует подытожить результаты, дать оценку положения. Че это делает, как всегда, с поразительной четкостью и правдивостью:

«Это был, безусловно, самый тяжелый месяц, который мы пережили с того момента, как начали вооруженные действия. Обнаружение армией всех наших тайников с документами и медикаментами явилось для нас очень тяжелым ударом, особенно с психологической точки зрения. Потеря двух бойцов и последовавшие за этим трудные периоды, во время которых мы держались только за счет конины, деморализовали людей. Дело дошло до того, что Камба ставит вопрос об уходе из отряда... Отрицательно сказывается на моральном духе бойцов и отсутствие контактов с Хоакином, а также тот факт, что пленные из его отряда выдали армии все, что знали. Моя болезнь также посеяла среди многих неуверенность, и все это сказалось на единственном нашем бое, в котором мы могли нанести армии серьезные потери, но только ранили одного солдата. С другой стороны, трудные переходы по горам без воды выявили некоторые отрицательные человеческие черты у бойцов.

Наиболее важные элементы положения:

1. Мы по-прежнему лишены каких бы то ни было контактов и не имеем надежды установить их в ближайшем будущем.

2. Крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам — это естественно, принимая во внимание тот факт, что в последнее время мы мало встречались с ними.

3. В отряде наблюдается упадок духа, но, надеюсь, это временное явление.

4. Армия не действует более эффективно и напористо.

Мы переживаем момент упадка нашего боевого духа.

Легенда о партизанах также туск-

▲ Барьентос

▲ Че и Рохас

неет. Наиболее важные задачи — те же, что и в прошлом месяце: восстановить контакты, увеличить свои ряды за счет новых бойцов, обеспечить себя лекарствами и оружием.

Надо указать, что Нити и Коко все более проявляют себя как твердые и боевые революционные руководители».

Когда Че писал эти строчки, в нескольких десятках километров от его отряда, недалеко от главного лагеря, на реке Рио-Гранде, Хоакин и его бойцы вели последний смертный бой с окружившими их боливийскими солдатами.

После того как Че расстался с ним, Хоакин и его люди кружили в районе главного лагеря в ожидании возвращения своего командира. Положение группы Хоакина было не из легких. В ней, напомним, было четверо больных, в их числе Таня и Мойсес Гевара. Правда, были и три врача — кубинец Маркос, перуанец Негро и боливиец Эрнесто, но не было лекарств, и они мало чем могли облегчить участь своих пациентов. В тяжелом состоянии находился и боливиец Серапио. Он хромал и постоянно отставал от отряда. Другой проблемой являлись четыре боливийца: Пако, Пэпе, Чинголо и Эусебио, которых Че лишил за трусость звания партизан и за которыми нужен был глаз да глаз, ибо их дезертирство позволило бы противнику получить ценную информацию об отряде.

Почувствовав, что группа Хоакина менее многочисленна, чем отряд Че, боливийские власти решили в первую очередь расправиться с нею. Был разработан план окружения и ликвидации группы под названием «Синтия» — в честь дочери генерала Баррьентоса. Кроме войск, которыми командовали полковники Л. Роке Теран и Х. Сентено Анайя, на преследование Хоакина и его людей были брошены войска четвертой и восьмой дивизий, авиация, постоянно наблюдавшая и бомбившая местность, по которой передвигались партизаны.

23 мая дезертирует боливиец Пэпе, он сдается в плен и рассказывает все, что знает о партизанах, однако это не спасает его от смерти. Разъяренные солдаты убивают дезертира.

4 июня в перестрелке с противником гибнут кубинец Маркос (майор Антонио Санчес Диас) и боливиец Виктор (Касильдо Кондори Варгас). В середине июля Хоакин теряет еще одного бойца, боливийца Серапио, подлинная фамилия которого до сих пор не установлена.

Месяц спустя при новой стычке с войсками боливийцы Эусебио и Чинголо дезертируют и переходят к противнику. Оба предателя сообщают властям все, что знают: месторасположение тайников, подробно информируют о состоянии бойцов Хоакина, находившихся на пределе своих сил, истощенных голодом и измотанных болезнями.

Войска усиливают преследование, хотя и действуют крайне медленно и нерешительно, по-видимому, из-за некомпетентности своих командиров или, опасаясь наткнуться на другие партизанские отряды, возможно притаившиеся в этом районе, или намеренно, с целью выудить у американских покровителей побольше долларов на борьбу с партизанами.

Как бы там ни было, 9 августа в очередном столкновении с войсками, которые, пользуясь услугами проводников из местных крестьян, вновь напали на след отряда, гибнет от армейской пули 26-летний боливиец Педро (Антонио Фернандес), один из руководителей комсомола Боливии.

Теперь в группе Хоакина всего 10 человек, включая его самого и Таню. Они полностью изолированы, обложены со всех сторон противником, без еды, без лекарств. Но сдаваться не думают. Они все еще надеются встретиться с Че.

30 августа отряд Хоакина вышел к реке Рио-Гранде, к месту, где стояла хижина крестьянина Онорато Рохаса, того самого, с которым встретился Че во время своего тренировочного похода. Уже тогда Че назвал Рохаса «Потенциально опасным».

Тем не менее, познакомившись с ним поближе, партизаны стали пользоваться его услугами. Рохас был обременен большой семьей: у него было восемь детей. Жил он убого, в нищете, как и все крестьяне этой зоны. В 1963 году Рохас забил быка местного помещика, чтобы накормить детей, за что просидел 6 месяцев в тюрьме. Так что у него никаких оснований для любви к властям не имелось, и он действительно в течение некоторого времени по поручению партизан покупал им продукты, одежду и лекарства в городке Вальегранде. В июне 1967 года его вместе с другими 40 крестьянами арестовали и увезли в Вальегранде. Специальная команда по борьбе с партизанами подвергла арестованных допросам и пыткам. Особое внимание уделили Рохасу: его били палками, пытали электричеством. Но Рохас не вымолвил лишнего слова, на этот раз он выстоял. Его освободили, продолжая внимательно следить за каждым его шагом. Более того, армия учредила около его хижины военный пост и даже построила бараки для солдат. Некоторое время спустя полиция вновь арестовывает Рохаса. Его увозят в Санта-Крус, где крестьянина допрашивает опытный агент ЦРУ Ирвинг Росс. Он не истязает Рохаса, а делает ему предложение: «Помоги нам захватить партизан и получишь 3 тысячи долларов, кроме того, мы перевезем тебя и всю твою семью в Соединенные Штаты, дадим тебе

▲ Таня

землю, и будешь жить там как богач». Рохас, как в свое время Эутимио Герра на Сьерра-Маэстре, устоял перед пытками, но не перед соблазном превратиться в богача: он дал согласие сотрудничать с Россом. Теперь оставалось только ждать, когда партизаны выйдут на связь с предателем. Чтобы облегчить задачу, армия убрала солдат с поста, расположенного по соседству с его хижиной.

За несколько часов до того, как Хоакин и его бойцы подошли к хижине Рохаса, туда явился санитар Фаустино Гарсия в сопровождении солдата Фиделя Реа. Зачем они явились к Рохасу? По-видимому, получить сведения о партизанах. Пока Гарсия беседовал с Рохасом, солдат Реа пошел поохотиться.

Именно в этот момент к хижине подошли партизаны. Почуяв неладное, Гарсия бросился на койку, покрыл себя лохмотьями и приказал Рохасу выдать его за больного пеона. Партизаны с большими предосторожностями подошли к хижине Рохаса, они слышали выстрелы Реа и опасались наткнуться на солдат. Но так как вблизи хижины ничего подозрительного не было обнаружено, партизаны все-таки рискнули и зашли внутрь.

Рохас встретил партизан, точно долгожданных гостей. Он обещал достать им продукты и подыскать подходящий брод через Рио-Гранде, на противоположном берегу которой, как он утверждал, партизаны смогут найти надежное место для укрытия.

Оставив Рохасу деньги и договорившись прийти на следующий день за продуктами, партизаны ушли.

Не успели они скрыться, как Рохас послал своего 8-летнего сына известить солдат о присутствии партизан в зоне, с просьбой сообщить об этом ближайшему армейскому подразделению в селении Ла-Лоха, приблизительно в 13 километрах от хижины Рохаса.

Получив сообщение, капитан Марио Варгас немедленно выступил по направлению к хижине Рохаса во главе отряда, прихватив проводника, местного крестьянина Хосе Кордону Толедо.

На рассвете 31 августа отряд Варгаса достиг хижины Рохаса. К этому времени Рохас, хотя и запасся продуктами для партизан, не то раздумал участвовать в организации задуманной им самым западни, не то струсил. Во всяком случае, когда Варгас явился к нему, то он собирался покинуть хижину со всей своей семьей. Варгас велел ему ждать партизан и отвести их к броду, в полутора километрах от его хижины, где их будут ждать в засаде солдаты.

Приблизительно в 5 часов вечера того же дня Хоакин и его бойцы явились к Рохасу, который вновь разыграл из себя радушного хозяина, накормил их, снабдил продуктами и отвел на условленное место, так называемую переправу Иесо. Партизаны стали переходить реку. Первым вошел в воду Браулио, предпоследней шла Таня, последним Хоакин.

Когда все находились в воде с высоко поднятым над головой оружием, Варгас и его люди с обоих берегов открыли по партизанам ураганный огонь. Браулио, хотя и раненный, стал отстреливаться, убив солдата, но и сам был убит. Шесть других его товарищей, в их числе Таня и Мойсес Гевара, нашли героическую смерть в мутных водах Рио-Гранде. Каждый из них получил по 7–8 пуль. Негро (перуанский врач Хосе Реституто Кабрера Флорес) сумел скрыться в зарослях. Несколько дней спустя его поймали солдаты и забили насмерть прикладами. Живыми солдаты захватили только двоих: Пако (боливиец Хосе Кастильо Чавес), из числа исключенных, он получил три пулевых ранения, и врача Эрнесто (боливиец Фредди Маймура), который пытался оказать ему помощь.

Солдаты накинулись точно звери на пленных: стали избивать их, требовать выдать местонахождение Че. Фредди Маймура держался с большим достоинством, показания давать отказался, даже когда выстрелом раздробили ему левое плечо. Разъяренная солдатня покончила с ним двумя выстрелами в спину. В живых остался только Пако. Он рассказал все, что знал, и этим спас себе жизнь. Впоследствии его освободили. Пако — единственный оставшийся в живых из отряда Хоакина.

После бойни солдаты стали вылавливать из воды трупы и отвезли их в Вальегранде, где похоронили в общей могиле за городом.

Таню нашли только неделю спустя в трех километрах от места боя. На место находки прибыл на вертолете сам президент Баррьентос. Труп Тани привязали к вертолету и отвезли в Вальегранде. Место ее захоронения сохраняется по сей день в тайне.

Онорато Рохас, предатель, разумеется, не получил обещанных 3 тысяч долларов, в Соединенные Штаты его тоже не взяли. Баррьентос подарил ему небольшую ферму около города Санта-Круса, куда он и перебрался со своей семьей. В 1969 году он был убит выстрелом в голову неизвестным лицом. Капитан Варгас, хотя и получил за бойню у переправы Иесо чин майора, вскоре сошел с ума...

Об обстоятельствах гибели отряда Хоакина ходили разные противоречивые версии. Они были восстановлены только в 1971 году корреспондентом «Пренса Латина» в Боливии, который встретился с Пако, проводником Хосе Кордоной Толедо и имел возможность ознакомиться с дневником Браулио, попавшим при гибели отряда в руки противника. Результаты этого исследования были опубликованы в журнале «Куба Интернасиональ» в сентябре 1971 года.

Корреспондент спросил Хосе Кордону Толедо, бедного крестьянина, отца пяти детей, служившего проводником у капитана Варгаса, почему он помотал военным.

— Я надеялся на благодарность, — ответил Кордона. — Хотя получил от генерала Баррьентоса только двести песо. Он пригласил меня в Ла-Пас, обещал подарить ферму. Я поехал, пробыл в столице месяц, израсходовал семьсот песо,

▲ Труп Тани

но так и не увидел президента и ни с чем вернулся обратно.

— Вы знали, за что сражаются партизаны?

— Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объясняли военные, все превращаются в слуг государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилуют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им. И главным образом, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу...

Самым поразительным во всей этой драме было то, что на следующий день после гибели отряда Хоакина, 1 сентября вечером, Че и его бойцы вышли к хижине Рохаса! Она была пуста. Ничего подозрительного ни в ней, ни за ее пределами партизаны не обнаружили. Найдя в доме Рохаса еду, они приготовили нехитрый ужин, поели и двинулись дальше в путь. Если бы Че явился сюда днем раньше, возможно, история Хоакина и его отряда писалась бы сегодня иначе...

На следующий день Че и его бойцы встретили поблизости крестьян, но никто из них ни словом не обмолвился о гибели группы Хоакина и о причастности к ней Рохаса.

Че, слушая «Голос Америки», узнал, что, по сообщению боливийских военных властей, в районе Камири был разгромлен отряд в 10 человек во главе с кубинцем Хоакином. Однако это сообщение показалось ему недостойным доверия. Он еще долго не мог примириться с мыслью, что вся группа Хоакина потеряна, и только в самом конце сентября, когда боливийские радиостанции передали все детали ее гибели, в том числе смерти Тани, он признал, что это, правда, хотя все же выразил надежду, что «не все погибли и что где-то бродит небольшая группа партизан, оставшихся в живых и избегающих столкновения с армией. Возможно, что сообщение о гибели всех бойцов той группы лживо или, по крайней мере, преувеличено...»

Окончание в следующих номерах альманаха

А. И. СПИРИДОВИЧ

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

▲ Жандармы охранного корпуса

Московское охранное отделение того времени занимало исключительное положение среди розыскных органов России и деятельность его распространилась далеко за пределы Москвы и ее губернии. Отделение уже вычистило к тому времени Москву и раскрыло несколько революционных организаций вне ее.

Так, в 1895 году отделение арестовало в Москве кружок студента Распутина, имевший намерение подготовить покушение на молодого государя и делавший для того некоторые приготовления. Оно разгромило перед тем складывавшуюся благодаря Натансону партию «Народное право», арестовав по разным городам ее главарей и взяв в Смоленске ее типографию. Оно проникло своим розыском даже в Петербург и арестовало в 1896 г. на Лахте типографию «Группы Народовольцев».

Ко времени моего приезда отделение работало по северо-западному краю, где в Минске, как раз весною 1900 года, оно произвело большие аресты социалистов-революционеров, во главе с Е. Гальпериным, Л. Клячко и Г. Гершуни, где работала и «бабушка» Е. Брешковская, ускользнувшая тогда от ареста. Та организация называлась «Рабочей партией политического освобождения России», имела свою типогра-

Спиридович, Александр Иванович (1873-1952), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Родился в Архангельске в небогатой дворянской семье. Закончил Аракчеевский кадетский корпус в Нижнем Новгороде в 1891 году, Павловское пехотное училище в Санкт-Петербурге в 1893 году, служил в 105-м пехотном Оренбургском полку в городе Вильну в Литве (современный Вильнюс). Недовольный службой пехотного офицера, в 1897 году, подает прошение на высочайшее имя о переводе в Отдельный корпус жандармов, куда зачисляется по окончании соответствующих курсов в конце 1899 года. С начала 1900 года на службе в Московском охранном отделении под началом С. В. Зубатова (1864-1917). С приходом Зубатова в Особый отдел Департамента полиции в 1902 году, ведавший политическим розыском по всей империи, Спиридович назначается начальником Таврического охранного отделения, а с 1903 года — Киевского, где отличается задержанием 13 мая 1903 года Г. А. Гершуни (1870-1908). В 1905 году Спиридович, тяжело раненый рабочим Руденко, после выздоровления назначается, по протекции петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова (1855-1906), начальником императорской дворцовой охраны, где становится непосредственным свидетелем краха российского самодержавия. После Октябрьской революции 1917 года — в эмиграции, сначала во Франции, в Париже, а затем в США. Автор работ по истории русского общественного движения, воспоминаний о I мировой войне и Февральской революции 1917 года. Печатался в эмигрантской прессе. Умер в Нью-Йорке.

фию, где была напечатана ярко-террористического характера брошюра «Свобода», наделавшая тогда много шума. Типография та была арестована отделением. Все это, а также и другие успехи по преследованию революционеров были достигнуты отделением с помощью внутренней агентуры, т.-е. через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и их отдельных членов. Они выдавали своих близких жандармерии, служа для нее шпионами, и назывались у политической полиции «сотрудниками», у своих же шли под именем «провокаторов».

Сотрудник не считался на службе у отделения, он не был его чином, не значился по ведомостям, поступавшим в Государственный Контроль; он был для отделения человеком другого враждебного лагеря, помогавшим лишь правительству в его борьбе с революционерами, откуда и самое название — сотрудник. Не жандармерия делала Азефов и Малиновских, имя же им легион, вводя их как своих агентов в революционную среду; нет, жандармерия выбирала лишь их из революционной среды. Их создавала сама революционная среда. Прежде всего, они были членами своих революционных организаций, а уже затем шли шпионить про своих друзей и близких органам политической полиции.

Чины охранного отделения или жандармского управления, от начальника до младшего филера, никогда в революционные ряды не становились.

Уменьем привлекать из революционных и общественных кругов лиц, которые освещали бы их деятельность, тогда славилось именно Московское охранное отделение. Наличностью этих сотрудников из социалистов и общественников и объяснялись успехи Московского отделения и его популярность. В числе таких сотрудников отделения уже тогда состояли двое, из которых один, убежденный враг социализма и революционеров, являлся образчиком самого лучшего, идейного, преданного правительству сотрудника, каких вообще бывало немного, другой же, наоборот, дал впоследствии пример типа отрицательного и нежелательного — сотрудника-провокатора. Первым была Зинаида Гернгросс, вторым — Евно Азеф.

Зинаида Федоровна Гернгросс стала сотрудничать на Московское охранное отделение в 1895 г. и раскрыла властям московский террористический кружок Распутина, подготовлявший покушение на императора Николая II, которое предполагалось совершить при въезде государя в Москву на коронационные торжества 1896 г.

Дело было разрешено в административном порядке, и сама Гернгросс, как замешанная в нем, была

▲ Зинаида Федоровна Гернгросс

выслана на 5 лет в Кутаис, где вышла замуж за врача Жученко, а затем скоро переехала в Юрьев и выехала за границу. Будучи убежденной монархисткой и всей душой ненавидя революционные партии с их подпольной грязью, Жученко решила бороться с ними жесточайшим образом, не преследуя при том никакой корыстной цели. Она вновь стала сотрудничать на департамент полиции и оказала ему ряд ценных услуг по раскрытию деятельности партии социалистов-революционеров, и, благодаря ей в руки правосудия были преданы многие серьезные революционные деятели и предупреждены грандиозные террористические покушения.

В 1909 году, благодаря измене Меньщикова, Жученко была разоблачена Бурцевым, и в августе того же года центральный комитет партии социалистов-революционеров объявил ее провокатором. В том же году к Жученко, жившей с сыном в Шарлоттенбурге, заявился добровольный шеф революционного розыска социалист В. Л. Бурцев, средства розыска которого, кстати сказать, были те же, что и у ненавистного ему департамента полиции, т.-е. внутренняя агентура, которую он вербовал среди чиновников правительства и филерство, которое осуществлялось в нужных случаях членами революционных партий. То, что считалось преступным и подлым со стороны правительства, признавалось необходимым и хорошим в своих собственных руках: такова этика революционеров.

При двух свиданиях с Бурцевым Жученко честно, открыто, с полным достоинством и мужеством и в гордом сознании той государственной пользы, которую она приносила родине, раскрывая работу подтачивающих ее революционных партий, высказала свои взгляды на сотрудничество.

«Да я служила, — говорила она Бурцеву, — к сожалению, не пятнадцать лет, а только три, но служила, и я с удовольствием вспоминаю о своей работе, потому что служила не за страх, а по убеждению. Теперь скрывать нечего. Спрашивайте меня, и я буду отвечать. Но помните: я не открою вам ничего, что повредило бы нам, служащим в департаменте полиции... Я служила идее...

Помните, что я честный сотрудник департамента полиции в его борьбе с революционерами... Сотрудничество — одно из наиболее действительных средств борьбы с революцией... Я не одна: у меня много единомышленников, как в России, так и за границей. Мне дано высшее счастье остаться верной до конца своим убеждениям, не проявить шкурного страха, и мысль о смерти меня не страшила никогда...»

Честный фанатик, революционер Бурцев столкнулся с не менее честным фанатиком — сотрудником Жученко. И моральная победа в этом столкновении правительства с революцией осталась всецело на стороне правительства — на стороне Жученко. Фанатик революционер должен был признать моральную силу

▲ Азеф

▲ Бурцев В.Л.

убежденного сотрудника, и Бурцев пожал на прощанье руку Жученко со словами: «Как человеку честному, жму вашу руку».

И перед этой моральной силой честности, долга и мужества склонился даже и центральный комитет партии социалистов-революционеров: Жученко не мстили, ее не тронули.

Прямою противоположностью является в то время скромный еще сотрудник, но впоследствии сделавшийся знаменитостью, как провокатор, — Азеф.

Азеф, это — беспринципный и корыстолюбивый эгоист, работавший на пользу иногда правительства, иногда революции; изменявший и одной и другой стороне, в зависимости от момента и личной пользы; действовавший не только как осведомитель правительства, но и как провокатор в действительном значении этого слова, т.-е. самолично учинявший преступления и выдававший их затем частично правительству, корысти ради.

Между этими двумя крайностями располагался ряд иных сотрудников, молодых и пожилых, всяких сословий, профессий и категорий. Единственная среда, которая не давала «сотрудников», — это было офицерство: предательство и спекуляция на товариществе были чужды офицерству царской России.

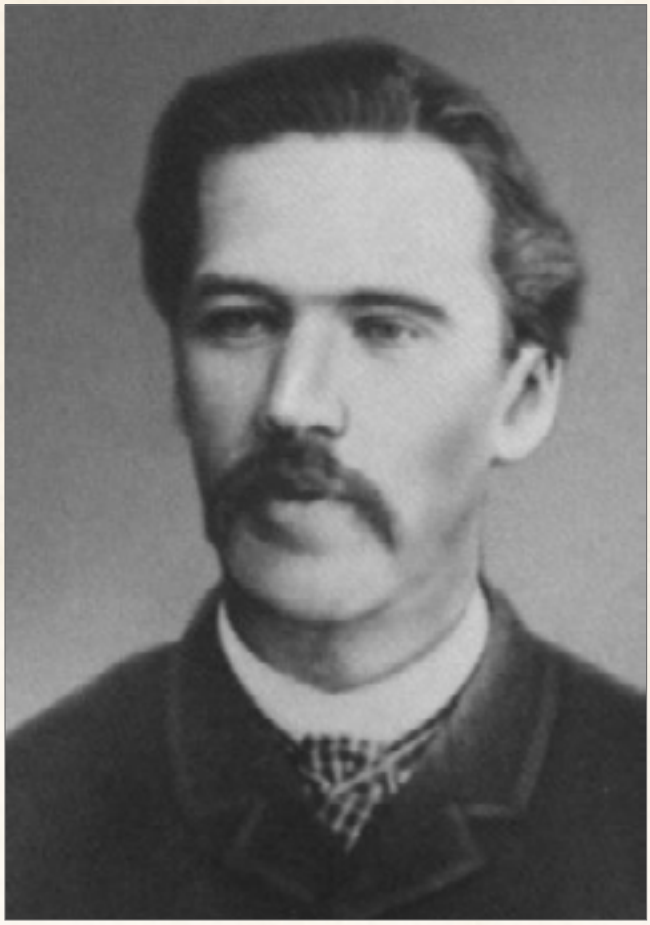
Мастером по приобретению сотрудников считался сам начальник отделения — Зубатов.

Сергей Васильевич Зубатов учился в одной из московских гимназий и, будучи в старших классах, принимал участие в ученической кружковщине, где сталкивался, между прочим, с одним из основателей партии социалистов-революционеров Михаилом Гоцем.

После гимназии он не пошел в университет, а поступил чиновником в охранное отделение, где дослужился до помощника начальника, а затем, как знаток розыскного дела, вне правил, т. к. не был жандармским офицером, был назначен и начальником. Начитанный, хорошо знакомый с историей, интересовавшийся всеми социальными вопросами, Зубатов был убежденным монархистом. Он считал, что царская власть, давшая России величие, прогресс и цивилизацию, есть единственная свойственная ей форма правления.

«Без царя не может быть России, — говорил он нам не раз, — счастье и величие России — в ее государях и их работе. Возьмите историю». И доказательства сыпались, как из рога изобилия. «Так будет и дальше. Те, кто идут против монархии в России — идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть». И он боролся всеми законными, имевшимися в его распоряжении средствами и учил и нас, офицеров, тому же.

Пройдя в молодости революционные увлечения, зная отлично революционную среду с ее вождями, из которых многие получали от него субсидии за освещение работы своих же сотоварищей, он знал цену всяким «идейностям», знал и то, каким оружием надо бить этих спасителей России всяких видов и оттенков. Для успеха борьбы нужно было осведомление через сотрудников, и Зубатов искал их. После каждых групповых арестов или ликвидации, Зубатов подолгу беседовал с теми из арестованных, кто казался ему интересным. Это не были допросы, это были беседы за стаканом чая о неправильности путей, которыми идут революционеры, о вреде, который они наносят государству. Во время этих разговоров со стороны Зубатова делались предложения помогать правительству в борьбе с революционными органи-

▲ Зубатов С.В.

▲ Медников Е.П.

зациями. Некоторые шли на эти предложения, многие же, если и не шли, то все-таки сбивались беседами Зубатова с своей линии, уклонялись от нее, другие же совсем оставляли революционную деятельность.

Одним из таких сбитых временно с его революционного пути оказался и знаменитый по последующей работе Гершуни. По заарестовании в Минске Гершуни содержался под стражей в Москве. У Зубатова были, конечно, сведения о том, что делал Гершуни в Минске, как формировал он там летучие библиотечки, фабриковал небольшие типографии и рассылал их с Брешко-Брешковской по разным городам. Знал он и о взглядах Гершуни на террор, как на необходимый способ борьбы с правительством. Данных, хотя и агентурных, было достаточно, чтобы послать Гершуни административным порядком в далекую Сибирь, но Зубатов этого не сделал. Он хотел переломить Гершуни идейно. Он не раз вызывал Гершуни на допросы. Долгие беседы вели два противника, и в результате Гершуни дал подробное показание и тем купил себе свободу, избавив себя от ссылки. Он был освобожден и вернулся в Минск. Моральная победа Зубатова была велика, но не надолго. Зубатов не понял тогда достаточно хорошо Гершуни, не разглядел в нем уже готового убежденного террориста, слишком доверчиво отнесся к нему, поверил ему. Очутившись на свободе, Гершуни оправился от влияния Зубатова и отомстил правительству, как видно будет дальше, жестоко.

Зубатов не смотрел на сотрудничество, как на простую куплю и продажу, а видел в нем дело идейное, что старался внушить и офицерам. Учил он также относиться к сотрудникам бережно.

«Вы, господа, — говорил он, — должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму.

Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему

пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему.

Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником; будет полезен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».

Благодаря таким взглядам Зубатова, работа по розыску приобретала интересный характер. Проводя их в жизнь, Зубатов сумел поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту. Осведомленность отделения была изумительна. Его имя сделалось нарицательным и ненавистным в революционных кругах. Москву считали гнездом «провокации». Заниматься в Москве революционной работой считалось безнадежным делом.

Красиво и убедительно говорил Зубатов подготовляя из нас будущих руководителей политического розыска, но воспринять сразу эту государственную точку зрения на внутреннюю агентуру было трудно. Мы принимали, как бесспорные, все советы относительно сотрудника и все-таки они в наших глазах были предателями по отношению своих товарищей. Мы понимали, что без шпионов ничего нельзя знать, что делается в вражеском лагере; мы сознавали, что сотрудников надо иметь так же, как надо иметь военных шпионов, чтобы получать необходимые сведения о неприятельских армии и флоте, об их мобилизационных планах и т. д. Все это мы понимали хорошо, но нам, офицерам, воспитанным в традициях товарищества и верности дружбы, стать сразу на точку холодного разума и начать убеждать человека, чтобы он, ради пользы дела, забыл все самое интимное, — дорогое и шел на измену, было тяжело и трудно. Наш невоенный начальник не мог этого понять. Да мы и не говорили много с ним об этом. Но между собою мы, офицеры, подолгу беседовали на эту тему. В нас шла борьба.

В результате государственная точка зрения победила. Мы сделались сознательными офицерами розыска, смотревшими на него, как на очень тяжелое, неприятное, щепетильное, но необходимое для государства дело. Впрочем, жизнь, как увидели мы позже, очень упрощала нашу задачу. Переубеждать и уговаривать приходилось редко: предложения услуг было больше, чем спроса...

Правой рукой Зубатова был Евстратий Павлович Медников, человек в то время лет пятидесяти. Он заведывал агентами наружного наблюдения, или филерами, которые, наблюдая на улицах за данными им лицами выясняли наружно, что те делали, с кем встречались и какие места посещали. Наружное наблюдение развивало данные внутренней агентуры.

Медников был простой, малограмотный человек, старообрядец, служивший раньше полицейским надзирателем. Природный ум, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Он понял филерство как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался нарядчиком, инструктором и контролером. Он создал в этом деле свою школу — Медниковскую, или как говорили тогда, «Евстраткину» школу. Свой для филеров, которые в большинстве были из солдат уже и тогда, он знал и понимал их хорошо, умел разговаривать, ладить и управляться с ними.

Двенадцать часов ночи. Огромная низкая комната с большим дубовым столом посредине полна филеров. Молодые, пожилые и старые, с обветренными лицами, они стоят кругом по стенам в обычной позе — расставив ноги и заложив руки назад. Каждый по очереди докладывает Медникову данные на-

▲ Филеры

▲ Филер

блюдения и подает затем записку, где сказанное отмечено по часам и минутам, с пометкой израсходованных по службе денег.

– А что же Волк? — спрашивает Медников одного из филеров.

– Волк, Евстратий Павлович, — отвечает тот, — очень осторожен. Выход проверяет, заходя куда-либо, также проверку делает и опять-таки и на поворотах, и за углами тоже иногда. Тертый.

– Заклепка, — докладывает другой, — как заяц, бегает, ничего не видит, никакой конспирации, совсем глупый...

Медников внимательно выслушивает доклады про всех этих Заклепок, Волков, Умных, Быстрых и Галок, — так по кличкам назывались все проходившие по наблюдению. Он делает заключения, то одобрительно кивает головой, то высказывает недовольство.

Но вот он подошел к филеру, любящему, по-видимому, выпить. Вид у того сконфуженный; молчит, точно чувствует, что провинился.

– Ну что же, докладывай! — говорит иронически Медников.

Путаясь и заикаясь, начинает филер объяснять, как он наблюдал с другим филером Аксеновым за «Куликом», как Кулик зашел на «Козихинский пер., дом № 3, да так и не вышел оттуда, не дождались его».

– Так-таки и не вышел, — продолжает иронизировать Медников

– Не вышел, Евстратий Павлович.

– А долго ты ждал его?

– Долго, Евстратий Павлович.

– А до каких пор?

– До одиннадцати, Евстратий Павлович.

Тут Медников уже не выдерживает больше. Он уже знает от старшего, что филеры ушли с поста в пивную около 7 часов, не дождавшись выхода наблюдаемого, почему он и не был проведен дальше. А у «Кулика» должно было состояться вечером интересное свидание с «приезжим» в Москву революционером, которого надо было установить. Теперь этот неизвестный «приезжий» упущен.

Побагровев, Медников сгребает рукой физиономию филера и начинает спокойно давать зуботычины. Тот только мычит и, высвободившись, наконец, головой, всхлипывает:

– Евстратий Павлович, простите, виноват.

– Виноват, мерзавец, так и говори, что виноват, говори прямо, а не ври! Молод ты, чтоб мне врать. Понял, молод ты! — с расстановкой отчеканил Медников. — Дурррак! — и ткнув еще раз, больше для виду, Медников, уже овладевший собой, говорит спокойно: — По пятерке штрафу обоим! А на следующий раз — вон; прямо вон, не ври! На нашей службе врать нельзя. Не доделал — винись, кайся, а не ври!

Эта расправа по-свойски; своя, Евстраткина система. То, что происходило в филерской, знали только филеры да Медников. Там и награды, и наказания, и прибавки жалованья, и штрафы, там и расходные, т.-е. уплата того, что израсходовано по службе, что трудно учесть и что всецело зависит от Медникова.

Просмотрев расход, Медников произносил обычно: — «Ладно, хорошо». Найдя же в счете преувеличения, говорил спокойно:

«Скидай полтинник; больно дорого платишь извозчику, скидай».

И филер «скидал», зная, что, во-первых, Евстратий Павлович прав, а, во-вторых, все равно всякие споры бесполезны.

Кроме своих филеров, при Московском отделении был еще летучий филерский отряд департамента полиции, которым также ведал Медников. Этот отряд разъезжал по России,

разрабатывая агентурные сведения Зубатова или департамента, работая как бы под фирмой последнего. По деловитости, опытности и серьезности филеров, которые в большинстве брались из московских филеров, летучий отряд был отличным наблюдательным аппаратом, не уступавшим по умению приспособляться к обстоятельствам, по подвижности и конспирации, профессиональным революционерам.

То была старая Медниковская школа. Лучше его филеров не было, хотя выпивали они здорово и для всякого постороннего взгляда казались недисциплинированными и неприятными. Они признавали только Медникова. Медниковский филер мог пролежать в баке над ванной (что понадобилось однажды) целый вечер; он мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого с тем, чтобы провести его, затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу, не зная языков, и умел вывертываться.

Его филер стоял извозчиком так, что самый опытный профессиональный революционер не мог бы признать в нем агента. Умел он изображать из себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности мог прикинуться он и дурачком и поговорить с наблюдаемым, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда же служба требовала, он с полным самоотвержением продолжал наблюдение даже за боевиком, зная, что рискует при провале получить на окраине города пулю браунинга или удар ножа, что и случалось.

Единственно, чего не было у Медниковского филера, это сознания собственного профессионального достоинства. Он был отличный специалист-ремесленник, но не был проникнут тем, что в его профессии не было ничего зазорного. Этого Медников им привить не мог, его не хватало на это. В этом отношении провинциальные жандармские унтер-офицеры, ходившие в штатском и исполнявшие обязанности филеров, стояли много выше, понимая свое дело как государственную службу. Позже и штатские филеры, подчиненные жандармским офицерам, воспитывались именно в этом новом направлении, что облагораживало их службу и много помогало делу.

Во всех раскрытиях отделения роль наружного наблюдения была очень велика, благодаря чему, главным образом, Медников и сделался самым близким доверенным лицом Зубатова. У близкой Медникову женщины была главная конспиративная квартира Зубатова, где жил и сам Медников, где происходили и свидания с некоторыми сотрудниками и с другими лицами по делам розыска. Знал он и оберегал и другие места, где происходили свидания Зубатова и других чинов отделения, если они допускались к этому делу. Допускался же далеко не каждый, так как агентура, эта святая святых отделения, бережно охранялась от всякого не только постороннего, но и своего отделенского взгляда.

В ведении Медникова находился и извозчичий филерский двор, где было несколько выездов, ничем не отличавшихся наружно от обыкновенных «Ванек». Комбинация конного наблюдения с пешим приносила большую пользу при наблюдении.

У Медникова на руках была и касса. Зубатов был бессребреником в полном смысле этого слова, то был идеалист своего дела; Медников же — сама реальность, сама жизнь. Все расчеты — у него. Работая за десятерых и проводя нередко ночь в отделении на кожаном диване, он в то же время не упускал своих частных интересов. Под Москвой у него было «именьице с бычками, коровками и уточками, был и домик», было все. Рабочие руки были даровые, — делай, что хочешь; свой человек — жена, хорошая, простая женщина, вела хозяйство.

Приехавши в Москву, я застал Медникова уже старшим чиновником для поручений, с Владимиром в петлице, который в то время давал права потомственного дворянства. Он уже выправил тогда все документы на дворянство, имел грамоту и занимался составлением себе герба; на гербе фигурировала пчела, как символ трудолюбия, были и снопы.

▲ Сотрудники охранки

Эти два человека, Зубатов и Медников, составляли нечто единое, самую суть Московского отделения, его главный рычаг. Были в отделении три жандармских офицера, были чиновники и полицейские надзиратели. Все служили, работали, и результаты их работы, какими бы они путями ни восходили к начальству, обязательно попадали сперва к Медникову и получали от него оценку, а в зависимости от того и направление.

Имелся в отделении свой хороший фотограф и расшифровщик секретных писем, а также и свой ученый еврей, который знал все по еврейству, что являлось при работе в черте оседлости большим подспорьем. Была, наконец, и еще одна фигура, прогремевшая позже в революционном мире, чиновник для поручений Л. П. Меньщиков, когда-то, как говорили, участник одной из революционных организаций, попавший затем в отделение и сделавший в нем, а после и в департаменте полиции, большую чиновничью карьеру.

Угрюмый, молчаливый, корректный, всегда холодно-вежливый, солидный блондин в золотых очках и с маленькой бородкой, Меньщиков был редкий работник. Он держался особняком. Он часто бывал в командировках, будучи же дома «сидел на перлюстрации», т.-е. писал в департамент полиции ответы на его бумаги по выяснениям различных перлюстрированных писем. Писал также и вообще доклады департаменту по данным внутренней агентуры.

Это считалось очень секретной частью, тесно примыкавшей к агентуре, и нас, офицеров, к ней не подпускали, оставляя ее в руках чиновников. Меньщиковское бюро красного дерева внушало нам особое к нему почтение. И когда однажды, очевидно, по приказанию начальства, Меньщиков, очень хорошо относившийся ко мне, уезжая в командировку, передал мне ключ от своего бюро и несколько бумаг для ответов департаменту, это произвело в отделении некоторую сенсацию. Меня стали поздравлять.

Меньщиков знал революционную среду, и его сводки о революционных деятелях являлись исчерпывающими. За ним числилось одно большое дело. Говорили, что в те годы департамент овладел раз явками и всеми данными, с которыми некий заграничный представитель одной из революционных организаций должен был объехать ряд городов и дать своим группам соответствующие указания. Меньщикову были даны добытые сведения и, вооружившись ими, он в качестве делегата объехал по явкам все нужные пункты, повидался с представителями местных групп и произвел начальническую ревизию. Иными словами, успешно разыграл революционного Хлестакова, и в результате вся организация подверглась разгрому. Меньщиков получил за то вне очереди хороший орден. Позже, взятый в Петербург, в департамент, прослуживший много лет на государственной службе, принесший несомненно большую пользу правительству, он был уволен со службы директором департамента полиции Трусевичем. Тогда Меньщиков вновь встал на сторону революции и, находясь за границей, начал опубликовывать те секреты, которые знал. Вот результат быстрых мероприятий шустрого директора!

▲ Бенкендорф А.Х.

Прием в розыскные учреждения лиц, состоявших ранее в революционных организациях, являлся, конечно, недопустимым. Слишком развращающе действовала подпольная революционная среда на своих членов своей беспринципностью, бездельем, болтовнею и узко-партийностью, чтобы из нее мог выйти порядочный чиновник. Он являлся или скверным работником или

предателем интересов государства во имя партийности и революции. Были, конечно, исключения, но они являлись именно исключениями. Но раз правительство это допускало, то исправление ошибки таким хирургическим способом, к которому прибегал Трусевич, приносило лишь новый вред тому же правительству.

Перлюстрация писем членов революционных организаций была одним из источников осведомления о том, что делается в их среде. Перлюстрация практикуется издавна в правительствах всего мира. Издавна прибегали к ней и в России. Еще при Елизавете Петровне летом 1744 года, тогдашний канцлер Бестужев, желая раскрыть императрице глаза на интриговавшего при нашем дворе французского посла маркиза де-ля-Шетарди, доложил государыне ряд перлюстрированных донесений маркиза, в которых тот сообщал в Версаль разные сплетни и действовал, безусловно, во вред России.

Императрица вознегодовала, и 12 июня маркизу были предъявлены его перлюстрированные депеши и он был выслан из Москвы фактически в двадцать четыре часа и, в сопровождении офицера и галопировавшего вокруг экипажа отряда драгун, был выпровожен за пределы империи.

По вступлении на престол Николая Павловича, в поданной государю записке об образовании корпуса жандармов, граф Бенкендорф называет перлюстрацию весьма полезным делом и говорит, что перлюстрация корреспонденции есть наилучший помощник полиции, следящий за всем происходящим на всем пространстве империи. «Для этого, — пишет он, — надо иметь в некоторых только пунктах начальников почтовых бюро испытанной честности и усердия: как в Петербурге, Москве, Киеве, Волыни, Риге, Харькове, Одессе, Казани и Тобольске».

После убийства царя-освободителя состоялось высочайшее повеление императора Александра III, данное министру внутренних дел особым указом, о разрешении ему, в целях высшей государственной охраны, вскрывать частную корреспонденцию помимо порядка, установленного судебными уставами.

Так как почта и телеграф были подчинены министру внутренних дел, то на центральной станции в Петербурге и была организована перлюстрация некоторой корреспонденции, или, как говорила публика — черный кабинет.

До самой революции 1917 года перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, состарившийся на своем деле и дошедший до чина действительного статского советника. Его знали лишь министр, директор департамента полиции и очень немногие близкие им лица.

В последние годы бывало так. Как только назначался новый министр внутренних дел, в тот же день к нему являлся старичок, действительный статский советник Мардариев, и, представившись, подавал министру с таинственным видом большой, с тремя печатями, пакет с надписью «совершенно секретно», прося вскрыть. Министр вскрывал. То был высочайший указ Александра III на право перлюстрации. Происходил краткий обмен мыслей. Чиновник почтительно просил вновь запечатать пакет. Министр вкладывал указ в тот же пакет, запечатывал поданным ему чиновником сургучом и печатью и возвращал старичку. Старичок почтительно раскланивался и тихо удалялся. Он продолжал хранить пакет в глубочайшей тайне до нового министра, к которому являлся с той же процедурой. Так дожил он до революции.

В черном кабинете письма вскрывались по адресам или по наружным признакам, а частью на ощупь, как, например, письма, присланные из-за границы с нелегальной литературой. Скопированные, а некоторые в подлинном виде, письма отсылались министру внутренних дел, где часть их поступала в его личное распоряжение, как, например, письма сановников и лиц окружающих государя, часть же передавалась в департамент полиции. Там ведал перлюстрацией специализировавшийся на том особый чиновник.

Письма участников революционного движения подвергались действиям различных кислот в целях проявления секретного текста, расшифровывались, копировались и отсылались местным розыскным органам для выяснения и дальнейших по ним мероприятий. Данные перлюстрации служили только для розыска, как добытые «негласным путем» и использованию на дознаниях не подвергались.

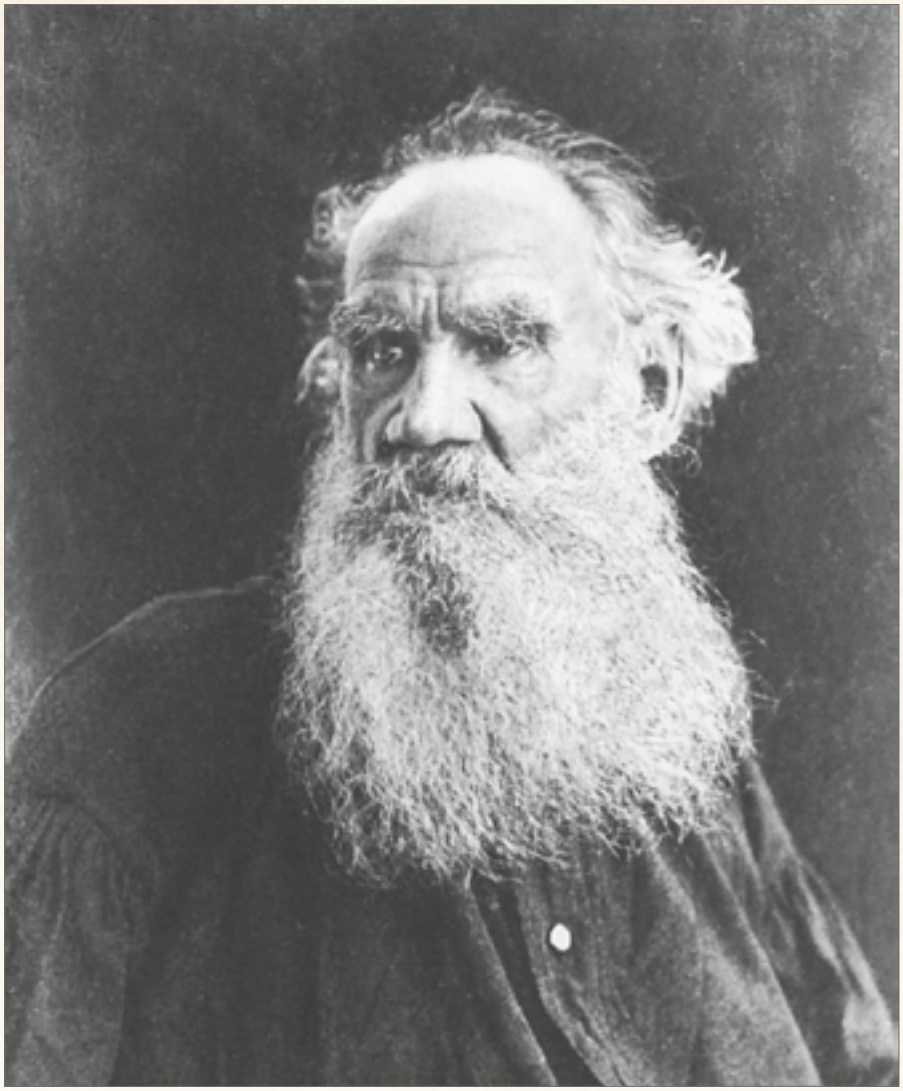
В последние годы распоряжениями министров внутренних дел перлюстрация была заведена и еще в нескольких пунктах империи, чем также ведали чины почтового ведомства. Корпус жандармов перлюстрацией никогда не занимался; эта обязанность на нем не лежала, если же где-либо в провинции это делалось, то лишь по собственной инициативе и скрытно от начальства.

Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции. После обысков и арестов сведения эти пополнялись их результатами и показаниями арестованных. Путем сопоставления всех этих данных, путем дополнительных установок и выяснений воспроизводилась полная картина работы отдельных революционных деятелей и их организаций.

Этой работой в отделении занимались мы, офицеры, бывшие там на ролях следователей и производившие расследования в порядке охраны, без участия прокурорского надзора, которые и разрешались административным порядком. Дела, по которым можно было приступить к формальным дознаниям, передавались в губернское жандармское управление со всеми арестованными.

***

Недели через две после моего приезда отделение арестовало группу интеллигентов, занимавшихся печатанием на гектографе и распространением запрещенных цензурою произведений Льва Толстого.

▲ Толстой Л.Н.

Производство расследования поручили мне. Ознакомившись с найденными при обыске вещественными доказательствами, я начал допросы. Арестованные были люди не первой молодости, серьезные, очень увлекавшиеся учением Толстого. Общее впечатление было то, что все они очень хорошие люди. Занимались они печатанием некоторых глав «Воскресения» и «Евангелия».

С первого же допроса привлеченные стали, было, отказываться давать какие-либо показания, как это поучали, но сами мало выполняли, представители революционных партий. Пришлось спорить: какие же вы толстовцы, и где же ваше непротивление злу, где же ваша идейность, если при первом же столкновении с ненавистной для вас властью, вы прячетесь и боитесь исповедовать вашу веру?

Спорили мы немного. Все толстовцы дали полное и откровенное показание, и картина получилась поучительная. Группа толстовцев, увлекающаяся своим учителем и его творениями, убивает все свободное время на перепечатывание его запрещенных произведений и думает распространять их среди таких же поклонников гениального писателя. Работают с риском ареста и действительно попадают в тюрьму. Но где же источник того, за что они терпят кару? Источник, как выясняется расследованием, — сам граф Толстой и его Ясная Поляна. Туда ездил один из арестованных и там получал он запрещенные издания; при чем брал их, не скрывая, что будет перепечатывать. И Лев Толстой то знал. Логика и закон требовали возбуждения дознания против самого Толстого и привлечения его, как главного виновника, по настоящему делу. Но на Толстом был запрет и его трогать было никому нельзя. Все мы в отделении слышали не раз, что существует высочайшее повеление, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни в коем случае. Лев Толстой находился под защитой его величества.

Я стал доказывать начальству, что при данном положении дело следует прекратить, так как преследовать арестованных при непривлечении главного виновника является абсурдным и несправедливым. В городе уже шли хлопоты перед обер-полицмейстером об арестованных и скоро их разрешили освободить, но они все-таки понесли наказание в административном порядке. Надо сказать, что в Москве мы не замечали видимого вреда от учения Льва Толстого. У него, конечно, были поклонники, но масса не шла за ним. За три весьма интересных, по начавшемуся общественному подъему, года службы в Москве присутствие Толстого совершенно не беспокоило отделение, что являлось лучшим доказательством, что он был тогда политически безвреден.

Послание синода об отлучении Толстого в 1901 году пришло в Москву во время уличных беспорядков, и 25 февраля сам Толстой попал случайно в толпу беспорядочников на Лубянской площади. Казалось бы, вот момент выразить пострадавшему писателю сочувствие, симпатию и использовать удобный момент против правительства. Однако этого не случилось. Настроение толпы было столь двойственно, что если некоторые и выражали свою симпатию Толстому, то другие не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспешил сесть со своим спутником на извозчика и уехал.

Позже в своем ответе синоду он упомянул о том случае в следующих словах: «Самый день 25 февраля, ког-

да было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал слова: «Вот дьявол в образе человека», — и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили». Так говорит сам Толстой. Вообще толпа относилась к нему отрицательно. Он не был ее вождем, им увлекались только отдельные лица и группы из интеллигенции. Не увлекалась им в массе и молодежь. Ее кумиром был тогда босяцкий певец Максим Горький, восхищавший всех своим «Дном» и его «героями».

И потому послание синода об отлучении Толстого многих удивило. Его не понимали. Зачем это было сделано? Из писателя-философа, которого в массе больше порицали, чем хвалили, сделали жертву. Толстому стали присылать сочувственные письма, телеграммы и адреса, и паломничество к нему возросло в значительной степени.

Отлучение побудило Толстого послать ответ, в котором он, признав, что отрекся от православной церкви, что отвергает святую троицу и все таинства, говорит: «Бога же духа, бога любовь, единого бога — начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли бога, выраженной в христианском учении». Быстро попал этот ответ, конечно, и в отделение.

Вскоре появилось второе новое произведение Толстого, его письмо «К царю и его помощникам», написанное по поводу происходивших тогда (1901 г.) беспорядков, виновниками которых Толстой считал «правителей», не хотевших, по его мнению, видеть ничего, кроме своего спокойствия в настоящую минуту. Он писал, между прочим:

«...Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на вас, так мало нужно... сделать нужно только следующее: во-первых, уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами... во-вторых, нужно перестать применять так называемые правила усиленной охраны... в третьих, нужно уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию. Наконец, в четвертых, и самое главное, нужно уничтожить все стеснения религиозной свободы...»

Развивши каждое из этих требований, Толстой обращался к царю и всем имеющим власть с такими словами: «Помогите же улучшить положение этого большинства и в самом главном: в его свободе и просвещении. Только тогда и ваше положение будет спокойно и истинно хорошо».

▲ «Бунд»

Писал это Лев Толстой и писавши старался изложить не свое мнение, а мнение лучших многих, бескорыстных, разумных и добрых людей, желающих того же. Обращение это прошло в публике незамеченным. Не разрекламируй в то время Толстого святейший синод, Толстой, как учитель жизни, продолжал бы оставаться спокойно в стороне и в тени, что, конечно, не относится к нему, как к гениальному писателю-художнику, гордости России.

Дознание о толстовцах дало основание начальству считать, что я могу успешно производить расследования и получать откровенные показания, что считалось весьма существенным, и меня стали посылать в командировки по тем пунктам, где работало отделение.

Работа же его велась в то время по городам Северо-Западного края, а также в Минске, Екатеринославе, Тамбове и еще по нескольким пунктам. С запада шла волна сорганизованного социал-демократического движения. Так, в Литве в 1897 году возник «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» или «Бунд», объединивший все еврейские социал-демократические группы. То была крепкая, хорошо законспирированная революционная организация, спаянная еврейским фанатизмом, жаргоном и ненавистью к русскому правительству. Ее центральный орган «Арбейтерсштимме» издавался на жаргоне, и на жаргоне же выходила вся агитационная литература. Оттуда шла и новая тактика «агитации» для всей русской социал-демократии, обоснованная в брошюре Цедербаума и открывшая новый период в истории социал-демократического движения в России.

Там же, в Минске, в 1898 году состоялся съезд, на котором была образована «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия». Было ясно, что департамент полиции прозевал новое революционное движение. Департамент схватился за Московское отделение с его летучим отрядом, и оно начало работать по западным губерниям. По некото-

рым агентурным данным началась работа филеров по Ковно, Гродно, Минску, Белостоку и некоторым еще пунктам. По результатам наблюдений начались массовые аресты, для производства которых посылались офицеры и чиновники из Москвы, осуществлявшие их вместе с местными жандармскими управлениями. Целыми вагонами возили арестованных в Москву, где и производились расследования. Шли допросы и по ним производились новые аресты. Результаты обысков, в общем, были недостаточно хороши. Бундовцы вели себя весьма конспиративно и осторожно.

Редко, редко находили одну нелегальную брошюру или прокламацию; найти какую-либо рукопись, письмо, заметку конспиративного характера было почти невозможно. Но, правда, в Вильне арестовали типографию, взяли и большой транспорт литературы, а кое-где взяли и небольшие библиотечки.

Держались бундовцы на допросах, с революционной точки зрения, хорошо, говорили мало, но далеко не все — были и словоохотливые. При допросах шло привлечение сотрудников, которых так недоставало по западу, и агентура была навербована. Многие сотрудники были переданы местным жандармам, более же серьезные остались за Зубатовым.

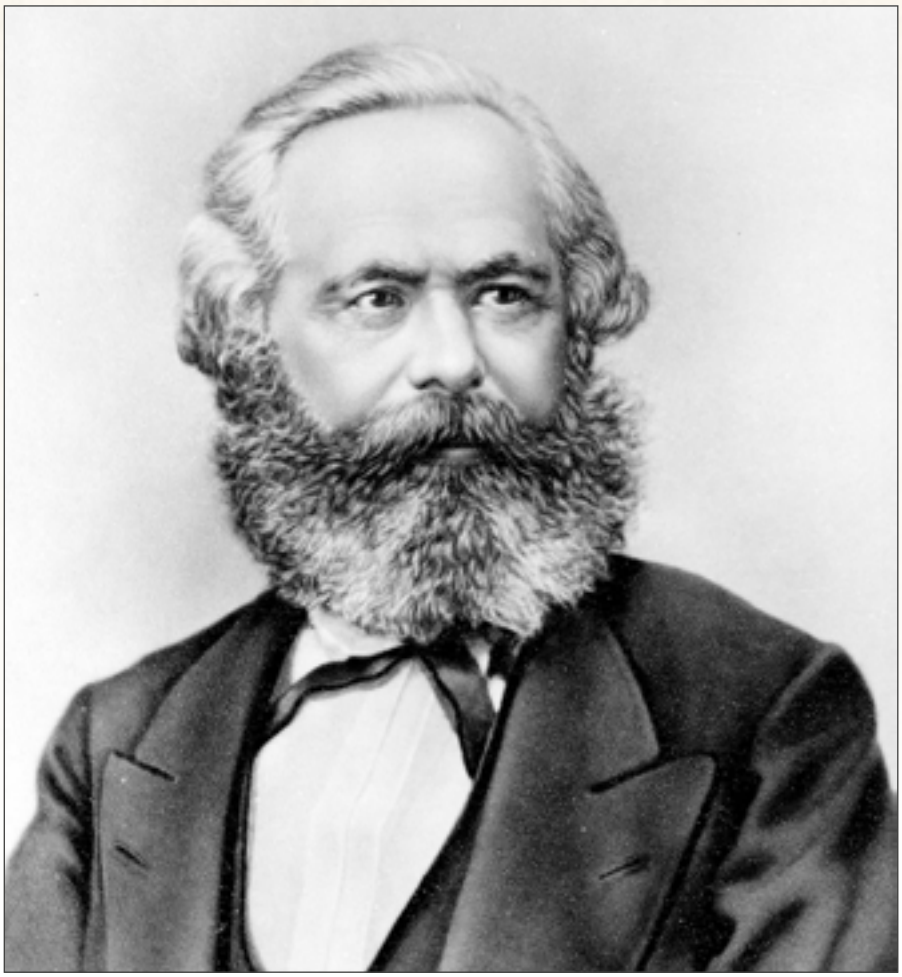
Все более значительное и серьезное по работе было сослано административным порядком в Сибирь, часть же была освобождена по невиновности или для надобностей агентуры, или чтобы замаскировать некоторые освобождения последней категории. Много арестованных, если и не пошли сотрудничать, то были распропагандированы Зубатовым, оторваны от социал-демократии, ушли из ее рядов и решили посвятить себя легальной работе среди еврейства и бороться с «Бундом». Так была создана организация минских «независимых», очень взволновавшая революционные круги.

Тогда выдвинулась энергичная поборница несоциалистического рабочего движения, еврейка Вильбушевич, очерненная социалистами. Она никогда не была сотрудницей ни отделения, ни Зубатова. Тогда же отошла от «Бунда» и пошла в легализацию группа молодых еврейских писателей, во главе с Волиным, из которых вышли фанатичные поклонники Зубатова. Зубатов внес тогда большой раскол в еврейское социал-демократическое движение, но задушить работу «Бунда» из Москвы не удалось.

Увлечение марксизмом было в то время повальною болезнью русской интеллигенции, развившейся еще в 90-х годах. Профессура, пресса, молодежь, — все поклонялось модному богу — Марксу. Марксизм с его социал-демократией считался тем, что избавит не только Россию, но и весь мир от всех зол и несправедливостей и принесет царство правды, мира, счастья и довольства. Марксом зачитывались все, хотя и не все понимали его. Студенческие комнатки и углы украшались портретами «великого учителя», а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта.

Само правительство еще так недавно покровительствовало марксизму, давая субсидии через своего сотрудника на издание марксистского журнала. Оно видело в нем противовес страшному террором народовольчеству. Грамотные люди, читая о диктатуре пролетариата Маркса, не видели в ней террора и упускали из виду, что диктатура не возможна без террора, что террор целого класса неизмеримо ужаснее террора группы бомбистов. Читали и не понимали, или не хотели понимать того, что значилось черным по белому.

А легальный марксизм питал идейно подпольную работу социал-демократов «Бунда» и «Российской» партии и очень облегчал им их задачу пропаганды и, стало быть, со-

▲ Карл Маркс

▲ Газета«Искра»

действовал их успеху. Непонимание нарождающегося врага во всем его значении со стороны центрального правительства не могло не отразиться и на местах. Жандармские управления не знали нового движения, а, следовательно, не могли и бороться с ним, да к тому же они не имели на то средств. Кредит того времени на розыск или на т. п. агентурные расходы был мал до смешного.

При таких обстоятельствах Московскому охранному отделению было трудно справиться одному и оно, нанеся «Бунду» большой вред, работы его все-таки не прекратило. Но польза тогдашнего похода Москвы на запад все-таки была громадна. Она заключалась в том, что департаменту полиции было воочию доказано полнейшее отсутствие осведомленности о новом движении у местных органов и полнейшая неприспособленность их к борьбе с ним.

Между тем, в декабре 1900 года появился первый номер «Искры», центрального органа социал-демократии. Одним из основателей ее был Ульянов-Ленин, а деньги на издание первых номеров дал сын члена государственного совета камер-юнкер Сабуров. Трогательное единение побывавшего в Сибири эмигранта-демагога с украшенным придворным мундиром современным политическим Митрофанушкой!

Слухи о том, что деньги даны кем-то из служилого сословия, породили сплетню, что их дал Витте, будущий граф. И многие тому верили, так как Витте уже и тогда считали способным на разные эксперименты.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партии, — писала «Искра» в № 1, — должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы... Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача» («Насущные задачи»).

Появление «Искры» и ее полные революционного огня и задора статьи как бы открыли глаза правительству, и оно узрело, наконец, весь вред марксизма, сеявшего классовую рознь и гражданскую войну, пропагандировавшего царство хама и босяка под именем диктатуры пролетариата. И правительство начало борьбу с социал-демократами более решительными мерами. Но в этой борьбе русское общество ему не помогало. Русская профессура, за малым исключением, и русская пресса, и вообще русская интеллигенция или продолжали низко кланяться своему идолу или молчали.

Изобличением безнравственности марксизма, как теории, доказательством вреда и неприемлемости

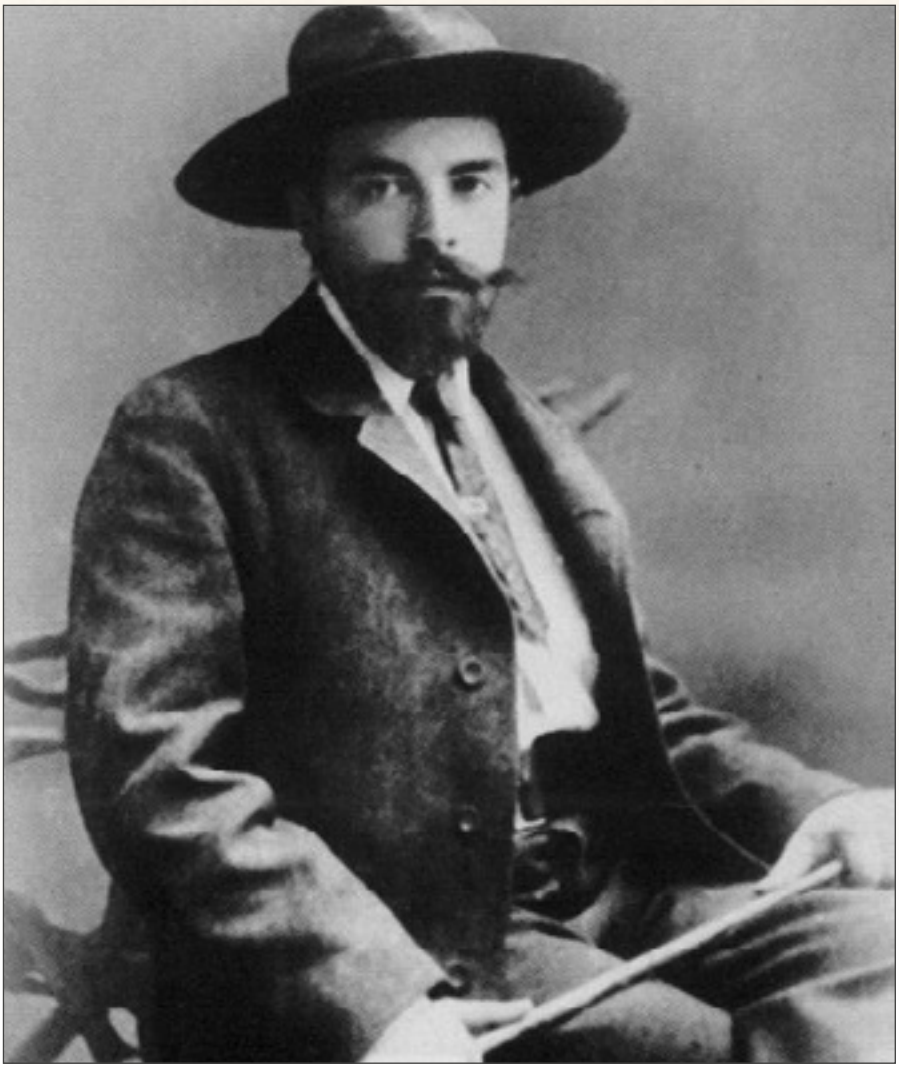
коммунизма к государственной жизни страны никто не занимался. Между тем, все известные ныне тезисы коммунизма были и тогда уже налицо и были переведены на русский язык.

Широко пошло организационное строительство в те годы и у социалистов-революционеров. «Рабочая Партия политического освобождения России», о которой упоминалось уже, объединяла из Минска свои еврейские группы в Белостоке, Екатеринославе, Житомире, имела сторонников в Двинске, Бердичеве и Петербурге. Члены этой организации, разгромленные в 1900 году по Минску, уцелели по многим пунктам. Над ними царил Гершуни, сея семена террора.

Работавшие по южной России социалисты-революционеры, после неоднократных неудачных попыток к объединению, соединились, наконец, летом 1900 года на Харьковском съезде в так называемую южную «Партию социалистов-революционеров» и выпустили программный манифест.

На севере работал «Союз социалистов-революционеров», во главе с Андреем Аргуновым. «Союз» образовался в 1896 году в Саратове, но на следующий же год руководители его перебрались в Москву, где в течение двух лет «союз» заводил иногородные и заграничные связи и налаживал дело. «Союз» издал на гектографе несколько прокламаций и брошюр и отпечатал вновь свою программу — «Наши Задачи».

Осенью 1899 года с деятелями «союза» познакомился приехавший из-за границы Азеф. Он явился с хорошими рекомендациями от заграничной организации Житловского и был принят хорошо, как человек сочувствующий социалистам-революционерам и их делу. Живя за границей, Азеф уже в то время давал кое-какие сведения заведывавшему заграничной агентурой департамента полиции П. И. Рачковскому. Тогда это был еще маленький сотрудник. Попав в Москву, он с согласия Рачковского, стал сообщать некоторые сведения и Зубатову, продолжая числиться за Рачковским.

▲ Рачковский П.И.

В то время руководители «союза» мечтали иметь свою типографию и издавать свою газету, к чему и предпринимали некоторые шаги. Они завязали переговоры с представителями группы народников «Русского Богатства» Пешехоновым и Мякотиным. Те дали согласие на сотрудничество в журнале. Весною 1900 года «союз» поставил в Сибири небольшую типографию, но вскоре переправил ее в Финляндию, в Куокалу. Печатня была небольшая, плохо оборудованная, работники неопытные, незнающие дела. Работали трое. В январе 1901 года появился первый номер отпечатанного ими журнала «Революционная Россия», в котором были, между прочим, статья Мякотина «Разгром Финляндии» и Пешехонова — «Хроника наших дней».

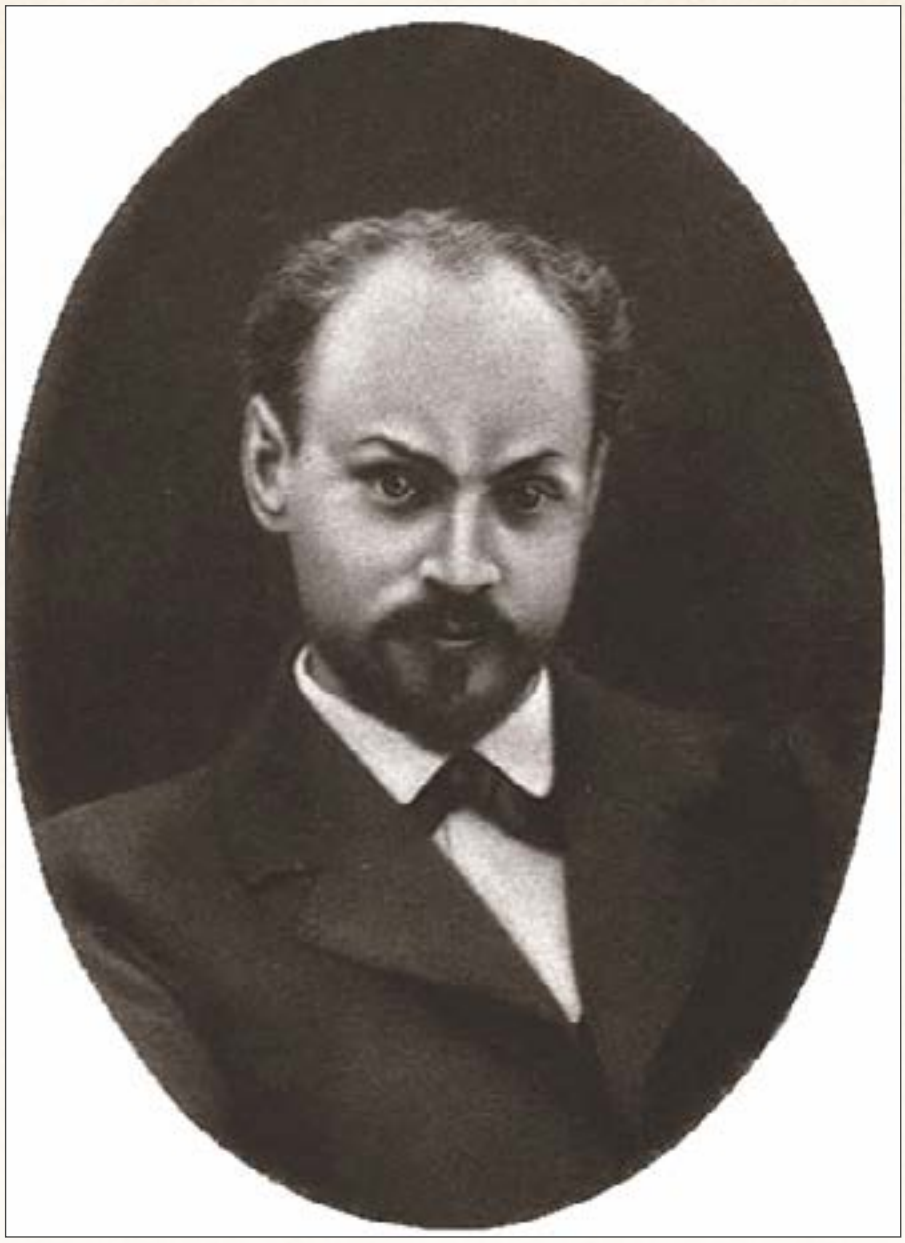
В кругах департамента полиции появление журнала произвело сильное впечатление. Филеры Московского отделения уже вели в Финляндии наружное наблюдение за типографией, но арестовать ее было нельзя, так как то было на территории Финляндии. Вскоре появился «Летучий листок» в память 1 марта 1881 г., а в конце мая 1901 года вышел и второй номер «Революционной России», призывавший к борьбе и террору. Статья Пешехонова «Выстрел Карповича» заканчивалась цитатой из Некрасова:

За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром.
Дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Летом были отпечатаны еще два номера «Летучего листка». Все это производило сильное впечатление. Смелые мысли о терроре в печати являлись новостью.

Дела «союза» шли успешно: приход кассы увеличивался, связи разрастались, стали поступать корреспонденции из разных городов. Так, Гершуни прислал статью «О зубатовцах». В Петербурге начал работать постоянный редакционный коллектив с руководителями «Русского Богатства». Зная кое-что, благодаря Азефу, и имея еще кое-какие агентурные сведения об этой работе, Зубатов обдумывал, как нанести удар столь успешно развивавшейся организации. Департамент полагался на него. Арестовать типографию в Финляндии и нанести удар по «союзу» в Петербурге признавалось неудобным по многим соображениям. Надо было придумать такую комбинацию, которая дала бы возможность свободно, действовать и розыскному органу, да и прикрывала бы следы агентурных источников. Предстоящий провал надо было свалить на наружное наблюдение.

Так или иначе, но руководители организации стали думать о выборе нового места для типографии и решили перебраться в Сибирь и там поставить большую типографию. Местом для нее облюбовали Томский переселенческий пункт, куда в качестве служащих поступил работавший в Куокале Барыков и еще несколько женщин, членов организации. Туда надо было перевезти из разных мест типографские принадлежности, надо было также объехать некоторые города и сорганизовать доставку корреспонденции и разных материалов. Все это надо было не упустить, видеть и знать Московскому отделению. За финляндской дачей филерское наблюдение было усилено, социалисты-революционеры А. Аргунов, Мария Селюк, С. Барыков и еще некоторые были обставлены наблюдением опытных филеров. Летом Барыков поехал на юг; поехали за ним и филеры. Он посетил ряд городов, побывал на Кавказе, где особенное внимание уделил Баку, и, наконец, проехал в Томск, куда отвез тяжелый багаж — то были части новой типографии.

▲ Гершуни Г.А.

Другие филеры проводили в Томск некую госпожу Вербицкую, везшую также некоторые типографские части. Установило наблюдение и то, что какие-то вещи привозились на Томский пункт из Омска, что при проезде из России Барыков и Вербицкая имели на некоторых станциях Сибирской дороги конспиративные свидания.

Скоро по всем данным наружного наблюдения стало ясно, что социалисты-революционеры сгруппировались на Томском переселенческом пункте, в нескольких верстах от города, в лесу, и что там, очевидно, была поставлена типография. Работавшие на пункте не посещали города, все же сношения с Томском вел врач Павлов и его жена.

Зубатов решил не давать социалистам-революционерам отпечатать что-либо на новом месте и произвести аресты всех причастных лиц при первой возможности. Аресты в Томске не были опасны для внутренней агентуры, но на всякий случай, для

▲ Малиновский Р.В.

производства ликвидации и дознания по этому делу было решено послать своего офицера. Выбор пал на меня, что было утверждено и департаментом и министром.

Я уже несколько времени и до того по приказанию Зубатова знакомился в отделении со всеми данными наружного наблюдения и с некоторыми агентурными сведениями по этому делу, теперь же я стал заниматься этим еще внимательнее. В половине сентября я получил предписание выехать экстренно в Томск для производства ликвидации и дальнейшего по нему дознания. Посылка офицера из Москвы мотивировалась, главным образом, необходимостью прикрыть при производстве дознания источники внутренней агентуры, т.-е. не дать революционерам повода думать, что в раскрытии организации играло роль шпионство со стороны этой агентуры.

Быстро мчал меня поезд в Сибирь, но так как филерское наблюдение установило, что на пункт привезли из Омска кипы бумаги, то Москва решила поспешить с ликвидацией и распорядилась произвести обыски до моего приезда в Томск. 23 сентября местная томская жандармерия в сопровождении наряда полиции и филеров нагрянула неожиданно на переселенческий пункт, где в домике администрации была обнаружена на полном ходу типография социалистов-революционеров. В ней были застигнуты Барыков, Вербицкая, Севастьянова и, кажется, еще фельдшерица Мутных. Отпечатанные частично экземпляры третьего номера «Революционной России» сушились развешенными по всем комнаткам. Был обнаружен архив журнала с богатым рукописным материалом в виде подлинных писем из разных городов. Кроме работавшего станка нашли также и части прежней печати. Работою руководил Барыков, фельдшерицы же исполняли роль наборщиц. Медицинские щипчики служили для захвата букв. В ту же ночь были арестованы в Томске врач Павлов с женой, а также были произведены аресты и по другим пунктам Сибири.

Я узнал об аресте типографии в пути. Однажды вечером, на участке между Омском и Томском, пассажиры нашего поезда были встревожены необычной остановкой его на разъезде среди степи. Завывала метель. Остановился и встречный поезд. Поднялась суета, бегала поездная прислуга. Оказывается, искали меня и, найдя в салон-вагоне, где мы мирно играли в шахматы, попросили во встречный поезд. Там находился прокурор Омской судебной палаты Ераков, возвращавшийся в Омск из Томска, где он ознакомился с результатами обыска. Он хотел познакомиться со мною. Поздоровавшись, прокурор палаты сразу огорошил меня вопросом: — «Какие вы имеете агентурные сведения по этому делу?»

- Как ни неожидан был вопрос, я ответил, что агентурных сведений у меня нет никаких.

- Зачем же вас тогда прислали и почему не могут производить дознание местные офицеры? — Прокурор палаты закидывал меня вопросами, был, видимо, недоволен и удивлен присылкой постороннего офицера и не скрывал своего недоумения. Как мог, я старался разъяснить, что это желание министра внутренних дел, в виду той связи, которая должна установиться по делу с Европейской Россией, что дознание, вероятно, придется перенести в одну из столиц и т. д.

Прокурор палаты слушал. Он рассказал мне затем результаты обыска и прибавил, что дал уже указания, кого следует освободить после моего приезда. Ну, подумал я, и господа! Не разобрались еще в деле, ничего еще не знают, а уж беспокоятся об освобождениях. Это добра

не предвещало. Мы расстались вежливо-холодно, видимо, не удовлетворенные друг другом.

Приехав в Томск, познакомившись с властями и приняв дело, я был поражен данным ему направлением. Виновные были привлечены по статьям за устройство типографии без надлежащего разрешения, как будто это касалось самой легальной типографии. О сообществе, преследовавшем изменение существующего политического строя, не было и в помине. Местный прокурор сразу же поспешил объявить мне, кто должен быть освобожден, и просил сделать это поскорее. Я ответил категорически, что пока не разберусь в деле, никто освобожден не будет, что дело важнее, чем думают, и что к нему надо отнестись весьма серьезно, а не с налету.

Получалась самая обычная в то время вещь. В политических делах прокуратура в большинстве случаев, прежде всего, схватывалась за освобождение и прежде всего принимала на себя роль адвоката арестованных, забывая, для чего она существует. Столицы, конечно, не в счет; там прокуратура была на своем месте, но бывали в этом отношении исключения и в провинции, где также находились иногда прокуроры даже еще более жестокие, чем жандармские офицеры. В качестве наблюдающего за производством дознания мне дали молоденького, симпатичного, совершенно неопытного товарища прокурора, для которого выше прокурора палаты ничего на свете не существовало.

Побывав на месте обнаружения типографии, я убедился в недостаточной тщательности произведенного обыска. На одном из шкафов я нашел экземпляр «Колокола» Герцена со свежими рукописными пометками, сделанными, как оказалось потом, Евгением Колосовым, и это подорвало у меня доверие к тому, что было сделано. Оплошность была большая. Наличность книги Колосова в типографии устанавливала формальную его причастность к ней. Он и был к ней причастен, он покупал в Омске для типографии бумагу и привозил ее. Не занесенная в протокол обыска его книга теряла значение улики.

Начал я допросы, прокуратура торопила с освобождениями, я протестовал... Я дал телеграмму в Петербург, прося разрешения министра внутренних дел, в виду важности настоящего дела, производить одновременно с формальным дознанием о типографии, также и расследование о социалистах-революционерах в порядке положения о государственной охране. Так как расследование велось без участия прокуратуры, то я получал большую свободу действий.

Вскоре я получил телеграфное распоряжение министра Сипягина производить также и расследование... Я продолжал производить и дознание и расследование. Кого нельзя было сразу привлечь формально к дознанию, тот привлекался к расследованию и по мере возможности переводился на дознание; кого прокуратура настаивала освобождать по дознанию, тот содержался под стражей в порядке охраны по расследованию.

Уже два месяца бился я с дознанием, работая до поздних вечеров; были установлены связи по Петербургу, Москве, Ярославлю, Нижнему Новгороду и Чернигову; некоторые арестованные признали себя членами союза социалистов-революционеров, но полного откровенного показания получено еще не было. Барыков, главный обвиняемый (серьезный, симпатичный мужчина), говорил только то, чего нельзя было не говорить, и держался вообще осторожно. В Томске он являлся центральной фигурой. Его губили найденные при нем письма да подводила невеста, продолжавшая писать из Саратова, не зная об аресте жениха. По этой переписке она тоже была арестована.

Дамы держались проще, но была среди них одна пренесимпатичная барыня. Привезут ее, бывало, в сорокаградусный мороз на допрос, бранится, посиневшая, во всю... Предложишь ей погреться около распаленной печки, предложишь чаю — начинает

успокаиваться. Снимет ботинки, греет ноги и становится поспокойнее, но показания дает скупо; нет, нет, да и фыркнет: — вы, мол, жандармы... Другие женщины были очень симпатичны, простые, без революционной напускной учености и важности. Го-

▲ Обыск

▲ Александровск. Каторжане

ворили привлеченные в общем все понемногу. Социалисты- революционеры были в этом отношении лучше социал-демократов. На последних уж очень отражалось влияние «Бунда» и его техники.

Здесь же все было больше по-русски, нараспашку, и разговаривать с эсерами было гораздо приятнее. Из сопоставления различных показаний и данных обысков получалось нечто весьма существенное: наличность союза и его цели устанавливались формально, но полной картины все-таки не было. Товарищ прокурора удивлялся, чего я добиваюсь и почему я недоволен дознанием. Между тем, зная многое по агентурным и филерским данным, я, естественно, хотел получить те сведения, но уже как показания самих привлеченных. Только в переводе на протоколы допросов эти сведения приобретали формальные значения улик, и получить их было задачей моей работы. И, конечно, я старался получить эти откровенные показания.

Наконец, однажды вечером, в начале декабря, одна из арестованных, попавшая в революционную среду, видимо, по недоразумению, начала давать откровенные показания. То заветное, что хранилось у меня в моих личных папках и не показывалось никому, даже своим сослуживцам по корпусу, стало воплощаться в официальное показание. Союз социалистов-революционеров... начало работы... члены организации... необходимость переправы типографии... перевозка валика, перевозка других частей, работа, печатание...

Кто был следователем, тот поймет, что переживал я, получая показания. Товарищ прокурора, обычно дремавший, сразу проснулся и смотрел широко раскрытыми глазами. Следующий день был настоящим праздником. Мои сотоварищи офицеры радовались не меньше меня, довольна была и прокуратура. Многое в моем упорстве и нежелании освобождать делалось понятным. В Петербург полетела подробная телеграмма, прокуратура осведомила Омск. Живее пошли допросы других арестованных, получались подтверждения частностей, создавалась формальная картина всего дела.

Я съездил в Омск, установил, где Колосов покупал бумагу для типографии и как доставлялась она в Томск. Как жалел я в это время, что не мог использовать против него как улику его «Колокола» с его собственноручными заметками! По разным городам России были посланы требования о производстве дополнительных формальных обысков и в числе их требование в Москву об аресте А. Аргунова, работавшего тогда, кажется, в Ярославле. В числе привлеченных были жена и сестра последнего и кто-то из свойственников.

Во второй половине декабря получилось распоряжение о переносе всего дознания в Москву со всеми арестованными, что должно было выполнить жандармское управление. Забрав следственное производство и распрощавшись с Томском, я не замедлил выехать в обратный путь...

В рождественский сочельник я вернулся в Москву. Начальство поздравило меня с успешным выполнением поручения. Я допросил еще несколько лиц и в том числе А. Аргунова, который держался очень неспокойно, и передал дело в Московское жандармское управление, которое должно было раздвинуть рамки дознания и охватить весь «союз».

По окончании дела, из числа привлеченных к нему социалистов-революционеров двенадцать чело-

век были сосланы в Сибирь на сроки от трех до восьми лет, которые были позднее сокращены. Многие из них приняли затем вновь видное участие в революционной работе. Так, Севастьянова бросила бомбу в московского генерал-губернатора Гершельмана, Н. Куликовский убил графа Шувалова, С. Барыков и Н. Чернова, участвовали в подготовке убийства генерала Трепова, а Аргунов играл большую роль в центральном комитете и т. д.

Тот удар по социалистам-революционерам был очень силен и очень перебил их работу по России, но все-таки департамент полиции не доделал тогда своего дела. Арест томской типографии и причастных к ней лиц по Сибири не сопровождался одновременным, в сентябре же месяце, заарестованием всех известных членов «союза» по разным городам Европейской России. С этими арестами запоздали месяца на три, а в это время много работали и Аргунов, и Селюк, и поддерживавший тесную связь с ними Гершуни.

И вскоре после ареста типографии, за границу выехала Селюк, которую Аргунов снабдил всеми нужными материалами для выпуска за границей арестованного в Томске третьего номера «Революционной России». В конце же года за границу выехал и Азеф, которому еще незаарестованные руководители «союза» передали все связи, явки, пароли и посылали его за границу, как своего доверенного представителя наряду с Марией Селюк. — «Азефу мы вручили все, как умирающий на смертном одре», — говорил позже Аргунов.

▲ Трепов Д.Т.

Все это знал департамент полиции, и он тому не воспрепятствовал. Выехал туда и Гершуни с полномочиями от саратовских и южных организаций, и ему не помешали. За границей же начались переговоры об объединении, в результате чего в январе 1902 года официально образовалась «Партия Социалистов Революционеров» с центральным комитетом во главе, с центральным органом «Революционная Россия» и с девизом:

«В борьбе обретешь ты право свое».

Народилась партия, которая принесла России так много непоправимого вреда. Ближайшая задача партии — свержение самодержавия, конечная цель — переустройство России на социалистических началах. Средства борьбы — пропаганда, агитация и террор. Партия приступала к работе среди рабочих и интеллигенции и, где можно, среди крестьян.

Партия являлась идейной последовательницей Бакунина, Герцена и Лаврова. Ее идеологом в легальной печати был столь популярный Михайловский, принимавший, правда, робко некоторое участие и в подпольной работе. Партия являлась представительницей своеобразного русского социализма с основной эфемерной мечтой

русской интеллигенции, что наша крестьянская община может быть легко использована, как ступень к переходу на социалистический строй, что наш крестьянин природный социалист. В революционных рядах партия явилась прямой последовательницей партии «Народной Воли» с ее тактическим девизом: «Цель оправдывает средство».

По иронии судьбы и по неизменному закону для всех российских революционных партий второй половины XIX столетия, главнейшими

▲ Чернов, эсер

заправилами этой «народнической» русской партии оказались: Гоц, Минор, Гершуни, Рубанович, Натансон, Азеф...

Говорить тут о любви к России и о заботах, о русском народе не приходится. Среди них сверкали русские имена, вроде будущего селянского министра и немецкого шпиона Виктора Чернова. Департамент полиции не сумел тогда помешать сплочению партии, хотя и имел к тому полную возможность. Не сумел, хотя имел около центра своего осведомителя Азефа, хотя объединение происходило за границей, где находился весьма талантливый его чиновник Петр Иванович Раковский, получавший сведения непосредственно от Азефа. Центральный и руководящий по розыску правительственный орган не был на высоте положения. Там чванились знанием розыскного дела, но промахи делали непоправимые. Не даром же особым отделом в то время заведывал красивый светский Дон-Жуан, любитель-театрал Леонид Александрович Ратаев, слывший в Петербурге под кличкой «Корнета Отлетаева». ■

▲ На этапе

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Территория современной Москвы была заселена человеком с эпохи неолита. К третьему — второму тысячелетию до н.э. относится несколько неолитических стоянок первобытных охотников и рыболовов, находившихся на стадии материнского рода, в ближайших окрестностях Москвы (у села Льялово на реке Клязьма, у села Щукино на реке Москва). К эпохе бронзы (2-е тысячелетие до н.э.) принадлежат памятники первобытных скотоводов, относящихся к фатьяновской культуре, например, Давыдковский могильник на берегу реки Сетунь и находки отдельных предметов этой культуры в различных частях города.

В эпоху раннего железного века (середина первого тысячелетия до н.э. — первая половина первого тысячелетия н.э.) на территории Москвы было несколько городищ дьяковской культуры, каждое из которых являлось патриархально-родовым поселком. Они располагались на высоком (преимущественно правом) берегу реки Москва на мысах при впадении в нее мелких речек. Сохранились Дьяково городище, Мамонтово городище, остатки городищ в Нижних Котлах, Филях, в устьях Сетуни, Химки и др. — всего до десяти. Такие городища существовали и в центральной части Москвы, но они были уничтожены позднейшими постройками. Основным занятием населения дьяков-

▲ Юрий Долгорукий

ской культуры было скотоводство, подсобным — охота и мотыжное земледелие.

С разложением родового строя и развитием земледелия городища в большинстве были покинуты и сохранились лишь как убежища, население же стало жить в близлежащих неукрепленных селах — селищах. Москва находилась на границе расселения двух славянских племен — вятичей и кривичей; поселения последних начинались примерно в 40 км к северу от Москвы. К середине первого тысячелетия относятся наиболее ранние памятники вятичей. Это погребальные сооружения — курганы. Древнейшим из них является большой (высотой в 4 метра) курган у села Беседы, на правом берегу реки Москва, датирующийся VI веком. В ближнем Подмосковье сохранилось несколько подобных курганов. К более позднему времени (XII-XIV века) относятся небольшие (высотой до 2 метров) курганы, встречающиеся обычно группами. Курганных групп на территории Москвы и Подмосковья было множество; до нашего времени они уцелели в Черемушках, Зюзине, Царицыне, Филях, Спасском, Мякинине, у станции Яуза.

Каждая группа курганов являлась сельским кладбищем и располагалась вблизи древнего села. К XIV веку восходят упоминаемых в письменных источниках сел Семчинское, Михайловское, Напрудное, а несколько позднее — Воробьево, Кудрино, Высоцкое, Сущево и др.; вероятно, эти села существовали и ранее; археологами исследованы села Семчинское, Кудрино. Остатки селища XII-XIII веков прослежены у устья реки Яуза. Изучение курганов и селищ показывает, что Москва возникла и развивалась в окружении сел, которых она снабжала изделиями своих ремесленников. Села же поставляли для населения Москвы продукты. О торговых связях древнего населения Москвы свидетельствуют находки арабских дирхемов IX века. Один клад таких монет найден неподалеку от впадения реки Неглинная в реку Москва, другие — в районе бывшего Симонова монастыря. На территории Москвы в XI-XII веках находились и усадьбы феодалов. Такой усадьбой могло быть, в частности, городище на левом берегу реки Неглинная, неподалеку от урочища, долго сохранявшего название Кучково поле. Находки серебряных височных колец-привесок вятического типа и шейных гривен на Кремлевском холме указывают на раннее заселение этой местности, ставшей впоследствии ядром города.

Первое упоминание (летописное) о Москве — под 1147 годом в связи с вооруженной борьбой суздальского князя Юрия Долгорукого с великим князем киевским Изяславом Мстиславичем за власть в Юго-Западной Руси. В этом году 4 апреля в Москву по приглашению Юрия Долгорукого прибыл его союзник — черниговский князь Святослав Ольгович. Городок «Москва», превратившийся в XV веке в столицу Русского государства, воз-

ник на Боровицком холме у слияния рек Москва и Неглинная. Тверская летопись сообщает под 1156 годом о возведении на этом месте (ныне часть Кремля у Боровицкой башни) деревянного «города». Население здесь концентрировалось с VII-IX веков, и уже с VIII века по реке Москва проходил Волжский торговый путь, связывавший Восток и Запад. Частью этого пути была сухопутная Волоцкая дорога к Великому Новгороду, у брода под Боровицким холмом пересекавшаяся с дорогой из Киева и Смоленска на северо-восток Руси.

Волжский путь (Великий Волжский путь) — одна из важнейших систем водного сообщения в VII-X веках между странами Восточной Европы и Азии по Волге и ее притокам. О связях с речными системами Днепра, Западной Двины, Ильменско-Волховской Волжского пути среди славян и других народов в этот период свидетельствуют найденные в его районе многочисленные клады западных и восточных монет. В торговле волжских городов Итиль и Болгар большую роль играли русские купцы и ремесленники. Значение Волжского пути для Руси в X веке несколько упало в связи с возросшим значением Днепровско-Ильменского пути «из варяг в греки». Начиная с XV века, в период складывания русского государства, посредством Волжского пути осуществлялись торговые и культурные связи России с Востоком.

В XI-XII веках на холме выросли два укрепленных поселка вятичей: один большой, на месте современной Соборной площади и второй — на оконечности мыса. В устье Неглинной сложился первоначальный торг, переходивший с подола холма в Занеглименье. Двухчастность поселка постепенно стиралась и в 1162 году была окончательно уничтожена возведением общей линии городских стен. Посад начал развиваться на узком подоле холма по берегу реки Москва в сторону реки Яуза. Складывалась линейная система планировки, подчиненная реке. Полоса земли, заливаемая в высокие половодья, была, однако, неудобна, и посад повернул в гору, занимая междуречье Москвы и Неглинной. В XII-XIII веках Москва была уже значительным городом Владимиро-Суздальской Руси. Раскопки в Зарядье показали, что к Кремлю примыкал посад, населенный ремесленниками и торговцами.

▲ Иван Данилович Калита

С начала XIII века Москва стала центром образовавшегося Московского княжества. В январе 1238 года ее сожгли татаро-монголы Бату-хана, но она была быстро восстановлена. Первым московским князем, действительно внесшим вклад в становление Москвы, стал младший сын Александра Ярославича Невского — Даниил, который в самом начале XIV века присоединил в Москве Переяславское княжество, а его старший сын Юрий — Коломну и Можайск. Таким образом, в руках московских князей оказался весь бассейн реки Москва, и Московское княжество сделалось одним из сильнейших в Северо-Восточной Руси. Иван I Данилович Калита получил в Золотой Орде ярлык на великое княжение Владимирское, которое с той поры прочно удерживалось в руках его потомков; в его княжение сильно возросло экономическое и политическое значение Москвы. В 1326 году она стала резиденцией русских митрополитов. В том же году в Москве была заложена и первая каменная постройка, не имевшая оборонного значения, — Успенский собор в Кремле.

Древнейшее ядро города Москва, представляющее собой великолепный архитектурный ансамбль, складывавшийся на протяжении нескольких столетий является Москов-

▲ Успенский собор

ский Кремль. В его архитектуре ярко отразились многие этапы исторического развития русского народа и Русского государства, и нашли блестящее выражение характерные черты национальной культуры. Свободное расположение зданий и живописность всего ансамбля строго закономерны. Архитектурный комплекс Московского Кремля образован храмовыми и дворцовыми зданиями, прекрасными ярусными кремлевскими башнями и доминирующим над ними столпом колокольни «Ивана Великого».

Кремль возник на высоком Боровицком мысу, хорошо защищенном реками Москва и Неглинная от нападения врагов. Место это задолго до возникновения Московского Кремля было заселено восточнославянским племенем вятичей. После первого упоминания о Москве под 1147 годом, летопись сообщает о возведении в 1156 году суздальским и великим киевским князем Юрием Долгоруким деревянных стен небольшого тогда Московского Кремля, защищавшего пути во Владимиро-Суздальское княжество. В XIV веке возвышение Москвы нашло отражение в дальнейшем развитии Московского Кремля — политического и военно-оборонительного центра московских князей.

При Иване I Даниловиче Калите территория Московского Кремля была расширена, построены новые дубовые кремлевские стены, создан первоначальный архитектурный ансамбль Соборной площади с каменными Успенским и Архангельским соборами, Ивановской церковью «под колоколы» (церковь Ивана Лествичника) и деревянным дворцом.

При Дмитрии Ивановиче Донском в 1367 году были сооружены белокаменные стены Московского Кремля. Центр русских земель стал мощной крепостью. Стены Кремля охватили площадь почти равную площади современного Московского Кремля. Со стороны реки Москва стена была возведена у подножья холма, чтобы враг не смог здесь создать удобный плацдарм для развертывания своих сил при осаде Кремля. В 1368 и 1370 годах Московский Кремль успешно выдержал осаду войск великого князя литовского Ольгерда, а в 1382, 1408 и 1451 годах оказался неприступным для татаро-монгольских войск (хан Тохтамыш взял Московский Кремль в 1382 году обманом).

В конце XIV — начале XV веков в Московском Кремле строится ряд новых зданий, многие из кремлевских церквей украшаются стенописью. К 1404 году относится установка в Московском Кремле первых в Москве башенных часов с боем. С образованием во второй половине XV века мощного единого Русского государства во главе с Москвой начинается новый этап развития Московского Кремля.

Отстроенный заново, с учетом возросшей силы огневого боя, он получил размеры, которые имеет в настоящее время, и превратился в первоклассную крепость, архитектура которой, отличавшаяся великолепной красотой, ярко отражала мощь Русского государства. Новые кремлевские стены, построенные в 1485-1495 годах с некоторыми переделками сохранившиеся до нашего времени. Общей протяженностью около 2, 25 км, образуют в плане неправильный треугольник, площадь которого равна около 28 га.

Башни Московского Кремля тогда еще не имели современных шатро-

вых надстроек, вся архитектура Московского Кремля носила строгий крепостной характер. По углам треугольника расположены круглые башни: со стороны Большого Каменного моста — Свиблова (современная Водовзводная); со стороны Москворецкого моста — Беклемишевская и на Манежной площади — Собакина (современная Угловая Арсенальная). По сторонам треугольника Московского Кремля находятся: выходящая на Москву — реку Тайницкая башня (с колодцем — «тайником»), на Красной площади — Фроловская (современная Спасская) и Никольская проездные башни, со стороны Неглинной — Троицкая проездная башня с каменным мостом и отводной стрельницей — Кутафьей башней. Вблизи Свибловой башни находится Боровицкая башня с воротами. В промежутках между перечисленными, были расположены остальные башни (всех было 18).

Вокруг Московского Кремля с конца XV века была расчищена незастроенная зона шириной около 200 метров, имевшая оборонное и противопожарное значение. К стенам Московского Кремля с 30-х годов XVI века примкнули каменные стены Китай-города; в 80-90 годах были построены стены Белого города. Вместе с Кремлем они образовали единый грандиозный ансамбль. Над Фроловскими воротами до сих пор сохранилась надпись, рассказывающая о постройке Московского Кремля.

Как и все русские кремли, Московский Кремль был застроен жилыми хоромами и дворами бояр. Над небольшими, преимущественно деревянными, домами возвышалась центральная группа монументальных каменных сооружений на Соборной площади. Здесь находились главные соборы и комплекс великокняжеского, а затем царского дворца, заново отстроенного в 1487-1508 годах. От него сохранился тронный зал, именуемый ныне Грановитой палатой. Другие палаты дворца были расположены на гребне холма вдоль реки, примерно на том месте, где сейчас находится Большой Кремлевский дворец. Жилая часть дворца оставалась в значительной части деревянной до XVII века.

▲ Дмитрий Иванович Донской

В архитектурном ансамбле Московского Кремля господствует мощная башня — колокольня «Иван Великий», построенная в 1505-1508 годах и надстроенная в 1600 году. Она была главной сигнальной и дозорной башней и центральным высотным сооружением Московского Кремля и всего города, выражавшим своим архитектурным образом величие государства.

Выдающимся произведением русской церковной архитектуры является Успенский собор, построенный в 1475-1479 годах итальянским зодчим Аристотелем Фиораванти под влиянием русских построек предшествующего времени. Собор стал центральным общественно-культовым зданием Московского Кремля, столицы и всего Русского государства. Вероятно, псковскими мастерами были возведены в 1484-1489 годах Благовещенский собор и в 1485-1486 годах — церковь Ризположения, Архангельский собор, ставший усыпальницей царей, был построен в 1505-1509 годах итальянским архитектором Алевизом Новым и продолжил традицию русских пятиглавых соборов, представляя одновременно с этим первый пример в русской архитектуре переработки западноевропейского искусства возведения монументальных сооружений.

К востоку от Соборной площади расположена Ивановская площадь, на которой против «Ивана Великого» в XVI-XVII веках стояли

▲ Древняя Москва XV век

здания приказов — центральных государственных учреждений. При находившемся в Московском Кремле Оружейном приказе еще в XVI веке возникло хранилище древностей, превращенное позже в Оружейную палату. В 30-х годах XVI века в колокольне «Иван Великий» под руководством зодчего Петрока Малого была пристроена звонница.

Московский Кремль был резиденцией великих князей, затем царей, представителей высшей светской и духовной аристократии.

По мере роста значения Москвы увеличивалось и его укрепленное ядро. В 1339 году Иван Калита построил новый «град дубов», расширив к северу и востоку территорию крепости, которую с начала 1330 годов стали называть «Кремлем». Москва становилась общепризнанной столицей Северо-Восточной Руси. При великом князе Дмитрие Ивановиче в 1367 году необычайно быстро, всего за один сезон, были возведены новые мощные укрепления из белого мячковского камня. После этого Москва получила постоянный эпитет «белокаменной» (хотя основная застройка ее оставалась деревянной, а каменной была, возможно, лишь приступная стена). Линия стен, протяженность которой достигла двух верст, продвинулась при этом еще дальше на восток, охватив почти всю территорию современного Кремля. На территории Кремля, кроме великокняжеского двора, находились дворы ближних бояр, монастыри, подворья и т. д. В 1404 году в Кремле была установлена «часозвоня» (башня с часами). Вокруг Кремля разрастался посад. Подступы к Москве охраняли монастыри-сторожи — Данилов, Симонов, Андроников. Наиболее заселенную часть Москвы составлял «великий посад» между реками Москва и Неглинная. К западу от Неглинной располагалось менее заселенное Занеглимье. Район Замоскворечья назывался Заречьем. Поселения продолжались и за рекой Яуза. Здесь к Москве-реке примыкали слободы кузнецов и котельников.

Во второй половине XIV века Москва возглавила борьбу против татаро-монгольского ига. Московское ополчение составило основное ядро русского войска разгромившего в Куликовской битве 1380 года военные силы Золотой Орды. Лишь хитростью и коварством хану Тохтамышу через два года удалось взять, разграбить и сжечь Москву, а ее население частично перебить, а частью увести в полон. В 1408 году возродившаяся к тому времени Москва сумела защититься от войска эмира Едигея. В правление Ивана III Васильевича неизмеримо выросло ее политическое, культурное и экономическое значение. С этого времени все важнейшие события в жизни русского народа связаны с Москвой, которую

писатели того времени называют «царствующим градом».

Грозные укрепления, надежность и величие которых отвечали значению Москвы как столицы крупнейшего в Европе государства, в 1485-1495 годах были построены из кирпича. Кремль стал монументальным ансамблем, центр которого определял главный храм Руси — Успенский собор. После опустошительного пожара 1493 года полоса в 110 сажен перед восточной стеной Кремля была освобождена от посадских строений, чтобы обезопасить крепость от пожаров и внезапных нападений. Здесь развернулось главное торговище, самое оживленное место города, средоточие не только его экономической, но и общественной жизни. Подобные «полые места», или «застенья», были расчищены вдоль Неглинной и в Замоскворечье против Кремля. Главный торг разрастался и занимал все большее место в городской жизни. Его дополняли торги в Замоскворечье и Занеглименье, а зимой — торговля на льду рек; тогда все торговища сливались в огромное целое. Торговля образовала как бы сердцевину городского плана, притягивающую к себе дороги; застроенные, они превращались в улицы.

В XIV-XV веках Москва становится культурным центром всего русского народа. В Москве возникли общерусские летописные своды, развивавшие идею единства Русского государства. В Москве создался цикл повестей о Куликовской битве, в том числе поэма «Задонщина». Московская архитектура, живопись и прикладное искусство достигли высокого уровня, положив начало так называемой московской школе. Крупнейшим московским художником конца XIV — начала XV веков был Андрей Рублев.

В 1550 году в Москве уже проживало около ста тысяч человек. Здесь были сосредоточены казенные предприятия и мастерские. Пушечный двор занимался литьем пушек и колоколов. На особом дворе выделывался порох. Было развито производство металлических изделий и оружия. Широко были известны панцири и шлемы «московского дела», булатные сабли «московский выков». Значительную прослойку среди московских ремесленников составляли замочники, бронники, ножовники, котельники, кузнецы и др. Крупное значение имело также кожевенное дело, производство оде-

▲ Посад у стен Кремля

жды, съестных припасов. Кадашевская слобода в Замоскворечье специализировалась на производстве полотна. Москва выделялась среди других русских городов и редкими ремесленными специальностями (ювелирное и иконное дело, художественное литье, переплетное дело и др.). Средоточием торговли в Москве были торговые ряды, примыкавшие к Красной площади. Каждый ряд торговал определенным товаром. Московский рынок являлся крупнейшим в стране, как во внутренней, так и в международной торговле XVI века. Усилились связи его со Средней Азией, Закавказьем и Персией, развивалась торговля с Западной Европой, особенно с Англией и Голландией, через Холмогоры (позже — через Архангельск).

Холмогоры — город на Северной Двине (на притоке Курополка), известный в источниках под названием Колмогоры (ныне районный центр Архангельской области). Упоминается с XIV века. Был опорным пунктом новгородцев в их торговле с Севером. В XV-XVI веках — крупнейший торговый центр, через который с 1554 года вела торговлю английская Московская компания.

Все крупнейшие события, касавшиеся обороны Русского государства, были теснейшим образом связаны с Москвой, являвшейся арсеналом государства в его борьбе с внешними врагами. В Москве находился центр управления государством. Здесь помещался великокняжеский, затем царский двор, собиралась Боярская дума, находились приказы. В Москве собирались Земские соборы. В конце XV и в XVI веках во внешнем облике Москвы прошли крупные изменения. Территория Кремля была расширена, закончилась постройка новых кирпичных стен и башен; с двух сторон подступы к Кремлю преграждались рекой Москва и запруженной рекой Неглинная, с третьей стороны — рвом с водой. Кремль превратился в первоклассную крепость строгой, величественной архитектуры, которую украшали Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы, Грановитая палата,

▲ Василий I Дмитриевич

башня-колокольня «Иван Великий». Возле стен Кремля в 1555-1560 годах в память покорения Казанского ханства на Красной площади был выстроен Покровский собор — самое необычное, сложное и глубоко впечатляющее произведение русского зодчества XVI века.

В XVI веке происходил дальнейший рост московского посада, основная часть которого между Неглинной и Москвой была обнесена в 1535-1538 годах каменными стенами Китай-города. Увеличивалось количество каменных жилых и церковных построек на посаде: одним из выдающихся сооружений того времени является храм святого Трифона в селе Напрудное.

В 1571 году в результате сильного пожара, вызванного нападением крымского хана Девлет-Гирея пострадал сам город и его окрестности. Вскоре посад был восстановлен и расширен, а для его безопасности в 1580-1590-е годы была построена каменная стена Белого города (по линии современного Бульварного кольца). Посад, разраставшийся за стенами Белого города, был укреплен в конце XVI века деревянными стенами и валом — Земляным или Деревянным городом, называвшимся за быструю постройку «Скородомом», шедшим по линии современного Садового кольца. Цепь монастырей-крепостей, защищавших город с восточной, южной и западной сторон, дополнили Новодевичий и Донской монастыри.

В XVI веке возросло значение Москвы в развитии русской культуры. В ней сосредоточивались крупные библиотеки. Иностранные писатели сообщают о громадном богатстве царской библиотеки, в которой находились многочисленные греческие и латинские рукописи (судьба библиотеки Ивана Грозного неизвестна). Около 1553 года была основана первая русская типография. Несколько позже был создан

Печатный двор. Высоким уровнем отличалась московская иконопись и фресковая живопись XVI века. Москва была литературным центром Руси. В ней были составлены крупнейшие летописи (Воскресенская, Никоновская), знаменитые лицевые летописные своды; общий свод церковной литературы — «Минеи — Четьи».

«Минеи четьи» — сборники, содержащие жизнеописание святых, поучения, молитвы, песнопения на каждый день года. В Древней Руси «Минеи четьи» служили для назидательного «душеполезного» чтения. «Минеи четьи» сложились в Византии к IX веку, а затем распространились среди южных и восточных славян. Известные в Киевской Руси с начала XI века (Супрасльская летопись). «Минеи четьи» обильно пополнялись материалом русской церковно-учительской литературы. В середине XVI века, в связи с созданием общерусского культа святых, в Москве под руководством митрополита Макария составляются «Великие Минеи-Четьи» (12 больших томов, по одному на каждый месяц), объединившие почти всю церковную литературу от начала христианства на Руси и пополнившие ее житиями русских святых, канонизированных на соборах 1547 и 1549 годов.

***

Перед своей безвременной кончиной Дмитрий Иванович Донской представил боярам 17-летнего сына Василия как будущего государя, выбрал для него девять советников. Обнял своих близких, сказав: «Бог мира да будет с вами!» — сложил руки на груди и скончался. Вся Русь оплакивала своего любимого князя, правившего государством 26 лет и заслужившего народную любовь и благодарную память потомков.

Вступление на великокняжеский престол Василия Дмитриевича утвердило наследование этого титула московскими князьями. Теперь это уже не вызывало сомнений, и никто не спорил о власти. Лишь князь Борис Городецкий отправился в Сарай с просьбой отдать ему в княжение Нижний Новгород. Тохтамыш пожаловал ему грамоту.

Василий I Дмитриевич считал, что самыми важными задачами его правления должны быть три: облегчить ярмо татарского ига; удержать литовцев от захвата русских земель; усилить великое княжение присоединением независимых уделов. Василий Дмитриевич женился на Софии — дочери великого литовского князя Витовта по данному ему обещанию, когда в 1385 году спасся бегством из Орды и через Молдавию в 1386 пробрался в Литву, встретился с Витовтом и вернулся на Русь.

Молодой князь правил государством с помощью Совета, состоящего из бояр отца. Он заручился дружбой со своим дядей Владимиром Андреевичем Храбрым, подписал договорную грамоту новгородцев и в 1392 году отправился к хану в Орду.

Великий князь был принят в Орде с небывалым гостеприимством. Никого еще так не встречали, со стороны могло показаться, что не данник, а верный союзник приехал в гости к хану. Тохтамыш признал Василия великим князем и выполнил все его просьбы: дал ярлык на Мещеру, Городец, Тарусу, Муром. Последние две области никогда не принадлежали роду Мономаховичей, а были уделами черниговских князей.

В это время в Орде произошли серьезные перемены. Место хана занял Тимур, лозунгом которого было покорение вселенной. В возрасте 35 лет Тимур стал монархом своей державы и, заняв престол Чингизидов, поклялся своим эмирам, что победит всех царей земли.

В астраханских степях в 1392 году войска Тимура встретились с ордами Тохтамыша. Кровопролитная битва решила исход противостояния в пользу Тимура. В 1395 году Тимур вновь разбил орды Тохтамыша и гнал его до самой Волги, перешел через нее, пройдя саратовские земли, вторгся в пределы Руси, взял Елец. Весть о новом завоевателе разнеслась по всему Русскому государству, о свирепости татар, о несметном их количестве.

▲ Военный лагерь

Великий князь Василий Дмитриевич проявил решительность — созвал бояр на Совет, а воинам велел готовиться к большому походу. За Коломной, на берегу Оки он расположил свои силы и приготовился встретить нового завоевателя. По всей Руси во всех православных храмах шли молебны. Великий князь обратился с просьбой к митрополиту Киприану о перенесении чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери в новую столицу — в Москву.

Тимур продвигался к Москве, сжигая села и города, убивая невинных людей. В тот день, когда из Владимира вынесли икону Божьей Матери, Тимур вдруг остановил свои полчища и две недели стоял лагерем на одном месте. 26 августа, в день внесения чудотворной иконы в Москву, Тимур свернул лагерь и ушел с Русской земли вниз по Дону.

Русичи решили, что эта святыня помогла отвратить надвигающееся бедствие. На месте встречи иконы впоследствии был возведен Сретенский монастырь, а день этот, 26 августа, православная церковь теперь отмечает как большой праздник Сретения Богоматери.

В действительности события происходили следующим образом. Получив не проверенную еще информацию о нахождении Тохтамыша, Тимур стал лагерем, ожидая уточненных данных, и получив их, «железный» Хромец снялся и двинулся на юг за Тохтамышем.

***

Несмотря на женитьбу Василия на дочери Витовта, отношения Москвы с Литвой были далеко не дружественными. Властолюбивый тесть Василия — жестокий, хитрый, коварный — нагло нарушал все святейшие уставы нравственности, изменял клятвам и обещаниям. Правдами и неправдами захватывал все новые и новые территории Руси.

Ханы Золотой Орды давно вынашивали планы захватнического похода в Литву. Хан Едигей предложил Василию Дмитриевичу прислать ему на помощь русское войско. Князь московский не желал участвовать в военных действиях, борьба же внешних врагов друг с другом была на руку Василию Дмитриевичу. Ловкими и хитроумными дипломатическими ходами, Василию удалось уйти от посылки русских дружин татарам.

12 августа 1399 года литовские войска встретились с татарскими на поле брани на берегах реки Ворксла. 200 тысячная орда Едигея разгромила литовские войска, Витовту удалось бежать с малой группой приближенных.

Ослабленная Литва на некоторое время приостановила свои захватнические действия, но 1406 году вражда между Литвой и Москвой вспыхнула вновь. В 1407 году Витовт сжег Одоев, а Василий Дмитриевич взял Дмитровец. Противостояние прекратилось в 1408 году, когда на берегах реки Угра был заключен мир. Угра стала границей между Литвой и Московским государством.

С Ордой Василий Дмитриевич старался поддерживать хорошие отношения. В 1408 году хан Едигей, который подобно Мамаю, распоряжался всеми делами в Орде, решил восстановить власть над Русью. Хан распространил слух, что идет войной на Литву, сам же со всем войском внезапно явился под Москвой. Василий Дмитриевич приказал сжечь посад вокруг Москвы, оставил в городе своего дядю Владимира Андреевича Храброго оборонять столицу, а сам убыл в Кострому собирать ополчение. Татары опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец и Клин. Много народу было перебито, другие погибли от морозов.

Хана известили, что оставленный в Орде хан Булат подвергается угрозе нападения и молит Едигея срочно вернуть в Орду войско. С Костромской земли на Москву собирается большое войско под началом Василия Дмитриевича. Едигей тут же отступил от Москвы, взяв через бояр, три тысячи выкупа и ушел в степь. В Орду Василий I Дмитриевич отправился лишь в 1412 году.

Все годы правления Василия Дмитриевича на Руси свирепствовала моровая язва, очаги эпидемии которой вспыхивали то в одном княжестве, то в другом. Умер великий князь Василий Дмитриевич 27 февраля 1425 года, будучи уважаем народом и соседями противниками. Похоронен в Москве, в Архангельском соборе. Десятилетнему сыну Василию великий князь оставил все свои владения, поручив до совершеннолетия сына, управление государством супруге при участии брата.

Василий I Дмитриевич имел решительное большинство над князьями и, следовательно, приближался к единовластию в России. Усилив Московское государство важными приобретениями, он сохранил его целостность от литовских хищников, и менее своих предшественников платил дань татарскому хану.

***

Смерть Василия Дмитриевича наступила ночью, и в тот же час митрополит Фотий послал гонца к брату его Юрию Дмитриевичу, чтобы он признал племянника великим князем. Но Юрий всегда тешил себя надеждой стать после кончины брата великим князем, поэтому не захотел признавать власть малолетнего Василия и уехал в Галич.

Когда же до него дошли вести о восшествии племянника на великокняжеский престол, он отправил к нему посла с угрозами. Сражения удалось избежать, мир был заключен, но Юрий не успокоился. Тогда Василий послал к нему митрополита Фотия, но Юрий Дмитриевич был настроен решительно и собирался противостоять племяннику.

Начало княжения Василия было омрачено вернувшейся на Русь в 1426 году моровой язвой. А 1430 год был ознаменован сильнейшей засухой. По всей Руси свирепствовали голод и мор. Вдобавок и внешние неприятели одолевали наши границы.

Спустя шесть лет после заключения договора между великим князем и его дядей Юрий снова стал предъявлять свои права на престол. Вместе они отправились в Орду, чтобы хан сказал свое слово. Василий предъявлял устав, согласно которому власть теперь передавалась не от брата к брату, а от отца к сыну. Царствующий в то время в Орде хан Махмет отдал предпочтение Василию.

Однако на этом вражда между дядей и племянником не закончилась. Юрий Дмитриевич 25 апреля 1433 года с большим войском вошел в Москву, Василий был взят в плен. Бояре требовали смерти Василия, но Юрий не решился обагрить руки его кровью и отправил племянника в Коломну.

Летопись свидетельствует, что столица тогда словно бы переместилась на время в Коломну. Москва опустела, а люди шли к Василию толпами и только его признавали своим государем. Юрий Дмитриевич, увидев всенародное почитание великого князя, уступил и вернул престол Василию.

В 1433 году Юрий Дмитриевич не решился поехать на свадьбу племянника, но два его сына, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, были на пиру. Мать великого князя София Витовтовна узнала на Василии Косом драгоценный пояс, принадлежавший когда-то Дмитрию Донскому и украденный у него на свадьбе. Княгиня Софья сорвала пояс с Косого. На-

▲ Василий II Темный

▲ Василий Юрьевич Косой

чалась ссора. Обиженные сыновья Юрия Дмитриевича спешно покинули дворец.

Через год Юрий Дмитриевич снова завладел Москвой, пленив мать и жену Василия. Великий князь собирался бежать в Орду за помощью хана. Неизвестно, как повернулась бы судьба великого князя, но 6 июня 1434 года внезапно умер Юрий Дмитриевич.

За престол стали бороться сыновья Юрия. И не поладили между собой. Их усобица вернула власть Василию Васильевичу.

Настойчивее других к власти стремился Василий Косой. Государь, в конце концов, пленил Косого и проявил к нему неслыханную жестокость: он велел ослепить двоюродного брата и отпустил его. Двенадцать лет жил после этого забытый миром Василий Косой. Его братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный признали старшинство Василия II Васильевича и жили с ним в мире.

В Золотой Орде продолжались перевороты и борьба за власть. Хана Махмета (Улу-Мухаммеда) в 1437 году сместил с престола его брат и прогнал из Орды.

Махмет стал основателем Казанского царства, ставшего впоследствии причиной многих бед и разрушений на Руси. Уже через год хан Махмет осадил Москву, но взять столицу не смог, разорил лишь Коломну и с богатой добычей вернулся назад.

Следующий набег, в 1444 году, был для татар более удачным: в плен был взят сам великий князь, а в Москве в это время вспыхнул пожар, уничтоживший город дотла. Русь одновременно лишилась и государя, и столицы.

Шемяка более всех был рад такому стечению обстоятельств. Он направил письмо хану с предложением держать Василия в плену вечно, а ему пожаловать титул великого князя при верховном правлении казанского царя. Но, получив огромный выкуп за Василия (25 тысяч рублей), Махмет отпустил его на свободу 1 октября 1445 года.

Вернувшись, великий князь резко увеличил размер дани, а также начал раздавать земли татарам для поселений. Разнесся слух, что Василий уже продал и само Московское княжество. Народ роптал, назревал бунт. Это было на руку Шемяке. Темной февральской ночью 1446 года он захватил Москву вместе с Борисом Тверским и Иваном Можайским. Василий был взят в плен и ослеплен в отместку за слепого Василия Косого.

На престол взошел Дмитрий Шемяка. Василия он держал в темнице. Начались народные волнения. Духовенство тоже было на стороне Василия II. Шемяка был вынужден отпустить Василия, взяв с него обещание, не претендовать на великое княжение. Но приближенным боярам удалось в 1447 году снова возвести на великокняжеский престол Василия Васильевича. Василий II за слепоту получил от народа прозвище Темный. Он посадил на престол вместе с собой старшего сына Ивана, будущего государя Ивана III.

Противостояние Дмитрия Шемяки и Василия Темного продолжалось. Духовенство не раз обращалось к Шемяке с просьбой оставить борьбу за власть, но никакие уговоры не помогали, и епископы отлучили Шемяку от церкви.

Он бежал в Новгород и, обласканный новгородцами, стал собирать войско. Тогда Василий Темный решился на вероломство: подкупленный им повар приготовил для Шемяки курицу, начиненную ядом. Так закончил свои дни Дмитрий Шемяка.

Теперь, устранив главного соперника, Василий Темный продолжил объединение Руси под своей властью. В 1456 году Василий II выступил про-

тив Новгорода. Причинами для войны послужили земельные разногласия и не выплаченная за длительный срок дань. Жестокая битва решила исход войны в пользу Москвы.

Новгород подписал мирный договор, согласно которому были отменены вечевые грамоты, сдерживавшие власть государя, назначена черная дань в казну великого князя и запрещено в городе принимать неприятельских послов.

Тверской и рязанский князья объявили о добровольном присоединении своих княжеств к Московскому. Сын Василия Темного Иван женился на дочери тверского князя, а рязанский назначил великого князя опекуном своего малолетнего сына. Псков и Вятка тоже перестали быть независимыми и вошли в Московское княжество.

Нет никакого сомнения, что Василий Темный в последние годы жизни не платил татарам дань. Татары часто тревожили русские пределы своими набегами. Но все они кончались полным поражением татарских полков. Казанский царь тоже был неприятелем великого князя, но в 1461 году во Владимире был заключен мир с казанским царством.

Василий Темный совсем не был стар, когда занемог тяжелым недугом. Он написал духовное завещание, оставив своим преемником сына Ивана. Третью часть доходов он отписал ему, а остальные поделил между другими детьми.

Василий II Васильевич умер 17 марта 1462 года. Погребен в Москве в Архангельском соборе. Оставил семерых сыновей: Юрия Большого, Ивана, Юрия Молодого, Андрея Горяя, Семена, Бориса и Андрея Меньшого, а также дочь Анну, выданную за великого князя рязанского Василия Ивановича. Больше всего Василий Темный думал о своих детях, а не о дальнейшей судьбе государства. Тем не менее, государство Московское он, по не зависящим от него обстоятельствам, оставил после себя более сильным, подготовленным к успешному правлению Ивана III.

По свидетельствам современников, после получения увечья характер великого князя Василия Васильевича Темного резко изменился: «Зрячий он был самым государем... Это был человек ограниченного ума и слабой воли, но вместе с тем способный на всякие злодеяния и вероломства». Слепой великий князь был полон ума и решительности. Твердой рукой он правил Русью.

***

Иван III Васильевич Великий — великий князь московский с 1462 года, второй сын из семерых сыновей великого князя московского Василия II Васильевича Темного от брака с боровской княжной Марией Ярославной. Родился в Москве в 1440 году. В 1446 году вместе с матерью встречал в Переяславле-Залесском отца, возвращавшегося из казанского плена. В том же году присутствовал с отцом на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре, когда Василий II был схвачен удельным можайским князем Иваном Андреевичем. Верные великому князю люди спрятали княжичей Ивана и его брата Юрия в монастыре, а затем отвез-

▲ Иван III Васильевич

▲ Иван третий разрывает ханские басмы

ли в село Боярово, вотчину удельных князей ряполовских, которые отправили их в хорошо укрепленный Муром и там охраняли.

В 1447 году семилетний Иван был обручен в Твери с пятилетней дочерью великого князя тверского Бориса Александровича Марией. После своего восстановления на московском столе Василий II Темный постоянно держал Ивана рядом с собой, будь то заседания в Боярской думе или выезды на богомолье, приемы иностранных послов, заключение договоров, стараясь приучить окружение и народ к мысли о своем преемнике.

В 1448 году Иван находился в войске, отправленном против казанского хана Мамутека. В 1449 году вместе с отцом ходил против Шемяки. С 1450 года упоминается как великий князь — соправитель отца во многих официальных грамотах. В 1451 году вместе с отцом ходил на север собирать войско для отпора рати ордынского царевича Мазовши. В 1452 году венчался с Марией Борисовной. В том же году ходил с войском на реку Кокшенга против рати Дмитрия Шемяки.

В 1454 году вместе с братом Юрием участвовал в охране рубежей на реке Ока от татарского царевича Салтана. В 1458 году у него родился первенец — сын Иван (Иван Иванович Молодой). В 1459 году снова находился на Оке во время попыток прорваться во внутренние районы Московского княжества хана Большой орды Кичи-Ахмата. В 1460 году опять был послан отцом на южную границу против татарского набега.

Главной целью для себя Иван Васильевич считал восстановление единодержавия в России. С самого начала своего самостоятельного правления он присоединял к Московской Руси одно княжество за другим. Над Рязанским княжеством он стал властвовать с помощью сестры Анны, которую выдал замуж за рязанского князя Василия. Некоторым княжествам Иван Васильевич сначала шел на уступки, давая им определенную независимость от великого князя.

Первые три года Иван Васильевич правил спокойно, не требуя ярлыка от хана на княжение, не выплачивая дани. Татарский хан Ахмат уже собрал войско против Руси, но тут в Орде разгорелись новые междоусобицы, и о непокорных русских князьях на время забыли.

Ахмат (Ахмед-хан) — последний хан Большой орды, правивший в 1459-1481 годах, сын Кичи-Ахмата, неоднократно пытался подчинить своей воле Русское государство и устроить там те же порядки, которые существовали во времена Батухана и Узбека. В 1468 году хан Ахмат напал на рязанские земли, сжег город Алексин, однако дальше продвинуться не смог. У Оки его войско встретили русские полки, и хан Ахмат не рискнул принять бой. В 1472 году, заключив соглашение с польским королем Казимиром IV Ягеллончиком, напал на русские земли, но вынужден был уйти обратно.

Сильный удар по Казанскому царству был нанесен в 1469 году. Русские полки дошли до самой Казани и обратили в пепел все, что могло гореть. Недалеко от Нижнего Новгорода русичи приняли еще один бой — с полками хана Ибрагима. Русские одержали победу. Это был первый памятный успех Ивана III Васильевича.

Второй успех — подчинение Великого Новгорода — имел, наверное, даже более важное значение, чем первый. На протяжении полутора столетий российские государи пытались лишить Великий Новгород (господин Великий Новгород) его знаменитой независимости. Новгородцы оказывали стойкое сопротивление Москве.

Бунтом 1471 года в Новгороде руководила вдова посадника Борецкого Марфа. Иван III Васильевич не раз посылал гонцов в Новгород, пытаясь договориться, но ответа не последовало. Великий князь прибег к военной силе. Война закончилась разгромом новгородского войска, а четырем зачинщикам были отрублены головы. Побежденным великий князь объявил свою милость, а взамен получил назад все захваченные Новгородом земли, отменил вечевые грамоты и взял с области 15,5 тысяч рублей.

Марфа-Посадница (Борецкая Марфа Семеновна) — глава партии новгородских бояр, враждебно настроенных к Москве. По словам летописца, эта «злохитрева жена» происходила из рода бояр Лошинских. Во втором браке была замужем за посадником И. А. Борецким, представителем древнего новгородского боярского рода, с давних пор стоявшего в оппозиции к политике московских князей.

Овдовев в 60-е годы XV века во второй раз, Марфа-Посадница сделалась самостоятельной владелицей огромного состояния, уступавшего своими размерами лишь состоянию архиепископа Новгородского и богатейших монастырей Новгородской боярской республики. Благодаря своему богатству она занимала и соответствующее положение в Великом Новгороде.

В 1471 году вместе с сыном Дмитрием Исааковичем, новгородским степенным посадником, возглавила враждебную Москве партию новгородских бояр, которая вела переговоры с великим князем литовским Казимиром IV Ягеллончиком о переходе Новгорода в подданство Литвы.

Новгородская IV летопись прямо обвиняет Марфу-Посадницу в сговоре с литовским князем Михаилом Олельковичем, дескать, она «хотячи замуж за литовского же пана королева... а с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею». В Шелонской битве между московской ратью и новгородским ополчением под командой Д. И. Борецкого новгородцы потерпели жестокое поражение, Борецкий попал в плен и был казнен. Марфа-Посадница и другой ее сын, Федор, продолжали враждебную Москве деятельность.

После присоединения Великого Новгорода к Москве в 1478 году Марфа-Посадница, по приказу Ивана III Васильевича, была арестована и вместе с внуком Василием (Федор, его отец, умер до того) выслана в Москву и пострижена в монастырь, а все ее имущество конфисковано. Большой вечевой колокол Великого Новгорода был доставлен в Москву.

В 1479 году (при окончательном покорении Новгорода) Иван III Васильевич заточил в монастырь новгородского архиепископа Феофила, а всех неблагонадежных новгородцев приказал выселить в Московское княжество. Так Господин Великий Новгород, считавшийся независимой народной державой,

▲ Марфа Посадница, картина К. Лебедева

▲ Софья Палеолог

был окончательно подчинен государю всея Руси.

В конце 1471 года Иван III Васильевич присоединил и Пермскую землю. Это событие чрезвычайно обрадовало государя, так как выход к Каменному поясу (Уральским горам) сулил России немало важных торговых выгод.

Важным политическим событием стал брак государя, заключенный в 1472 году с греческой (византийской) царевной Софией Палеолог, племянницей последнего императора Византийской империи (первая его супруга Мария Борисовна умерла в 1468 году). В Европе заговорили о России, о которой до этого времени знали очень мало. Многие государи захотели заключить дружественные союзы с Москвой.

Царевна София приехала в Москву 12 ноября 1472 года. Вместе с ней в Россию прибыли талантливые греческие художники, были завезены книги на латинском языке, которые пополнили церковные библиотеки, разоренные и сожженные татарами.

Традиции государева двора пополнились пышными византийскими обрядами Иван III Васильевич учредил герб Российского государства — двуглавый орел, взяв за образец герб Восточной Римской империи. С тех пор на одной стороне царской печати было его изображение, а на другой — московский герб: всадник, попирающий дракона, и надпись «Великий князь, божией милостью Господарь всея Руси».

Вокруг Москвы были собраны все небольшие уделы. Лишь Тверь и Рязань оставались великими княжениями, но они были полностью зависимы от Москвы.

Тверской князь, не желая попасть в зависимость от Москвы, заключил, было, союз с Литвой. Когда же государь послал в Тверь войско, он бежал в Литву и тем самым отдал бразды правления в руки великого князя. Собирание русских земель вокруг Москвы было завершено к 1485 году.

Ко времени правления Ивана III Васильевича Золотая Орда распалась на несколько ханств: Казанское царство, Большая орда, Крымское ханство, Астраханское ханство, Ногайская орда. Все они враждовали между собой и к Москве относились по-разному. Союзником русского государя был крымский хан Менгли-Гирей. Иван Васильевич постепенно прекратил платить дань Орде.

Поначалу, чтобы не испытывать унижения, вставая перед ханом на колени, Иван Васильевич всякий раз,

отменяя поездку, сказывался больным. Затем он просто перестал платить дань без всяких объяснений. Хан Ахмат был страшно разгневан. После того как в 1480 году Иван III Васильевич разломал и растоптал ногами ханскую басму, Ахмат с полчищами татар выступил против Москвы.

Басма (иначе пайцза) — слово, обозначавшее изображение татарского хана или его знак на золотой, медной или деревянной табличке, а также послание с ханской печатью. Пайцза (особая пластинка), выдававшаяся в XIII-XV веках татаро-монгольскими ханами лицам, отправляемым с каким-либо поручением, и служившая им своего рода удостоверением и пропуском по всей территории Золотой Орды. Выполнялась из золота, серебра, меди и дерева, с надписями или без них. Особо важным послам выдавалась золотая пайцза с изображением головы льва. Владельцы пайцзы пользовались особыми правами и льготами.

Хан Ахмат, заключив союз с польско-литовским королем Казимиром IV, осенью 1480 года двинул войско на Москву. Иван III Васильевич, в свою очередь, вступил в военный союз с крымским ханом Менгли-Гиреем (соперником хана Ахмата) и договорился с ним о совместном выступлении против Казимира IV. В январе 1480 года против Ивана III Васильевича восстали его братья — Борис и Андрей Большой, недовольные усилением центральной власти. Московская боярско-княжеская знать разделилась на две противоборствующие группы: одна была за объединение для борьбы с Ордой, другая — за отказ от борьбы.

Опираясь на поддержку первой группы, Иван III Васильевич направил войско под командованием своего сына Ивана Молодого и брата Андрея Меньшого на берега Оки и Угры. Перекрыв все вероятные пути вторжения монголо-татар, и используя «наряд» (артиллерию), русское войско в сражении 8-12 октября отразило попытки конницы монголо-татар с ходу форсировать Угру.

На самом удобном «перелазе», где через Угру можно было переправиться большими силами сразу, татар встретила русская рать во главе с Иваном Молодым и Андреем Васильевичем Меньшим. Два огромных войска сошлись лицом к лицу. На левом, русском, берегу Угры, против самого удобного для татар брода, выстроились московские лучники, были расставлены тяжелые пищали и тюфяки, в прибрежных зарослях притаились со своими легкими ручницами отряды «огненных стрельцов».

Воеводы постарались максимально использовать превосходство своего войска в огнестрельном оружии и не допустить переправы татар на левый берег, расстреливая их в воде. В татар полетели стрелы, ядра, картечь. Грохот пушек устрашающе действовал на врага, пороховой дым заволакивал берег, на котором позади пушек и стрельцов выстроились возле самого угорского устья конные полки дворян и детей боярских в доспехах, с саблями и ручницами, готовые в любую минуту обрушиться на прорвавшегося врага. Все попытки хана Ахмата форсировать Угру с ходу были отражены в четырех дневном сражении.

Ахмат стал ждать подхода войск Казимира IV. Чтобы выиграть время, Иван Васильевич вступил с противником в переговоры, которые длились до 20 октября. За это время он сумел договориться с мятежными братьями, укрепить позиции русского войска и подтянуть свежие силы (полки Бориса и Андрея Большого), после чего прервал переговоры. Хан Ахмат несколько раз пытался преодолеть Угру и овладеть русской позицией, но безуспешно.

Положение монголо-татар резко ухудшилось; с наступлением морозов их конница лишилась подножного корма, начались эпидемии, ощущался недостаток провианта. Нападение Менгли-Гирея на польско-литовские южные земли сорвало выступление войска Казимира IV. 11 ноября хан Ахмат начал отвод своего войска на юг, потребовав, однако, уплаты дани. Иван Васильевич ответил решительным отказом. Войско хана вынуждено было покинуть пределы Русского государства, так и не добившись цели.

В то время, когда хан Ахмат подходил к Угре, князь Ноздроватый-Звенигородский Василий Иванович вместе с крымским царевичем Нордоулатом (Нур-Девлетом) по замыслу великого князя Ивана Василье-

▲ Схема «Стояния на Угре»

▲ Стояние на Угре

вича на речных судах, проплыл вниз по Волге, разгромил оставшуюся без защиты столицу хана Ахмата — Сарай, разорил множество татарских улусов и вернулся в Москву с богатым полоном и добычей.

Оборонительная тактика, выбранная Иваном III Васильевичем и его воеводами, оказалась в данном случае самой правильной, поскольку наступательные действия русского войска, лишенного в Поле возможности использовать тяжелый наряд (артиллерию), не имели бы такого эффекта, да и татары, привыкшие к быстрым фланговым маневрам и атакам большими массами конницы, когда конные лучники наносили большой урон противнику, могли с меньшими для себя потерями добиться преимущества и в конечном итоге поставить в тяжелое положение русское войско, если не разгромить его.

На Угре русскими широко и весьма эффективно использовался наряд (артиллерия): ручная — пищали-ручницы и легкие тюфяки; станковая — пушки, длинноствольные пищали и тяжелые тюфяки, представлявшие собой короткие, стрелявшие «дробосечным железом» пушки, специально предназначенные для уничтожения противника, стремившегося в плотных массах быстро форсировать реку. Заблаговременно расставленные на «перелазах» тюфяки наносили самый большой урон татарам, то тут, то там пытавшихся прорваться на левый берег Угры.

Ордынская конница, лишенная возможности маневра, вынуждена была наступать прямо на русские пушки и пищали, неся колоссальные потери.

Военные действия русских войск в низовьях реки Угра (левого притока Оки) против войск Большой Орды в октябре — ноябре 1480 года получили название «Стояние на Угре» и «Угорщина».

Иван Иванович Молодой десятилетним мальчиком участвовал в походе отца против Казани (1468). С 1471 года упоминался как великий князь — соправитель отца. В 1471, 1476 и 1478 годах, когда отец ходил с войском к Великому Новгороду, оставался в Москве на ее охране и обороне. В Стоянии на Угре, когда хан Ахмат, пройдя вдоль русских границ, отправился к Угре, Иван следовал за ним. Иван III Васильевич, смущенный «мудрыми» советчиками, не знал, на что решиться. Приказал сыну ехать в Москву. Но Иван решил лучше навлечь на себя отцовский гнев, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушается, Иван III Васильевич послал приказание воеводе князю Д. Д. Холмскому: схватить силой молодого великого князя, привезти в Москву. Князь Холмский не решился употребить силу и стал уговаривать Ивана, чтобы ехал в Москву. И получил ответ: «Умру здесь, а к отцу не поеду». Он устерег движение татар, хотевших тайно переправиться через Угру и внезапно броситься на Москву; их отбили от русского берега с большим уроном.

В 1482 году «в Волохи» за невестой Ивана Ивановича Молодого ездило специальное посольство во главе с боярами: братьями А. М. Плещеевым-Булгаком, П. М. Плещеевым и Иваном Зиновьевым. В январе 1483 года Иван Иванович Молодой женился на дочери молдавского господаря Стефана III — Елене, что способствовало укреплению дружественных связей Руси с Молдавией. От этого брака остался единственный сын — Дмитрий Иванович Внук.

После смерти Ивана Ивановича Молодого, считавшимся признанным законным наследником престола, великому князю предстояло сделать нелегкий выбор между внуком и старшим сыном от второго брака Василием.

В 1485 году, присоединив к Москве Тверское княжество, Иван III Васильевич посадил там сына, по матери принадлежавшего к роду Тверских князей. В 1490 году Иван разболелся ломотою в ногах. В это время был в Москве лекарь Леон Жидовин, вызванный русскими послами из Венеции. Леон объявил отцу больного: «Я вылечу сына твоего, а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью».Ставил банки на ноги, давал снадобья… Но, все напрасно. Леон не вылечил сына, Иван умер. Лекаря схватили и после 40 дней казнили.

Силой оружия и дипломатическим искусством была утверждена независимость Русского государства от Большой Орды. Ознаменовав конец 240-летнего монголо-татарского ига, «Стояние на Угре» ускорило и процесс распада Большой Орды.

Авторитет русского монарха укреплялся грамотной внешней политикой. Немецкий император пожелал заключить союз с Россией. Иван III Васильевич отправил в Австрию посла с предложением основать дружественные посольства в обеих странах и просватать дочь великого князя за императорского сына. Государственный союз был заключен 16 августа 1490 года и просуществовал до июля 1493 года. Все это время государь ставил себя наравне с первым монархом Европы.

Для того чтобы двор русского государя, приемы в Кремле соответствовали европейскому уровню, России требовались немалые средства. Иван III Васильевич приказал искать в северных землях залежи серебряной руды. Такое месторождение было обнаружено в окрестностях Печоры. Иван III Васильевич был чрезвычайно доволен работой рудознатцев. С этого времени на Руси начали добывать медь и серебро и чеканить монеты. Тогда же появились и золотые деньги, а также первые медали.

▲ Памятник на Угре

Рудознатцы (иначе рудоискатели) это геологи, разведчики полезных ископаемых на Руси. Неизвестно, когда появились первые рудознатцы, но на территории современной России издавна велись поиски и разработка различных полезных ископаемых, о чем свидетельствуют сохранившиеся в различных районах многочисленные следы древних горных выработок и находимые для них орудия труда разных времен. К наиболее ранним горным промыслам относится добывание строительного камня, глины, минеральных красок, соли из подземных рассолов, железных (в основном болотных) и медных руд.

С образованием единого Русского государства наметилось ускоренное развитие горной промышленности в связи с возросшими потребностями в металле для военных целей и на внутренний рынок. На принадлежавших ранее Великому Новгороду землях продолжали развиваться железоделательное производство и связанная с ним добыча железных руд в районе Устюжны Железопольской, Олонца, в Каргополе (на реке Онега), в Карелии, близ Сумского посада, принадлежавшего Соловецкому монастырю. Значительно расширились и другие горные промыслы. Во многих местах (на Соловецких островах, по рекам Тотьма, Вычегда и Кама) действовали соляные варницы.

Во второй половине XVI века промышленники Строгановы развивали соляной промысел в районе совре-

менного Соликамска. В Астраханском крае добывалась самосадочная соль. В Карелии у Белого моря еще в XV веке добывалась прозрачная слюда (мусковит) для оконниц, служившая предметом торговли на европейских рынках. Добывались также минеральные краски, камень для построек, точильные и полировальные камни, речной жемчуг, аметисты у Кандалакшского залива.

Расширение горных промыслов на севере связано с деятельностью рудознатцев. Именно от этого времени дошли достоверные сведения о них. В 1491 году для поисков медных и серебряных руд в Печорский край был послан из Москвы особый отряд немецких и русских рудознатцев, среди которых был В. И. Болтин. Средневековые геологи обнаружили в Таманском кряже признаки медных руд. С конца XVI — начала XVII веков начинает быстро развиваться на базе местных руд железоделательное производство в Подмосковье, особенно в Туле.

В 1597 году посадский человек А. Бабинов открыл прямой путь в Сибирь из Соликамска — на Туру и далее на Тюмень. По этой дороге из Сибири шли слюда, минеральная краска. По новым путям вплоть до границ Китая проникали рудознатцы в поисках серебра и других металлов. Еще больших масштабов рудоискательство в России достигло в XVII веке.

В Москве в последующие годы были основаны также датское посольство и два азиатских. Дружественный союз Иван III Васильевич заключил и с Оттоманской империей. Не ослабевала связь русского государя с крымским ханом Менгли-Гиреем.

В целях безопасности государства Иван III Васильевич приказал заложить напротив Нарвы каменную крепость, назвав ее Ивангородом. Этим строительством были весьма обеспокоены ливонские немцы. В 1493 году они сами предложили России заключить мир сроком на 10 лет.

Вместе с датским королем Иван III Васильевич решил воевать со Швецией и объединенным войском осадил Выборг. Трехмесячная осада не увенчалась успехом. В сражении на финской земле была разбита семи тысячная шведская армия, а шведы в свою очередь заняли Ивангород. Правда, разорив город, они удалились. В марте 1497 года в Новгороде было заключено перемирие, окончившее русско-шведскую войну.

Пришло время вернуть русские земли, захваченные в разные годы Литвой и Польшей. Многие князья добровольно переходили под власть великого князя. Отчасти это было связано с принятием в Литве католической веры и нетерпимостью католиков к православным христианам.

Все чаще на границе Московского и Литовского княжеств возникали конфликты. Между Казимиром, королем польским и великим князем литовским, и Иваном III Васильеви-

▲ Княжеский двор

▲ Герб Русского государства

чем не утихала вражда. Когда же Казимир умер, Литвой стал управлять его сын Александр, а Польшей — Альбрехт. Иван III Васильевич выдал свою дочь Елену за Александра. Теперь враждовали они: Иван III Васильевич был постоянно недоволен зятем, включая даже выбор слуг, Александр же всегда упрекал тестя в том, что тот называет себя государем всея Руси, когда значительная часть русских земель находится под Литвой и Польшей.

Литовское духовенство усиленно склоняло Елену и других православных к принятию католической веры. Это и послужило основной причиной для объявления в 1500 году войны Литве. Удача в военных действиях была на стороне Москвы. Литовские владения таяли, а русское войско отвоевывало город за городом. Перемирие было заключено по настоянию литовцев сроком на шесть лет. Литва хотела вечного мира с Москвой, но Иван III Васильевич не принимал этого предложения, требуя, чтобы Смоленск и Киев были возвращены во власть русского государя.

4 февраля 1498 года совершилось первое коронование на Руси. Иван III Васильевич возложил на голову внука Мономахов венец (шапку Мономаха) и объявил Дмитрия великим князем московским, владимирским и новгородским.

В январе следующего года был раскрыт заговор бояр против Софии и Василия. Через некоторое время Иван III Васильевич изменил свое решение и объявил Василия великим князем Новгорода и Пскова. Дмитрий еще долго носил свой великокняжеский титул, но в 1502 году без видимых причин Иван III Васильевич запретил упоминать даже имя Дмитрия при богослужениях и признал великим князем всея Руси сына Василия. Чувствуя приближение своей кончины, Иван III Васильевич задумал женить сына.

27 октября 1505 года первый настоящий государь всея Руси умер. Похоронен Иван III Васильевич в церкви Святого Архистратига Михаила. В летописи не сказано о скорби и слезах, пролитых народом. Там есть только рассуждения о славных делах умершего и благодарность небу за такого самодержца.

Правление Ивана III Васильевича длилось 43 года. Территория государства увеличилась за это время в пять раз и составляла к 1505 году два млн. квадратных километров.

Время правления Ивана III Васильевича отмечены многими знаменательными событиями и славными делами наших предков. Государем была учреждена первая на Руси почта, в городах появились городские управы, было запрещено пьянство, существенно усилилось вооружение войск и боевая подготовка воинов.

Иван III Васильевич разгадал тайну самодержавия и стал земным богом для русских людей. Он оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, его населявшими, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью мы именуем нашим Отечеством.

***

Василий III Иванович в своем правлении продолжил дело Ивана III Васильевича: он следовал тем же правилам во внутренней и внешней политике, умел приказывать, ценил мир, но войны не боялся. Он походил на своего отца суровостью характера, действуя самовластно, с холодной расчетливостью и жестокостью.

Литовский король Александр был рад полученной вести о смене государя в России. Неопытность молодого русского правителя давала ему надежду на возвращение Литве утраченных земель. Но в ответ на предложение о мире на этих условиях литовцы получили решительный отказ и сообщение, что русский государь, владеет только собственными землями.

Затем Василий III послал грамоту Александру о своем восшествии на престол. Он признал жалобы литовских бояр на россиян несправедливыми и напомнил королю, чтобы он не настаивал на принятии его супругой католической веры. Василий был женат на дочери Юрия Сабурова (не боярин) — Соломонии, выбранной Иваном III Васильевичем из 1500 девиц, представленных для этого ко двору. Литовский король понял, что на русском престоле новый сильный государь и что ничего не изменилось в отношениях Литвы и России.

В августе 1506 года Александр умер, и Василий III предложил се-

стре (Елене — вдове Александра) попробовать убедить своих панов избрать его королем Литвы и тем самым объединить Литву, Польшу и Россию. Это было очень смелое предложение, и если бы оно было принято, то у Северной Европы была бы совсем другая история.

Василий III понимал, что только объединение в одну державу может примирить Литву с Россией. Елена ответила брату, что преемником Александра уже объявлен его брат Сигизмунд, который не хочет заключать вечный мир с Россией.

Василий III, досадуя на несбывшееся намерение править Литвой, предпринял поход на Смоленскую область, до сих пор принадлежавшую литовцам. Ряд сражений ни к чему не привел. Сигизмунд предложил мир Василию III.

Договор обязывал их жить в любви и доброжелательности, помогать друг другу против неприятелей. Король утвердил за Россией все приобретения в царствование Ивана III, а Василий обещал не вступать в Киев, Смоленск и другие литовские владения.

Василий III взошел на престол без пышных церковных обрядов. Он не выпустил из темницы коронованного племянника Дмитрия Ивановича. В 1509 году Дмитрий скончался и был погребен со всей пышностью, достойной царской особы. В это время в истории России появляется фамилия одного из самых знатных литовских вельмож Михаила Львовича Глинского-Дородного. Вместе со своими братьями Иваном Львовичем Глинским-Мамаем и Василием Львовичем Глинским-Слепым после конфликта с Сигизмундом он перешел под покровительство русского государя. Союзный договор между Литвой и Россией касался и их тоже: им разрешалось беспрепятственно покинуть Литву и въехать в Россию.

Василий III Иванович ждал послов хана Менгли-Гирея, чтобы удостовериться в союзе с ним, имевшем очень важное значение для России. Наконец, от хана было получено 16 грамот с клятвами жить в братстве с великим князем, вместе воевать и мириться с Литвой и татарами, с уверениями в тесной взаимной дружбе. В 1509 году был заключен и мирный договор с Ливонией сроком на 14 лет. В 1510 году Москве полностью подчинился Псков.

Мир между Литвой и Россией продолжался недолго. Правители не досчитались пленников, освобожденных с обеих сторон, Сигизмунд пожалел, что беспрепятственно отпустил Глинских. Взаимные упреки и претензии продолжались около трех лет.

К 1512 году обострились отношения российского государя и крымского хана Менгли-Гирея. Крымские татары из союзников превратились во враждебную орду.

1513 год был ознаменован сражениями с литовцами под Смоленском. Одержать победу над королевским войском русским помешала осенняя непогода. Русские полки отступили от городских стен.

С наступлением весны государь, следуя настойчивым советам М. Л. Глинского-Дородного, затеял новый поход к Смоленску. В результате смоленские бояре дали обет верности российскому государю. Закончилась литовская власть над Смоленском, продолжавшаяся 110 лет.

М. Л. Глинский-Дородный надеялся, что за заслуги его сделают наместником Смоленска, но государь только посмеялся над его словами. Глинский-Дородный задумал измену государю, но его связь с королем Сигизмундом была раскрыта, и боярина в цепях отвезли в Москву.

▲ Василий III Иванович

▲ Древняя Москва

С 1523 года строительством на казанской земле города Васильсурска началось решительное покорение Казанского царства. Все последующие годы своего правления Василий III Иванович воевал с татарами. Только в 1531 году казанский царь Еналей признал власть государя российского и стал его послушником.

Двадцать лет ждал великий князь рождения наследника, но его супруга Соломония оказалась бесплодной. В 1525 году церковь разрешила Василию развестись с ней. Соломонию постригли в монахини под именем Софьи в Рождественском женском монастыре, после перевезли в Суздальский Покровский монастырь, а Василий через два месяца женился на дочери умершего князя Василия Львовича Глинского-Слепого — Елене, которая стала матерью 25 августа 1530 года. У великокняжеской четы родился сын Иван, прославившийся в истории России как Иван Грозный.

По свидетельству летописцев, Василий III каждый день до обеда занимался делами. Двор его был великолепен. Государь приглашал в Россию иностранных мастеров, зодчих, лекарей, художников, искусных воинов. Он издал многие законы для внутреннего государственного устройства.

При Василии III были построены четыре каменные крепости: в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске. Был основан Новодевичий монастырь, закончено строительство храма Михаила Архангела, покрыты росписью собор Успения и церковь Благовещения.

Василий III Иванович умер 3 декабря 1533 года от огромного нарыва на ноге. Перед смертью великий князь принял схиму и объявил трехлетнего царевича Ивана наследником русского престола под опекой матери и бояр. Погребен Василий III в Архангельском соборе в Москве.

Василий III Иванович шел путем, указанным ему мудростью отца. Не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближался к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки. Он не был гением, был добрым правителем, любил государство больше собственного великого имени и в этом отношении достоин истинной, вечной похвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. ■

А.И. ПОКРЫШКИН

САМОЛЕТ НА ДОРОГАХ

Когда идешь на разведку, в полете все внимание сосредоточиваешь только на противнике. Наши позиции, все, что не относится к твоему заданию, проплывают под крыльями почти незамеченными. Память лишь на несколько минут фиксирует видимое, а надолго сохраняет лишь заданное ей. Из первого полета на Орехов я привез впечатление о противнике, своих войск в этом районе для меня словно не существовало. Но вот я снова лечу со своим ведомым Степаном Комлевым на Орехов... Утро. По долинам и балкам стоит, как вода, почти белый туман. Он низко стелется по земле, скрывая от взгляда с воздуха строения, дороги, деревья. На минутку представляешь себе тишину и свежесть осеннего утра в степном селе, но глаза ищут то, что принесла сюда война.

Мы летим вдоль дороги, идущей к Орехову от Полог. Теперь меня интересует все: войска и наши и противника. Обзор с воздуха помогает командованию составить представление о расположении сил, о линии фронта.

Вчера вечером мне нужно было уточнить, где находится противник; сегодня, хотя никто не ставил именно такую задачу, я сам хочу проследить, где наши войска, сколько их.

Перед вылетом мы условились с Комлевым о взаимодействии в районе разведки: если понадобится что-то рассмотреть, я снижаюсь один, он остается на высоте.

Балка, туман. Пикирую почти до самой земли. По дороге движутся на Орехов наши машины. Взмываю вверх и через некоторое время опять «зондирую» туман, застилавший долину. Снова наши войска. Значит, немцам не удается пройти здесь победным маршем. Будут бои!..

Еще одно пикирование у самого Орехова.

Немцы!

Они растеклись по проселкам, укрылись в посадках, садах. Куда ни бросишь взгляд — наткнешься на вражеский танк, на солдат, приметных по внешнему виду, на характерные по форме чужие машины и тягачи. Стараюсь запомнить, где, в каком месте и что обнаружил, разворачиваюсь. Чем скорей я передам штабам увиденное, тем ценнее для них мои сведения.

На обратном маршруте я еще раз пикирую к земле: нужно выпустить

Покрышкин Александр Иванович (1913-1985). Советский военачальник. Государственный и общественный деятель. Маршал авиации (1972). Трижды Герой Советского Союза. Родился 6 марта 1913 года в городе Новониколаевск ныне Новосибирск. В Советской Армии с 1932. Окончил Пермскую авиационную школу авиатехников (1933), Качинскую авиационную школу летчиков (1939), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1948), Военную академию Генштаба (1957). Во время Великой Отечественной войны был заместителем командира и командиром эскадрильи, помощником командира и командиром гвардейского истребительного авиаполка. С мая 1944 года командир 9 гвардейской истребительной авиадивизии. Участвовал в боях на Южном, Северо-Кавказском, 1, 2 и 4 Украинских фронтах. Легендарный сталинский сокол совершил свыше 650 боевых вылетов, провел 156 воздушных боев, сбил значительно больше 59 самолетов противника, официально ему защитанных. Нередко отдавал сбитые им самолеты врага на счет подчиненных (в основном ведомых), стимулируя их таким образом. Это было достаточно распространенным явлением. Покрышкин проявил себя во всем блеске таланта умелого воздушного бойца и мастера тактики. Его тактические приемы для патрулирования воздушного пространства, такие как «Скоростные качели», «Кубанская этажерка», и использование наземных радаров принесли советским ВВС первую большую победу над люфтваффе. Особенно он отличился в период воздушных сражений на Кубани 1943 году, показав себя, умелым организатором и новатором в развитии тактики воздушного боя. Многие тактические приемы, в том числе формула победы в воздушном бою «высота — скорость — маневр — огонь», разработанные и с успехом осуществлявшиеся им и летчиками полка, стали применяться и в других авиационных полках. Мастерски владел тактикой воздушного боя на вертикалях и способом «свободной охоты». За успешное командование полком, 354 боевых вылета, 54 воздушных боя, в которых он лично сбил 19 самолетов противника, за героизм и мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза. За 455 боевых вылетов, 30 лично сбитых самолетов противника, за самоотверженность и отвагу он был награжден второй медалью «Золотая Звезда». В воздушных боях над Прутом, Яссами, в период Львовско-Сандомирской операции его искусство воздушного бойца, командира-организатора проявилось с новой силой. За доблесть и мужество, проявленные при выполнении боевых заданий А.И. Покрышкин первым в нашей стране был удостоен третьей медалью «Золотая Звезда», 30 летчиков, которыми он командовал и которых обучал и воспитывал, стали Героями Советского Союза, а трем это звание было присвоено дважды. После войны занимал ответственные должности в Войсках ПВО. В 1968-1971 заместитель главнокомандующего Войсками ПВО Страны. С января 1972 председатель ЦК ДОСААФ СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2-9 созывов. Награжден 5 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, боевыми медалями и многими иностранными орденами. Умер 13 ноября 1985 года, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

по вражеским машинам реактивные снаряды, подвешенные под крыльями моего МИГа. Бить по машинам такими снарядами большое удовольствие. Можно хорошо поохотиться. Но почему ведомый резко спикировал вслед за мной?

Еще взгляд на высоту, и поведение ведомого становится понятным. За нами идет четверка «мессеров». Они, конечно, безошибочно приняли нас за разведчиков и попытаются сделать все, чтобы нас уничтожить.

«Мессеры» уже пристраиваются ко мне и к ведомому. Наша малая высота сразу поставила нас в затруднительное положение. Комлева атакуют. Я, дав мотору форсаж, резкой горкой иду ему на выручку. Очень хорошо, что не использовал реактивные снаряды, теперь они пригодятся. Стреляю по «мессеру» — снаряд оставляет ослепительную огненную трассу и исчезает в воздухе. Не попал! Но «мессер», увидев мою «маленькую ракету», шарахнулся в сторону. В хвосте у самолета Комлева другой вражеский истребитель. Достать бы его вторым снарядом!

Пуск. Второй снаряд тоже прошел мимо. Бью пулеметным огнем. Удачно. «Мессершмитт» задымил. Вспыхнув, он скрылся подо мной.

А где же Комлев? В трудные минуты всеми чувствами тянешься к напарнику. Я не успел осмотреться, как услышал удары по моему самолету.

В воздухе мотор машины чувствуешь так же, как собственное сердце. Слух сразу уловил перебои в его работе. Посмотрел на приборы — скорость падает. Теперь мысли только о том, чтобы подальше оттянуть от расположения вражеских войск. Немецкие танки стали в эти минуты непосредственной угрозой для меня. Если посажу самолет здесь, у Орехова, который еще виден мне, окажусь в плену.

Добивать поврежденный самолет, пока он не рухнет на землю, — к этому у врага особое пристрастие. «Мессершмитты», уверенные в своей безопасности, поочередно заходили и расстреливали дымящий, медленно терявший скорость и устойчивость самолет. Врагам, конечно, хотелось увидеть падение МИГа, взрыв, огненный столб. Но я еще мог бороться. Спустился ниже на сиденье, чтобы меня защищала бронеспинка, и стараюсь уклоняться от новых попаданий.

В эти горькие минуты я постиг одну методическую тонкость стрельбы немецких истребителей по моему самолету. Они сначала выпускали длинную очередь из пулемета, потом посылали несколько снарядов. Это открытие спасло самолет и мою жизнь. Услыхав, как тарахтят в бронеспинку пули, я отсчитывал эти удары почти так же, как толчки пульса, и улавливал момент, когда надо было, теряя драгоценную высоту, бросить самолет влево или вправо. Пушечная трасса проносилась мимо. Я летел дальше.

Три «мессершмитта» поочередно заходили и стреляли по мне, как по мишени. Я знал, что они не оставят меня, пока не увидят мой самолет на земле.

Орехов остался далеко позади. Я планировал над самой дорогой. На ней не было никаких признаков жизни. Значит, передний край находился близко. Но земля наша, здесь можно садиться.

Выскочил на железную дорогу. Вот будка обходчика. На лужайке

девочка пасет корову. Наверное, эта картинка отвлекла мое внимание — может быть, нервы не выдержали. Или немецкие летчики разгадали мою хитрость. Я услыхал взрыв снарядов. Управление отказало. Самолет пошел к земле. Он уже не подчинялся мне.

Грохот пролетающего надо мной «мессершмитта». Треск чего-то ломающегося под машиной. Резкое торможение тела, устремленного вперед. Удар о приборную доску. Мысль о том, что я забыл снять очки. Боль. И — провал в бездну...

По моему самолету продолжали стрелять «мессеры». Они, конечно, хотели, чтоб сгорели самолет и я. Но жизнь полна удивительных противоречий. Именно стрельба по моему МИГу и гул моторов «мессершмиттов» спасли меня от гибели.

▲ А.И. Покрышкин, 1941

Сильные звуки вывели меня из обморочного состояния.

Первая мысль была о том, что надо вылезти из кабины и уйти от самолета. Попробовал — нет сил подняться. А нужно, обязательно нужно перевалиться через борт.

Капает кровь... Может быть, именно вид собственной крови, стекавшей с лица на грудь, помог мне воспрянуть духом. Потрясшая меня мысль о том, что выбит глаз и что я свое отлетал, пробудила меня окончательно.

С трудом перевалился через борт, соскочил по крылу на землю и, пересиливая боль, побежал в сторону железнодорожной насыпи, к мостику.

Сзади разорвался снаряд. Я прижался к ложбинке и ожидал, когда вспыхнет самолет. Гудение нарастало снова — надо было быстрее укрыться. Очевидно, преследователи заметили, что я спрятался, и, покружившись, ушли на Орехов.

Где-то недалеко перестрелка и вой мин. Нужно выходить из укрытия. Вынул пистолет. Однажды я уже заряжал его для себя, теперь снова, но не надо торопиться.

Подошел к будке. В глубине двора стоит полная пожилая женщина. По мере моего приближения на ее лице усиливается выражение ужаса. Она закрывает его ладонями, плачет.

— Мамаша, здесь наши или немцы? — спрашиваю.

— Наши, сыночек, наши!

Как много смысла бывает в простом слове! Каким емким содержанием может наполняться оно! «Наши» — ведь это так много значит сейчас для меня. Кругом стало вроде бы светлее.

— Дайте мне воды умыться, — прошу хозяйку. Женщина быстро выносит ведро воды и прямо из него льет в мои ладони. Я плескаю себе в лицо раз, второй — и вдруг замечаю, что вижу обоими глазами. Мне хочется воскликнуть что-то радостное, но я только повторяю несколько раз подряд «хорошо».

— Та що ж хорошего, сынок, увесь у крови.

— Ничего, мать, кровь обмоется.

Главное, что глаз цел. Я с ними еще поквитаюсь.

И она радуется. Объясняет мне, где медпункт, спрашивает, голоден ли. Я же думаю о том, как поднять безжизненно распластанный на земле самолет, как вывезти его отсюда. По выстрелам нетрудно определить, что бой идет недалеко от будки. Задерживаться здесь нельзя.

На окраине села я увидел наших бойцов с оружием в руках и в касках. Они провели меня по ходу сообщения на свой командный пункт. Командир стрелкового полка, удерживавшего оборону у села Малая Токмачка, выслушал меня и пообещал выделить мне солдат и машину, чтобы вы везти самолет из-под обстрела, но вначале он послал меня на перевязку. Я пробовал отказаться.

— Связной, проводи старшего лейтенанта к медпункту! — приказал майор и приложил к глазам бинокль.

К сараю ближайшего двора подносили на носилках раненых. Их здесь было много. Перебинтованных размещали на повозках и увозили. Перевязку делали прямо посреди двора.

Я ждал своей очереди, смотрел, думал. Мимо меня пробегал какой-то человек в халате, давно утратившем свою чистоту.

— Летчик? — спросил он, остановившись, хотя по моей одежде и так было видно, кто я.

— Летчик.

— Пойдемте.

Я сделал несколько шагов за ним, как вдруг над нами прожужжал снаряд и тут же ахнул взрыв. Почти никто не обратил на это внимания. Я смотрел на осевший набок соседний дом. Из него через несколько минут двое солдат принесли мальчика лет восьми. Малыш был только в стареньких штанишках. Солдаты держали своими руками ребенка под мышки, и я сразу почему-то увидел синие, безжизненно повисшие детские тоненькие руки, затем лицо, удивительно спокойное, маленькое, бледное, с большими, широко открытыми глазами. В глазах не было ни слез, ни мольбы, ни ужаса, казалось, они только спрашивали всех нас, взрослых, на ком останавливались: «Видите, что со мной сделали? Зачем так сделали со мной?»

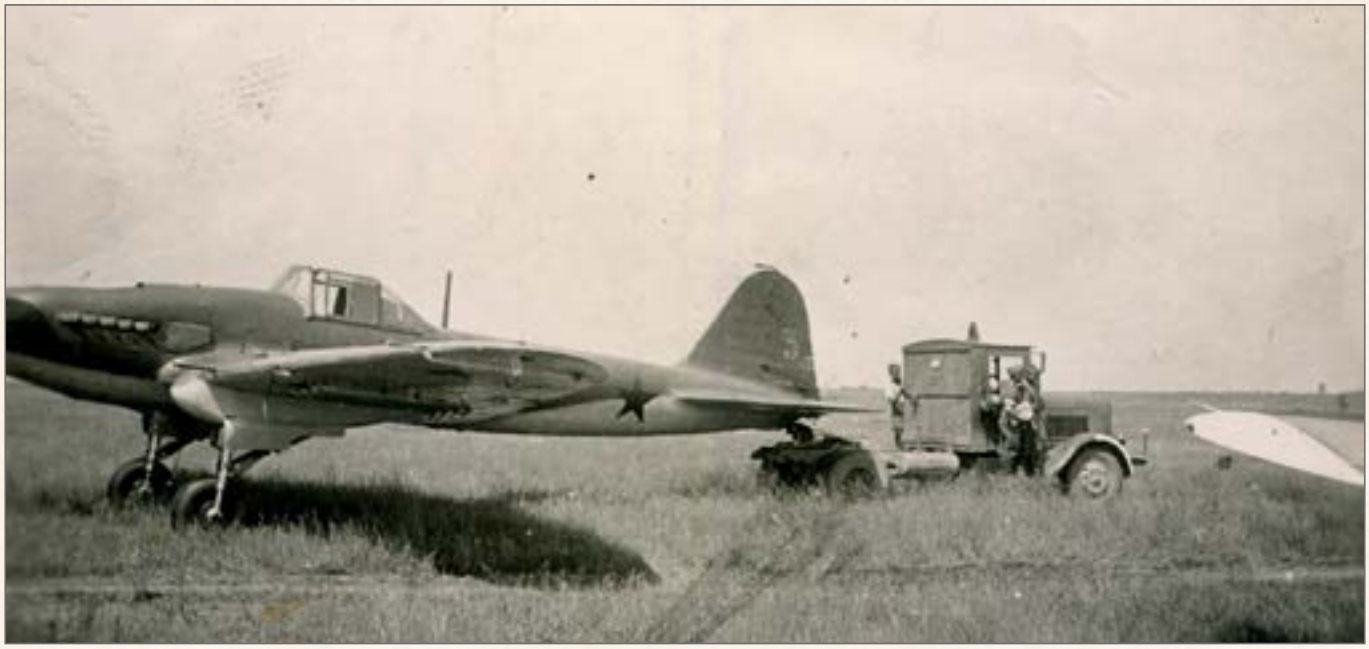
Я еле смог оторвать взгляд от его лица и тут увидел распоротый животик…

Много я испытал за минувшие месяцы войны на фронте, потерял не одного своего друга. Мое восприятие крови, ран уже притупилось. Наверно, боль, гнев, жажда мести врагу до краев наполнили душу и не было уже в ней места для страданий. Да, это было почти так. Но когда я увидел этого мальчика, все во мне перевернулось. Такие потрясения очищают человека от всякого огрубения. Я забыл о своей никчемной ране.

Мальчика подхватили санитары и унесли в помещение.

Звук полета снаряда повторился, и снова ударил взрыв, ближе. Осколки просвистели над нами. Человек в халате, стоявший рядом со мной, схватился руками за свою ногу. Я увидел на нем пробитый сапог.

Забинтовав руку, я возвратился к командиру полка. Там шел неутихающий бой, рвались снаряды, трещали пулеметы и автоматы.

Вскоре атака немецкой пехоты была отбита. Командир полка положил бинокль и повернулся ко мне. На его уставшем, черном от пыли и загара лице мелькнула улыбка.

— Подлечился? Ну что ж, бери людей и укатывай свой самолет побыстрее, пока они приутихли.

Командир приказал сержанту, стоявшему возле него, взять солдат, автомашину и отправиться со мной.

Только мы подъехали к самолету, по нас открыли стрельбу вражеские минометы — очевидно, это место просматривалось противником. Пришлось спрятаться за будку и ждать вечера. Лишь с наступлением темноты мы взялись за работу.

В полете МИГ-3 легок и послушен. Одно движение ручки управления изменяет его положение, бросает в переворот. Лежащий на земле с убранными шасси, он тяжел и непокорен. Почти до полуночи возились мы, пытаясь поднять и поставить самолет на колеса, но нам удавалось только переваливать машину с одного крыла на другое.

— Пора возвращаться в полк, — сказал сержант, вспотевший, как и все мы, от стараний. — В три часа ночи мы снимаемся отсюда.

Услышав это, я уставился на него, меня охватила растерянность. Неужели придется бросить самолет?

Солдаты полезли в кузов машины.

Грузовик уже гудел мотором. Я, скованный безвыходностью, думал о том, что делать дальше.

«Пойду с этой частью! — решил. — Куда они, туда и я, пока отойдем подальше от Орехова». Схватив свой реглан, планшет, лежавшие в стороне, я тоже быстро залез в кабину.

По дороге снова думал о самолете. Покидать его нельзя. Как же я возвращусь в полк без своего оружия? Воинский долг, совесть не позволяли мне покинуть, поджечь или взорвать самолет, в котором был поврежден только мотор. На этом МИГе еще можно было воевать и воевать!..

Командир полка остался мной недоволен.

— Не можете поднять — сжигайте! — решительно сказал он. — Мы оставляем позиции.

Поджечь самолет — сейчас тоже было нелегкой задачей. Надо в темноте, под обстрелом возвращаться к нему, поснимать пулеметы, забрать с собой парашют... Иначе у меня не поднимется рука уничтожить свою машину. Но самая правильная мысль, кажется, и осеняет человека в наиболее трудные для него минуты. Почему я пытался поднять самолет на руках, чтобы выпустить шасси? Можно ведь подкопаться под него и таким образом поставить его на колеса! Конечно же, это и легче и быстрее.

— Ладно, — согласился командир полка. — Берите несколько человек, попробуйте.

Он, кстати, значительно подобрел ко мне после того, как мы вместе с ним в его землянке поужинали, поговорили о жизни, о войне. Да разве он мог не понимать меня? Я хотел того же, чего хотел он сам, — спасти самолет.

Мы уже были в машине, когда в темноту кто-то бросил:

— В двенадцать быть здесь!

Я выскочил из кабины и наткнулся на командира.

— Разрешите нам взять пару бутылок КС. Если не поднимем, тогда...

— Разрешаю.

— А если поднимем, товарищ командир, я прошу ваших солдат последовать со мной.

— Двигайтесь на Пологи. Мы отходим в том направлении.

— Есть! — Я схватил в темноте его руку и крепко пожал ее.

Это было прощанье с хорошим человеком. Его солдаты, наша машина и я в Малую Токмачку больше не возвратились. Нам понадобилось немного времени, чтобы сделать подкоп под самолет, поставить его на колеса, положить его хвост на кузов. Без промедления наш спаренный агрегат —

ЗИС и МИГ — двинулся по дороге на Пологи.

В ночном путешествии с самолетом на прицепе никому из нас не пришлось даже вздремнуть. Переезды, мосты, повороты, встречные машины — везде надо было осмотреться, предупредить, чтобы не задеть крыльями. Продвигались медленно, но без приключений. Только утром остановились у крайней хаты небольшого села.

Собственно, мы бы и здесь не сделали остановки, если бы не стадо коров. Оно двигалось, заняв всю дорогу. Мы вынуждены были подождать. Из кабины я увидел у ворот женщину. Наверно, она тоже выгнала со двора свою корову и смотрела, пока пастух пройдет дальше, за село. Я засмотрелся на нее, прислонившуюся к столбу, печальную.

— Вот бы попросить у нее чего-нибудь перекусить, — посоветовал сержант. Напоминание сержанта было своевременным: ведь со мной три человека, которые много потрудились, не спали.

— Доброе утро! — поприветствовал я женщину, приблизясь к ней.

— Здравствуйте, — тихо ответила она.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь покушать? Она все еще не шелохнулась и не сводила с меня своих грустных глаз.

— Найдется, — сказала она по-украински и вздохнула,- А вы, значит, оставляете нас? На немцев?

Я посмотрел на ее старенькие туфли с мужской ноги — мужа ли, сына.

— Кушать у нас всего хватит. Земля родила... Кому это все теперь достанется?

Ее глубокую грусть и задумчивость выражала не только поза — одинокая женщина-мать у ворот, — но и ее лицо, глаза. Она смотрела на нас, на наш самолет, на меня, перебинтованного.

Затем я увидел, как она повернулась, услышал, как она сказала: «Идемте. Зовите товаришив», как на ее ногах хлопали большие мужские туфли, но меня словно притянула к себе эта земля, словно приковали к ней тяжелые, как камень, слова этой женщины: «Оставляете нас».

Я обернулся и быстро пошел к машине. Шофер уставился на меня, ждал, что скажу.

— Поехали! Стадо прошло, не видишь! Поехали!

Машина двинулась дальше, мимо дворов. Да, мы действительно оставляли эти живописные, чудесные украинские села, этих трудолюбивых людей, добытые ими богатства, как оставили Молдавию, Прибалтику, Белоруссию, большие просторы земли русской... Знаешь это, помнишь об этом каждый день, где-то в душе эта мысль отложилась в скипевшийся ком злости, непримиримости к врагу, но сознавать это перед глазами простой женщины — жены и матери — невыносимо. Нет, я больше не зайду ни в одну хату, ни в один дом, пока не смогу прямо посмотреть в глаза женщине, ребенку.

— Не зайду!

Мы остановились уже за селом: надо было спросить у ребят дорогу. Они слетелись к нам, как воробьи, их вдруг собралось очень много. Один перед другим они старались объяснить нам, куда ехать, глазели на самолет. А солдаты между тем обнаружили в их руках пчелиные соты с медом.

— Где добыли? — уставился сержант на одного пацана.

— Там пасеку раздают людям.

— И нам можно?

— Берите наш, только дайте табаку.

▲ Покрышкин А.И.

Солдаты выменяли на махорку несколько сотов, и мы двинулись по указанной дороге. Вскоре под леском остановились, чтобы перекусить тем, что было. Подогрели в котелках соты, натопили меду, у солдат в мешках оказался хлеб, и завтрак удался на славу.

Среди дня мы въехали в Пологи. Кирпичные дома, улицы — я уже давно не видел этого. Остановились на площади и принялись за большую, крайне нужную работу: надо снять крылья и уложить их в кузов. Дальше с целым самолетом ехать было почти невозможно. Военные машины, колонны беженцев загромождали все дороги, того и гляди зацепишься за что-нибудь. Ключей нет, но есть молоток, зубила. Помощников хоть отбавляй — все мальчишки городка. Шутка ли, прямо среди площади разбирают самолет.

Когда работа подходила к концу, я спросил ребят, где у них больница: с глазом у меня творилось что-то неладное. Целый отряд мальчишек привел меня в госпиталь. Доктор, осмотрев рану, сказал сестре:

— Запишите его. Надо положить.

— Не могу, — сказал я. — У меня самолет.

— Где?

— Стоит на площади.

— Вы что-нибудь понимаете? — обратился к сестре врач. Пришлось объяснить все подробно.

— Что ж, хотите остаться без глаза, пожалейте самолет.

Такое категорическое противопоставление мне не понравилось. Я попросил врача перевязать рану и отпустить меня. Видя мое упрямство, он распорядился перевязать рану, сделать укол и удалился.

Девушки — медсестры и санитарки, обрабатывая рану, все еще уговаривали меня остаться в госпитале.

— У нас был вчера один летчик, — сказала сестра, отдирая присохший к виску бинт.

— Вчера? — переспросил я ее, вспомнив о Комлеве.

— Да. Мы ему оказали помощь.

— Он сейчас у вас?

— Нет, отправили дальше, в тыл.

— А нельзя ли узнать его фамилию?

— Почему же нельзя? Пойдите, девушки, посмотрите в книге эвакуированных.

«Неужели Комлев? Куда же он подался? Далеко завезут — скоро в полк не возвратится», — думал я, вспоминая подробности вчерашнего вылета.

— Тяжело был ранен?

— Легко. Сел за нашим селом. В комнату вошла санитарка.

— Лейтенант Комлев.

— Знаете его?- спросила медсестра. Я, наверно, вздрогнул.

— Вместе летели.

— Остались бы, залечили рану...

Нежно звучавший девичий голос, прикосновение ее рук, взгляд красивых голубых глаз проникали в мою душу. Но бинт уже тщательно затянут и завязан, шлем надет.

— До свидания, девушки!

— До свидания!

Медсестра улыбнулась, и я увидел ее чудесные белые зубы. Еще раз посмотрел в лицо.

Вышел из помещения и отчетливо услышал отдаленную артиллерийскую канонаду. Ребята поджидали меня за воротами.

— Поехали, — бросил я на ходу, приближаясь к машине. Моя команда — солдаты и сержант, стоявшие на земле, — не шелохнулась. — Что случилось?

— Не слышите? За Пологами дорога на Куйбышево уже перерезана.

Если бы можно было ехать на восток, от Полог наш путь лежал на районный центр Куйбышево, далее на Розовку, а оттуда к Володарскому, где базировался мой полк. Эти названия больших населенных пунктов, которые я уже помнил наизусть, обозначали прямую, хотя и дальнюю дорогу к своим. Их звучание как бы сокращало расстояние, отделявшее меня от своего полка. И вдруг все рушилось.

Как бы подтверждая только что услышанное от солдат, возле нас останавливались все новые и новые машины.

И главное — они подъезжали к нам уже не с той стороны, откуда мы въехали в город, а с востока. Кто-то из прибывших принялся рассказывать, как немцы подожгли шедшие впереди него машины. Я вспомнил о Комлеве, он был где-то там.

Нас окружали грузовики, повозки. Дальше стоять на месте было нечего.

— Заводи!

Я помнил о наступлении наших войск у Мелитополя. Следовательно, надо продвигаться на юг, чтобы там с войсками отступать на восток. У меня была карта, по ней нетрудно было определить, куда устремились немецкие дивизии и танки, если они уже обошли Пологи с востока.

К морю! — вот куда.

Чем скорее, рассудил я, проско-

чим к городу Осипенко, тем больше надежды на то, что пробьемся в Володарское.

Володарское... Оно теперь казалось мне недосягаемо далеким.

В Пологах наш ЗИС до предела загрузили попутчики. В те дни все живое неудержимо тянулось на восток, и, если этот поток встречал преграду, он немедленно отыскивал другое русло, и вся его стихийная сила устремлялась туда. В кузове нашей машины сидели раненые, бойцы, отбившиеся от своих частей, не дошедшие до фронта резервники. По одному их внешнему виду можно было определить, что этим людям уже досталось от войны немало, что у них было одно-единственное желание-пробиться к своим, отдохнуть, помыться, сбросить грязное белье, поесть вволю и снова идти в бой, хоть к черту в пекло! Такое желание, такая воля человека, потерявшего связь с родной частью, мне была теперь очень понятной. В первый же день мытарств по фронтовым дорогам я убедился, что стремление пробиться на восток и где-то там влиться в свои или новые части было тоже проявлением высокого человеческого духа. Обстоятельства нередко требовали от людей настоящего подвига. Они не имели ничего общего с паникерами, трусами, с теми, кто в подобной обстановке бросал винтовку в кусты, спешил облачиться в гражданскую одежду, заботясь только о собственном спасении.

К Верхнему Токмаку мы подъехали к вечеру и вынуждены были остановиться на самой окраине. Здесь только что побывали вражеские бомбардировщики. Горели хаты, на улице лежали разбитые повозки, лошади. Воронки от больших и малых бомб, казалось, еще дымились. Экипаж нашей машины и наши попутчики бросились подбирать разбросанное взрывом оружие. Я прихватил несколько гранат и полуавтомат, нацепил все это на себя, солдаты затащили в кузов ручной пулемет. На одной из брошенных сломанных повозок сержант-шофер обнаружил бутыль спирта и тоже под всеобщий гул одобрения водворил на машину.

В центре села стояло много военных грузовиков, тягачей, орудий. Я протиснулся сквозь беспорядочно забитую транспортом площадь к группе высших командиров, прислушался, о чем они говорят.

Черниговка, Андреевка, Володарское... Упоминание об этих селах мне сказало все. Никто из них не называл Мелитополя, Акимовки... Значит, наши войска в этом районе уже не наступают, а отходят.

Я вижу мощные орудия. Но на их лафетах и на машинах ни одного ящика со снарядами. По петлицам определяю, что здесь и пехотинцы, и артиллеристы, и связисты — все смешались. Каждый из них, отдельно взятый, обладает силой, готовностью сражаться, но вместе они просто обыкновенная толпа, которую объединяет одно стремление: двигаться на восток. Я тоже такой. Я тоже хочу немедленно уехать отсюда, чтобы

не быть отрезанным от своих, чтобы меня не накрыли здесь бомбы. Я не имею права задерживаться здесь долго. Поэтому я слушаю, стараясь определить, кто из них самый сильный, самый решительный, за кем можно было бы пойти на все опасности. Я решил, что буду держаться именно этой группировки войск, спаянной одним твердым намерением.

Совет командиров решил: выступаем завтра на рассвете.

Возвратясь к своей машине, над которой возвышался киль самолета, я увидел на ней еще больше солдат, чем было. Как только я сообщил им, что выезжаем утром, люди разошлись устраиваться на ночлег.

Мы тоже подъехали к незанятой хате. Во дворе увидели хозяйку. Сержант первым выпрыгнул из кабины, очевидно не полагаясь на мое умение завязывать контакты с местным населением. Нам, сидевшим в кузове, был слышен их разговор. Он начал издалека, о трудном времени, о том, что уже почти сутки он и его товарищи ничего не ели. Но хозяйка сразу разрушила все хитросплетения его речи:

— Ой, бидненьки ж мои! То заизжайте ж у двир. Оце тильки перед вечером бомбами таких гарних валашкив побыло. Наварю вам и нажарю. Ижте, бидненьки мои!..

Поужинали мы очень плотно и сытно. Я поручил сержанту распределить, кто и когда будет стоять на посту у машины, он повторил мое приказание и удалился. Попросив разбудить меня на рассвете, я, уставший, сразу уснул. Проснулся я сам и глазам своим не поверил: за окном уже стоял почти день. Машина так и стояла под хатой.

Одеваясь, бросился искать солдат. Неужели покинули меня?

Куда там покинули! Они все блаженно спали у соседей. Я начал их тормошить и ругать. Тут я понял свою роковую ошибку — бутыль-то со спиртом в хату не забрал, она оставалась в машине! Когда я уснул, они, орлы, пили-гуляли почти всю ночь.

Отчитал как следует виновников, пригрозил наказаниями, какие были в моей власти. Да что с этого? Потерянного времени не возвратишь. Машины, тягачи, броневички, стоявшие вчера на площади, на поддержку и дружбу которых мы рассчитывали, уже были далеко отсюда. А в утренней тишине отчетливо слышалась западнее и восточное Большого Токмака гулкая артиллерийская перестрелка.

Что делать? Как быть? Двигаться одному на восток -бессмысленно. Наскочат вражеские мотоциклисты, сразу перестреляют нас, и конец. Патронов у нас очень мало, людей всего пятеро.

Но терять время тоже нельзя. Решаю ехать до ближайшего большого села, расположенного западнее, — до Черниговки. Я запомнил рисунок этого села во время полета над ним: оно узкой полосой тянется по балке на много километров. Не может быть, чтоб там не нашел попутчиков!..

Ехали проселочными дорогами, вдоль посадок. Самолет мой грохотал на крутых поворотах, на переездах через канавы, на спусках. До чего дошло — мотаюсь с ним по степным оврагам... И неизвестно, выкарабкаемся ли мы с ним из этой дыры. Повсюду стреляют, и кажется, что эти звуки сплетаются над тобой, скрещиваются, а ты под ними словно в яме.

У крайних хат Черниговки мы увидели наших военных.

Сразу стало веселее. Я подошел к молодому артиллерийскому командиру, представился, сказал, кто я, откуда и что со мной случилось.

— Держись с нами, — сказал он, не глядя мне в глаза. — Мы ведем арьергардные бои, сдерживаем наступающие немецкие части.

По его тону не трудно было понять, что дела плохи.

— Вон там штаб укладывается. Свяжитесь с ними, — посоветовал мне командир.

Со штабными машинами, среди которых был и броневичок, мы выбрались на другую окраину села. Тут, у лесополосы, собралось уже несколько десятков машин, самоходных гаубиц, много солдат и командиров, по виду — преимущественно штабного народа. Стояли и совсем брошенные, с открытыми дверцами, наполовину «раздетые» грузовые автомобили.

Когда над нами появились вражеские самолеты, все убежали от машин и орудий в лесополосу. Но вот настала тишина, мы возвратились к колонне. Стоим, чего-то ждем. Я перехожу от одной кучки людей к другой, пытаюсь расслышать что-то более определенное о здешней обстановке, о намерениях командиров. Говорят, что днем никуда прорваться нельзя. Надо ждать ночи, собраться всем в один кулак и двигаться.

Ясно — будем ждать ночи.

А может быть, самим попробовать? Может, вся эта боязнь и суматоха лишь порождение паники? Может, там, южнее, тишина и спокойствие?

Осматривая брошенные грузовики, я заметил, что одна новенькая полуторка была совсем исправна. Горючее тоже есть. Позвал сержанта. Тот продул бензопровод — завелась. Теперь мы можем двигаться двумя машинами. Я сел за руль. Пассажиров сразу набежало и ко мне полным-полно.

Нет, стоять до вечера не будем, и мы отправляемся в объезд Черниговки. Немного проехали — увидели в лесочке «эмку», какую-то спецмашину. Завернули туда в надежде разузнать что-нибудь от начальства. Вижу, по дорожке между деревьями возбужденно прохаживается, скорее мечется молодой, красивый, статный генерал. Я спрашиваю, как можно добраться с моим самолетом до Володарского.

Он так подавлен своими заботами, так сосредоточен на чем-то, что некоторое время просто молча смотрит на меня невидящими глазами.

— Что за самолет? — вдруг обронил генерал. Я понял, что нечего мне было соваться к нему с такими вопросами. Он, видимо, ничего не знает о расположении наших и вражеских войск, как и я, и думает, наверно, сейчас о десятках, о сотнях своих бойцов, которых потерял, о том, как и куда ему вывести остатки дивизии.

Мне стало не по себе от взгляда этих невидящих, красных, воспаленных от пыли, недосыпания, а может быть, и слез, молодых глаз.

— Как мне быть, товарищ генерал? — все же решился я повторить вопрос, объяснив еще раз, кто я и чего хочу от него.

— Как быть?.. Вон там, ниже, в овражке, штаб ВВС. Пусть они советуют.

ВВС — это звучит знакомо и обнадеживающе. Значит, здесь штаб

какой-то армии, ибо только при армиях есть штабы военно-воздушных сил. Мне нужно увидеть авиационного командира.

В овраге — пепел сожженных бумаг, разбросанные противогазы, какие-то перевернутые ящики. Среди людей издали узнал по голубым петлицам авиатора. Это был полный, невысокого роста генерал-майор, дававший какие-то указания штабным командирам. Я так обрадовался ему и другим авиаторам, что не дождался даже окончания разговора.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор?

— Обращайтесь, — ответил он.

Я рассказал о своем путешествии с МИГом на прицепе. Генерал внимательно посмотрел на меня. В его спокойных, но уставших глазах я прочел одобрение того, что я делал до сих пор. Но он не высказал мне его.

— Знаешь что, старший лейтенант, — заговорил он, продолжая заниматься своим — запихивать в разбухшую полевую сумку какой-то сверток. По его голосу я почти догадался, что он скажет дальше. Генерал посмотрел сурово мне в лицо: — Если ты сам выберешься отсюда, будет очень хорошо. А самолет сожги.

— Понятно, товарищ генерал. Но тяжело... Свой МИГ.

— Сожги. С ним из окружения не выбраться.

— Есть сжечь.

Я отдал честь, повернулся и пошел, взбираясь по крутой тропинке. Только поднялся на гору, заметил в поле небольшую скирдочку.

Пламя охватило солому, загорелся самолет.

Я и моя команда смотрели на это грустное зрелище, пока остов МИГа не привалило жаром от соломы. Потом я вскочил в свою полуторку, сержант в ЗИС. Куда я хотел ехать, наверное, сам себе не отдавал отчета. Может быть, просто подальше от этого села, чтобы не видеть больше костра, не видеть беспомощных генералов, командиров, этих могущественных и никчемных сейчас гаубиц на гусеничном ходу.

Мы подъехали к стоявшему в отдалении ряду хат. Навстречу мчались повозки, запряженные лошадьми. Их было около десяти. Повозочные стояли на ногах и что было силы секли кнутами лошадей. Мы подвернули к одной хате, выступавшей к дороге.

Из погреба вылезла женщина и, пригибаясь, подбежала ко мне.

— Ой, що ж вы робите з нами? Як побачать же машину, спалять же нашу хату.

В воздухе свистели пули. Мы завели машины. Прижимаясь к садам, я поехал впереди. Надо было возвращаться к посадке, к скрытой стоянке. Через некоторое время я оглянулся, ЗИСа позади не было. Подождал у посадки. Сержанта я считал своим самым надежным попутчиком. Но теперь вспомнил, как он предлагал мне гражданскую одежду, рассказывал, что уже раз таким образом выбирался из окружения. Я тогда категорически отказался от его услуг и ему посоветовал идти вперед воином, смело смотреть в глаза опасности.

Знать, не дошли до него мои слова.

К стоянке, куда я вернулся, прибывали все новые машины. На одной из них я увидел много девушек. Присмотрелся к ним и узнал знакомую медицинскую сестру, которая перевязывала мне глаз. Значит, госпиталь оставлен, раненых тоже не успели вывезти. Что было бы со мной? А где теперь Комлев?

▲ Контратака

На моей машине сидит несколько десятков солдат. Они боятся оставить ее, ждут ночи. Я в кабине, думаю о том, какой трудной будет езда в темноте, а водить я умею плоховато. Встав на подножку, спрашиваю:

— Есть среди вас шоферы?

— Есть, — откликается боец.

— Иди сюда, принимай машину!

Шофер-солдат обрадовался такому случаю. Проверив мотор, скаты, он сел за руль и, с благодарностью взглянув на меня, улыбнулся.

— Пробьемся? — спросил я, чтобы услышать его голос.

— Вместе со всеми — обязательно! Нам бы только через Берду, через Каратыш... Берега у них крутые, я здешний, знаю.

— Раз лучше меня знаешь эту местность, тебе и руль в руки.

Солнце, просвечиваясь сквозь разрывы в облаках, опускалось в степи, за посадки.

Наверное, так бывает во время «психической» атаки: надо идти вперед, только вперед, не обращая внимания на свист пуль, на падающих рядом убитых и раненых товарищей. Побеждают те, кто не дрогнул, не повернул обратно.

Всех, кто был в овраге, в лесополосе, кто ждал ночи, чтобы прорваться на восток, пехотный полковник построил в колонну, разместил между машинами и дал команду двигаться вперед. Как только мы оказались на открытом месте, перед нами повисли осветительные ракеты, по нас ударили пулеметы.

Началось что-то кошмарное. Крики, стоны. Люди один за другим падают на землю.

— Вперед! Вперед! — надрывается полковник, размахивая пистолетом. Он бежит вдоль колонны, нагибается над упавшими, кричит: — Встать! Почему ползете, как скоты?! Идти надо, идти, разве не понимаете? Так прямо в плен приползете. Чтобы вырваться отсюда, нужно бежать, бежать!

Свистят пули. Рвутся мины. Движение застопорилось. Хочется обойти упавших, обогнать передних и броситься вперед. Я вышел из кабины и стою рядом с кузовом полуторки. Полковник подходит ко мне и кричит прямо над ухом:

— Летчик, а ну вперед, покажи пример!

— Хорошо, — ответил я, но тут же подумал, что за мной не пойдут и я окажусь один среди поля.

— Броневичок поедет впереди. Давай! — словно поняв мои сомнения, говорит полковник.

Подгоняю машину к броневичку, и мы, увлекая остальных, катим дальше, к лесополосе. Над нами вспыхивают ракеты. Светло как днем. Фашисты бьют спереди и с боков.

Стремление пробиться за посадку захватило всех. Никакого чувства страха. Знаем: за лесополосой все это должно кончиться. Только бы дойти...

Впереди уже показались черные тени. А вот и сама лесополоса. Бросаемся в нее, рассчитывая здесь укрыться, но на нас нажимают задние. Ревут машины, трещат деревья. Выскакиваю снова на поле и вижу: весь огонь сосредоточен теперь по тем, кто только выходит из Черниговки на открытую дорогу. Броневик покатил вдоль посадки.

Полковника здесь нет, приходится распоряжаться мне. Подзываю двух солдат с автоматами в руках.

— Просмотрите посадку, нет ли там немцев. Они уходят. Машины теперь выстраиваются вплотную. Среди них и моя. На ней полно людей.

Через несколько минут возвращаются наши автоматчики, докладывают:

— Все проверили, никого там нет. Броневичок разворачивается и едет влево, вдоль посадки. Машины следуют за ним. Я подбегаю к своей полуторке.

— Поехали.

— Не заводится, товарищ командир.

Колонна идет вперед. Мы остаемся одни, в темноте.

Солдаты прыгают из кузова нашей машины, догоняют других. Вся колонна теперь повернула туда, влево, я даже вижу ее в скупом свете молодого месяца.

Шофер приспосабливает насос, чтобы продуть трубку. Вдруг там, на бугре, слева взлетает каскад ракет и вспыхивает яростная пальба: строчат автоматы, пулеметы, бьют минометы. Загорается сразу несколько машин. Отсветы пожара разливаются по всему полю. Стрельба усиливается.

Слышу: мотор полуторки заработал.

— Давай вправо! Там чернеет лог, видишь?

— Вижу.

Вот так проверили... «Никого там нет...» На три шага отошли и вернулись... Струсили. Сколько жизней унес их обман!..

Теперь оставшиеся автомашины повернули за нами. Пешие тоже. Движемся без остановок, но единым потоком. Чувствую себя каплей в этой людской реке. Кто-то пробудил в людях чувство локтя и вселил в них презрение к страху. Кто? Невольно думаю о полковнике. Это он — пусть грубо и властно — поднял людей и не позволил им опустить руки.

На рассвете подошли к реке. Первыми переправляются артиллерийские упряжки. Но вот орудие перевернулось и потащило за собой лошадей. Погибли и все солдаты, сидевшие на лафете. Домой напишут — «пропали без вести».

Машины обходят глубокое место и прокладывают другой путь.

Ожидая очереди у переправы, я прислушиваюсь к разговорам:

— Один генерал застрелился под Черниговкой.

— Жалко девушек. Всех автоматчики перебили.

— Куда мы едем?

— На Володарское.

...Днем нашу колонну еще раз обстреляли немецкие мотоциклисты. Подъехали к Володарскому. Дорога проходит у самого аэродрома. Там ни одного самолета. Куда улетели? Никто не знает. Заехали в поселок, может быть, узнаю что-нибудь о своем полке.

Но сначала нужно завернуть на аэродром и достать горючего. В баке бензина осталось очень мало.

На складе горючего не оказалось. Тогда я вспомнил, что бензовозы ездили заправляться на край леса. Там тоже была закопана в землю цистерна. Разыскал ее, открыл и обрадовался — она была наполнена первоклассным авиационным бензином!

Заправил машину, налил бочку про запас и стал думать: как поступить с оставшимся горючим? Ну конечно, сжечь, чтобы не досталось врагу. Но каким образом? Придумал. Отрезал шланг, смочил бензином, один конец опустил в бак, другой поджег и бросил.

На бешеной скорости мы помчались в сторону. Вдруг видим: стоят машины. Пока мы с солдатом искали бензин и заправлялись, их собралось в лесу очень много. Они растянулись почти до самого бензосклада. На грузовиках сидели люди. Хочу крикнуть им, чтобы убегали отсюда, и не могу: горло сдавили спазмы. Страшная картина встала в моем воображении.

— Поворачивай назад! — кричу шоферу.

На полной скорости несемся назад, к бензоцистерне. Шофер посматривает на меня, я на него. Оба понимаем, что играем со смертью. Последние секунды пути были похожи на воздушный бой. Успеем выдернуть шланг — спасем людей, себя, не успеем...

Уже виден дымок. Значит, шланг еще тлеет на поверхности. Подбежав к цистерне, я выдергиваю шланг из горловины и отбрасываю в сторону. На лбу выступают капельки холодного пота. Я радуюсь, что нас выручил счастливый случай, а точнее, собственная неопытность. Бензин, оказывается, сразу испарился, а резина тлела очень медленно.

Наш просчет обернулся удачей. Мы возвращаемся в лес, я разыскиваю командира колонны и докладываю о найденных запасах бензина. Туда направляются десятки грузовиков. Мы едем впереди, показывая дорогу.

Как только стемнело, колонна двинулась в путь, на Донбасс. Там, говорят, возводится линия обороны, значит есть и наши войска.

Это был еще один тяжелый переход. В некоторых селах уже стояли немцы, и мы вынуждены были пробиваться в обход по разбитым проселочным дорогам, вброд через реки, то и дело толкать машины. И все-таки к утру мы добрались до Старо-Бешева, где были наши войска.

В штабе ВВС, который находился в этом же селе, мне сказали, что наш полк базируется западнее Ростова. Я немедленно отправился туда на своей полуторке. На прицепе тащил еще легковую, а в кузове вез палатки и колья. Все попутные машины обязаны были что-то эвакуировать в тыл.

Не доезжая до Таганрога, остановился в станционном поселке переночевать. Забираться в город на ночь было незачем: я видел, как к городу группа за группой шли немецкие бомбардировщики. Мое решение оказалось правильным. Только я устроился на ночлег в домике у элеватора, к нам постучали:

— Чья машина?

— Моя.

— Сейчас же уезжайте отсюда! А Таганроге немецкие танки, идут сюда. Мы будем взрывать элеватор.

Немецкие танки в Таганроге! Попал бы я ночью как кур во щи. Наверно, утром город был еще наш, а к вечеру все переменилось.

Прибыв в Ростов, я узнал, что и наш полк в эту ночь приземлился чуть южнее города. Там я и нашел его. Много я пережил за эту неделю, многое изменилось к худшему и на фронте. Но знакомые, родные лица однополчан, встреча с командиром, с Фигичевым, Лукашевичем, Селиверстовым, Никандрычем, Валей, дежурившей у телефона, снова вернули мне силы. Я увидел, что менялись только места базирования полка, а люди остались такими, какими были, — стойкими, выносливыми, честно и храбро выполняющими свой долг.

Виктор Петрович, пожимая мне руку, спросил:

— Что, Покрышкин, на самолет выменял полуторку?

— Почти так, товарищ майор. Тащил МИГ, пока было можно. Пришлось сжечь.

— А глаз цел?

— Цел, товарищ командир,

— Ну, хорошо. Были бы глаза целыми, чтобы видеть и уничтожать врага. Отдохни, подлечись и приезжай к нам. Полк перебазируется в Султан-Салы, ближе к немцам. Вот так, Покрышкин. Мы знали, что ты вернешься. Кто из летчиков уже ходил по земле, того сломить не так-то просто.

Разбитая бровь болела. Два дня я провел в санчасти, лечился, отдыхал, писал письма родным. Открывал и заветную тетрадь. На этот раз ее, как и остальные мои личные вещи, сохранили. Вспомнив населенные пункты, через которые проходил, хотел было записать их. Но потом решил, что Пологи, Черниговку мне не забыть никогда и без тетради.

...Лечение кончилось. Надо воевать! На той же полуторке, которая эти два дня стояла около санчасти, я уехал в Султан-Салы. На дороге встретились два потока: один — те же эвакуированные, только уже из русских придонских колхозов, другой — наши войска, идущие к фронту.

Войск было много, свежих, хорошо вооруженных. Таких сил я не видел еще за все месяцы войны. Чувствовалось, что под Ростовом готовится большое сражение.

На аэродроме в Султан-Салы я услышал тяжелую весть:

— Вчера похоронили Кузьму.

— Селиверстова? — машинально спросил я.

— Дрался с «мессерами» под Таганрогом... Упал недалеко от аэродрома... Похоронили там, на холме.

Его могила была видна от КП. Я пошел туда, чтобы своей рукой бросить на могильный холмик горсть донской земли.

Кузьма не много сбил вражеских самолетов, но скольким из нас он спас жизнь в воздушных боях! Скромный, застенчивый человек, прямой и честный товарищ, настоящий боевой друг.

Я постоял у свежей могилы с дощатым обелиском. Техник вырезал из дюраля звездочку и под ней, после фамилии, имени и отчества летчика, написал чернильным карандашом: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Сколько обелисков с такими надписями осталось на просторах от Прута до Дона! Я вспоминал о наших первых могилах у западных границ СССР. Эта, над которой я склонился, была самой крайней на востоке. Будут ли они появляться еще дальше, за Доном? Тяжело было думать об этом...

Возвратившись на КП, я попросил, чтобы меня сразу же послали на боевое задание. Виктор Петрович понимающе посмотрел на меня, сказал свое обычное «хорошо» и вдруг спросил:

— Ты что-нибудь слышал о летчике Посте?

— Читал о нем, товарищ командир.

— Знаешь, что такое глубина зрения? Я растерялся, не зная, что отвечать.

— Так вот, — продолжал Иванов, — человек определяет расстояние двумя глазами. Есть такие исключительные люди, которые могут это делать и одним. Но ты, Покрышкин, не одноглазый Пост, который прекрасно летал и над сушей и над водой. По крайней мере, нет нужды экспериментировать. Поезжай-ка ты на своей полуторке за Дон и организуй там переучивание молодых летчиков на МИГ-3. Они у нас летают на «чайках» и на «ишаках», а нам могут подбросить и новенькую технику.

Я не соглашался. Школьным, тыловым душком отдавало от этого задания. А мне хотелось воевать, сражаться. Виктор Петрович тем же спокойным тоном продолжал:

— Сначала денька три-четыре порассуждай с ними по теоретическим вопросам, поделись опытом, свои выводы преподнеси. За это время глаз подживет, и тогда ты с каждым полетаешь. Словом, хорошо получится. Так что не капризничай. Кому-то ведь надо готовить молодежь.

Я пожал Виктору Петровичу руку. Простился с друзьями и поехал машиной на задонский аэродром. Со мной отправились Никитин, Труд, Супрун и пятеро совсем молодых летчиков, еще не нюхавших пороха войны. Второй раз мне пришлось взяться за подготовку летной молодежи. ■

ЕДИНАЯ НЕПОБЕДИМАЯ

Среди обыденности серой
Восходит на трибуну лидер,
Читает радужный доклад...
И за страницами не видит,
Что цифры с правдой невпопад.
Как невпопад слова с Россией
О том, что жизнь вошла в зенит...
Но лидер строит речь красиво
И верит в то, что говорит.
Коллеги не щадят ладоней,
Напомнив съезд КПСС...
Хотя другой плакат на доме,
Но в доме старый политес:
И то же чинопочитанье,
И демагогия, и лесть.
А я еще надеюсь в тайне
Счастливой Родину узреть.
А нам не так уж много надо:
Всего-то лишь – достойно жить,
Чтоб при зарплатах и свободах,
Когда твой голос слышит власть.
Чтоб было с нею у народа
Все вместе – радость и напасть.
Но в подрожание Союзу
В России партия одна.
Она не чувствует конфуза,
Что вновь единственна она.
И мнимая многопартийность
Нам обещает благодать:
Оказана меньшинствам
милость –
Присутствовать, а не решать.
Пока безмолвствует Россия,
Все будет так же...
Но скажи –
Откуда это в нас бессилье –
Жить по указке и во лжи?

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

НАША ИСТОРИЯ

С годами видно все заметней
Историю как исказили -
На Западе стремятся тщетно
Отнять Победу у России.
Канун Победы, поздравленья,
Парады, ленты, ордена...
Для ветеранов - день рожденья,
Ведь в жизни их была война.
Давайте вспомним как когда-то
За море на ладьях ходили,
Как были мы у стен Царьграда,
И щит к вратам его прибили.
Как рыцарям давали бой
И как жалели их нередко.
Как все мы связаны судьбой,
С победами далеких предков.
Три века ханские оковы,
Распад, почти разорены...
Потом на поле Куликовом
Решили мы судьбу страны.

Давайте вспомним про Полтаву,
Где бой мы главный дали шведам.
За жизнь мы бились, не за славу,
Вновь кровью оплатив победу.
Наполеон. Войска все ближе.
Москва в огне, но без оков.
Итог законный - мы в Париже,
Французы помнят казаков.
Сто лет - и эта же картина.
Война опять стучится в двери.
Царь предан, вся страна в руинах,
Грабеж, цинизм и нету веры.
И вновь война, вновь мировая,
Страданья, боль, порыв, отвага...
В Берлине павшем отдыхая,
Мой дед сидит у стен Рейхстага.
Уж сколько раз отпор давали,
Свои границы защищая,
А сколько раз нас предавали?
А мы всем верим, всех прощаем...